

Love Live
ЛАБРИНТЫ НАШЕЙ ЖЕЛАННОЙ

В ЛАБРИНТ ТАК ПРОСТО ЗАБЛУДИТЬСЯ...

Иногда отношения между двумя людьми похожи на лабиринт. Какое-то время мы идём, ни о чём не думая, словно плывём по течению. И вдруг — развилка, и никаких указующих камней. Никто не подскажет тебе, куда следует свернуть, чтобы достичь счастья. Никто не подскажет тебе верный путь, ведь жизнь не сказка. Только в сказке окружающие делятся на добрых и злых, в действительности же всё гораздо сложнее.

Но вот, наконец, ты принял решение. Сделал шаг вперёд... и уткнулся в тупик. Повернулся, чтобы пойти назад, а никакого «назад» уже нет. Там, позади, всё совсем другое... и нужно начинать новый путь.

Каким он окажется, этот новый путь? В лабиринте так просто заблудиться...

История Ксюши Мартыновой из «Я тебя не хочу».

- [Лабиринты наших желаний](#)
-
-

Лабиринты наших желаний

Эви Эрос

Твой лучший будильник — это ты сам.

Ксюша Мартынова знала это очень хорошо. Так же, как и то, что если твой начальник хочет тебя уволить, опаздывать на работу не стоит.

Желание своё он, конечно, не афишировал, да и Ксюша тоже молчала — проблемы ей были не нужны. Просто она уже седьмой месяц не представляла, что делать. Уходить в другую редакцию? Увольняться самой? Притворяться, что всё в порядке, и терпеть до последнего?

Она пока терпела. Просто потому что уволиться никогда не поздно, а уходить с насиженного за шесть лет места совсем не хотелось.

Будь проклят этот дурацкий новогодний корпоратив, на котором Виктор — заведующий редакцией, в которой работала Ксюша — выпил лишнего. Его поставили начальником всего полгода назад, и он решил расслабиться хотя бы на корпоративе, раз в остальное время дерут, как сидорову козу.

Водка и коньяк, громкая музыка, полутёмный коридор... Ксюша просто шла в туалет, когда почувствовала, что её схватили за плечо, прижали к стенке и пытаются поцеловать.

Своего начальника она узнала только после того, как дала ему коленом в пах. И потом ещё, извинившись, помогала ему выпрямиться и вызывала такси, чтобы Виктор мог уехать домой.

Женатый мужчина с двумя маленькими детьми... Какой позор.

Начальник вызвал Ксюшку «на разговор» сразу после новогодних каникул. Не мялся, тут же твёрдо заявил — мол, давай забудем, извини, я был пьян. Она не возражала. Конечно, забудем. Естественно, пьян. Бывает, чего уж там.

Вот только... с тех пор Виктор сильно изменил отношение к своей сотруднице. Давал самые сложные проекты, постоянно придирался, даже покрикивал. Коллеги смотрели на начальника с недоумением — с остальными-то он так себя не вёл.

Ксюша терпела. Сжимая зубы, работала, стараясь не отвлекаться на ставшую гнетущей атмосферу в редакции. Надеялась, что со временем Виктор успокоится и перестанет хотеть её уволить.

Впрочем... уж лучше «хотеть уволить», чем просто «хотеть».

Время обеда, как всегда, подошло неожиданно, и ознаменовалось жалобными завываниями в желудке. Ненароком взглянув на часы, Ксюша обнаружила, что выбилась из графика на целых пятнадцать минут. Не удивительно, что так хочется есть.

Быстро свернув все окна на рабочем столе — она терпеть не могла, когда кто-то пялился на её недоделанную работу — засунула в сумку мобильник и поспешила прочь из офиса, лопатками ощущая на себе взгляд Виктора. Он, конечно, ничего не сказал, обед положен по штатному расписанию, но если вдруг она потратит на него больше получаса — точно скажет.

Наверное, не надо было так думать, выходя из редакции. Как в воду глядела.

В холле оказалось пусто, и Ксюша, кивнув знакомому охраннику, нажала на панели вызова лифтов кнопку с цифрой 1. Через пару секунд двери открылись, и девушка вошла

внутри. Там никого не было, если не считать долговязой, почти на целую голову выше Ксюшки, девчонки-подростка. Девчонка не поднимала головы от экрана дорожущего айфона, по краям которого блестели розовые стразики.

Ксюша рассматривала свою соседку по лифту совершенно машинально — больше здесь нечего было рассматривать, если только стены глазами сверлить. Она сразу же поняла — девочка из обеспеченной семьи, и дело было не только в айфоне (который, прямо скажем, давно уже не признак состоятельности). Ксюша, выросшая в бедности, да и до сих пор с трудом сводящая концы с концами, безошибочно определяла тех, кто не был ей ровней. Вот и сейчас она прекрасно видела и дорогую футболку, и безупречные джинсы (точно не с рынка), и дизайнерские кроссовки. Видимо, девочка едет с верхних этажей — именно там, по слухам, располагались элитные квартиры. Больше неоткуда, не в офисе же она работает в свои молодые годы?

Двери закрылись, лифт поехал. Впрочем, ехал он недолго... Замер через пару секунд, издав какой-то странный и немного пугающий звук.

— Блин... пообедала, — пробормотала Ксюша, недовольно покосившись на панель, где гордо светилась цифра 1. Но увы — двери не открывались.

Девчонка наконец подняла голову от своего драгоценного телефона и испуганно огляделась.

— Ой, а почему мы стоим?

— Застряли, — вздохнула Ксюша.

— Как это? — удивилась собеседница. — Эти лифты разве застревают?

— Конечно. Все лифты застревают. — «Так же, как все люди тупят» — подумала про себя Ксюша, а вслух сказала: — Сломалось, видимо, что-то. Сейчас запустят, дело житейское.

На этом, с точки зрения Ксюши, вопрос был исчерпан. Вот только у её солифтницы оказалось своё мнение на этот счёт...

Сперва девчонка слегка позеленела, потом побледнела и начала хлопать ртом, как рыба. Затем прижалась спиной к зеркалу позади себя и стала медленно сползать на пол, закатывая глаза.

— Блин! — Ксюшка подскочила к панели и нажала на кнопку экстренного вызова. — Эй! Там кто-нибудь есть вообще? Запустите лифт, тут ребёнку плохо!

— Сейчас, — буркнули оттуда. — Чиним.

Выругавшись про себя, Ксюша подошла к девчонке. Та уже почти лежала на полу, тяжело дыша и заливаясь паническими слезами.

— Клаустрофобия? — Ксюша села рядом, приподняла «ребёнку» голову и положила её к себе на колени. — Я, конечно, не врач, но мне кажется, глазки тебе лучше закрыть. Давай-давай, ресницами не хлопай, закрывай. А я тебе песенку спою... колыбельную. Спи, моя радость, усни, в доме погасли огни, птички уснули в саду...

Удивительно, но девчонке явно полегчало. Она даже задышала глубже, отчётливее, и хрипы уменьшились.

Когда-то давно Ксюша ходила в музыкальную школу, где её учили петь и играть на гитаре. Петь ей нравилось, играть — нет. Гитару она забросила, а вот бросить петь так и не смогла. Да и слух с голосом у неё имелись.

— Ложкой снег мешая, ночь идёт большая...

Девчонка чуть улыбнулась и слегка порозовела. Видимо, ей нравилось. И Ксюша

продолжала петь, поглаживая свою случайную спутницу по голове.

Волосы у неё были тёмные, мягкие, почти детские, и пахли чем-то клубничным.

— Спят усталые игрушки, книжки спят. Одеяла и подушки ждут ребят...

Девчонка засмеялась, и Ксюша тоже улыбнулась. Даже жаль, что их из этого лифта скоро выпустят... Она бы не отказалась ещё посидеть, забыв о собственных проблемах. А как выйдешь из лифта — так они и навалятся всем скопом. И с Виктором придётся объясняться, почему она настолько долго обедает... кажется, уже больше получаса прошло.

Как раз когда у Ксюшки кончались колыбельные, лифт поехал вниз.

— Ох... починили? — обрадованно пискнула девчонка, распахивая глаза. И надо же — зелёные.

— Тс-с-с. Не каркай, не дай бог опять застрянем...

Но не застряли, доехали до первого этажа. А когда двери наконец открылись, Ксюша помогла своей собеседнице встать и за руку вывела её в коридор.

— Скорую не надо? — спросил один из рабочих в форме, стоявших тут же, возле лифта.

— Нет, — девчонка гордо вздёрнула нос и прошествовала мимо, потащив за собой и Ксюшку.

— Погоди-погоди... Мне не туда, я обратно в офис поеду. У меня обед закончился.

Кажется, ребёнок расстроился.

— А я хотела тебя поблагодарить...

— Ну давай завтра в кафе сходим, — примирительно сказала Ксюша. — Хочешь, я тебе позвоню, когда освобожусь? В обед или вечером.

— Лучше вечером, я часа в четыре только домой приду. У меня завтра танцы! — заявила девчонка, доставая телефон. — Диктуй номер, я тебе сейчас наберу!

Ксюша продиктовала, и когда её собственный мобильник зазвонил, внесла новую знакомую в его память.

— Тебя как зовут-то? — решила уточнить Ксюша, постеснявшись записать девчонку как «Лифт» или «Клаустрофобия».

— Настя, — ответила та и с какой-то непонятной гордостью добавила: — Настя Венчур!

Хм... Ну Венчур так Венчур.

— А я Ксюша Мартынова. Будем знакомы. И до завтра, я побежала.

— До завтра! — крикнула Настя и помахала Ксюше рукой, но она этого уже не видела — мчалась к лифтам, про себя молясь, чтобы Виктора не было в офисе, когда она вернётся.

Увы... кто-то там, наверху, не обратил на Ксюшину молитву никакого внимания.

«Будет буря», — подумала девушка, заходя в редакцию. Виктор сидел за своим столом и пялился в монитор с мрачным видом. На секунду поднял глаза, когда вошла Ксюша, но сразу же их опустил и сильнее нахмурился, явно посмотрев на часы в углу монитора.

«Море волнуется раз... море волнуется два... море волнуется три...»

— Ксюша!

Ну точно как по нотам. Она только и успела, что сесть на стул.

— Да, Виктор.

— У всех сотрудников обед длится полчаса, — с казал начальник ледяным тоном. — И только у тебя почему-то почти целый час. И в чём твоя исключительность, позволь узнать?

Галя Елецкая, соседка Ксюши по столу, пользуясь тем, что её от взгляда начальства закрывали большой монитор и полочка с книжками, красноречиво хлопнула себя по лбу,

изобразив позу фейспалма.

— Ни в чём, Виктор, — как можно спокойнее ответила Ксюша. — Я просто застряла в лифте и в итоге вообще не попала на обед.

— О-о-о, — с другого конца редакции подала голос Ольга Алексеевна, самый «старый» их сотрудник — ей было чуть за пятьдесят. — Я на прошлой неделе тоже застревала. Неприятные ощущения.

Ксюша усмехнулась, вспомнив Настю Венчур. Неприятные ощущения? Она не заметила. Это скорее сейчас были неприятные ощущения — из-за того, что она так и не поела. А теперь и не поест...

— То есть, ты не пообедала? — уточнил Виктор напряжённым голосом.

— Да. Не пообедала.

— Тогда сходи, купи себе что-нибудь в автомате, — произнёс начальник уже скорее раздражённо.

— Не могу. У меня налички нет.

Ответив так, Ксюша подумала, что вопрос исчерпан, и погрузилась в работу. Но оказалось, что не исчерпан...

Минуты три Виктор пыхтел, роясь в своей сумке. Потом наконец затих, но ещё через пару секунд встал и, подойдя к столу Ксюши, бросил прямо перед её носом горсть монет.

— На. Купи себе чего-нибудь, не ходить же голодной, — буркнул он, и пока она переваривала информацию, вышел из редакции.

Ксюшка скривилась. Лучше бы Виктор в неё плюнул...

— Чё там? — с интересом спросила Галя, отодвигая стул и косясь на горсть монет. — А — а-а... Презренный металл. Оригинальный способ поухаживать за девушкой...

— Окстись, — Ксюша скривилась ещё сильнее. — Начальство у нас женатое и с двумя детьми.

— Так-то оно так, — фыркнула Галя. — Только все уже заметили, что Виктор к тебе неровно дышит. Даже Вадим заметил. Да, Вадим?

— Угу, — буркнул со своего места Вадим — второй и последний мужчина в их редакции. — Тут и слепой заметит.

— Всё, — отрезала Ксюша, отодвинув монеты на край стола. — Хватит. Не желаю ничего слушать. Мне до этого дела нет.

— Ну конечно, — протянула Галя. И понизила голос так, чтобы слышала только Ксюша: — Дала бы мужику, он бы хоть угомонился...

— Я щас тебе дам. В лоб.

— Молчу-молчу... Но блин, Ксюнь! Он же тебя доведёт до ручки. В смысле писать придётся по собственному...

— Ну и напишу, — пожала плечами Ксюша. — Судьба, значит, такая. Всё, Галь, не мешай, мне тут вёрстку прислали, надо посмотреть.

Елецкая наконец заткнулась, а Ксюша, открыв присланный файл, уставилась на титульный лист невидящими глазами.

Оказывается, все уже заметили... А она-то надеялась, что ей это только кажется, и начальник просто немного чудит.

И монеты... Покупать на них ничего не хочется, а не купишь — обидится ещё, и совсем сгнобит. Вздохнув и так и не решившись ни на что, Ксюша спрятала деньги под листочком бумаги. Авань, пронесёт, и Виктор не спросит ни про них, ни про несостоявшийся обед.

На сей раз ей повезло — начальник молчал, и Ксюша спокойно доработала день. И ровно в шесть вечера, улучив момент, когда Виктор разговаривал по телефону, убежала домой.

В принципе, то, что она не успела пообедать, даже к лучшему. Через неделю Стася, лучшая подруга Ксюши, выходила замуж, и девушка копила деньги ей на подарок изо всех сил. Почти пятнадцать тысяч уже накопила... Для неё это была непосильная сумма, но всё же она справилась.

Последние четыре года, прошедшие с момента окончания института, Ксюша жила на съёмной квартире. Точнее, снимала она не квартиру, а комнату в квартире с хозяйкой. На это уходила треть зарплаты. Примерно одну четвёртую часть дохода Ксюша отправляла родной бабушке в Чебоксары — на жизнь и лекарства. А на оставшиеся деньги пыталась жить...

Она никогда не жаловалась, и даже ни с кем не делилась своими трудностями, в том числе и с бабушкой. Той и так пришлось несладко после того, так умерли Ксюшкины родители. Она тогда перенесла тяжёлый инсульт. Но переезжать в Москву к внучке под бок отказывалась категорически. И Ксюша периодически безбожно врала бабушке, утверждая, будто всё в порядке и она вполне счастлива. Не желала тревожить. И конечно, бабушка даже не подозревала, что случилось с её любимой внучкой восемь лет назад.

В квартире вкусно пахло какой-то едой, и Ксюшкин желудок, совершенно изголодавшийся за рабочий день, жалобно сжался.

Она повесила ключи на ключницу в коридоре, поставила сумку на банкетку и, переобувшись в домашние тапочки, посеменила на кухню.

— Хорошо, что ты уже пришла, — весело сказала Инна Васильевна, стоя возле шкварчащей плиты. — А я вот котлеток как раз нажарила. Будешь? С чесночком.

Вообще-то готовила Инна Васильевна не очень, по крайней мере на Ксюшкин вкус. Ксюшка не любила ничего жареного или жирного, и чеснок не очень уважала, а вот её квартирная хозяйка наоборот. Но сейчас девушке просто очень хотелось есть, и было всё равно, что именно закидывать в себя.

— Буду. Только руки помою.

— Это правильно... А я пока пюрешечку сделаю.

Пюрешечка... Боже, какое это, оказывается, вкусное слово.

На первых порах, начиная жить с Инной Васильевной, Ксюша с трудом её выносила. У женщины был явный прогрессирующий климакс, и как следствие, отвратительный характер. Она терпеть не могла громких звуков, не разрешала водить гостей, ворчала, если Ксюша приходила домой позже девяти вечера, и неважно, по уважительной причине или нет. Да и в целом была раздражительной особой.

Через полгода подобной жизни Ксюша решила съехать, и была крайне поражена, наткнувшись на сопротивление со стороны Инны Васильевны. Той, как оказалось, нравилась её квартирантка, и она не хотела, чтобы Ксюша уезжала. Пообещала вести себя скромнее и даже снизила плату. Правда, гостей водить всё равно не разрешала. Но Ксюше и не особенно были нужны эти гости. Куда их водить-то? В эту старую полуразвалившуюся квартиру? Да и... друзей у неё не так уж и много.

А ещё через полгода Ксюша и Инна Васильевна даже почти подружились. С тех пор так и существовали — в какой-то странной, недоступной для других людей гармонии. Но наверное, после подобных ситуаций все сближаются. Трудно не сблизиться...

Ксюша тогда решила дать шанс одному ухаждёру. Подумала: четыре года была затворницей, может, хватит? И ответила на ухаживания очень приятного молодого человека по имени Григорий, с которым познакомилась в холле офиса и который с тех пор стал подсаживаться к ней на обеде.

Гриша работал двумя этажами ниже и был действительно приятным в общении. Одно свидание, другое, третье... На четвёртом он не выдержал и стал недвусмысленно настаивать на сексе. «Мне нужно время», — сказала Ксюша серьёзно, и ей показалось, Гриша понял. Увы...

На восьмом свидании, выпив чуть больше положенного и взявшись проводить её до дома, Гриша вновь завёл разговор об их отношениях в горизонтальной плоскости. Ксюша ответила то же, что и раньше. Гриша замолчал, нахмурившись, а позже, когда они подошли к Ксюшкиной квартире и она открыла входную дверь, вдруг впихнул девушку внутрь, процедив «Ну хватит уже кобениться».

И неизвестно, чем бы дело закончилось, но, услышав шум, из кухни вышла Инна Васильевна. Сразу поняв, кто тут виноват, она долго размышлять не стала — схватила скалку и треснула Гришу по голове. Не сильно, но ему хватило, чтобы отпрыгнуть от отчаянно сопротивляющейся Ксюшки и зашипеть.

— А ну! — Инна Васильевна грозно потрясла скалкой перед носом у парня. — Сдриснул отсюда! И чтобы больше я тебя здесь не видела!

Повторять дважды не пришлось, убежал Гриша быстро. На следующий день попытался попросить у Ксюши прощения, но она отказалась с ним разговаривать и начала носить с собой электрошокер на всякий случай.

Вот так у неё окончательно отбили охоту встречаться с парнями...

— Ксюня! — заорала с кухни Инна Васильевна. — Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста! Слышишь?

— Слышу, — тоже крикнула Ксюша, вытирая мокрое лицо полотенцем. Быстро взглянула на себя в зеркало. Уставшее бледное лицо, брови широковаты, нос длинноват, губы пухловаты, а глаза так вообще — как две дырки от пуль на лице. Чёрные, зрачков не видно. И что они все в ней находят? Грудь, что ли? Она у неё довольно большая...

— Ксюня-я-я!

— Да-да, иду...

Котлеты были большие, пышненькие, пахнущие чесночком. И слегка подгоревшие с одного бока. Инна Васильевна скромно положила Ксюшке две штуки подгоревшими бочками вниз, и девушка, добравшись до этих мест, закопала остатки — или останки? — поглубже в пюре. Пюре выбросить можно, а вот несъеденные котлетки Инна Васильевна ей не простит.

После ужина желудок Ксюши в ужасе начал просить минералки, пришлось выпить целую бутылку «Ессентуков» и на всякий случай заесть её таблеткой активированного угля. Уголь, как и подорожник, никогда не бывает лишним.

— Я на следующей неделе в командировку, — сказала вдруг Инна Васильевна. — В Пермь.

— Далек, — заметила Ксюша меланхолично, выкидывая опустевшую бутылку в мусорное ведро.

— Да, не близко, — согласилась хозяйка квартиры. — Неохота... Но надо.

Инна Васильевна была представительницей почти вымершей ныне профессии

«инженер». В командировки она ездила редко, но метко — неделями отсутствовала. И как бы странно это ни прозвучало, но Ксюша даже скучала по ней в это время. С Инной Васильевной было как-то веселее жить.

— Что-то ты мутная, — хозяйка квартиры прищурилась, изучая Ксюшу. — Случилось чего?

— Да так, — усмехнулась девушка, наливая себе чай в кружку. — У вас, Инна Васильевна, нет знакомой ведьмы?

— Хм. Я похожа на человека, у которого в подругах может водиться ведьма?

— Не очень. Но вдруг?

— Вдруг бывает только «хрюк».

— Это называется «эвфемизм», — брякнула Ксюша, опускаясь на табуретку и, наткнувшись на удивлённый взгляд Инны Васильевны, пояснила: — Когда какое-нибудь слово в фразе заменяют на другое, более нейтральное. «Хрюк» вместо «пук», например.

Собеседница оживилась.

— А если «нефритовый жезл»? Вместо сама знаешь чего.

— И это тоже. Значит, нет ведьмы? — Ксюша вздохнула. — Жаль...

— А тебе зачем?

— Да отворотное купила бы у неё.

— Интересно, — протянула Инна Васильевна. — Девушки обычно просят приворотное, а ты отворотное собираешься. Не люб ухажёр?

— Угу. И женат.

— У-у-у.

— И с детьми.

— Вот козёл! — возмутилась женщина. — Нефритовый жезл ему оторвать!

Ксюша засмеялась.

— Это без меня как-нибудь. Из меня отрыватель жезлов примерно такой же, как забиватель гвоздей.

Инна Васильевна тоже захихикала, вспомнив, как Ксюша однажды решила повесить картину на стену, но в итоге картина так и осталась неповешенной, зато сама девушка скакала по квартире, словно горная козочка, со всей дури вмазав себе по пальцам молотком.

С тех пор ничего вешать или не дай боже чинить Ксюша не бралась.

— Ну а всё-таки. Чего делать-то будешь?

— Не знаю, Инна Васильевна...

— Эх, ты, — фыркнула хозяйка квартиры. — Не умеешь ты мужикам головы дурить, Ксюня. Учись, пока я жива. Найди себе мужчину, чтобы этого твоего... женатика отпугивал.

Ксюша чуть заметно улыбнулась. Она слишком хорошо представляла, чем может кончиться подобная авантюра... Виктор от неё всё равно не отстанет. И к списку поклонников можно будет прибавить предложенного «отпугивателя женатиков». Ну какой мужик откажется от добычи, если она сама плывёт к нему в руки? Правильно — никакой.

Единственный человек, которого Ксюша могла бы попросить сыграть роль своего мужчины, через неделю женится на её лучшей подруге, и портить им подготовку к свадьбе она не собиралась.

— Спасибо, Инна Васильевна. Я подумаю.

— Ну думай, думай...

На следующий день Ксюша взяла обед с собой и есть его отправилась в их офисную

кофе-зону. В результате на приём пищи было потрачено всего пятнадцать минут, и придаться начальству оказалось не к чему.

Нельзя сказать, что Виктор не пытался этого сделать. Но Ксюша была готова к атаке, и по любому его вопросу оказывалось, что она кругом молодец. И все работы в этом месяце вовремя сдаст, и на следующий месяц всё уже распланировано и отдано. Ни сучка, ни задоринки. И в конце рабочего дня Виктор, к удивлению Ксюши, сказал ей «Молодец». Ну надо же! Может, не всё так безнадежно?

В общем, Настя Венчур успела совершенно вылететь из Ксюшкиной головы. Но видимо, из Настиной головы Ксюша вылететь не успела — ребёнок позвонил сам ближе к шести часам вечера.

— Привет! — её жизнерадостный голос, как показалось Ксюше, был слышен на всю редакцию. — Ну как? Ты освободилась?

— Пока нет, — ответила девушка, покосившись на часы в углу монитора. — Ещё двадцать минут примерно.

— Ага! Тогда я тебя в холле первого этажа подожду, — заявила Настя и отключилась. Вот тут-то и выяснилось, что нет — безнадежно.

— А куда это ты собралась, Ксюш? — спросил Виктор громко со своего рабочего места. — Ты мне сегодня вечером понадобишься.

Галя рядом хихикнула. Да уж, прозвучало это двусмысленно.

— Для чего я тебе понадоблюсь? — поинтересовалась Ксюша, чуть слышно вздыхая. Началось в колхозе утро... то есть, в редакции вечер.

— Я хотел с тобой план обсудить.

— План? — девушка нахмурилась. — Но я же тебе по нему всё сказала ещё полдня назад.

— Перспективный, — ввернул Виктор, и Галя опять хихикнула. Ксюша хмуро на неё посмотрела: ничего, мол, смешного. Все знают, что перспективку можно вечно обсуждать, хоть весь вечер, ночь и ещё следующий рабочий день.

Перспективка — она как Вселенная или человеческая глупость. Бесконечна.

— Может, завтра? Не убежит же.

— Нет, сегодня, — отрезал Виктор. Больной...

— Сегодня я не могу. Предупредил бы заранее. Я о встрече договорилась, отменить не получится.

Скрип начальственных зубов разнёсся по редакции. Галя Елецкая, трясась от беззвучного хохота, упала на стол, а сидевший напротив Ксюши Вадим красноречиво вытаращил глаза.

— Ксюша. Так дела не делаются, — процедил Виктор. Она кивнула.

— Согласна. Но я всё равно сегодня не могу, извини.

— Да ладно тебе, Виктор, — подала голос Ольга Алексеевна, высовываясь из-за своей баррикады с лукавой улыбкой. — Я останусь, со мной сегодня обсудишь. А с Ксюшей завтра. Ничего же страшного, правда?

Перечить Ольге Алексеевне было трудно, да и чревато последствиями, поэтому начальство сдулось и нехотя согласилось.

Значит, казнь презренной Ксении Мартыновой назначена на завтра. Что ж... без боя она всё равно не сдастся.

Сияющая и счастливая Настя Венчур ждала Ксюшу внизу, уткнувшись в свой айфон со

страдами.

— Привет, — сказала Ксюша, подходя к девчонке. Та подняла голову от телефона и сразу заулыбалась ещё шире.

— Привет!

— Куда пойдём? Можно в «Гринфуд», это хорошее такое кафе неподалёку...

— А у меня тут появилась идея! — воскликнула Настя, хватая Ксюшу за руку. Девушка чуть вздрогнула, напрягшись: в нормальные идеи подростка верилось с трудом. — А давай пойдём ко мне!

— К тебе?..

— Ну да! Тут недалеко, на 54 этаже.

Ксюша нервно хихикнула.

— Высоковато...

— Нормально! — отрезала Настя. Видимо, боязнью высоты она не страдала. — Пошли? А пиццу на дом закажем!

«К подобной квартире больше подойдёт лобстер. Или чёрная икра», — подумала Ксюша. В любой другой ситуации она бы отказалась, но уж больно было интересно посмотреть, как выглядит квартира на 54 этаже бизнес-центра, где она работает. Какой дурак откажется от подобной возможности? Всё равно что в апартаменты Путина попасть.

— А я там никому не помешаю?

— Неа, — фыркнула Настя. — Папа на работе ещё. Давай, идём!

— А...

Но договорить Ксюша не успела. Ребёнок схватил свою новую знакомую за руку и потащил к лифтам. Не к тем, в которых обычно ездила Ксюша, а к другим, ведущим в?илые помещения здания.

— Слушай... а что ты вообще вчера в офисном лифте делала? — спросила девушка, сообразив, что именно она неожиданно поняла. — На нём же к тебе в квартиру не доедешь...

— В квартиру нет, — пожала плечами Настя. — А к папе в офис да. Тут на тридцатом этаже офис его компании, он меня попросил документы одни забрать.

— Что-то я вчера не видела у тебя никаких документов...

— А они на флешке были. А флешка в кармане, — девчонка покосилась на Ксюшу и засмеялась. — Ты прям как Шерлок Холмс!

— Я скорее Эркюль Пуаро.

— Это почему?

— Потому что маленький и пухленький.

— Пухленький? — Настя оглядела свою новую знакомую с ног до головы. — Да ну, нет. Знаешь, на кого ты похожа?

— На кого? — Ксюша сразу напряглась.

Как он тогда сказал... «Жирная овца», точно. Теперь уже не жирная, но овца по-прежнему. В смысле кудрявая.

— Есть такая модель — Дженни Ранк. Знаешь?

— Нет. — В моделях Ксюша не разбиралась.

— А зря! Ты на неё похожа. Только ты чуть похудее, кудрявая и глаза чёрные. А так прям вот одно лицо! Только она лесбиянка. А ты?

— Э-э-э... нет.

Этого ещё не хватало. Как будто ей мало проблем! В нашей стране человеком нетрадиционной ориентации лучше не быть.

— Это правильно! — кивнула девчонка, и тут двери лифта распахнулись.

Да-а-а... Уже в холле было так круто, что Ксюша сразу почувствовала себя маленькой и жалкой. Всё такое... в мраморе, пол как зеркало, ступить страшно. А на стенах деревянные панели декоративные, мозаикой выложенные.

Но рассмотреть всё Ксюшке толком не дали. Настя схватила её за руку и потащила за собой, как собачку на поводке.

Дверь была металлическая, и выглядела бы вполне обычно, если бы не была настолько чистой. В их подъезде таких дверей точно ни у кого не водилось... Один раз так вообще — рабочие пришли потолки размывать в будний день, и конечно, не предупредили об этом. В результате Инна Васильевна, вернувшись с работы, обнаружила, что её дверь из коричневой превратилась в белую. Женщину тогда чуть кондратий не хватил...

Здесь подобное, конечно, невозможно. Но тут и размывать нечего, пластик да мрамор...

— Заходи! — заявила Настя, распахивая входную дверь. Ксюша улыбнулась, чувствуя себя очень странно, и шагнула внутрь.

Тут же зажётся верхний свет. Сенсоры, наверное... И вообще всё здесь не как у людей. И пол — снова глянцевый! — без единого пятнышка, светлый такой, почти молочный. Ну кто в прихожей делает светлый пол? Это же безумие!

И мебель кожаная, искусственно состаренная... Или это не искусственно, а на самом деле антиквариат? В общем, в любом случае лучше не садиться.

Зеркало в тяжёлой витой раме. Рама металлическая, и металл похож на бронзу. Вряд ли это бронза, конечно... Впрочем, почему бы и нет...

А с другой стороны шкаф, который, как оказалось, только прикидывался шкафом. Настя что-то нажала — и дверцы разъехались. Внутри была целая гардеробная. Обычная штанга с плечиками тоже имелась, но ещё здесь были ящички и всякие разные выдвижные штуковины, увидев которые, Ксюше захотелось всё по-детски подёргать и повывдигать. Интересно же!

Настя бросила её сумку на большую кожаную банкетку, находящуюся внутри этого шкафа, закрыла его, а потом потащила Ксюшу дальше.

А дальше... Ох, как странно. Такое большое пространство, и почти пустое, хоть пляши. Нет, конечно, диваны тут были, и пуфы всякие мягкие, и стол длинный у окна. И даже растения в кадках... Большие такие растения в больших кадках. Но от того, что стены здесь были стеклянные, помещение казалось каким-то бесконечным.

Наверное, истинный рай для клаустрофоба. А вот Ксюше было очень не по себе... У неё, видимо, какая-то другая фобия.

— Здорово, правда? — Настя восторженно обежала помещение. — Мы сюда недавно переехали, и я всё никак не налюбуюсь! Класс, да?

— Ага, — кивнула Ксюша. Ей здесь совсем не нравилось, но не обижать же ребёнка? Тем более что это просто личный вкус каждого человека.

Единственное, что ей было по душе — это деревянный пол, по которому сразу захотелось походить босиком, и сама мебель. Она была строгая, не вычурная, без всяких глупостей вроде позолоты или резных прибамбасов. Очень красивого орехового оттенка.

— А пошли, я тебе кухню покажу! Там ваще-е-е!

Да... там действительно оказалось ваще-е-е. Чёрные блестящие шкафы без ручек — интересно, как их открывать? — белая столешница, белая же барная стойка, очень длинная, а перед ней высокие барные стулья, тоже чёрно-белые. Если бы не небольшая красная вазочка, стоявшая на столе, Ксюша подумала бы, что попала в чёрно-белое кино.

Холодильник, кстати, тоже был чёрный, блестящий, и без всяких магнитиков. Поневоле вспомнишь все виденные прежде, облепленные магнитиками из разных концов света... Но лепить магнетики на подобный холодильник казалось Ксюше кощунством. Слишком уж он хорош сам по себе. А ещё в него можно было смотреться, как в зеркало, так он блестел.

— Здорово, да? — Настя восторженно прыгала по кухне. — А ещё я тебе сейчас покажу-у-у-у такую штуку...

Но показать она ничего не успела — неожиданно у девчонки зазвонил телефон. И она, вынув из кармана джинсов свой айфон, поглядела на экран и сказала Ксюше:

— Подожди меня тут! Я ненадолго. Важный звонок!

Потом Настя куда-то убежала, а Ксюша, подумав, села на барный стульчик. Почему бы и нет? Выглядели они совсем не антикварно, хотя наверняка стоили больше, чем её месячная зарплата.

Ксюша посмотрела на столешницу прямо перед собой. Белая, и опять же глянцевая, ни пятнышка. Она осторожно дотронулась до поверхности пальцем — остался чуть видный след. Усмехнулась, сочувствуя уборщицам этого интерьерного чуда.

А потом услышала быстрые решительные шаги... и это явно была не Настя.

У Игоря был тяжёлый день, поэтому дома он собирался просто быстренько поесть и лечь спать — завтра денёк предстоял ничуть не легче.

Увидев в прихожей чужую сумку, он мысленно понадеялся, что Настя просто купила себе обновку, но, присмотревшись, заметил потёртости. Да и вещь была совсем не в стиле его дочери, слишком уж простая, строгая и... дешёвая.

Так что, заходя на кухню, Игорь был готов ко встрече с очередной «таинственной незнакомкой». Точнее, он думал, что готов.

Сидящая на барном стульчике девушка походила на всех прочих Настиных «подружек» так же, как оперная певица походит на звезду какого-нибудь молодёжного телеканала.

Явно не слишком высокая, с вьющимися волосами цвета тёмного шоколада и спокойными чёрными глазами, она на секунду заворожила Игоря. Потрясающая красота, не яркая, но глубокая, природная, и словно неиспорченная.

Ну да, неиспорченная — девушка была практически не накрашена. Да и одежда... джинсы и простая голубая футболка с абстрактным принтом. Не вызывающе, не пошло, не соблазнительно. Хотя... нет, соблазнительно. Джинсы обтягивали пышные бёдра, а футболка подчёркивала полную грудь. Впрочем, она так в любой одежде будет выглядеть...

— Добрый вечер, — поздоровалась девушка первой, вставая со стула. — Прошу прощения...

Боже мой, какой голос. Она должна шикарно петь...

Игорь внезапно разозлился на себя. Какое «петь»? Совсем сдурел.

— Ладно, — вздохнул он, подходя чуть ближе, возвышаясь над девушкой, как жираф над котёнком. — Извините, я ужасно устал. Поэтому давайте, выкладывайте, что вам от меня нужно, и уходите поскорее. А я подумаю над вашим предложением.

Она молчала, задумчиво его разглядывая. А потом вдруг негромко рассмеялась.

Когда он вошёл, Ксюша даже немного испугалась. Встретаться с Настиним отцом — а кто ещё это мог быть? — у неё не имелось никакого желания. Но раз уж они встретились, она хотя бы постарается не ударить в грязь лицом...

В этом мужчине, как и в Насте, Ксюша сразу же увидела человека не своего круга. Дорогой тёмно-синий костюм, белая рубашка, галстука нет. Очки в чёрной оправе, тёмные волосы, седые виски. И лёгкая небритость, которая ему только шла.

Интересно, сколько ему лет? И почему лицо кажется таким знакомым...

— Добрый вечер. Прошу прощения... — сказала Ксюша, вскакивая с барного стульчика. И после этих её слов мужчина будто бы очнулся. Сделал несколько шагов вперёд — и она сразу ощутила, насколько он высокий. Вздыхнул.

— Ладно. Извините, я ужасно устал. Поэтому давайте, выкладывайте, что вам от меня нужно, и уходите поскорее. А я подумаю над вашим предложением.

Что?..

Ксюше захотелось затрясти головой, чтобы упорядочить мысли, но это было не совсем прилично, и она сдержалась.

Несколько секунд никак не могла сообразить, что ей сейчас сказали, а когда сообразила...

Бедный... Видимо, подобное частенько случается. Приходишь ты к себе домой, а тут неизвестная девица на кухне, которая чего-то от тебя хочет. Значит, это он ещё вежливо с ней разговаривал... Инна Васильевна обязательно ввернула бы что-нибудь типа: «А ну, сдирнула отсюда!»

Вспомнив свою квартирную хозяйку и её любимое словечко, Ксюша негромко рассмеялась, и взгляд мужчины наполнился удивлением.

— Извините, — искренне повинулась Ксюша. — Я просто не сразу поняла, что вы имели в виду, а когда поняла... Я вам сочувствую, правда. Вы ошиблись, мне ничего не нужно от вас. Я сейчас же уйду, чтобы не мешать. Только... я не знаю, как открыть входную дверь. Выпустите меня?

Он рассматривал её лицо, и когда взгляд ненадолго задержался на губах, Ксюша почувствовала, что краснеет. Странно, с чего бы? Во взгляде этого мужчины не было ничего пошлого.

— Не нужно? — переспросил он с задумчивостью. — Тогда кто вы?

— Меня зовут Ксения. Я вчера застряла в лифте с Настей, сегодня мы договорились встретиться и...

Ксюша не договорила — мужчина внезапно расслабился, словно наконец разрешил мучавшую его загадку, и даже улыбнулся.

— Точно. Теперь я вспомнил, она ведь рассказывала. И разрешения спросила, можно ли вас в гости привести... Забыл, извините.

— Ничего, — ответила Ксюша вежливо. — Но я всё же пойду.

— Почему? — он поднял брови. — Оставайтесь. А где, кстати, Настя?

— У неё телефон зазвонил, и она ушла. Сказала, важный звонок.

— Ну да, важный, — мужчина фыркнул. — Это подружка её школьная, она сейчас в Крыму отдыхает. Каждый день перезваниваются, по часу болтают. Небось, забыла про вас...

А вы садитесь, не стойте. Вина хотите?

— Нет, — Ксюша помотала головой и в третий раз повторила: — Я пойду, вы же устали...

— Ерунда, — он взял девушку под локоток и усадил обратно на барный стул. — Вам красного или белого?

— Да не надо...

— А может, martini?

И тут Ксюша потеряла дар речи. Мужчина, взяв в руки невесть откуда взявшийся пульт, нажал на нём какую-то кнопку, и одна из стен отъехала в сторону, явив внутри себя нишу, заполненную разнообразными бутылками и бокалами. Ниша была с ярко-голубой подсветкой, и выглядело всё это настолько потрясающе, что Ксюша даже чуть приоткрыла рот.

— О-ох... Красота...

— Да, неплохо, — усмехнулся новый знакомый. — Ну, так что? Ещё коньяк есть. Но это вы, наверное, не очень любите. Давайте, я вам белого вина налью? Оно сладенькое и слабенькое, вам наверняка понравится.

— Наверняка, — улыбнулась Ксюша. — Тем более что я в винах вообще не разбираюсь...

— Зато я разбираюсь.

Он открыл бутылку, и она внезапно вспомнила...

— Простите... а как вас зовут?

Мужчина чуть вздрогнул и едва не разлил вино.

— Как меня зовут?.. Хм. Интересный вопрос.

Неужели? И что в нём интересного? Обычный вопрос.

— Игорь... Андреевич.

— Очень приятно, Игорь Андреевич, — кивнула Ксюша. — А я, как я уже упомянула, Ксения.

— Значит, за знакомство, — он улыбнулся, протягивая ей бокал, внутри которого игриво дрожало прозрачно-жёлтое вино. — И спасибо, что не бросили мою дочь в том лифте.

— Не за что.

Они чокнулись, и Ксюша поднесла бокал к губам.

Секундой спустя её вкусовые рецепторы взорвались. Боже... что это?! Вкуснота-то какая... Такой солнечный вкус, одновременно и сладость, и словно све?есть цитрусов...

— Нравится? — спросил Игорь Андреевич, лукаво улыбаясь, и Ксюша кивнула.

— Очень. А что это?

— Гевюрцтраминер. Французское.

— Ге... — она запнулась. — Нет, вряд ли запомню.

«Да и зачем мне запоминать? Совершенно лишняя информация с моими-то доходами».

— Я вообще-то больше люблю сухое вино. Но женщины, я знаю, предпочитают полусладкое или даже сладкое. А винограда хотите? Или сыра?

— Нет, спасибо. Не буду вас утруждать...

— Да мне вовсе не трудно.

— Нет-нет, не надо, — поспешила сказать Ксюша, понимая, что сейчас он ещё и сыр с виноградом достанет. — Я ничего не хочу, спасибо.

Игорь Андреевич понимающе кивнул.

— Стесняетесь.

— Конечно, — не стала отрицать Ксюша, и он, кажется, удивился этому факту. А что отрицать? И так же понятно. — Спасибо вам за вино и гостеприимство, но я пойду. Только... — она на секунду запнулась, раздумывая: спросить или нет. А, ладно. Спросит. — Я хотела узнать кое-что...

— Что? — мужчина чуть насторожился.

— Да ничего страшного, — она усмехнулась. — Просто мне всегда было интересно, как в таких квартирах с ванными. Тут же стены — это окна. Шторки вешают?

Игорь Андреевич встал с барного стульчика, отставил свой бокал и подал Ксюше руку.

— Пойдёмте, покажу.

Она сжала его ладонь и, соскочив на пол, вдруг оказалась как-то слишком близко к этому мужчине. Резко втянула носом воздух — пахло от Игоря Андреевича приятно, свежим таким мужским парфюмом, — и вскинула голову, всматриваясь в глаза за стёклами очков.

Серо-голубые. Обычные.

— А у Насти глаза зелёные, — сказала неожиданно даже для самой себя. Он улыбнулся уголками губ, тоже изучая лицо гостьи.

— Настя очень похожа на свою мать. В том числе и глазами.

— А... простите... где её мать?

— Умерла два года назад, — ответил Игорь Андреевич просто, и Ксюша, опомнившись, отпустила его ладонь, которую, как оказалось, до сих пор сжимала.

— Ох, извините.

— Ничего. Насте тогда пришлось очень тяжело, и клаустрофобия тоже в то время появилась. Я поэтому и решил на приобретение этой квартиры, очень уж ей нравилось в моём офисе...? вам как здесь, Ксения? Комфортно?

— Нет, — ответила она честно. Не смогла соврать.

— Понятно, — он засмеялся. — Мне тоже, по правде говоря. Слишком высоко. И всё время хочется открыть окно, но это невозможно.

— А сколько Насте лет? — спросила Ксюша, дивясь собственной смелости. А ещё она по прежнему стояла слишком близко к этому мужчине — её грудь практически упиралась в его рубашку.

— Тринадцать. Через пару месяцев исполнится четырнадцать.

— А... вам?

Это уж совсем наглость, конечно. Но Игорь Андреевич, кажется, не обиделся.

— Пятьдесят один.

Ксюшу отчего-то бросило в жар.

— Вы... моложе выглядите... — она сглотнула слюну, ставшую неожиданно вязкой и горьковатой.

— Спасибо, — он засмеялся. — А вам сколько лет, Ксения?

— Двадцать пять.

И даже неловко стало за эту свою молодость.

— Четверть века. А мне чуть больше половины века, — пошутил Игорь Андреевич. — Совсем иначе звучит, правда?

— Правда. Ужасно звучит, если честно...

— Да. Это любопытно... Ведь цифры-то одни и те же... Но мы с вами, Ксения,

заболтались. Пойдёмте ванную смотреть.

— Это не мы заболтались. Это Настя заболталась... — пробормотала Ксюша, когда её новый знакомый отошёл на шаг дальше и протянул руку, пропуская девушку вперёд.

— Точно, — Игорь Андреевич фыркнул. — Но... — он посмотрел на часы, светящиеся на кухонной плите. — Ещё минут пятнадцать, не больше. А потом Настя будет до-о-олго перед вами извиняться.

— Так, может, мне уйти сейчас? Пока не поздно...

— Нет уж. Вы ещё ванную не посмотрели и вино не допили.

— Если я допью вино, в ванную дорогу я точно не найду, Игорь Андреевич.

— Ничего-ничего, — рассмеялся он. — Я провожу... Ксения.

Игорь всё время ловил себя на мысли, что ему хочется прикоснуться к этой девушке. Нет, ничего такого — просто потрогать волосы, кожу на щеке, дотронуться до губ. И в то же время что-то внутри него противилось этому чувству, словно он был грязью, о которую Ксения могла испачкаться.

— Здесь три ванные, — объяснял Игорь, шагая по квартире вместе с девушкой. — Но они похожи, поэтому я отведу вас в самую большую. Остальные две в центре квартиры, там никаких окон нет. А тут есть.

Он распахнул дверь, впуская Ксению внутрь ванной комнаты. Тут же включился свет и заработал вентилятор.

Она с интересом оглядывалась по сторонам, особенное внимание уделив той самой белой шторке возле окна. Белой, правда, здесь была не только шторка, а вообще всё, исключая только огромное зеркало во всю левую стену — у него была чёрная рама.

— Боже, какая ванна... — прошептала Ксения очень тихо, но Игорь услышал.

— Какая? — не понял он.

— Большая, — она улыбнулась, оборачиваясь. Глаза её светились только любопытством — и ни капли жадности или зависти. — И угловая. Тут, наверное, даже вдвоём можно поместиться...

Осознав, что сказала, Ксения резко покраснела, а Игорь не смог удержаться от улыбки.

— Думаю, можно. Но я не пробовал.

Девушка чуть опустила голову, явно пытаясь справиться со смущением, и он решил её немного отвлечь.

— Скажите мне, Ксения... Вы, наверное, редко смотрите телевизор?

Она, кажется, удивилась.

— Да, — кивнула. — Даже не помню, когда в последний раз смотрела.

— Я так и понял. Иначе вы не спрашивали бы, как меня зовут. Тем более уже после того, как пришли в мой дом.

Девушка чуть нахмурилась.

— Извините, если я сделала что-то неприличное. Я не очень понимаю...

— Ничего неприличного, что вы. Просто я иногда... мелькаю в телевизоре. И информацию про меня можно было найти в интернете. Но вы к встрече не подготовились.

Ксения рассмеялась.

— Это ведь всего лишь встреча, а не какой-нибудь экзамен! Простите, что не подготовилась.

Игорь фыркнул.

— Прощаю. А вы кем работаете, Ксения?

— Я редактор. Самый обычный книжный редактор, — ответила она, улыбаясь. — Занимаюсь детской и подростковой литературой. Ну, в основном. А... вы? Кроме того, что мелькаете в телевизоре... Вы же по какой-то причине там мелькаете?

— Это бывает редко. А по какой причине... Я продюсер.

Брови девушки поползли вверх.

— А-а-а, теперь понятнее... — она подошла ближе и встала совсем рядом, вглядываясь в его лицо. — Да, наверное, я действительно вас где-нибудь видела однажды. Вы...

Ксения не договорила. За дверью раздался чуть приглушённый, но тем не менее громкий вопль Насти:

— ПА-А-А-П!

Ксения резко вздрогнула и подпрыгнула от неожиданности, а Игорь, дёрнувшись, рывком прижал её к себе, то ли побоявшись, что она упадёт, то ли... что-то ещё.

Его как кипятком окатило. По телу прошла волна чего-то жаркого, невыносимо горячего. И захотелось прижать Ксению ещё сильнее, вжать в себя, сделать своей.

Игорь выдохнул, не спеша выпускать девушку из объятий, а она не вырывалась, замерла, как дикий настороженный зверёк. И смотрела на него глазами, полными смятения.

— Простите, — шепнул Игорь и осторожно погладил Ксению по спине одной рукой.

— ПА-А-А-П! — надрывалась Настя уже чуть дальше.

— Н-ничего, — ответила девушка. — Надо выйти, а то она там... волнуется.

— Надо, — кивнул он, разжимая руки. — Пойдёмте.

Ксения улыбнулась, открыла дверь и шагнула за порог, а Игорь последовал за ней.

— Ой! — воскликнула Настя, увидев Ксюшу в компании со своим отцом. — Как здорово, что ты ещё не ушла! Я... извини, пожалуйста! Лиза там с мальчиком познакомилась, так интересно...

Настя чуть покраснела, опустила голову и смущённо посмотрела не столько на свою гостью, сколько на отца.

— В общем... я облажалась, да, пап?

— Точно, Настюш, — кивнул Игорь Андреевич с лукавой улыбкой. — И нет тебе прощенья! Так что теперь ты моя должница. Пока ты болтала по телефону, я Ксению развлекал. В следующий раз, когда к нам в гости придёт Михаил Леонидович и я отойду поговорить, ты останешься его развлекать.

— Не-е-ет! — ребёнок комично закрыл лицо руками и завыл.

— Да-да, — хмыкнул Игорь Андреевич. — Долг платежом красен.

— А что... — осторожно протянула Ксюша, боясь, что лезет не в своё дело. — Этот Михаил Леонидович... такой неприятный тип?

— Да нет, — засмеялся Настин папа. — Нормальный он тип, весёлый даже. Просто Настя его побаивается.

— Он странный. Мне кажется, он сумасшедший, — нахмурилась девочка.

— Он не сумасшедший, просто креативный. Михаил — креативный продюсер моей компании, — пояснил Игорь Андреевич, обращаясь к Ксюше. — Да, он странноват, но ему цены нет в том, что касается работы. Очень талантливый парень.

— Он не парень, он дядечка! — фыркнула Настя.

— Это для тебя он дядечка, — улыбнулся Игорь Андреевич. — А для меня парень. Я ему в отцы гожусь.

Ксюшу вновь бросило в жар. Что же это такое?!

— Всё относительно. Ты для меня ребёнок, а для какой-нибудь трёхлетней девочки — тётенька.

— Ла-адно, — протянула Настя. — Так... я заказываю пиццу или нет?

— Пиццу? — Игорь Андреевич поморщился. — Нет, спасибо, я хочу нормально поужинать, с утра на ногах, маковой росинки во рту не было. Ксения, вы рыбу едите? А то Настя у нас предпочитает непрожаренные стейки...

— Нет-нет! — испуганно вздрогнула Ксюша. — То есть, ем, да, но я пойду уже...

— Вы куда-то торопитесь?

Удивительный человек.

— Нет. Просто не хочу вам мешать.

— Ты не помешаешь! — воскликнула Настя, а Игорь Андреевич просто улыбнулся и сказал мягко, но настойчиво:

— Конечно, вы не помешаете, Ксения. Мне будет приятно, если вы поужинаете с нами. А потом мой шофёр отвезёт вас домой.

— Шофёр? — голос получился похожим на писк. — Не надо шофёра! Я сама доеду. Метро же ещё работает...

Он даже не ответил ничего, только чуть качнул головой.

— Значит, рыбу будете? Красную или белую больше любите?

— Вы серьёзно? — выдохнула Ксюша, наблюдая за Настей, которая, напевая, доставала из холодильника упаковку с соком.

— Абсолютно серьёзно. Перестаньте смущаться уже, ведь я сам вас пригласил, а не вы навязались. Ну, так что насчёт рыбы?

«А какая дешевле — белая или красная?.. Обычно-то белая, но он же наверняка необычную будет заказывать...»

В магазине, куда обычно ходила за покупками Ксюша, никакой красной рыбы сроду не водилось. Там продавали только замороженную треску или филе тилапии, которые на вкус, впрочем, почти не отличались друг от друга.

— Красную, — неуверенно ответила Ксюша, и Игорь Андреевич кивнул.

— Прекрасно. Садитесь пока за стойку, а я пойду позвоню и всё закажу. И вино допейте. Не выливать же его? — он озорно и немного по-мальчишески улыбнулся, а потом вышел из кухни.

Говоря «рыба», Игорь Андреевич сильно преуменьшал. Мало того, что там кроме рыбы был гарнир, так ещё и салаты какие-то, и закуски. И принесли всё быстро, даже часа не прошло.

«Время — деньги», — подумала Ксюша, накалывая на вилку кусочек сёмги. Этот самый кусочек просто таял во рту, ей даже захотелось проглотить его вместе с вилкой...

А ещё было стыдно. Вот за этот свой детский восторг, за то, как она наслаждалась едой, понимая, что это её последний шанс попробовать нечто подобное. Словно какой-то крестьянин, дорвавшийся до продовольственных запасов помещика.

А после Ксюше стало ещё стыднее, потому что Игорь Андреевич, презентуя салат, сказал, что он с крабовым мясом, и она обрадовалась.

— Ой, я тоже люблю салат с крабовыми палочками.

Настя хихикнула, а её папа, даже не усмехнувшись, пояснил:

— Ксения, это с настоящим крабовым мясом салат. Не с палочками.

— С настоящим? — протянула она растерянно, и мужчина кивнул.

— Да, попробуйте. Может, понравится.

Ей понравилось. Сладковатая мякоть, совсем не похожая на имитацию крабового мяса из обычного продовольственного магазина. Действительно очень вкусно... как и всё на столе.

Игорь Андреевич пытался налить Ксюше ещё вина, но она отказалась, отговорившись, что быстро пьянеет, а завтра на работу.

Настя хихикала, рассказывая про свою школу, подружку Лизу и танцы, её папа мягко улыбался, иногда осаждая дочь, когда она начинала слишком уж тараторить, и всё было бы хорошо, если бы Ксюше не было настолько неловко. Она чувствовала себя бомжом, внезапно попавшим в парфюмерный магазин, где в окружении дорогих и вкусно пахнущих духов тебе начинает казаться, что ты пахнешь ещё хуже, чем раньше.

Конечно, в её случае дело не в запахе, а просто в ней самой. Ксюша была лишней в этой квартире, она не принадлежала этому месту. Девочка с двумя парами джинсов — летними и зимними — и только одной парой зимних сапог не должна сидеть на кухне квартиры, чья стоимость больше, чем зарплата за всю её будущую жизнь.

И когда ужин закончился, Ксюша даже почувствовала облегчение.

— Погодите ещё двадцать минут, Ксения, — сказал Игорь Андреевич, взяв в руку свой телефон. Не айфон, но тоже что-то подобное. — Я вызову своего шофёра.

— Не надо шофёра, — она замахала руками. — Сейчас только десять вечера, я прекрасно доеду на метро.

— Вы прекрасно доедете и в моей машине, — ответил мужчина, и Ксюша неожиданно даже для самой себя повысила голос.

— Нет! Не прекрасно! Пожалуйста, не надо!!

Несколько секунд Игорь Андреевич смотрел на неё с недоумением, а потом улыбнулся и всё же отложил телефон. И Ксюша уже почти вздохнула с облегчением, когда он вдруг произнёс:

— Тогда я вас сам отвезу.

Час от часу не легче.

— Не надо. Отдыхайте, я совершенно не желаю вас утруждать, вы кучу времени на меня потратили. Мне и так неловко.

Игорь Андреевич уже открыл рот, намереваясь что-то сказать, но его перебила Настя, вдруг заявив:

— Пап! А тебе не кажется, что Ксюша прекрасно подошла бы на роль какой-нибудь ведущей в телепередаче? Она такая красивая!

Ксюша испуганно выдохнула.

— Нет. Не надо! Я не хочу!

Игорь Андреевич засмеялся, и Настя тоже захихикала.

— Ты так смешно пугаешься! А почему не хочешь? Это же круто!

— Наверное, — она смущённо покосилась на улыбающегося папу девочки. — Но не для меня. Вот Джеймс Кэмерон, например, в Марианскую впадину спускался. Для него это круто, а я бы со страху сдохла там в батискафе.

— А... — начала Настя, но Игорь Андреевич её перебил.

— Ладно, Ксения, уговорили. Я вам такси вызову. Такси пойдёт?

— Пойдёт, — выдохнула девушка, расслабляясь. Ура! Такси — не шикарная машина с личным шофёром. Такси как-то ближе к её реальности... — Спасибо большое.

— Не за что. Только адрес мне скажите.

— Зачем? — Ксюша опять напряглась, но тут же смутилась, поняв, какую глупость спросила.

— Для таксиста, конечно, — ответил Игорь Андреевич, засмеявшись.

Да... наверное, она славно развлекла его в этот вечер. Милая и глупая девчонка, которая не умеет отличать на вкус форель от сёмги. Настя как раз за ужином хвасталась об этих особенных умениях своего папы.

Ладно. Зато она умеет многое другое. Хотя состояние себе на этих умениях не зарабатывает... Предынфарктное если только.

У Игоря было какое-то странное послевкусие, оставшееся от этой встречи с Ксенией. И он никак не мог понять, в чём же дело. Ведь ничего особенного, просто юная девушка, совершенно неиспорченная. Он уже и забыл, что такие бывают.

Но деньги меняют людей, и Ксения наверняка изменится, если выйдет замуж за богатого мужчину. Познакомить её, что ли, с Михаилом?..

Нет. Ни с кем он её не будет знакомить. Пусть неиспорченное останется неиспорченным...

— Пап!

Настя стояла на пороге его комнаты и чуть хмурилась, глядя на отца.

— Да, котёнок?

Игорь называл так дочку только когда они были наедине. При посторонних она уже смущалась. Взрослела...

— Тебе она понравилась, да?

Он молчал несколько секунд, думая, как ответить.

— Конечно, котёнок. Хорошая девушка.

— Пап! — Настя насупилась сильнее. — Мама... она была бы не против. Она же говорила!

— Я знаю.

— Ну! Так что же ты! Ладно ещё, остальные три, которых я приводила... Они и правда были не очень.

Игорь засмеялся, качая головой.

— Настя... Не надо никого приводить. Я же у тебя взрослый, сам разберусь.

— Знаю я, как ты разберёшься! — она даже ногой топнула. — Работа-дом-работа-дом! Я ещё и тебя потерять не хочу! Отвлекись немножко, ну! Она же тебе понравилась, пап!

— Настя... — он вздохнул, усмехаясь. — Милая ты моя... Ты знаешь, сколько ей лет?

— Не, — дочка помотала головой. — Я знаю только, что она красивая и хорошая. И тебе понравилась.

— Ох, котёнок... Я её старше на две тебя. Двадцать шесть лет разницы — это много.

— Ну и что! Не наоборот же! Наоборот гораздо хуже! Почему Пугачёвой с Галкиным можно, а тебе нет?!

Игорь расхохотался, подошёл к дочери и обнял её.

— Дурында ты...

— Я не дурында! — буркнула она ему в грудь, тяжело и почти по-взрослому вздыхая. — Я просто хочу, чтобы ты был чуть счастливее. Сегодня ты был. И мне это понравилось! И маме, я уверена, тоже.

— Понимаешь, котёнок... Иногда счастье одного означает несчастье другого.

— Не умничай! Я тоже так умею, я всё-таки твоя дочь. Счастье — понятие относительное! И пока ты тут сомневаешься в себе, оно относительно тебя убежит к кому-нибудь другому.

Он фыркнул.

— Пошли ей завтра цветы, — сказала Настя, поднимая голову и глядя своему папе в глаза. — Ты ведь знаешь теперь её адрес. Ну пожалуйста, пап!

— Хорошо, — сдался Игорь. — Пошлю.

— Ура! — завизжала Настя, кидаясь обниматься.

Может, дочь права? Если бы можно было знать заранее...

Закрыв входную дверь, Ксюша какое-то время стояла в прихожей, прижавшись к двери, смотрела в потолок и просто дышала. Возвращаться с небес на землю всегда немного больно, но необходимо...

— Ксюнь, это ты? — из комнаты вышла Инна Васильевна, похожая на привидение в этой своей белой ночнушке в пол. — Ох, боже ты мой. Случилось чего? Ты что-то бледная.

— Нет, — Ксюша улыбнулась, отлипая от двери. — Всё нормально. Так... просто. Задумалась.

— Это о чём же?

— О том, что мне должно чертовски везти в азартных играх, Инна Васильевна. Когда так не везёт в отношениях, хоть где-то это может уравниваться? Справедливо, разве нет?

— Справедливо, — фыркнула хозяйка квартиры. — Только где её найдёшь в нашей жизни, эту справедливость? Я вот уже пятьдесят с лишним лет на свете живу, но так её и не нашла... Эх, Ксюня... Влюбилась ты, что ли?

— Наверное, да, — ответила она, чуть прикрывая глаза.

Ксюша никогда не любила обманывать себя, и сейчас не стала этого делать. Ещё в такси, проанализировав весь сегодняшний вечер, она призналась себе в этом очевидном и очень глупом поступке.

— Ох... Иди-ка ты лучше спать, девочка. Утра вечера мудренее.

— Хорошо, Инна Васильевна, — покладисто согласилась Ксюша. — Спокойной ночи.

Уже в комнате она включила ноутбук и набрала в строке поиска «Игорь Венчур».

Даже статья в википедии есть... Правда, без фото, но фотографий в интернете и так достаточно. И в целом куча информации об этом человеке.

«Игорь Венчур — российский теле- и кинопродюсер, учредитель группы компаний «ИВ? — Медиа» и её генеральный директор, член академии российского телевидения, член правления Ассоциации продюсеров кино и телевидения...»

Какое-то время Ксюша ещё читала — списки проектов, награды, какие-то куски из интервью. Даже нашла пару фотографий, где Игорь Андреевич был с женой, и Настя

действительно оказалась на неё очень похожа.

Но потом не выдержала и выключила ноутбук.

Не надо это читать. Всё равно ты его больше никогда не увидишь.

Теперь я знаю, как чувствовала себя Золушка, вернувшись с бала к своим половым тряпкам.

Но я не оставила на балу никаких хрустальных туфельек, и принц мой прекрасно знает, где я живу. Да и принц, честно говоря, давно уже не принц, а король. Королевы у него нет, зато есть принцесса. Прекрасная темноволосая принцесса с зелёными глазами.

В общем, это совсем другая сказка...

Правильно Инна Васильевна сказала — утро вечера мудренее. И утром, проснувшись минут за десять до звонка будильника, Ксюша думала о вчерашнем, уставившись в старый и давно пожелтевший потолок.

Может, и нет ничего? Так, показалось просто. В конце концов, она была уставшая, а тут — приятный мужчина, не совершавший никаких поползновений на её честь, и вкусная еда, и шикарная обстановка вокруг. Вот обстановка, возможно, и сыграла решающую роль? Просто ослепила её, помутила ей мозг, очаровала. Да, как Золушку, впервые попавшую в королевский замок.

С другой стороны, разве она раньше не видела роскоши? Родители Сашки, её хорошего друга и будущего мужа лучшей подруги, были людьми очень обеспеченными. Ксюша была в их загородном доме несколько раз и тоже впечатлялась, но... всё же это не то. Там они собирались целой компанией друзей, и еда была простая, и всё остальное тоже было проще. Красиво и богато, но не роскошно, вот в чём дело.

В квартире Игоря Андреевича было не просто красиво и богато — там было роскошно. Хотя, может, бывает ещё роскошнее? Сравнить-то толком не с чем, только если с картинками в интернете.

Да, наверное, это и правда так. Нет никакой влюблённости, а есть только очарованность окружающей обстановкой, ослеплённость ею. Ну и, конечно, свою роль сыграло то, что Ксюша чувствовала себя рядом с Игорем Андреевичем... в безопасности.

Абсурд. Но что-то внутри Ксюши понимало, насколько этот человек привык контролировать себя и свои поступки. Это не молодой парень с бушующими гормонами, нет — взрослый мужчина, который не будет действовать напролом и не станет навязывать себя, если женщина не захочет. И это, как ни странно, придавало Ксюше уверенности.

Ей чертовски надоели все эти мальчики, которые не понимали слова «нет» и его производных.

И увы... сегодня Ксюше вновь придётся встретиться с одним из таких мальчиков. Пусть Виктору уже чуть за тридцать, для неё он всё же мальчик. Хотя бы потому, что с трудом сдерживает себя в её присутствии.

Жаль, но скорее всего, действительно придётся увольняться...

Инна Васильевна уже встала — она уходила чуть раньше, чем Ксюша, и приходила тоже, — и копошилась в коридоре.

— С добрым утром, Ксюня! — воскликнула, нахлобучивая на макушку свою любимую

соломенную шляпку, в которой выглядела чуднее некуда. — Я там омлетик оставила на плите, доешь, если хочешь.

— Хочу, — девушка улыбнулась, кивая. — Спасибо, Инна Васильевна. А...

... И тут в дверь позвонили. Хозяйка квартиры с удивлением покосилась на звонок, потом на Ксюшу.

— Кто же это к нам явился с утра пораньше? Ну-ка, иди на кухню или обратно в комнату. Нечего тут ночнушкой отсвечивать...

Ксюша послушно юркнула на кухню и, чтобы не терять времени, врубила чайник. А из коридора между тем раздавался грозный голос Инны Васильевны.

— Ну? И чего тебе?

— Здравствуйте, я представитель компании «Флор-ист», у меня цветы для Ксении.

Ксюша от удивления даже покачнулась. Может, это кто-то адресом ошибся?

— Для Ксении? — протянула Инна Васильевна. — Ну, я за неё. Расписаться тебе где-нибудь, сынок?

— Простите, но мне надо лично...

— Обойдётся. В ванной она! Не надо смущать девушку. Я всё передам, не волнуйся. Я, знаешь ли, розами не питаюсь! Давай, где там тебе чиркануть надо?

— Вот здесь... — сдался курьер, несколько секунд ничего было не слышно, а потом Инна Васильевна сказала:

— Всё, что ль? Ну, давай свой веник.

— Хорошего дня вам, удачи и...

— Иди, иди уже, мне на работу пора, а ещё вазу искать.

Ксюша хихикнула, входная дверь захлопнулась, а пару мгновений спустя на кухню вошла Инна Васильевна. С большим и очень красивым букетом белых роз.

Ох... Ксюша с трудом заставила себя не морщиться — она не любила белые розы с некоторых пор. Глупо, наверное... хотя кто бы смог любить эти цветы после подобного?..

— Держи! — заявила Инна Васильевна, протягивая девушке букет. — Красоту свою. Не забудь в вазу поставить и воды налить. И аспиричика добавь, так стоять будут дольше.

Не надо дольше...

— Спасибо.

— А мне-то за что? Вон, записку читай. Надеюсь, это не тот кавалер... который с детьми.

— Я тоже надеюсь, — улыбнулась Ксюша, вытаскивая из цветов открытку.

Там оказалось написано (точнее, напечатано): «С благодарностью за вчерашний вечер. И.В.»

— Хм, — фыркнула Инна Васильевна, заглядывая в открытку через Ксюшкино плечо. — И.В. Забавно. Но на всякий случай, Ксюнь — это не я тебе цветы прислала.

— В смысле? А-а-а... — девушка засмеялась. — Точно. Но тут имя и фамилия, а не имя и отчество...

Зачем Игорь Андреевич прислал ей эти цветы? Непонятно... Может, у обеспеченных людей так принято — на следующий день после знакомства с девушкой цветы ей присылать?

— Ну ставь в вазу, а я пошла на работу, иначе опоздаю. Ты вечером домой или к этому своему... И.В.?

— Да он не мой... Приду, конечно.

— Если что — звони, — хмыкнула Инна Васильевна и вышла из кухни. Через минуту хлопнула входная дверь, а Ксюша, поставив букет в воду, села завтракать.

Умывшись и одевшись, она окончательно решила — нужно позвонить Игорю Андреевичу, поблагодарить теперь уже его. И от этого решения Ксюшу начало слегка потряхивать из-за волнения.

А может, и не надо звонить? Вдруг ему это нафиг не сдалось. Ну цветы и цветы, подумаешь, прислал. Не написал же «позвоните мне» или ещё что-нибудь романтическое, да и о романтике он наверняка не думал. Может, решил просто сделать красивый жест, а она тут... рассуждает.

Но когда Ксюша засовывала в сумку свой мобильник, она обнаружила в нём смс-ку от Насти Венчур. С номером телефона и припиской:

«Это номер моего папы. На всякий случай. Вдруг пригодится!»

Пригодится... да.

Боясь передумать, Ксюша нажала кнопочку вызова и, услышав первый же гудок, нервно плюхнулась на банкетку в коридоре.

Боже. Пусть лучше он не ответит на этот звонок. Что она делает?!

— Алло.

Чёрт.

— Алло... Игорь Андреевич, это Ксения. Я не помешаю?

— Нет, Ксения, я очень рад вас слышать, — ответил он вполне тепло, и девушка сразу расслабилась. — Я сам хотел вам позвонить, узнать, понравились ли цветы, но собирался сделать это вечером.

Ох.

— Мне... спасибо вам большое, Игорь Андреевич. Очень красивый букет.

— Не за что. Но я не это хотел узнать, Ксения. Вам понравилось? Вы любите такие цветы?

Лгать не хотелось совершенно. Но не может же она сказать правду!

— Ксения?

— Понимаете... я...

— Ясно, — Игорь Андреевич рассмеялся, и так легко, будто совсем не обиделся. — Вы не любите розы?

— Не в этом дело. Я любила розы, но... кое-что случилось, и теперь я розы не люблю. Особенно белые. Простите...

— Ксения... — он всё смеялся. — Не расстраивайтесь вы так. Я вам другие цветы подарю. Вы какие любите?

— Не надо другие! Зачем? Очень красивый букет, мне хватит!

— Ну а всё-таки, — Игорь Андреевич уже не смеялся, но точно улыбался. — Мне просто интересно, какие цветы вы любите, Ксения.

Она вздохнула.

— Ладно. Мне альстромерии нравятся.

— Альстромерии? — переспросил он озадаченно. — Не помню даже, как выглядят.

— На лилии похожи, только мельче и не воняют. Но не нужно мне ничего дарить, правда! Мне вполне достаточно роз, тем более что они очень красивые.

— Ксения, — а теперь голос был лукавым, — я сейчас открою вам страшную тайну. Когда и в каком количестве дарить женщине цветы, решает мужчина. Так что можете меня

не уговаривать, я всё равно не слушаюсь.

И она не смогла не улыбнуться.

— Ладно. Тогда не буду уговаривать, а просто скажу спасибо.

— Вот и прекрасно. Хорошего дня, Ксения.

— И вам, Игорь Андреевич.

Увы, хороший день ей, к сожалению, не светил. Виктор с самого утра пришёл на работу в ужасном настроении, и явно решил испортить его заодно и всем окружающим. Причём не только Ксюше, на этот раз репрессии коснулись всех. Правда, ей досталось сильнее других, но это уж как водится.

А сразу после быстрого и почти незаметного обеда в кофе-зоне на почту пришла рассылка с сообщением о дате грядущего корпоратива — празднования двадцатилетия издательства. Торжество намечалось на пятницу, и до него было ещё три с половиной недели.

В конце письма стояло указание для руководителей редакций: собрать сведения, кто пойдёт на банкет в ресторан, а кто не пойдёт. Завизировать, оформить как служебную записку и сдать секретарю генерального директора.

— И чё, кто не пойдёт, тех уволят, что ли? — фыркнула Галя Елецкая, гипнотизируя взглядом монитор.

— Да ну конечно, — рассмеялась Ксюша. — Тогда пол-издательства увольнять придётся.

— А зачем тогда секретарю генерального?

— Поручили что-нибудь. Составить список патриотов родных пенатов, например. А потом им премию дадут... за патриотизм и любовь к отечеству.

— Ксюша! — рявкнул Виктор. Гад, услышал всё-таки... а ведь негромко говорила. — И кто ты у нас, патриот или дезертир?

Глупый вопрос, особенно с учётом того, что случилось на последнем корпоративе.

— Дезертир, товарищ начальник, — усмехнулась Ксюша, нутром чуя — терять ей уже нечего. — Можете записать меня в отсутствующие.

— Та-а-ак, — протянул Виктор, откидываясь на спинку своего шикарного кожаного кресла. — И с чего мы вдруг решили прогулять ответственное и нужное мероприятие?

— Наверное, потому что мне оно не кажется ни нужным, ни ответственным.

В редакции повисла тишина, а потом Галя чуть слышно провыла:

— У-у-у...

Ксюша была с ней согласна. Она тоже могла сейчас только выть, полностью осознавая, насколько глупо было провоцировать Виктора. Но он её просто уже достал.

— Пойдём, в переговорной пообщаемся, — процедил начальник, вставая с кресла. Ксюша согласно кивнула, тоже встала и последовала за ним.

Переговорная находилась в вип-зоне, там же, где и кабинет генерального директора, и его приёмная. Обычно туда водили авторов, сотрудников реже, и всегда — с неприятными разговорами.

Но Ксюша была готова поспорить, что её разговор будет самым неприятным из всех, случавшихся там прежде.

— Так. Садись, — Виктор отодвинул ей стул, и как только Ксюша на него опустилась, навис сверху. — Ты долго ещё будешь это продолжать?

— Что именно? — не поняла она, пытаясь отодвинуться — лицо начальника было

слишком близко.

— Не притворяйся, что не понимаешь, — он усмехнулся и опустил взгляд на её губы. — Ты же умная. А на корпоративе я допустил ошибку. Не хотел, чтобы ты знала, но сорвался. А сейчас что?

— Что?

— Для чего ты постоянно мне перечишь? Хочешь, чтобы я прям в офисе тебе юбку задрал?

— Я в джинсах, — фыркнула Ксюша, поневоле начиная паниковать.

— Это фигура речи! — заскрежетал зубами Виктор, придвигаясь чуть ближе. Его горячее дыхание уже почти касалось её губ. — Я тебя умоляю, Ксюша, прекрати! Мне и так нелегко. Развожусь я сейчас, понимаешь? Развожусь!

— Что?..

— Развожусь, — повторил начальник в третий раз. — Это долгая история. И всё бы ничего, но эта с-с-с... короче, жена моя бывшая, хочет лишить меня прав видеться с дочерьми. Я, может, мужем был не идеальным, но дочек я люблю! И мне сейчас служебные романы нужны не больше, чем тебе.

— Ты сам меня травишь, Виктор! — возмутилась Ксюша. — А говоришь так, как будто я тут в мини-юбке по офису рассекаю!

— Я просто бешусь, — сказал он уже спокойнее. — От всей этой ситуации. От жены... дура, блин. От того, что дочек могу потерять. От тестя, который мне мозги плавит постоянно. И от тебя.

— Я-то при чём...

— При чём, говоришь? — Виктор усмехнулся. — Ну если ни при чём, то пошли сейчас в туалет. Здесь есть такой, элитный, на одного человека. Специальный гендиректорский туалет.

— И зачем туда идти?

— Потрахаемся.

Ксюша на секунду потеряла дар речи.

— Ну вот, — продолжал начальник как ни в чём не бывало, — а говоришь, ты ни при чём. Мне сейчас не до ухаживаний, да и нельзя, иначе детей не увижу больше. А просто перепихнуться ты не согласишься.

— Не соглашусь, — поморщилась девушка, отводя взгляд.

Было мерзко, хотя Виктор к ней даже пальцем не притронулся.

— А ведь это было бы проще всего... — протянул он, задумчиво разглядывая Ксюшу. — Но нет так нет. Просто давай договоримся. Я очень постараюсь тебя не задевать, а ты... постарайся меня не бесить. Если почувствуешь, что всё, точка кипения — выходи из редакции минут на пять, я за это время остыну, и вернёшься.

Ксюша немного подумала, но всё же кивнула.

— Ладно. Договорились.

— Вот и прекрасно, — вздохнул Виктор, наконец выпрямляясь и прекращая над ней нависать. — Тогда пойдём. А то там, небось, коллеги уже гробик тебе выбирают.

— Почему мне-то? Может, тебе.

— Нет, Ксюш, — он усмехнулся. — Я гад живучий.

— Это точно...

— Разговорчики. Всё, двигай попой, работа зовёт. Да! И никому о содержании нашего

разговора не рассказывай.

— Это само собой...

Ксюша не была слишком уж наивной, поэтому она не верила в то, что в их отношениях с Виктором появятся сильные изменения после этого разговора. Хотя, возможно, им всё же станет чуть проще. По крайней мере ей — точно.

Когда Ксюша вернулась домой, Инна Васильевна уже что-то готовила на кухне. Высунула голову в коридор и спросила:

— Сосиски будешь? Что-то мне лень сегодня кашеварить.

— Буду, — покладисто согласилась Ксюша. После вчерашних изысков сосиски — то, что ну?но, чтобы спуститься с небес на землю.

— А вермишель?

— Буду.

— Отлично, тогда умывайся и приходи.

Но только Ксюша собиралась отправиться в ванную, как в дверь позвонили. И она сразу поняла, кто там, за этой дверью. Точнее, что.

И не ошиблась.

— Здравствуйте! У меня букет для Ксении.

Альстромерии. Белые, розовые, красные и лиловые. Потрясающее сочетание, потрясающий букет.

Она молча расписалась в подставленной бумажке, взяла букет, закрыла дверь, выслушав пожелания курьера, осмотрела цветы в поисках карточки. Ничего. Это логично — она ведь и так поняла, от кого цветы.

— Ого! — воскликнула Инна Васильевна, когда Ксюша вместе с букетом вошла на кухню. — Опять?! Эдак у нас вазы кончатся, Ксюня!

Она смущённо улыбнулась, доставая из шкафчика уже вторую вазу, налила в неё воды, засунула букет и поставила его на подоконник, рядом с утренними розами.

— Этот И.В., чего, провинился перед тобой, штоль? — поинтересовалась Инна Васильевна, хлюпая в тарелку порцию вермишели.

— Нет, — Ксюша помотала головой. — Я даже не знаю, зачем ему это...

— Ну ты даёшь, Ксюнь, — фыркнула хозяйка квартиры, положив поверх вермишели две сосиски. — Ухаживает он так за тобой. Чего тут непонятного?

— Нет. Это у него просто... блажь.

— Ну-ну. Садись есть, в общем. Кетчуп из холодильника захвати!

В последний раз погладив нежные лепестки, Ксюша повернулась к холодильнику.

— Вам какой — острый или обычный?

— Оба тащи. Помирать, так с кетчупом.

Ксюша рассмеялась и захватила обе наполовину пустые бутылки.

Потом она наверняка помрёт и упьётся «Ессентуками», но и пусть. Зато действительно вернётся с небес на землю, забыв вкус нежнейшей сёмги и французского вина с чудным названием.

Но если бы дело было только в еде... Люди, к сожалению, забываются куда сложнее.

Ксюша весь вечер думала — позвонить или нет. Страдала от изжоги из-за съеденного кетчупа и ругалась сама с собой.

В конце концов ближе к десяти часам вечера отправила короткую смс. «Спасибо за цветы». Да, вот так. Вполне достаточно и не навязчиво.

Минут десять после этого Ксюша успела порефлексировать и пожалеть себя... а потом телефон зазвонил.

Сердце упало в пятки, а после взлетело и ударило в мозг, как большая доза крепкого алкоголя. У Ксюши даже в глазах слегка потемнело...

— Алло...

— Добрый вечер, Ксения.

— Добрый вечер, Игорь Андреевич.

— Не отвлекаю? Извините, что поздно, но раньше не было времени. Только домой вошёл.

И он ещё и извиняется!

— Нет, всё в порядке.

Ксюша смущённо замолчала. Она не понимала, зачем он звонит, и что ей говорить.

— Не ошибся я с цветами, Ксения? А то когда стал выбирать, в голове почему-то были «астролябии».

— Нет-нет, всё правильно. И очень красиво. Спасибо большое.

— Прекрасно. А завтра вечером вы что делаете?

Ксюша слегка вздрогнула. Это слуховая галлюцинация, что ли?..

— Завтра?

— Да, завтра вечером, после шести примерно. Я Насте обещал освободиться, мы хотим в кино сходить. Пойдёте с нами?

— Я... не знаю. Вы же... Я вам не помешаю?

— Нет, не помешаете, — кажется, он улыбался. — Соглашайтесь, Ксения. Мы с Настей будем рады вновь с вами повидаться.

— Ладно, — ответила Ксюша немного неуверенно. С одной стороны, почему бы и нет? Кино, да ещё и вместе с Настей — совершенно безобидно. А с другой... зачем это ему?

Ни в какую романтику по отношению к себе она не верила, да ещё и со стороны известного продюсера. Так что либо просто так, из любви к искусству, либо он тоже её хочет.

Абсурд. Она не настолько красавица. Да еще и для продюсера! На телевидении же баб как грязи, а то и больше. И красивых много, и талантливых, и успешных.

Вариант «просто так» гораздо правдоподобнее...

— Замечательно. Тогда я завтра позвоню ближе к шести часам вечера, хорошо?

— Хорошо.

Он немного помолчал, а потом поинтересовался:

— У вас странный голос, Ксения. Что-нибудь случилось?

— Нет. Просто я думала, что больше вас... не услышу и не увижу. И тут вы звоните и предлагаете сходить в кино. Я в шоке.

Игорь Андреевич рассмеялся.

— Понимаю. И обещаю вести себя прилично. Вы, кстати, какой попкорн больше любите — сладкий или солёный? Настя спрашивает.

Ксюша фыркнула.

— Солёный, конечно.

— Отлично! Солёный, Настюш. Так что у нас совпадают вкусы и нам хватит одного большого ведёрка на троих. Что-что? Ты не уверена? Обжорка.

Трясаясь от смеха, Ксюша закрыла лицо ладонью. Напряжение отступило, когда она

расслышала невнятный голос Насти на заднем плане.

— Может, не строить теории заговоров на пустом месте? В конце концов, это всего лишь кино.

— До завтра, Ксения, — попрощался с ней Игорь Андреевич, а потом и Настя крикнула в трубку так, что у Ксюши заложило в ушах:

— Пока! До завтра!

— Ох. До завтра... и спокойной ночи.

— Спокойной.

Гудки. И глупая улыбка на губах.

«Господи, спасибо. Я опять его увижу».

— Дура, — прошептала Ксюша, качая головой и продолжая улыбаться. Злиться на себя почему-то не получалось...

Кто знает, почему мы любим что-то одно, но совершенно не любим что-то другое?

Иногда это произвольно — нам нравится или не нравится вкус, запах, цвет. Но иногда наша симпатия сформирована чем-то совершенно конкретным.

Почему именно альстромерии? Это были первые цветы, которые мне подарили. И не кто-нибудь, а папа. На двенадцатилетие.

Я не помню, что он мне тогда пожелал. Но я была очень счастлива, и навсегда запомнила радостную улыбку, которая возникала на его лице каждый раз, когда я смотрела на букет и восторженно вздыхала.

А белые розы...

«Лепестками белых роз наше ложе застелю»...

Не хочу вспоминать, чтобы не погрязнуть в ненависти и обиде. Он того не стоит. По правде говоря, он вообще ничего не стоит... «даже фунта презрения», как говорил мой отец.

Папу тоже звали Игорем. Моё любимое имя...

Она хотела помыться с утра, чтобы волосы выглядели свежими и особенно кудрявыми, как всегда бывало после мытья головы, но... жизнь преподнесла им с Инной Васильевной сюрприз в виде отключенной горячей воды.

— Хоть бы объявление вечером повесили, сволочи! — возмущалась хозяйка квартиры, пока Ксюша лихорадочно соображала, греть ей кастрюлю с водой или не греть, потому что иначе можно опоздать на работу. А лишний раз провоцировать Виктора не хотелось совершенно...

В итоге? ачальник победил. Игорь Андреевич и Настя потерпят Ксюшу с хвостиком, а вот Виктор за опоздание может вздрючить.

Взглянув на себя в зеркало перед выходом, девушка поморщилась — выглядела она не очень. Волосы у корней были заметно сальными, не спасал даже стянутый хвостик. Может, отменить к чертям это «свидание»? Стыдно же...

Но позвонить Игорю Андреевичу Ксюша не решилась. Рассказывать ему про отключённую горячую воду казалось еще более стыдным, чем явиться на встречу с грязными волосами. Поэтому она весь день косилась на телефон и совершенно не могла работать.

Звонок раздался полшестого, и чтобы никто из редакции не слышал её разговор, Ксюша

вышла в коридор.

— Добрый вечер, Ксения. У вас не изменились планы? Мы с Настей тогда будем ждать вас десять минут седьмого в холле на первом этаже.

— Добрый вечер... Игорь Андреевич... Дело в том, что я, наверное, не смогу.

— Да? — в его голосе звучало сомнение, и Ксюша застыдилась. — На работе задерживают или срочные дела?

И врать опять не хотелось, но как тут скажешь правду?

— Нет. Просто... не смогу. По личным причинам.

Он чуть слышно вздохнул.

— Ксения. Скажите мне честно. Эти причины связаны со мной?

Она не поняла, о чём он говорит, поэтому переспросила:

— Что?.. В смысле?

— Быть может, вас смущает мой статус? Или доход? Или наличие дочери? Или возраст?

Прошу, скажите откровенно.

Ксюша даже слегка растерялась. Какой статус, какой доход? Он разве её замуж позвал?!

В кино ведь просто!

— Нет, Игорь Андреевич. Нет. Меня ничего не смущает.

Всё-таки соврала. На самом деле её всё смущало, но это не причина не идти в кино!

— Тогда в чём дело?

Нет, он не отстанет, видимо.

— Я... неважно выгляжу.

На том конце провода повисло недоуменное молчание.

— Не понял, — в конце концов признался Игорь Андреевич. — Неважно — это как? Вы заболели?

— Нет...

— Тем более непонятно. Ксения, давайте так. Я буду ждать вас внизу без Насти, объясните мне всё с глаза на глаз, может, так будет проще.

— Да не надо! — Ксюша не выдержала. Вот... деспот! — У меня просто воду горячую отключили. Волосы грязные. Мне стыдно перед вами в таком виде появляться, Игорь Андреевич. Давайте завтра? Я вечером кастрюлей помоюсь и завтра буду как огурец.

Он молчал несколько секунд, а потом негромко рассмеялся.

— Ничего смешного, — выдохнула Ксюша. — Я не знаю, знакомы ли вы с подобным явлением, как отключение горячей воды, но это довольно неприятно.

— Знаком, Ксения, — Игорь Андреевич всё смеялся. — Поэтому предлагаю вам сейчас завершить свой рабочий день и спуститься вниз, я вас встречу и отведу помыться.

— Куда?!

— К нам с Настей, конечно.

Она ошарашенно молчала, и он, смеясь, предположил:

— Стесняетесь?

Ксюша всё молчала, не зная, что ответить.

— Ксения, бога ради, вы же взрослая девушка. Зайдёте в ванную, помоеетесь и выйдете оттуда в целостности и сохранности, это я вам обещаю. А потом пойдём в кино. Там сеансы постоянные, успеем. Ну? Согласны?

Она вздохнула.

— Я могу сказать «нет»?

— Сказать-то можете, — фыркнул Игорь Андреевич. — Но зачем? Взрослые и разумные люди так не поступают, а вы взрослая и разумная.

«Нет, я маленькая и глупая...»

— Хорошо. Ладно.

— Вот и отлично. Жду, — ответил он и положил трубку.

А Ксюша с трудом удержала себя от абсолютно бессмысленного поступка. Ей внезапно страшно захотелось плюхнуться на пол и просидеть там все оставшиеся до конца рабочего дня минуты. А может, и дольше.

Нет, но всё-таки. Как у него это получается?! Она ведь всегда умела отказывать, ставить на место, отшивать, находить аргументы. Ну ладно, не всегда — последние восемь лет. А сейчас-то что? Куда это всё подевалось?!

Может быть, дело в том, что Игорь Андреевич прав? И если бы это был не он, и не элитная квартира на 54 этаже бизнес-центра, Ксюша с радостью ухватилась бы за возможность помыться нормально, а не кастрюлей.

А сейчас стыдно и неловко.

«Взрослая и разумная». Ну да, конечно. Взрослее некуда. И умная настолько, что голова пухнет от переизбытка мозгов.

Ладно, надо идти дорабатывать оставшиеся двадцать минут... и надеяться, что Виктор не вспомнит про так и не обсуждённый перспективный план. Или надеяться, что вспомнит?..

Ксюша сама не могла понять, чего хочет больше...

На этот раз Игорь Андреевич был в тёмно-сером костюме, но опять без галстука. Улыбнулся и кивнул, когда она подошла, и глаза за стёклами очков лукаво блеснули.

— Готовы, Ксения?

— Ну не издевайтесь, — она засмеялась, отводя взгляд. — Я как-то не привыкла мыться в квартирах у людей, которых знаю три дня...

— Думаю, в этом нет ничего страшного, — ответил о? серьёзно. — Клянусь, чудовище под ванной у меня не живёт.

Ксюша вспыхнула и захихикала, представив себе чудовище под той огромной угловой ванной, которую она видела в квартире Игоря Андреевича. Да это чудовище её сожрёт, не жуя!

— А вы... не любите галстуки? — спросила она вдруг, когда они зашли в лифт и мужчина расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, будто его что-то душило. Видимо, Игорь Андреевич, как и Настя, не очень уважал скоростные лифты.

— Терпеть не могу. Удавки.

Ксюша улыбнулась.

— Мой папа тоже не любил. Избегал всеми силами. Я его всего один раз в галстук и видела — на моём последнем звонке в школе.

— Не любил? — переспросил Игорь Андреевич, и она кивнула.

— Да. Он умер. И его тоже звали Игорем, только Михайловичем.

— Соболезную вам, Ксения.

Голос его звучал искренне, и поэтому девушка пояснила:

— Это было давно, восемь лет прошло. Просто... вспомнилось.

— Понимаю.

Лифт остановился, двери открылись, и Игорь Андреевич пропустил Ксюшу вперёд, сказав:

— Прощу, Ксения.

А за порогом их ждала Настя, потрясающая полотенцем над головой.

— Оле-оле-оле-оле! Спартак — чемпио-о-он! Оле-оле-оле!

— Для Спартака надо бело-красный шарф, Настюш, — усмехнулся Игорь Андреевич, забирая у Ксюши сумку и снова помещая её в их чудо-шкаф в прихожей. — А белое полотенце — это из другой оперы.

— Из банной оперы, наверное, — предположила Ксюша.

— Точно! — Настя сунула ей в руки полотенце и, оглядев девушку с ног до головы, спросила: — Что тебе ещё нужно? Тапочки я там поставила, халат тоже висит. Шампунь, мыло... а бритву не надо?

Вот козявка! Ксюша даже чуть покраснела, а Игорь Андреевич засмеялся, качая головой.

— Ладно тебе, мелкая. Не смущай Ксению. Пойдёмте, покажу вам на всякий случай, как всё включается-выключается. Там заковыристо.

— А я пойду съем йогурт!? то кушать хочется.

— Съешь.

Настя убежала, а Игорь Андреевич, взяв Ксюшу под локоток, повёл её в ту самую огромную ванную.

На одном из крючков уже висел красивый тёмно-синий халат, и Ксюша тут же спросила, чей он. Так, на всякий случай.

— Настин. Но он чистый, не переживайте.

— Да я... просто.

На самом деле Ксюша больше всего боялась не того, что он грязный, а что этот халат принадлежал умершей жене Игоря Андреевича. Хотя... глупо. Вряд ли он дал бы ей вещь своей жены.

Думая об этом, Ксюша почти не слушала объяснения мужчины, касающиеся включения-выключения воды и переключения с крана на душ. В результате, когда Игорь Андреевич её покинул, Ксюша, раздевшись, вдруг поняла: она совершенно не помнит, что надо крутить или нажимать, чтобы вода стала литься из душа.

— Дура, — выругалась Ксюша, нацепляя халат. Он едва доходил до середины бедра, да и грудь кокетливо выглядывала в вырезе, но это естественно — Настя всё же подросток, у неё пока нет ни такой груди, ни толстенкой попы.

Ксюша выглянула за дверь, стараясь, чтобы была видна только её голова, и позвала:

— Игорь Андреевич!

— Иду, — отозвались издали, судя по всему, из кухни, а потом в поле зрения девушки появился и сам мужчина. Без пиджака, в наполовину расстегнутой рубашке.

— Что-то случилось? — Игорь Андреевич вопросительно посмотрел на Ксюшу, и она чуть смутилась. Дура, только что ведь ей всё объясняли...

— Я забыла, как переключать воду, — призналась девушка. — Извините.

Он улыбнулся.

— Сейчас покажу, — и шагнул вперёд, входя в ванную. Замер, будто бы сражённый Ксюшкиным внешним видом, и она суетливо сжала халат на груди одной рукой, второй пытаясь оттянуть подол пониже.

— Вам идёт, — сказал Игорь Андреевич, рассмеявшись. — Но не надо так нервничать, Ксения. Я же не маньяк.

Она вспыхнула, отступая немного в сторону, чтобы дать ему пройти, и на сей раз, пока он вновь терпеливо всё объяснял, слушала внимательно даже несмотря на собственное смущение.

— Спасибо, — поблагодарила искренне, когда Игорь Андреевич закончил рассказывать и выпрямился, внимательно глядя на неё. Но не в вырез, и не на ноги — он смотрел на Ксюшины волосы.

— Знаете, — улыбнулся, — одна моя знакомая платит дикие деньги за химическую завивку, но её волосы всё равно не выглядят так, как ваши. У вас ведь натуральные кудри?

— Да, — она кивнула.

— Очень красиво, Ксения. И они, наверное, от воды сильнее выются. Я прав?

— Да, — повторила она.

— Значит, увидим сегодня кудряшку Сью, когда вы выйдете из ванной, — засмеялся он. — Ну, я пойду. Если понадобится, зовите, не стесняйтесь.

— Да я вроде всё запомнила...

— Ну мало ли, — пожал плечами Игорь Андреевич. — Спинку потереть, например. Ксюша на секунду опешила.

— Спасибо, — улыбнулась, и кажется, даже не покраснела. — Я сама справлюсь.

— Ну и зря, — сказал Игорь Андреевич уже у самой двери. — Я неплохо это делаю. Но сами так сами.

И вышел. А Ксюша, сбросив халат, полезла мыться.

Игорь, смеясь, возвращался на кухню, где Настя уже доедала йогурт.

— А я думала, ты с ней останешься, — заявила дочка, облизывая ложку.

— Настя, — сказал он укоризненно, садясь рядом. — Зачем же? Сама справится.

Девочка надулась, и он пояснил:

— Никогда не нужно торопиться, Настюш. Как с фруктами. Если он созрел, сам к тебе в руки упадёт. А если нет, и сорвёшь с трудом, и внутри кислый окажется.

— А-а-а... — протянула дочь понимающе. — Значит, ты ждёшь, пока она созреет.

Игорь засмеялся и покачал головой.

— Можно и так сказать, если так тебе понятнее.

— А когда она созреет?

— Откуда же я знаю, дочка? Может, вообще никогда. Ксения всё-таки человек, а не фрукт.

Настя нахмурилась.

— Ну уж нет! Созреет, как пить дать! Гарантирую.

— Хорошо, — усмехнулся Игорь.

Он, в отличие от Насти, умел ждать. А ещё — ставить цели и добиваться их.

Выходить из ванной в халате Ксюша не решилась, поэтому хорошенько обтёрлась полотенцем и нацепила свою одежду, после мытья показавшуюся ей какой-то особенно неприятной. Волосы тоже промокнула, но сушить не стала — иначе распушатся так, что она будет напоминать бешеного льва.

Перед выходом Ксюша посмотрела на себя в зеркало и усмехнулась — мокрые кудри выглядели странновато, но ничего, когда высохнут, будет нормально. Расчёска у неё с собой есть, если что, приведёт себя в порядок в кинотеатре.

Игорь Андреевич и Настя сидели на кухне и весело болтали, поедая какое-то печенье из

упаковки. Девочка макала каждую печенюшку в молоко, а Игорь Андреевич пил чай.

— С лёгким паром! — воскликнула Настя, первой заметив Ксюшу. — Ой, какая ты смешная с мокрой головой!

— Ну, спасибо, — фыркнула Ксюша, подходя ближе. Посмотрела на Игоря Андреевича, но почти сразу же смущённо отвернулась, столкнувшись с ним взглядами. И хотя смотрел мужчина на неё совершенно спокойно, ей всё равно стало не по себе.

— Кудряшка Сью! — продолжала Настя, смеясь. — Красота, да, пап?

— Красота, — подтвердил Игорь Андреевич, а потом вдруг спросил: — Ксения, вы не хотите есть? Мы-то перекусили, поэтому нам не страшен серый волк, то есть солёный попкорн в диких количествах. А вы как будете?

По правде говоря, Ксюша, как и всегда после ванной, дико хотела кушать. Но она и так задержала Игоря Андреевича и его дочь...

— Всё хорошо, пойдёмте лучше в кино.

Мужчина внимательно поглядел на неё, чуть улыбнулся и сказал:

— Погодите. Сядьте пока, Ксения.

— Ну правда, мне ничего не...

— Сядьте-сядьте. — И почти силой усадил её на барный стульчик. — За десять минут мир не рухнет и сеансы не кончатся. Вы йогурты едите?

— Ем...

Впрочем, нет — таких йогуртов она никогда не ела. Вкусные до ужаса, натуральные до безобразия, и наверняка безумно дорогие. Ксюше досталось целых два — клубничный и вишнёвый. А ещё вкусное овсяное печенье и стакан молока. Два стакана даже...

— Я очень люблю молоко, — говорила Настя, подливая его себе. — Просто вот очень-очень! И творог люблю, и кефир, и вообще все молочные продукты... Сыр обожаю!? ты, Ксюш?

— Я тоже люблю.

— Вот! А папа почти не ест. Только сыр тоже любит, особенно с плесенью. А я с плесенью совсем не люблю! Гадость какая-то вонючая.

Игорь Андреевич засмеялся, и Ксюша тоже улыбнулась.

— А у меня сыр с плесенью, особенно с голубой — это просто какой-то фетиш, — сказала она, внезапно расслабившись. После горячей ванны и вкусной еды это было неудивительно. — Я его обожаю, но позволяю себе только раз в месяц.

— Почему? — удивилась Настя, и Ксюша, мысленно чертыхнувшись, смутилась. Ну не говорить же, что у неё нет денег на подобные гастрономические изыски? Это как-то нехорошо.

— А это вредно, Настюш, — вдруг заметил Игорь Андреевич, и Ксюше, когда она посмотрела на него, показалось, будто он всё понял. Стало ещё стыднее. — Сыр с плесенью очень жирный, от него фигура портится.

— А-а-а! — протянула девочка. — Что-то по твоей фигуре, пап, этого не видно...

— У меня метаболизм хороший, — усмехнулся мужчина. — Ну, все доели? Или кто-то хочет чего-нибудь ещё?

— Нет-нет...

— Ага, доели!

— Тогда пойдём. Очередной сеанс как раз через пятнадцать минут, успеем.

— А на что мы идём-то хоть? — вдруг опомнилась Ксюша. — Вы не говорили вроде...

— Да? Разве?

— На «Человека-паука» нового! — восторженно подпрыгнула Настя. — У меня одноклассник был! Сказал — классный!

Выбирай Ксюша сама, подобное кино она не стала бы смотреть. Просто потому что ей доводилось делать книги по американским комиксам, и с тех пор у девушки развилась стойкая неприязнь к их героям. Но раз Настя так хочет, она потерпит.

В конце концов, не так важно само кино, как возможность туда пойти...

В кинотеатре Игорь Андреевич отправился за билетами, а Настя с Ксюшей — за попкорном. Девочка купила самое большое ведро и сразу же нежно его обняла, счастливо улыбаясь.

— Класс! — заявила она Ксюше. — Тысячу лет об этом мечтала!

— О попкорне?

— Да не, ты что! С папой в кино сходить! Он же вечно занят. У него то кастинги, то съёмки, то еще какая-нибудь белиберда. И приползает домой никакой, на кинотеатр у него сил не хватает.

— А сейчас почему хватило?

— Пауза. Это он так называет перерывы между авралами. Но она у него только сегодня, он завтра с утра улетает в Америку до вторника.

Улетает...

— Подожди... а ты, что, одна будешь?!

— Почему? — Настя удивилась. — Со мной будет Борис, папин шофёр, и Люся, его жена и наша кухарка. А ещё Роман — папин охранник.

Ксюша почувствовала, что глаза у неё лезут на лоб.

— Охранник?? почему он сейчас не с нами? Охранять же надо...

Настя расхохоталась, чуть не уронив ведро с попкорном.

— Потому что это жизнь, а не фильм, Ксюш! Это только в фильмах охранники по пятам ходят. А в жизни всё иначе.

Честно говоря, Ксюша не понимала, в чём разница. Публичный человек, вдруг кто убить захочет или похитить? А Настя всё хихикала... и Ксюша почувствовала себя наивной дурочкой-провинциалкой, которая насмотрелась дурацких отечественных сериалов.

А к ним, между прочим, Игорь Андреевич тоже руку приложил! Не ко всем, но ко многим!

— Что ты смеёшься, Настюш? А Ксения у нас почему такая грустная? — поинтересовался вернувшийся Настин папа.

— А Ксюша думала, мы с охранником должны в кино ходить! — с лукавой улыбкой заявила девочка, но Игорь Андреевич её веселья не поддержал.

— Почему вы так думали, Ксения? И пойдёмте скорее, в зал начали запускать.

— Ну-у, — протянула Ксюша, пока они с Игорем Андреевичем шли по направлению к кинозалу, а Настя неслась чуть впереди, едва не рассыпая попкорн. — Я думала, люди... вашего уровня везде ходят с охраной.

— Вы ошибаетесь. Сейчас уже не лихие девяностые, и у меня не настолько коррумпированный бизнес, чтобы в кино с охраной ходить. Мою физиономию знает далеко не каждый человек в нашей стране, я всё-таки не Дима Билан и не Алла Пугачёва, а если вдруг кто узнает — ничего страшного не произойдёт.

— Понятно. Ну... приблизительно.

Игорь Андреевич рассмеялся.

— Не берите в голову, Ксения. Если вам когда-нибудь понадобятся услуги охранного агентства, вы разберётесь, а пока не заморачивайтесь.

— Надеюсь, не понадобятся...

— Ой, не зарекайтесь.

Все люди ошибаются, и на этот раз ошиблась Ксюша — фильм оказался очень даже ничего, и ей было совсем не скучно его смотреть. В какой-то момент она совсем отрешилась от реальности, погрузившись в происходящее на экране и, запустив руку в ведро с попкорном, поняла — что-то не так.

Игорь Андреевич сидел посередине, между Ксюшей и Настей, ведро держал у себя на коленях, и все они по очереди брали оттуда попкорн. Ксюша старалась делать это пореже, у неё и так лишнего веса достаточно, в отличие от Насти и её папы. И в очередной раз, когда девушка решила залезть в ведро за порцией кино-деликатеса, она и натолкнулась на руку Игоря Андреевича.

Сердце зашло, бешено застучав, дыхание сбилось, на лбу выступила испарина. И было, отчего — мужчина осторожно и нежно обхватил ладонь Ксюши, погладил её, большим пальцем помассировал запястье...

Волна жара прошла по телу девушки, и она, испугавшись, отдернула руку. Игорь Андреевич повернул голову и посмотрел на Ксюшу, как ей показалось, вопросительно.

— Простите, — шепнула она, прижимая ладонь к губам. Было и страшно, и волнительно. А еще — непонятно...

— Это вы меня простите, Ксения, — сказал он негромко и вернулся к просмотру фильма. А Ксюше внезапно захотелось плакать — банально пожалеть себя. Размазывая слёзы по лицу, завывать в голос, и плевать, что она давно уже не первокурсница...

Тогда, восемь лет назад, всё началось с кинотеатра. Точнее, это она так думала — на самом деле, конечно, всё началось гораздо раньше, а в кинотеатре был разыгран первый акт длинного спектакля, сломавшего её дальнейшую жизнь, как спичку. С тех пор Ксюша не любила кинотеатры. И розы, и пирожные «картошка», и мягкие игрушки, особенно плюшевых медведей, и... много всего она с тех пор не любила. И не доверяла мужчинам.

И сейчас, покосившись на Игоря Андреевича, она вдруг подумала о том, можно ли сломать то, что уже было сломано кем-то другим, до тебя? Или её не до конца доломали, а этот человек теперь завершит начатое? Своими прикосновениями, добрым отношением к ней, очаровательной улыбкой, лукавым блеском глаз.

Как не допустить этого, если её мотылёк с такой радостью летит к огню, чтобы согреться? И наверное, сгореть...

— Класс! Класс! Класс! — Настя чуть ли не прыгала от восторга, когда они вышли из кинотеатра. — Круто! Круто! Круто!

Игорь Андреевич улыбался, глядя на дочь, и Ксюша тоже не могла удержаться от улыбки.

— Спасибо вам большое, — поблагодарила она его, как только они вышли из торгового центра на улицу. — Я, пожалуй, пойду. До свидания.

— Куда?.. — недоуменно протянула Настя, а Игорь Андреевич резко сказал:

— Так, стоп. Ксения, вы с ума сошли? Почти двенадцать часов ночи. Куда вы пойдёте?

— Домой, конечно, — она слегка удивилась.

— Это понятно. Но не на метро же в такой час рассекать в одиночестве. Сейчас я вам

такси вызову.

Ей вдруг стало смешно.

— С вами бесполезно спорить, да?

— Точно! — первой ответила Настя, покружившись вокруг своей оси. — Абсолютно, совершенно бесполезно!

Игорь Андреевич только усмехнулся, доставая телефон. И эта усмешка, адресованная не Ксюше, а каким-то его собственным мыслям, её немного напугала. Именно так должны усмехаться люди того круга, к которому она не принадлежала — хищно, немного насмешливо, и очень... по — диктаторски.

Ей нужно подумать над этим. Обязательно нужно.

— Ну, вот и всё. Заказал, оплатил, минут через пять приедут. Мы вас посадим, а потом уже пойдём домой, — сказал Игорь Андреевич, поднимая глаза от телефона.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Ксюша. Она ведь действительно очень устала, а завтра еще рабочий день. — И за такси, и за хороший вечер.

— Это вам спасибо, Ксения. Да, Настя?

— Ага, — девочка зевнула, и Игорь Андреевич улыбнулся, но теперь уже совсем не хищно и не по — диктаторски.

— А вы... — Ксюша неуверенно запнулась, но всё же выпалила: — Вы завтра улетаете? Настя сказала.

— Улетаю, — он кивнул. — Вернусь во вторник. Ничего особенного, просто встреча с зарубежными партнерами.

— А я в среду на свадьбу иду, — призналась Ксюша, сама не понимая, зачем. — Лучшая подруга замуж выходит.

— Ух ты-ы-ы! — воскликнула Настя. — Свадьба — это круто! А какое у тебя будет платье?

— Ну... такого розово-персикового цвета. С одной стороны плечо голое, а с другой — бретелька как будто на застёжке. С пряжкой.

— Фотку покажешь потом? — заинтересовался ребёнок. — Интересно!

— Мне тоже интересно, — кивнул Игорь Андреевич. — Так что буду ждать фотографию.

И только Ксюша хотела сказать, что ей будет не до фотографий, как подъехало такси — пришлось отложить возражения и прощаться с Настей и её отцом.

— Удачного вам полёта!

— А вам — удачного окончания рабочей недели, — улыбнулся Игорь Андреевич.

— Пока! — махнула рукой Настя. — Спасибо, что сходила с нами!

— Пожалуйста... — прошептала Ксюша, садясь в такси. И когда с громким хлопком закрылась дверца машины, в очередной раз почувствовала себя чуждой миру Насти и её папы.

Иногда очень хочется поверить, правда? В то, что так бывает. Встреча бедной девочки и богатого, пресыщенного жизнью мужчины — и вот она, вспыхнувшая любовь. Очень хочется... особенно если это происходит с тобой.

Но я не верю.

Может, с моей стороны и есть что-то большее, чем просто симпатия, но как

разобраться, где начинается она, а где — общая очарованность ситуацией, обстановкой, достатком, в конце концов? Я не знаю.

А он... хищник. Опытный, матерый хищник, который знает, как вести себя с выбранной жертвой. Он просчитал меня на раз еще при первой встрече, и теперь постепенно окружает, не настаивая, но и не давая прийти в себя и убежать как можно дальше. Зачем? Я думаю, ему просто интересно. Интересно, сколько времени может продлиться эта засада и когда осаждённый город распахнёт ворота и падёт. А может, не падёт? Хотя вряд ли он верит в возможность подобного развития событий.

И правильно. Я тоже не верю. В противостоянии между юной девушкой и взрослым мужчиной девушка победить может только в какой-нибудь глупой книжке.

Мне не нужно больше соглашаться ни на что, на любые предложения отвечать отказом, какими бы они ни были. Цветы, кино, театры, рестораны, даже просто мытьё головы в их ванной — нет, и всё тут.

Надеюсь, он отступит... переключится на кого-нибудь более доступного.

Так делали до него все прочие мужчины.

Вот только... почему мне кажется, что я обманываю саму себя?

Почему мне кажется, что я не смогу сказать «нет»?

Почему мне кажется, что он не отступит, пока не получит желаемое?

Почему мне кажется, что эта ситуация и этот человек разрушат меня гораздо больше, чем то, что случилось восемь лет назад?..

На следующий день Ксюша пребывала в ужасном настроении. Осознавая, что точно не увидит Игоря Андреевича в ближайшую неделю, она непроизвольно расстраивалась. И злилась сама на себя за подобные мысли. Думая: «Хорошо бы не видеть и не слышать его вообще», морщилась от собственного вранья.

Работалось неважно, и девушка радовалась, что сегодня пятница, впереди выходные, а на следующей неделе она в среду не работает, а пьёт и гуляет на свадьбе. Хоть отдохнёт от...
... Виктора.

— Кстати, Ксюша. Мы с тобой так перспективку и не обсуждали. Сегодня задержись, пожалуйста, после работы, пробежимся по будущим проектам.

Интересно, он реально перспективку хочет обсудить, или будет петь старую песню о главном?..

— Ксю-ю-юш... — Галя наклонилась чуть ли не под стол, ехидно улыбаясь. — Слышь, Ксюш?

— Чего?

— Презик есть? А то я дать могу.

И хихикает ещё, сволочь.

— А давай, — хмыкнула Ксюша, тоже почти шепча. — А смазки нет у тебя?

— Смазки? — Елецкая, видимо, к отпору готова не была, и слегка растерялась.

— Угу, смазки. Мало ли. Вдруг заднюю дверь надо будет обработать.

Галя аж покраснела.

— Ну ты и пошлячка, Ксюнь. Ваще.

— Ага. А кто мне две недели назад подсунил свой порно-роман?

— Это не порно, а эротика!

— Да один перец. Я пока эту книжку в печать сдавала, от смеха чуть не померла. Как ты это вообще делаешь?

— Так же, как ты своих птичек «Энгри бёрдс». Ещё неизвестно, что из этого большее извращение.

— Согласна...

После шести вечера, когда народ начал расходиться, Виктор позвал Ксюшу к себе. Она села на свободный стул рядом с его столом, захватив с собой кучу бумажек по перспективному плану, и приготовилась к долгой и мозговывносительной обороне.

Коллеги постепенно уходили, офис пустел, а Виктор всё задавал Ксюше новые и новые вопросы, перебирая план. На улице зарядил дождь, тяжёлые капли забили в стекло, и девушка с тоской покосилась на мир за окном. Как же она устала за эту неделю...

— Ксюш, ты слышишь меня?

— Слышу, — вздохнула, возвращаясь взглядом к плану. — Ты спросил, просчитывала ли я в типографии эти наборы для творчества. Просчитывала. Вот просчёт и остальные прикидки по стоимости редакционной подготовки. Не рентабельно.

Виктор, хмурясь, изучал цифры.

— И чего, прям совсем не рентабельно?

Интересно, как он представляет себе это «не совсем не рентабельно»?

— Ну... чисто теоретически... Если картинки не рисовать, а брать из архивов или из шаттерстока*, то проект можно вытянуть. Но это будет такой адский треш в итоге, что за продажи я не ручаюсь...

(*Шаттерсток — фотобанк.)

— Ладно, отложим пока.

Ксюша чуть слышно фыркнула. К этим дурацким наборам для творчества в коробках они возвращались уже раза три, и каждый раз откладывали «на потом», так и не решаясь ни на что конкретное. Абсолютно мёртвый проект, и Ксюша знала, что мёртвым он и останется.

— Слушай, а ты уверена, что не пойдёшь на корпоратив? — неожиданно спросил Виктор, и она посмотрела на него с удивлением.

— Конечно. Не пойду.

— Почему? Из-за того, что случилось на новогоднем?

Ксюша откинулась на сиденье стула и сложила руки на груди.

— Это мы так перспективку обсуждаем, да?

— Да, — начальник ухмыльнулся и полностью повторил её позу, так же откинувшись и сложив руки на груди. — И вообще с окончания рабочего дня уже час с лишним прошёл, можем обсуждать что угодно. И я хочу знать, почему ты не хочешь идти на корпоратив.

— А ты хочешь?

Виктор нахмурился.

— Не понял?

— Ты-то сам хочешь туда идти? Небось, нет. Просто надо, ты же зав редакцией.

— Ну да, не особенно, — фыркнул начальник. — Но ты давай, вопросом на вопрос не отвечай. Сама почему не хочешь?

— А по двум причинам. Новый год — раз, общая бесполезность — два.

— Общая бесполезность, значит, — усмехнулся Виктор. — А если я тебе за посещение корпоратива премию выпишу?

Ксюша какое-то время молчала.

— Давай я лучше сделаю вид, что я этого не слышала.

Он рассмеялся.

— Ладно. Тогда такой вопрос... На следующей неделе у меня наконец всё решится с детьми и бывшей женой, и вроде как в мою пользу. Ты у нас на одноразовые отношения не согласна, поэтому я хочу пригласить тебя в ресторан. В следующую пятницу. Пойдёшь?

Ксюше захотелось швырнуться в него чем-нибудь. И желательно, чтобы это «что-нибудь» было потяжелее.

— Ответь мне честно. Если я скажу «нет», ты меня уволишь?

— Не уволю, — хмыкнул Виктор. — А что, я настолько тебе противен? Даже попробовать не хочешь?

«Ты чего, еда, чтобы тебя попробовать?..»

— Не противен, но не хочу. Извини, но...

Ксюша хотела сказать «ты меня не интересуешь», однако Виктор её перебил.

— У тебя кто-то есть? Поэтому так сопротивляешься?

Она молчала несколько секунд, не зная, врать или нет. Язык соврал сам.

— Да, есть.

— Понятно, — ухмыльнулся начальник. — Это было логично. И что, серьёзно, или так... трахатель?

Ксюша сжала зубы.

— Честно, это вот ни разу не твоё дело.

— Прямо так уж и ни разу, — Виктор, кажется, развеселился. — Ты смешная, когда показываешь коготки и зубки. Я ведь не первый год на свете живу, поэтому знаю — если нет кольца, значит, шанс есть. Да и даже если бы оно было... шанс есть всегда.

Она промолчала. К чему дразнить хищника?

Только этот хищник казался Ксюше более глупым, чем Игорь Андреевич. Тот свою жертву не пугал, не угрожал, брал доверием и пряниками. А этот...

— Слушай... раз мы обсудили план, я домой пойду. Нет возражений?

— Иди, — начальник всё улыбался. — Может, подвезти тебя? А?

— Нет, спасибо.

— Тогда иди. До понедельника, Ксюш.

— Угу... до понедельника.

После разговора с Виктором во рту у неё поселился какой-то мерзкий привкус. А может, это не во рту, а в душе?

Как же они все ей надоели... Надо поскорее возвращаться домой, хватать первую попавшуюся книжку и забираться под одеяло, прогоняя из себя стресс этой недели. Пусть будет спокойный и добрый вечер...

Но Ксюше не читалось. Она сидела на кровати и пялилась на одну и ту же страницу минут пятнадцать, пока не поняла — дело это бесполезное.

И в конце концов сделала то, чего делать, конечно, не следовало. Отложила книгу, взяла ноутбук, открыла ютуб и ввела в строке поиска «Игорь Венчур».

По первой же ссылке находилось видео с его интервью одному известному видеоблогеру. Тот постоянно приглашал в свою студию разных известных (и не очень) людей и задавал им провокационные вопросы.

Игорь Андреевич выглядел расслабленным и абсолютно естественным, вот только... он словно был незнакомцем сейчас для Ксюши. Она никогда не видела его таким.

Сосредоточенный и даже какой-то суровый, он напоминал ей хищную птицу. Черты лица чуть заострились, глаза потемнели, а длинные пальцы на руках производили впечатление острых ястребиных когтей. В эту секунду ястреб спокоен и даже благодушен, а в следующую — спикирует и схватит тебя за горло.

— Скажите, Игорь Андреевич, какое, по вашему мнению, основное отличие нашего российского кинобизнеса от кинобизнеса зарубежного?

Лёгкая усмешка, и Ксюша понимала, почему он усмехается — видеоблогер явно старался вывести своего гостя на откровенный или даже провокационный разговор, и это было только начало.

— Я, как вы помните, больше занимаюсь телепередачами и телесериалами, и если вам интересно моё мнение именно касательно кинофильмов...

— Ну почему, не только. В целом.

— Ну если в целом... Работая над своим — назовём это «продуктом» — так вот, работая над своим продуктом, наши зарубежные коллеги прекрасно осознают, что делают его не только для соотечественников, но и для половины земного шара. Мы подобными успехами похвастаться не можем.

— Отчего же так?

И лицо такое хитренькое. Вот гад!

— Здесь целый спектр причин. Во-первых — и это самое важное — у зарубежного зрителя не сформирована, скажем так, привычка к интересу к российскому кино и сериалам. На самом деле это относится не только к кино, но и к книгам, например. Единицы российских авторов издаются за рубежом, единицы наших фильмов выходят там в прокат. Это факт, с которым нам приходится бороться и работать.

— А во-вторых?

— А во-вторых, качество. И с этим фактом нам тоже приходится работать...

Видеоблогер оживился, и Ксюша напряглась, ожидая подвоха. И он, конечно, последовал — Игоря Андреевича просто заваливали откровенно провокационными вопросами, нацеленными на скандал. Она каждый раз замирала — но он умело лавировал среди всего этого кошмара, иногда чуть заметно усмехаясь.

— А как вы относитесь к несомненно провальным среди нашего зрителя проектам, на которые выделялись деньги из бюджета?

— Понимаете, — на этот раз Игорь Андреевич усмехнулся чуть шире, — есть такое хорошо знакомое всем понятие, как корпоративная этика. Коллеги по цеху не должны ругать друг друга, иначе какие же они коллеги? Поэтому отвечаю так. Я к подобным проектам не отношусь никак — ни по роду деятельности, то есть не я ими занимаюсь, ни по личному мнению, потому что у меня нет времени это смотреть и оценивать.

— То есть, вы не смотрите современное российское кино?

Вот гад этот... блогер!

— Я этого не говорил. Я, как и любой человек, в свободное время выбираю себе фильмы или книги по своим интересам. И эти интересы не всегда совпадают именно с современным производством...

... Ксюша смотрела разные видеозаписи с Игорем Андреевичем почти весь вечер. Записи с телепередач, интервью с видеоблогерами, видео с награждений и кинофестивалей. Зачем? Она и сама не смогла бы ответить на этот вопрос.

Возможно, ей была интересна его жизнь и то, чем он по ней занимался. И то, каким он

представлял в этих интервью — такого Игоря Андреевича Ксюша не видела и не знала.

А возможно, она просто соскучилась.

С определённого возраста тебе становится интереснее не результат, а процесс.

Конечно, это иногда мешает бизнесу, но тут главное вовремя остановиться и осознать, что процесс не должен переходить в козлиное упрямство, мазохизм и откровенные убытки. Но в целом... да — процесс гораздо интереснее результата, потому что результат проще предсказать.

Игорь не был до конца уверен, правильно ли сделал, затеяв эту игру. Но она оказалась настолько приятной, что останавливаться уже не хотелось.

Чистое, неискушённое существо. С искренними реакциями и открытым взглядом. Как глоток прохладной воды в жаркий день.

Он всё понял про неё ещё в первый вечер — в конце концов, Игорь на своём веку повидал достаточное количество женщин, чтобы научиться в них разбираться. И знать, как нужно себя вести с той или иной девушкой.

На Ксению ни в коем случае нельзя было давить. Шаг вперёд — и одновременно полшага назад, как капитуляция и признание в собственной незаинтересованности. Это оставляло ей иллюзию безопасности. Иллюзию выбора. Иллюзию того, что она ещё что-то решает. На самом деле нет — Игорь всё решил за неё в тот момент, когда Ксения стояла перед ним в одном Настином халатике и смотрела на него чуть испуганными глазами.

Иногда он сомневался в принятом решении. Как тогда, в вечер после первой встречи. Но Игорь настолько наслаждался происходящим и предвкушал дальнейшие события, что отказываться от собственного плана не хотелось. Да и какой смысл? Он ведь не собирается бить или унижать Ксению. И как бы не закончились их пока не начавшиеся отношения — девушка получит из них хорошую выгоду. Игорь никогда не обижал своих любовниц, со всеми расставался, что называется, полюбовно.

Впрочем, до этого момента ещё надо дожить. А пока... а пока пора делать следующий ход.

Больше всего Ксюша любила субботы. Особенно субботние утра — когда ты знаешь, что впереди ещё два дня выходных, и никуда не надо спешить. И можно поспать подольше, поваляться в кровати, наслаждаясь вялой дремотой во всём теле...

Но поспать Ксюше не дали. Ровно в десять, когда она начинала уже испытывать угрызения совести от собственного времяпрепровождения, в дверь позвонили. На кухне сразу заворчала Инна Васильевна — она, хоть и вставала сама с утра пораньше, Ксюшу никогда не будила.

— Кого ещё черти принесли... — забурчало в коридоре. — Да иду, иду, хватит трезвонить... — Щелчок открывшейся двери. — Тебе чего, любезный?

— Здравствуйте, я из компании «Трулайф» — курьерская доставка по Москве и области. У меня посылка для Ксении. Вы Ксения?

— Шо, опять? — то ли возмутилась, то ли восхитилась Инна Васильевна. — Неужели цветы?.. Не, не похоже. Я не Ксения, но я за неё. Давай, распишись.

— Мне надо...

— Слышали уже. Спит она. Я передам всё, не переживай.

Спит?.. Как тут спать, когда там опять... что он на этот раз придумал?!

Инна Васильевна уже переместилась на кухню вместе с коробкой красного цвета и задумчиво щёлкала над ней ножницами.

— О, Ксюня! С добрым утром. А тут вот неизвестную фигню какую-то принесли. Открываем?

— Открываем, — кивнула Ксюша, и хозяйка квартиры решительно вскрыла коробку.

Секунд десять они смотрели на содержимое, глупо хлопая глазами, а потом Ксюша улыбнулась.

— Забавный у тебя ухажёр, — протянула Инна Васильевна, доставая из коробки бутылку белого вина — кажется, это был тот самый гец... гер... ну, вы поняли — и большую упаковку сыра с голубой плесенью. — Подкармливать решил.

— Я просто говорила, что люблю этот сыр, — Ксюша рассмеялась. Ей почему-то было легко и очень приятно. — Вот он и...

— Ага. А вино ты такое тоже любишь?

— Теперь да...

— Угу. Угостишь?

— Конечно, Инна Васильевна! — Ксюша кивнула, убирая бутылку вина и сыр в холодильник. — Вечером разопьём!

Хозяйка квартиры озабоченно разглядывала коробку, чуть хмурясь.

— Смотри, Ксюня, осторожнее. А то так сначала цветы, потом сыр с вином, а чуть погода и колечко на палец...

— Да ну вас, — отмахнулась Ксюша.

— Ты меня только предупреди, если съезжать вздумаешь...

— Не вздумаю. Яичницу будете на завтрак? Я бы сделала...

— Делай. Поухаживай за мной.

— Договорились, — засмеялась девушка, открывая холодильник и чувствуя себя при этом так, будто она уже выпила это присланное вино.

Эйфория быстро схлынула, оставив после себя ощущение чего-то неправильного.

Приманка для дикого зверька, наживка для рыбы, силочек для птицы. И главное — «жертва», то есть она сама, с радостью глотала все эти умело расставленные ловушки, не имея ни возможности, ни сил от них отказаться.

И даже злиться толком не получалось. Слишком у него это всё... ненавязчиво выходило. Все прочие Ксюшины «ухажёры» сразу заявляли о намерениях и начинали переть вперёд, как бульдозеры, пугая её своим напором. Игорь Андреевич, как нашкодивший кот, делал вид, что он ни при чём. И ни о каких намерениях не заявлял, отчего Ксюше казалось, что она это всё придумала, и на самом деле мужчина не собирается сближаться с ней ещё больше.

Телефон молчал, и она, немного поколебавшись, отправила краткое смс-сообщение всего с одним словом. «Спасибо».

Поначалу отчёт о доставке не приходил, и Ксюша даже немного попереживала — мало ли, вдруг что-то случилось? Самолёты, бывает, падают...

Смс дошло через полтора часа, и вслед за отчётом пришёл краткий ответ.

«Не за что, Ксения».

Ещё минут десять она колебалась. Но написать всё же проще, чем сказать, по телефону или глядя в глаза...

«Чего вы хотите от меня, Игорь Андреевич?»

Дождаясь ответа, Ксюша тряслась, как осиновый лист.

«Просто улыбнитесь. Больше ничего».

Вот же... продюсер.

«Я не об этом спрашиваю. Вы же поняли!»

И впервые в жизни мелодия от пришедшего смс-сообщения показалась Ксюше похожей на издевательский смешок.

«Я понял. Но об остальном мы с вами поговорим, когда я вернусь. Не накручивайте себя и отдыхайте».

Ещё минут пять она гневно пыхтела, но всё же не выдержала.

«Мне кажется, я вас ненавижу».

Ответ пришёл почти сразу.

«Вам кажется».

Ксюша истерически рассмеялась, прижимая ладони к пылающим щекам. И почему-то ей подумалось, что на том конце земного шара Игорь Андреевич тоже смеётся... хотя и без пылающих щёк.

А потом она осознала: он написал «когда я вернусь». Значит, собирается встретиться с ней еще раз?

Надо отказаться, конечно. Надо. Но еще надо смотреть правде в глаза...

Вряд ли у неё получится.

Позже Ксюша ходила в магазин, немного почитала, сварила суп вместе с Инной Васильевной, а ближе к вечеру, когда на улице зарядил дождь, они, как и намеревались, сели распивать вино и лакомиться сыром с плесенью.

— Это кто ж у тебя такой щедрый-то, а? — хмыкнула хозяйка квартиры, любуясь игрой света в бокале. — Вино явно не из самых дешёвых.

Что Ксюша могла сказать?

— Да он не у меня. Он сам по себе. — Инну Васильевну нужно было срочно отвлечь, поэтому девушка поинтересовалась: — А вы почему так и не вышли замуж? Я давно хотела спросить.

— Да дура потому что, — вздохнула Инна Васильевна, отпивая из бокала. — Эх, вкусное... Был у меня ухажёр, да еще какой. Настоящий мужчина. По всем правилам обхаживал, жениться хотел... Но я, понимаешь, в то время была двадцатилетней дурочкой, и мне казалось, что тридцатипятилетний мужик — это почти старик. Сейчас смешно... В общем, отказала я ему, нехорошо так отказала, унизила да?е, опозорила. Обидела его крепко, и он ушёл. Потом я опомнилась, да и заскучала по нему, попыталась всё исправить, прощения просила, но бесполезно. Он в итоге в другой город переехал по работе, диссертацию защитил, сначала кандидатскую, затем докторскую. Женился, двоих детей родил. Короче говоря, всё у него в жизни сложилось. В отличие от меня.

Инна Васильевна поставила бокал на стол и взяла маленький кусочек сыра. Говорила она спокойно, даже не горько. Так обычно говорят люди, давно переболевшие своим несчастьем и смирившиеся с ним.

— Но неужели после него никого не было? — осторожно спросила Ксюша.

— Почему не было? Было, и много. Вполне достаточно, я бы сказала. Просто... не любила я никого, Ксюнь. Не могла, всех с ним сравнивала. А когда опомнилась и захотела хотя бы ребёнка себе родить... поздно оказалось. Не получилось. Ну да ладно. У каждого

своя судьба.

Ксюша молчала, вспоминая своих родителей. Действительно — у каждого своя судьба, своя история ошибок, многие из которых зачастую не исправить.

— А он... жив?

— Жив, — кивнула Инна Васильевна. — Общие знакомые у нас есть, я иногда справляюсь у них о нём. А вот он обо мне никогда не спрашивает. — Она усмехнулась. — Отсёк, как лишнее. Смог. А у меня это даже за тридцать пять лет не получилось. Вот...? ты спрашиваешь, почему я так и не вышла замуж. Говорю же — дура.

Ксюша покачала головой.

— Нет, почему? Просто вы однолюб. У меня папа такой был.

— Папа был, говоришь? А мама?

Девушка чуть заметно улыбнулась.

— И мама. Но поняла она это только после того, как папа умер.

— Да-а-а, — протянула Инна Васильевна. — Вот это самое печальное. Когда ты понимаешь что-то важное, а исправить уже не можешь. Поздно.

Ксюша хотела сказать, что верит — поздно никогда не бывает — но не успела.

— Ладно, Ксюнь, хватит с нас этих печальных разговоров, а то я потом полночи спать не буду. Расскажи мне лучше о своём И.В. Это гораздо интереснее.

Ксюша сама не поняла, как так получилось, но она вдруг выпалила:

— Он меня старше на двадцать шесть лет.

Инна Васильевна кашлянула.

— Эм... То есть... Пятьдесят один ему, да?

— Угу.

— Мда...

Они помолчали.

— Вы... считаете... что это ненормально?

— Нет, Ксюнь, — вздохнула хозяйка квартиры. — Я считаю, что это нестандартно. Но не более.

— Нестандартно?

— Да. В обществе существуют стандарты, и вы в них не вписываетесь. Больше пятнадцати лет разницы в возрасте — много. Но... Ксюнь... Если тебе не комфортно с человеком твоего поколения, но комфортно с мужчиной пятидесяти лет — разве это преступление? Другое дело... не хочет ли он просто развлечься за твой счёт? Хотя ты не относишься к девушкам, подходящим для развлечений, но мало ли.

— Подходящих для развлечений девушек у него и без меня достаточно, — усмехнулась Ксюша. — А я... деликатес для гурмана, видимо.

— Главное, что ты это понимаешь, — серьёзно сказала Инна Васильевна. — И на самом деле во временных отношениях нет ничего страшного, если никто никого не обманывает и не обещает надеть кольцо на палец.

— Не обещает, — Ксюша засмеялась. — Этого он уж точно не обещает...

— Тогда бери то, что он может тебе дать. Если тебе это нравится, почему нет?

Ксюша не стала говорить — потому что я боюсь. Однажды она уже доверилась мужчине, а после получила удар ножом в спину. И еще какой удар...

Второго такого удара она может и не выдержать.

Конечно, это была чистойшей воды глупость. А чем ещё может быть факт посылания

смс-сообщения с текстом «Было очень вкусно» в десять часов вечера?!

Ксюша и сама понимала, насколько это глупо. Но... но телефон запиликал, и её сердце замерло.

«Я очень рад, Ксения».

И смайлик.

— Ой, дураааа... — бормотала она, набирая ответ.

«Спасибо ещё раз. Вы уже в Америке?»

«Да».

«А сколько у вас времени?»

«Двенадцать дня».

Ксюша закусила губу. Интересно, что Игорь Андреевич сейчас делает? И как бы это вызнать, не показавшись навязчивой?

Но она не успела ничего придумать — телефон зазвонил.

На этот раз сердце не замерло — оно упало в пятки...

— Алло...

— Добрый вечер, Ксения.

Какой лукавый голос. Наверное, ему действительно было очень смешно...

— Добрый... день, Игорь Андреевич. У вас же день.

— Для меня вечер. Ещё не перестроился.

— Это тяжело, наверное?

— Не очень, Ксения. Я быстро привыкаю к смене поясов. Сложнее всего — не зевать в первый день на деловых встречах.

Она улыбнулась, представив себе зевающего Игоря Андреевича. Да еще и на деловой встрече!

— Вот сейчас назеваюсь впрок, пока с вами говорю. Специально вышел из конференц-зала в коридор.

— Ой... Я вам помешала?

— Нет, — он явно усмехнулся. — Это же я вам позвонил, Ксения, а не вы мне.

— Так я перед этим бомбардировала вас смс-ками...

— Знали бы вы, как меня Настя бомбардирует, — засмеялся Игорь Андреевич. — Вот это бомбардировка так бомбардировка. А у вас просто лёгкий обстрел.

Ксюша хихикнула, опускаясь на постель. Провела рукой по одеялу — покрывало она уже к тому времени сняла — и вдруг вспыхнула, представив этого мужчину сидящим рядом с ней.

— Значит, вы ненавидите меня? — и вновь лукавый голос. — Или теперь, после съеденного сыра и выпитого вина, вы подобрали и больше меня не ненавидите?

— Эм... Ну, я бы так не сказала...

— Я понял. Значит, буду заглаживать свою вину.

Ксюше стало жарко.

— Опять... что-нибудь подарите?

— Не скажу.

— Игорь Андреевич!

— Ксения!

И смеётся.

— Вот сейчас я опять вас ненавижу!

— Простите меня, Ксения, — сказал он очень тепло и уже не смеясь. — Разговор с вами — как глоток свежего воздуха, особенно здесь и сейчас. Не обижайтесь.

— Я не обижаюсь, — она вздохнула, сжимая в пальцах одеяло. — Я... боюсь.

Игорь Андреевич молчал несколько секунд.

— Не бойтесь, — а теперь голос был абсолютно серьёзным и каким-то... твёрдым, что ли. — Я не буду вас торопить или на чём-либо настаивать. Не нужно меня бояться.

«А себя?»

— Я постараюсь, Игорь Андреевич.

— Вот и прекрасно. Ксения... меня зовут обратно в зал. Если вы уже ложитесь спать, то спокойной вам ночи.

— Да, я... почти. А вам тогда удачного рабочего дня.

— Спасибо, — кажется, он улыбался. — Мне пригодится.

И куда делось моё благоразумие?

Как у него получается манипулировать мной при полнейшем моём понимании всех его действий? Такое впечатление, что он заранее знает все мои реакции. Может, так и есть? Наверное, это логично для человека его уровня и положения.

Забавно, что я при этом совершенно не могу предугадать, как он поведёт себя дальше. Чего мне ждать от завтрашнего дня? Не представляю. И от этого тоже немного страшно... и волнительно. И волнующе. Даже не знаю, какое слово точнее выражает моё нынешнее состояние...

А ещё мне немного стыдно, потому что я довольно-таки часто... представляю его рядом с собой. И не всегда это приличные мысли.

Папа говорил: когда любишь — хочется прикоснуться. Со мной подобное впервые за последние восемь лет...

Игорь чувствовал себя совершенно выжатым после прошедшего дня. Его жизнь порой состояла из постоянной болтовни, и иногда это раздражало. Но за всё приходится платить, и чаще всего — личным комфортом и счастьем.

«Я боюсь». Игорь вспомнил об этих словах Ксении уже перед сном, когда рухнул в постель, как срубленное дерево. Было несложно понять, что это значит, так же, как и определить — когда-то Ксению сильно обидели. В противном случае она не была бы столь неуверенной в себе особой.

Бойтся... Девяносто девять девушек из ста на её месте пользовались бы случаем и открыто радовались удаче. А эта боится.

Игорь с предвкушением улыбнулся, закрывая глаза. Со страхом отношений он еще не боролся... Тем интереснее.

Так что... пусть боится.

В воскресенье Ксюша целый день ждала... ну, чего-нибудь. Но ничего так и не случилось. И цветов не приносили, и конфет не было, и телефон молчал. То ли Игорю Андреевичу не до неё, то ли он передумал за ней... ухаживать, то ли решил дать ей передышку.

Увы, Ксюша совершенно не могла понять, что творится в его опытной и искушённой

голове, поэтому решила не паниковать заранее. И просто провела хороший и спокойный день, немного омрачённый молчащим телефоном и отсутствием горячей воды.

А утром в понедельник, когда Ксюша уже была на работе, ей позвонила Настя Венчур.

— Привет! — жизнерадостно воскликнула она, и так громко, что Ксюша аж подпрыгнула на стуле. — Я тебе хотела предложить сегодня встретиться! Мне безумно скучно без папы. Давай в кафешку сходим, может? Или к нам! Пиццу закажем. Ты заодно, — она хихикнула, — помоешься.

— Не знаю, — ответила Ксюша, буквально вылетев из редакции под недовольный взгляд Виктора. — Честно, неловко как-то.

— Да брось. Чего это неловко? Ты ж была у нас два раза. И при папе!? сейчас с чего вдруг неловко? Ерунда! Приходи, помоешься!

И Ксюша бы отказалась, но выходные наперевес с кастрюльками её доконали, тем более что погода стояла прохладная и довольно-таки противная. А в среду свадьба Стаси и Саши... До среды, конечно, она ещё закоптится, но всё же не так сильно, можно будет обойтись кастрюлькой.

— Хорошо, приду. После работы только, само собой. Ты меня внизу встретишь или так проходить?

— Так проходи! Ты же помнишь всё, да?

Забудешь тут...

— Помню, конечно.

— Вот! А сначала пиццу съедим, или ты сначала помоешься?

— Помоюсь. У меня после ванны аппетит всегда лучше. Зверский даже аппетит...

— Отлично! — Настя засмеялась, и почему-то Ксюше послышалось в этом смехе какое-то... торжество, что ли? — Тогда жду-у-у! У меня, кстати, еще сыр с плесенью есть!

Ксюша усмехнулась. Сыр с плесенью у неё тоже пока был — они с Инной Васильевной не доели. Экономили вкуснотищу.

— Замечательно, Настюш. До встречи.

— Ага, — хихикнула девочка и отключилась.

Ксюше показалось — Виктор хотел ей что-то сказать такое... ехидное и конфликтообразующее, как только она вернулась. Но его занял внезапно пришедший начальник отдела продаж, и девушка вздохнула с облегчением — разговор был долгим и трудным, поэтому Виктор после его окончания просто развалился в кресле, на какое-то время не способный на козни.

Потом она сбежала на обед, затем была встреча с автором, и в результате, когда Ксюша освободилась, оказалось, что начальство уже убежало по делам.

Ура!

— У тебя был такой видок, когда ты поняла, что Виктор уже свинтил, — засмеялась Галя Елецкая, обмеряя линейкой какую-то книжку. — Видел бы он, небось, премии бы лишил.

— Ну премии-то нам не за видок дают, а за показатели, а у меня они, насколько я помню, одни из лучших.

— Эк ты скромно. Лучшие они у тебя. По нашей редакции, по крайней мере. Даже несмотря на отвратительный характер... сама знаешь кого.

— Да ладно вам, — фыркнул со своего места Вадим. — Виктор, конечно, вредничает, но захотел бы реальный вред тебе, Ксюш, причинить — причинил бы. А это так всё...

ерунда.

— Вот и хорошо, что не хочет, — вздохнула Ксюша. — Увольняться мне тоже не хочется. Я к вам привыкла как-то за шесть-то лет.

— Мы к тебе тоже, — усмехнулась Галя. — Поэтому если Виктор начнёт борзеть... Поставим его на место всем миром.

— Каким же это образом?

— Ну... — мстительно протянул Вадим. — Об эффективности работы начальника лучше всего говорят показатели редакции по сдачам в типографию, так ведь?? если они будут нулевые...

— ... нас всех уволят.

— Ты уверена? Я нет. В любом случае... будет борзеть — посмотрим, кто кого.

Ксюша рассмеялась.

— Ох, ребята... Хорошо, что вы у меня есть.

— Именно, — кивнула Галя. — Коллектив — это страшная сила! А если он хороший, то эта сила — еще страшнее!

— За это надо выпить, — раздался из угла голос Ольги Алексеевны, а следом оттуда высунулась и она сама... уже с бутылкой. — Тем более, Виктора нет. Сам бог велел.

— Отличная идея! — воскликнула Галя, выдвигая нижний ящик своего стола — там хранились бокалы. — Наливайте, Ольга Алексеевна!

— О неееет... — протянула из-за своего стола Марина, редактор книжек для малышей до трёх лет. — Ребята, но сегодня же понедельник!

— А ты представь, что пятница, — весело сказала Ксюша. — Тогда всё будет хорошо!

... В общем, всё действительно было хорошо. И когда Ксюша уходила с работы, вспомнив, что её ждёт к себе в гости Настя Венчур, ей было прекрасно и очень весело.

Эх, если бы она только знала...

Улыбающаяся Настя встретила Ксюшу прямо у порога.

— Я тебе там всё повесила, как в прошлый раз! Вот, и тапочки держи! Полотенца два — для волос и тела, халатик, шампунь и мыло есть. Как воду включать, помнишь?

— Помнишь, — кивнула девушка, несколько ошарашенная кипучей Настинной энергией. Голова у Ксюши слегка кружилась после выпитого вина, а еще начинало клонить в сон, поэтому душ будет кстати — заодно взбодрится.

— Отлично! Иди давай. А я минут через тридцать закажу пиццу. Тебе же часа хватит, что бы помыться?

— Да мне и получаса хватит...

— Ну, я с запасом. Лучше позже, чем раньше, иначе остынет! Всё, иди-иди, а то я голодная! — и Ксюшу буквально втолкнули в ванную.

В зеркале отразилась девушка, кудрявая и румяная просто до безобразия, с блестящими глазами. Мда... кажется, с вином она сегодня всё же переборщила.

Ксюша стащила с себя футболку и лифчик, повесила их на один из крючков. Следом отправились джинсы с трусами, и как раз когда Ксюша подошла к ванне и подняла одну ногу, намереваясь забраться туда, открылась дверь, впуская в комнату Игоря Андреевича.

Как она устояла на ногах, непонятно. Но покачнулась точно, и дыхание задержала, и покраснела, наверное, ещё сильнее, чем от вина.

Мужчина застыл, не отойдя от двери даже на шаг. Оглядел Ксюшу совершенно спокойно, только немного удивлённо, а потом поинтересовался:

— Ксения, что вы здесь делаете?

— Мыться собираюсь, — выдохнула она, всё же опуская ногу. Надо бы прикрыться, но... опустить ногу — единственное, на что хватило её сил.

— Ну да, — хмыкнул Игорь Андреевич. — Это же очевидно.

— А... вы?

— Что — я?

— Вы что здесь делаете?

Он чуть приподнял брови.

— Я? Вообще-то это моя ванная.

Если бы Ксюша могла, она бы рассмеялась.

— Да я... я про другое. Вы же говорили, что возвращаетесь только во вторник. И Настя... она мне ничего не сказала...

— С Настей я на эту тему ещё поговорю, — Игорь Андреевич улыбнулся, опуская глаза и явно изучая Ксюшину грудь. Соски закололо... — Что ж, я пойду. Приятно вам... искупаться.

Он отвернулся, и Ксюша вдруг, неожиданно для самой себя, выпалила:

— Вы до меня даже не дотронетесь?

Боже. Что она несёт?!

Игорь Андреевич замер. Затем вновь повернулся к ней лицом, и она увидела, что уголки губ у него дрожат будто бы от сдерживаемого смеха.

— Вы так хотите, чтобы я до вас дотронулся? — спросил он тихо, но по-прежнему не двигаясь с места.

Чёрт, ну кто тянул её за язык?!

— Я... — Ксюша сглотнула. — Не знаю... Я просто...

Он подошёл ближе, улыбнулся, глядя ей в глаза.

— Вы просто дразнитесь.

— Нет, — выдохнула девушка, и замерла, потому что Игорь Андреевич поднял руку и коснулся её волос.

— Нет? — Тёплые пальцы погладили щёку. — А мне кажется, дразнитесь. Но Ксения, вы же понимаете, это неправильно. Нельзя дразнить зверя.

— Нельзя, — повторила она, чувствуя, как что-то ноет в груди.

— Вы спрашивали, что мне от вас нужно, — продолжал Игорь Андреевич, и его ладонь спустилась ниже, на шею девушки. — Никогда не задавайте вопросы, на которые знаете ответ.

— Я думала... ошибаюсь...

— Нет. Не ошибаетесь.

Ладонь легла на шею сзади, зарылась в волосы, и Ксюша чуть прикрыла глаза — так это оказалось приятно.

— От вас пахнет вином, Ксения, — сказал вдруг Игорь Андреевич, возвращая её с небес на землю. — Вы пили? Надеюсь, не с Настей?

— Нет, — выдохнула она, вновь распахивая глаза. И пошатнулась — лицо мужчины было очень близко.

Игорь Андреевич придержал Ксюшу за талию, не давая упасть, но тут же отпустил.

— Не бойтесь. Я не сделаю ничего без вашего желания.

«В этом и проблема...»

Ксюша, конечно, не сказала этого. Но он понял и так.

— И не бойтесь собственных желаний, — шепнул, в последний раз погладив её по щеке, а затем сделал шаг назад. — Всё, я пойду, Ксения. Мне тоже нужно помыться после перелёта. Купайтесь.

И ушёл. Спокойно, не падая и не спотыкаясь. А вот Ксюша после его ухода тяжело опустилась на бортик ванны, чувствуя себя так, словно... словно это был не просто разговор, а Игорь Андреевич её только что... сделал своей женщиной.

Невероятно. И не дотронулся толком, а будто бы заклеил...

Обычно вода успокаивает, но на этот раз не успокоила. И когда Ксюша, вымывшись, оделась и взглянула на себя в зеркало, она обнаружила по-прежнему розовые щёки и лихорадочно блестящие глаза.

Однако хмель прошёл, и теперь окружающее пространство не казалось подёрнутым лёгкой дымкой безмятежности.

— Ладно, — сказала сама себе Ксюша, стоя перед зеркалом. — Спокойно, ничего страшного не случилось. Вдохнули, выдохнули... развернулись и пошли.

Сказать всегда проще, чем сделать, и как только Ксюша вышла из ван?ой и, поплутав немного в коридорах этой квартиры-лабиринта, добралась до кухни, где сидели Игорь Андреевич с Настей, она вновь смутилась и окончательно покраснелась. Особенно когда мужчина поднял голову от тарелки с каким-то жареным куском мяса и чуть улыбнулся.

— С лёгким паром, Ксения, — сказал совершенно спокойно, так, будто бы полчаса назад ничего особенного не произошло. Наверное, для него действительно ничего особенного.

Настя сидела на соседнем барном стуле и с виноватым видом чертила что-то пальцем на поверхности стола.

— Ксюш... — протянула она, тоже поднимая голову и молитвенно складывая ладошки. — Извини, пожалуйста. Я просто... в общем, это была глупая шутка. Простишь?

Точно. Настя. За всеми своими переживаниями Ксюша уже успела забыть об этой полной коварства девчонке, которая зачем-то её обманула.

— Прощу, — буркнула Ксюша, отводя глаза. — Не буду мешать вам отдыхать, Игорь Андреевич. До свидания. Настя... ты не закроешь за мной?

Девочка непонимающе и обиженно захлопала ресницами.

— Ты... уже уходишь? Па-а-ап! — Настя ткнула Игоря Андреевича пальцем в плечо. — Сделай что-нибудь!

— Скажи спасибо, что Ксения вообще с тобой разговаривает. — Мужчина отложил приборы и встал со стула. — Пойдёмте. Я вас выпущу.

— Но па-а-ап!!

— Настя, — произнёс он с холодной суровостью, — сиди и помалкивай. Вижу, ты ничего не поняла из того, что я тебе сказал. Так что больше ни звука.

Ребёнок надулся, и Ксюше даже стало чуть-чуть жаль Настю.

— Игорь Андреевич... я правда не обижаюсь. Я и сама виновата, забыла закрыться. У нас с Инной Васильевной дома замков нигде нет, ни в ванной, ни в туалете. Бзик у неё, родственница от инсульта в ванной умерла, вот я и не привыкла запираяться... Я просто не хочу вам мешать, вы же устали после перелёта.

— Я понимаю. А вы эту нахалку не жалейте, нечего её жалеть. Пусть подумает о своём поведении. Вернись — расскажешь, что надумала, Настя.

«Так вы разве надолго? — подумала Ксюша с удивлением. — До двери же только...»

Оказалось — ошиблась. Игорь Андреевич вышел из квартиры вместе с ней и совершенно невозмутимо вызвал им лифт.

— А вы... куда? — оторопело поинтересовалась Ксюша.

— Я вас отвезу.

— Что?.. Вы с ума сошли! После самолёта!

— После самолёта сошёл с ума? — Игорь Андреевич улыбнулся, внимательно глядя на Ксюшу. — Интересный... диагноз. А вот и наш лифт. Заходите, Ксения.

— Вы... — она осталась стоять на месте, гневно сверкая глазами. — Я никуда не поеду!

— Не поедете? Хорошо. Тогда возвращаемся, и вы ужинаете вместе со мной.

— Вы... — повторила опять Ксюша. — Игорь Андреевич!

— Ксения! — он лукаво улыбнулся, не отрывая взгляда от её возмущённого лица.

— Ну так же нельзя!

Лифт закрылся, и Игорь Андреевич вновь его вызвал. Двери сразу же разъехались, и мужчина, подхватив Ксюшу под локоть, мягко, но настойчиво проводил её в кабину.

— Можно.

Ксюша вздохнула, двери закрылись, и лифт рванул вниз.

— Это неправильно. Вам спать надо, отдыхать, а не всяких девиц по домам развозить.

— А я и не развожу «всяких девиц». Только вас. И перестаньте упрячиться, это займёт у меня от силы час-полтора.

— Могли бы такси вызвать, как в прошлые... разы.

— Скажите, Ксения, — Игорь Андреевич сделал шаг вперёд и оказался почти вплотную к ней, — по — вашему, я не имею права на капризы?

— При чём здесь это? — она нервно сцепила руки перед собой. Так близко... прикоснуться бы. Но не в лифте же!

— При том. Считайте, что это мой каприз, — улыбнулся Игорь Андреевич, пристально изучая её губы. — И не переживайте так из-за него.

Лифт остановился, двери открылись, и Ксюша поняла, что они приехали на подземную парковку.

— Судя по вашему лицу, вы сейчас переживаете очередной этап ненависти ко мне, — усмехнулся Игорь Андреевич, и Ксюша не удержалась от улыбки.

— Да, вы правы.

— Прекрасно. Выходите, Ксения, лифт нас вечно ждать не будет, закроет двери и помчится по дальнейшим делам.

— Вас нереально переупрямить, да? — вздохнула она, выбираясь наружу.

— Почему же? Просто нужно больше практиковаться. Тогда, возможно, у вас появится шанс... маленький. Совсем небольшой.

Она фыркнула.

— Ладно. Тогда буду практиковаться.

— Договорились, — кивнул Игорь Андреевич, но Ксюша видела по его глазам и лукавой улыбке — нет у неё никаких шансов. Абсолютно никаких...

Хорошо, что в машинах она не разбирается. А то сейчас, наверное, в обморок упала бы от осознания стоимости этого чуда. А так — машина как машина. Чёрная, чистая, не джип и не спорткар. Всё остальное Ксюше было неизвестно.

Хотя... нет, кое-что оказалось ведомо — салон, обитый светло-бежевой натуральной

кожей. Но это и дура бы поняла...

Заметив пепельницу на приборной панели, Ксюша удивилась и спросила:

— Вы же... не курите, Игорь Андреевич?

— Не курю, — кивнул мужчина, выезжая на улицу с оживлённым движением. Ксюша обеспокоенно на него посмотрела: наверное, тяжело водить машину после десятичасового — или сколько там из Америки лететь? — перелёта? И зачем только решил её домой отвезти, она бы и сама прекрасно доехала на общественном транспорте... — Это Борис курит, мой шофёр. Дома за ним жена следит, так что обычно отрывается, когда меня куда-то возит. А как вы поняли, что я не курю? Я вроде не говорил.

— От вас не пахнет, — выпалила Ксюша, и только потом сообразила, как именно это прозвучало. — Ну, в смысле... Опять я вас рассмешила.

Игорь Андреевич действительно тихо смеялся, но у него это получалось совсем не обидно.

— Да, это было забавно. Но я понял, о чём вы, Ксения. От курящих людей на самом деле есть особый запах, я тоже частенько его ощущаю. Настя, — он усмехнулся, — как-то попробовала курить, одноклассники соблазнили. Пришла домой, сделала морду кирпичом — мол, я ничего не знаю, всё в порядке. Я унюхал, конечно, и сразу спросил — курила? Она в несознанку играть? ачала, глазки невинные сделала — нет, говорит, папа, это я просто рядом стояла. Послушал я её, а потом сказал — еще раз рядом постоишь и познакомишься с чудесным папиным ремнём.

Ксюша улыбнулась.

— Жестоко.

— Зато действенно.

— Это вы просто умеете... м-м-м... пригрозить. Большинству подростков грози-не грози — безразлично. А Настя знает, что папа может, вот и стремится.

— И правильно делает.

Начались знакомые места, и Ксюша вздохнула — совсем скоро они приедут. Жаль, что так быстро доехали.

«Прекрасно. То тебе не хотелось, что бы он тебя после перелёта домой отвозил, а теперь «жаль, что так быстро доехали». Где логика?! Нет логики!»

— А Настина мама... она, простите, от чего умерла?

Ксюша не сразу решилась задать этот вопрос, да и вообще бы не решилась, если бы не память о том, что Игорь Андреевич в прошлый раз сказал «Умерла» достаточно спокойно.

— Опухоль мозга.

Он и на этот раз тоже ответил очень спокойно.

— Я... соболезнаю.

— Спасибо. Знаете, Ксения, — Игорь Андреевич вдруг улыбнулся, — насколько вы необычны?

— Что? — она подняла брови. — Вы о чём?

— О том, что вы, видимо, не изучили должным образом мою биографию в интернете. Честно говоря, я не представляю, кто еще из моих знакомых поступил бы так же.

— Ну, — Ксюша засмеялась, — я просто считаю, что это немного нечестно. Вы-то про меня ничего не можете прочитать в интернете... Но я смотрела с вами видео!

— Видео?

— Да, интервью. Мне было интересно.

Он усмехнулся.

— Так-так. И что вы думаете о моих интервью?

— Что вы умеете отвечать на каверзные вопросы и вообще мастерски, извините, изворачиваетесь. Спросили об одном, а вы тюк — и на другую тему повернули.

— Тюк? Забавно. Да, Ксения, вы верно заметили — иногда приходится изворачиваться, если тебе задают вопрос, на который ты не хочешь или не можешь ответить.

— А чаще — не можешь или не хочешь?

— Чаще и то, и то. И не можешь, и не хочешь. Одно тянет за собой другое. Так... Ксения, это ваш дом, судя по навигатору?

— Да, — она вздохнула. — Мой.

— Отлично. Видите, довёз я вас. А вы боялись.

— Вам ещё назад ехать...

— Ничего, справлюсь как-нибудь.

Игорь Андреевич с трудом нашёл место для парковки недалеко от Ксюшиного подъезда, а припарковавшись, повернулся к девушке, расстёгивая ремень безопасности.

— Пойдёмте, доведу вас до квартиры, как настоящий джентльмен.

— А может...

— Могу, могу. — Он открыл дверь со стороны, где сидела Ксюша, и помог ей выйти из машины. — Показывайте дорогу.

Что-то сжималось внизу живота, пока она вела Игоря Андреевича к подъезду, набирала код, шла к лифту. Здесь, в доме, где Ксюша снимала квартиру, всё было совсем иначе — обычный подъезд, внутри которого пахло совсем неаппетитно, заплёванная лестница, дурацкие надписи на стенах.

— Наверное, вы давно не бывали в таких местах... — пробормотала она, вызывая лифт, и замерла, когда Игорь Андреевич мягко улыбнулся.

— Ксения... Я родился не среди золота и даже без серебряной ложки во рту. До моих десяти лет мы жили в бараке, где не было ни горячей, ни холодной воды. Зато была куча народу, особенно детей. Потом перебрались в квартиру в крошечной пятиэтажке с низкими потолками без лифта. И воду горячую в то время, кстати, выключали на всё лето, а не на десять дней, как сейчас.

— Ужас какой.

— Ужас. Но так жила вся страна, не только я. Мои родители были людьми небогатыми — папа рабочий, мама простая уборщица. С серебра я не ел. Так что... в одном вы правы — я давно не был в таком доме. Но меня им не удивить.

Лифт наконец доехал до первого этажа и неторопливо задрезжал открывающимися дверьми. Он здесь был обычным, не грузовым, а просто гробиком, покрашенным изнутри серебряной краской, которая вся была исцарапана различными глупыми надписями, в том числе и матерными.

Ксюша смущённо кашлянула, поднимая глаза — Игорь Андреевич стоял почти вплотную к ней. Да он и не мог в этом лифте по-другому стоять...

— Извините, — сказала девушка, глядя ему в глаза за стёклами очков в тёмной оправе, — домой я вас не приглашу. Я с хозяйкой в квартире живу, она не разрешает.

— Ничего, Ксения, — ответил Игорь Андреевич невозмутимо, вновь опуская взгляд на её губы. — Я сейчас всё равно не в состоянии ходить по гостям.

— Устали? — протянула Ксюша виновато, и он кивнул.

— Да. Приеду — и сразу спать.

Лифт застыл на шестом этаже, двери с грохотом раскрылись, и Ксюша шагнула на лестничную площадку. Игорь Андреевич последовал за ней.

Уже возле квартиры девушка обернулась и, рвано выдохнув, сказала:

— Ну... вот.

Он улыбнулся, застыв в шаге от Ксюши.

— З?ачит, здесь вы живёте?

— Здесь, — она кивнула, чувствуя себя кроликом перед удавом. — Я... вы идите...

— Иду, — засмеялся Игорь Андреевич, делая шаг вперёд и оказываясь совсем рядом с ней. — Вот, пришёл.

— Нет, — Ксюша улыбнулась. — В другую сторону...

— В какую?

Он поднял руку и коснулся её волос. Ксюша задержала дыхание, тут же забыв, о чём он спрашивал.

— Ксения? — Игорь Андреевич погладил её щёку кончиками пальцев. — Вы слышите меня?

Она таки смогла выдохнуть.

— Не уверена.

Он усмехнулся, касаясь щеки девушки теперь уже целой ладонью.

— У вас очень нежная кожа. Шёлковая и тёплая.

А вот у него ладонь была не тёплая, а горячая, но у Ксюши не было сил это рассказывать.

— Нежная девочка... — вдруг прошептал Игорь Андреевич, запрокидывая ей голову и склоняясь над её лицом. — Очень нежная девочка...

И его дыхание на губах Ксюши тоже было очень горячим. Да и она сама уже сгорала от нетерпения, ожидая, когда он наконец коснётся её губ своими.

Но ничего этого не случилось, потому что на лестничной площадке раздался совершенно жуткий лязг — именно с таким лязгом открывалась входная дверь квартиры Инны Васильевны.

— Ксюня! — воскликнула женщина удивлённо, от неожиданности чуть не уронив пакет с мусором. — А что это... А-а-а. Ага. Ладно, я пока... не буду вам мешать.

И дверь вновь закрылась.

Игорь Андреевич, за это время так и не выпустивший Ксюшу из своих рук, улыбнулся, вновь опуская взгляд на её лицо.

— Забавная у вас хозяйка. И халатик с ромашками.

— Да, — Ксюша нервно рассмеялась. — И соломенная шляпка ещё есть...

— Соломенная шляпка — это замечательно, — сказал мужчина тихо, поглаживая Ксюшин затылок и перебирая пальцами пряди волос. — Ксения...

Она прикрыла глаза, ожидая поцелуя, но его вновь не последовало.

— Хорошего вам вечера, — шепнул Игорь Андреевич, в последний раз погладив её по щеке, а затем отпустив. — И спокойной ночи.

— Спокойной, — Ксюша чуть покачнулась — ноги были словно ватные. — Я... да. До свидания.

«До свидания»... А ведь не хотела же никаких свиданий...

— До свидания, — кивнул Игорь Андреевич, улыбнулся — и почти побежал вниз по

лестнице, словно не взрослый пятидесятилетний мужчина, а обычный мальчишка.

Возвращаясь к своему БМВ, Игорь был готов ко всему — от снятых шин до исцарапанного лобового стекла, но за его отсутствие ничего подобного не случилось, и мужчина вздохнул с облегчением. Сел в машину, завёл мотор и, тронувшись с места, усмехнулся.

Зачем он вообще решил отвезти Ксению? Всё просто — Игорю хотелось увидеть, как она будет держать себя после случившегося в ванной. Её искренние и неподдельные реакции весьма его забавляли. Хотя она, конечно, очень старалась скрыть свои чувства, и порой это даже получалось. Но Игорь слишком хорошо разбирался в людях, поэтому просчитывал Ксению моментально.

Любопытно. Она ведь не дуручка, всё прекрасно понимает, и даже сопротивляется... немного. Потому что на самом деле хочет этого не меньше, чем он сам. Игорь был совершенно уверен, что так оно и есть — он уже давно жил на этом свете и научился безошибочно распознавать сигналы тела. Реакции Ксении говорили ему ясно и чётко — он ей нравился. И все метания девушки были связаны в первую очередь со страхом отношений. Хотя... возможно, возраст Игоря и его деньги тоже играли свою роль, но в гораздо меньшей степени, чем он поначалу ожидал.

Кто бы мог подумать, что общение с этой нежной девочкой будет приносить столько удовольствия. Игорь уже давно не завоевывал женщин, он забыл, что это такое — когда кровь в жилах горит от охотничьего азарта, когда пытаешься просчитать каждый свой шаг и постоянно думаешь, правильно ли поступил в том или ином случае.

Вот, например, сейчас. Может, стоило поцеловать Ксению? Он ведь хотел. Нет. Он жаждал. Именно поэтому и не поцеловал — интуитивно почувствовал, что такой резкий шаг вперёд пойдёт во вред его плану. Ксения испугается. Она и так после сегодняшнего конфуза в ванной дрожала, словно лист на ветру, еще и поцелуя могла и не выдержать.

«Не торопись, — говорил много лет назад Игорю его отец. Он был обычным токарем на заводе, но при этом умнейшим человеком. — Никогда и ни в чём не торопись. Быстро не бывает хорошо. Иногда, конечно, требуются мгновенные решения, но даже они должны быть взвешенными».

Отец умер в лихие девяностые — сердце не выдержало развала Советского Союза, а затем и закрытия родного завода, на котором он проработал всю свою жизнь. Мать не?адолго его пережила. Она была диабетиком, а в то время с лекарствами приходилось очень туго, и однажды ей просто не хватило дозы. В общем, родители так и не увидели стремительный подъём своего сына «из грязи в князи». Может, и хорошо, конечно... Некоторыми своими поступками Игорь вовсе не гордился. Но тогда было такое время — либо ты, либо тебя.

В любом случае — спасибо отцу за науку. Пригодилась.

Сегодня, зайдя в собственную ванную и увидев обнажённую Ксению, Игорь с трудом удержал лицо, да и не только его. Нестерпимо захотелось плюнуть на всё и подмять её под себя. Потом, конечно, пришлось бы менять тактику... но неужели он бы не справился? Ерунда, справился бы.

Но... неинтересно. Пришёл, увидел, победил — скучно. Игорь хотел дать Ксении дополнительное время и возможность пометаться, осознать, чего она хочет на самом деле. И

когда он наконец впервые овладеет её восхитительным телом, она сама будет дрожать от нетерпения и желания. Впрочем, Ксения уже немного дрожала... но пока больше от страха.

Упоительнее всего окажется почувствовать её нежный ротик на своём члене, но до этого точно еще далеко. Игорь обожал минет, но понимал — придётся потрудиться, что бы Ксения привыкла к нему и достаточно раскрепостилась. Однако цель того стоит. И минет в её исполнении станет самой настоящей вишенкой на торте...

На горизонте показалось высотное здание, в котором находилась квартира Игоря, и мужчина вздохнул — сейчас, до того, как идти спать, необходимо разобраться с Настей. Он её уже здорово отругал за авантюру с ванной, но чувствовал — мало. Теперь надо закрепить результат.

Пиликнул телефон, лежавший на соседнем сиденье. Игорь скосил глаза — смс-сообщение было от Ксении. Ну конечно.

«Вы доехали? Всё в порядке?»

Усмехнулся, но отвечать пока не стал — не доехал ведь ещё. Волнуется... милая девочка.

Его девочка.

Застывшая посреди коридора в халатике с ромашками и пакетом мусора в руке Инна Васильевна выглядела крайне забавно, но лицо у неё было серьёзным и озабоченным.

— Боже мой, Ксюня, — пробормотала она, как только Ксюша зашла в квартиру, — это и есть твой... И.В.?

— Да, — кивнула Ксюша, улыбнувшись. Ей было одновременно и смешно, и неловко, и радостно, и чуть-чуть страшно.

— Ксюня... Бедненькая ты моя... — вздохнула Инна Васильевна, качая головой. — Тебе и так по жизни досталось от какого — то дурака, сама же говорила, а этот... он же тебя вообще растоптать может, в порошок стереть. Матёрый волчище...

— Волчище, — Ксюша засмеялась. — Да, это вы точно сказали, Инна Васильевна... Матёрый волчище. Я понимаю.

— Ну раз понимаешь... В общем, беру свои слова назад. Не надо тебе с ним... Беги лучше, и поскорее!

— Поздно, — усмехнулась девушка, проходя в комнату. И повторила, глядя в зеркало на своё покрасневшее лицо: — Поздно...

Она услышала, как Инна Васильевна лязгнула дверью, выходя на лестничную площадку. Посмотрела на часы. Надо бы поужинать... Но не хочется.

Ксюша переделалась в домашнюю одежду, а затем прошла на кухню, думая хотя бы чаю попить. Там уже сидела грустная Инна Васильевна и поглощала клубнику из большой миски.

— Хочешь? — спросила она свою квартирантку, и Ксюша кивнула.

— Ага. Хочу.

Женщина вновь тяжело вздохнула.

— Ладно вам, Инна Васильевна, — улыбнулась Ксюша, садясь рядом. — Может, я феникс по натуре, и мне всё время надо возрождаться из пепла? Кто знает?

— Эх, Ксюня... — хозяйка квартиры придвинула к девушке миску с клубникой. — Люди же не птицы...

Ксюша хихикнула и запела:

— А тучи как люди-и-и... Как люди они одино-о-оки... Но всё-таки тучи-и-и не так жесто-о-оки-и-и...

— Вот именно, — фыркнула Инна Васильевна, слегка смягчаясь. — Но ты всё равно эту ерунду больше не пой.

— Не буду.

Расправившись с клубникой минут за десять, Ксюша вернулась в свою комнату. Взгляд её сразу же упал на лежавший на столе мобильный телефон, и девушка, закусив губу, подошла и взяла его в руку.

Выдохнула и набрала: «Вы доехали? Всё в порядке?»

Не могла она не спросить — слишком волновалась. Сумасшедший, зачем только затеял это всё... Впрочем, Ксюша на самом деле понимала, зачем, просто не желала об этом думать.

Если бы Игорь Андреевич просто отпустил её в тот вечер, не стал подвозить... Она бы не вернулась, поставив точку в этой странной истории. Но он не дал ей даже малейшей возможности поставить эту точку.

Телефон молчал, и Ксюша, слегка дрожа, села на постель, сжимая в руке трубку. Хоть бы всё было в порядке, хоть бы, хоть бы...

Краткий сигнал от пришедшего смс-сообщения.

«Да».

Выдох. Вдох.

Что же она такая глупая...

Я не могу спать, всё прокручиваю в голове случившееся за день, и думаю.

Понимая происходящее, я послушно иду туда, куда он ведёт меня, словно овечка на заклание. Он показал свой интерес ко мне — и тут же отступил, не лишая меня иллюзии возможности выбора. Он мог бы поцеловать меня сегодня — но не стал этого делать, доказав, насколько умеет контролировать свои чувства. Но правде говоря, сегодня он мог не только поцеловать, и я бы даже не сопротивлялась. Потом ненавидела бы себя и его тоже, но не сопротивлялась...

Он не хочет, что бы я ненавидела. И не ищет лёгких путей. Привязывает меня к себе не тонкой ниточкой, а стальным канатом. И мне интересно, по — настоящему интересно — что он будет делать дальше?..

А ещё я сегодня всё время вспоминаю Андрея. Знаю, это неправильно, да и поклялась я больше его не вспоминать, но сегодня не могу.

Моя первая любовь. Такая глупая и безжалостная. Иногда мне даже не верится, что всё это было со мной...

Но ведь было.

Ксюша тогда училась на первом курсе института. Семнадцать лет... Провинциалка, приехавшая в Москву из Чебоксар, милая и стеснительная пухляшка. Она тогда весила килограмм на двадцать больше, чем сейчас, страшно смущалась, если с ней заговаривали (особенно парни) и вообще старалась лишней раз не высовываться. Жила в общежитии, с соседками общалась нормально, но не сдруживалась — она была слишком заучкой, а они — слишком очарованными столицей и её возможностями.

Андрей Аракчеев — так его звали. Высокий, жилистый брюнет с обворожительной улыбкой и смеющимися глазами, предмет обожания всех девочек с Ксюшиного курса. Что же касается её самой... Нет, он ей, конечно, нравился — разве может такой парень не понравиться семнадцатилетней девушке? — но влюблена она не была. До тех пор, пока он сам не стал за ней ухаживать.

Всё началось с кинотеатра, куда они пошли всем курсом. Именно там Андрей сел рядом с Ксюшей, а в середине сеанса вдруг взял за руку. Так и сидел весь сеанс, а Ксюша от смущения и удивления не знала, куда себя деть.

После кино Андрей пригласил её погулять, водил в кафе, кормил пирожными, смотрел ласково и умильно. Ксюша не понимала, что и думать, а спрашивать боялась.

А дальше... началось. Цветы, конфеты, мягкие игрушки, ненавязчивые объятия. На занятиях Андрей теперь сидел рядом с Ксюшей, носил её сумку и предупреждал малейшее желание. Хочешь водички? Сиди, я схожу. Проголодалась? Я сбегаяю в столовую, а ты отдыхай.

До общежития провожал, звонил ей постоянно, и даже доклад за неё как — то сделал, когда Ксюша болела. В общем, строил из себя по уши влюблённого.

И она, конечно, тоже по уши влюбилась. Хотя почему «тоже»? Андрей, как оказалось, влюблённым не был.

Увы, но только в фильмах парни, поспорившие на девушку, в эту самую девушку влюбляются. В жизни совсем не так. И Андрей, поспорив на Ксюшу, в неё не влюбился. Он изрядно повеселился над ней, пока завоёвывал её сердце, стремясь к одной-единственной цели — затащить скромную пухляшку-заучку в постель.

Затащил. Ксюша сама захотела. Андрей, конечно, постарался сделать всё, что бы она захотела, к концу своих ухаживаний перейдя из пассивных к активным действиям — целовал так, что голова кружилась, дарил дорогие подарки, признавался в любви чуть ли не каждый день. Ксюша тогда была счастлива, ей казалось, что она парит над землёй, не касаясь её даже кончиками пальцев ног. Она летала, постоянно улыбаясь, словно настоящая идиотка... да она и была идиоткой. В семнадцать-то лет.

?остель, усыпанная лепестками белых роз... Ксюша надолго её запомнила. Не только потому, что это было удивительно романтично — Андрей, уставший от надоевшего ему спектакля за три месяца, что он окучивал эту «жирную овцу», как он сказал чуть позже, особенно с Ксюшей не церемонился. Физически — не изнасиловал, а вот морально — да.

На следующий день весь институт облетели откровенные Ксюшкины фотографии, сделанные Андреем во время секса при помощи скрытой камеры. А своим самым близким друзьям он даже видео показал, о чём и сообщил девушке во время признания в обмане.

Ксюша плохо помнила, что еще случилось в тот день. Кажется, её кто-то подбадривал — далеко не все однокурсники были в восторге от шутки «мажора», как иногда называли Аракчеева. Но Ксюша всё равно находилась в институте не дольше часа — убежала к себе в общагу, чтобы наконец поплакать. Разбитая, разрушенная до основания... точнее, это тогда она так думала. Думала, что хуже не бывает.

Вечером того же дня Ксюша позвонила родителям и в последний раз поговорила со своим отцом. Утром он умер, и она помчалась на вокзал — в Чебоксары, к маме, чтобы приободрить её и успеть на похороны, — и ей резко стало не до Андрея. Горе от потери самого любимого человека в её жизни оказалось сильнее.

Ксюша вернулась в Москву через три недели, когда летняя сессия, которую она не досдала, уже закончилась. Забрала документы и пошла поступать в другой вуз на похожую специальность. Только там была не журналистика, а редактирование, но девушку это в то время не колыхало. Главное — предметы первого курса совпадали, и Ксюша смогла добиться, что бы её зачислили сразу на второй. Пришлось побегать, сдавая экзамены за первый курс, но в итоге всё получилось.

Именно тогда Ксюша начала стремительно худеть. За два месяца, прошедших после смерти отца, она потеряла почти десять килограмм. Потом вес стал убывать гораздо медленнее, но всё же он убывал, и к концу второго курса Ксюша слыла одной из самых красивых девушек института. Вот только сама она шарахалась от всех парней и начинала впадать в панику при любой попытке ухаживания. А если задумывалась на тему «а может, дать ему и себе шанс», то через какое — то время выбранный ухажёр доказывал девушке — нет, не стоит. И она не давала.

Игорь Андреевич стал первым мужчиной, пошатнувшим выстроенную Ксюшей стену между ней и людьми противоположного пола. Она уже почти забыла, каково это — замирать от желания поцелуя, жаждать прикосновения, наслаждаться присутствием. И теперь, вспомнив, отчаянно боялась... и отчаянно цеплялась за собственные чувства.

Наверное, просто потому что ни один человек в мире не может вечно жить без любви.

Утром Ксюша проснулась с чугунной головой и резко пожалела о том, что накануне долго не спала — то записывала в дневнике свои мысли, то просто лежала и думала, глядя в потолок, то ворочалась и вздыхала, вспоминая горячее дыхание Игоря Андреевича на своих губах.

Но работа ждать не станет, и вместо того, что бы досыпать положенное в тёплой постели, Ксюша поднялась с неё и начала собираться.

Звонок в дверь раздался, когда девушка уже практически вышла из дома, и от неожиданности она даже ключи уронила.

Неужели опять цветы?!

Но нет — это были не цветы. Какая-то небольшая коробочка совершенно обычного «картонного» цвета, запаянная скотчем, и серьёзный курьер в кепочке.

— Ваш заказ, — он протянул Ксюше коробку и бумажку к ней. — И вот здесь распишитесь.

— Подождите, — она замахала руками, — какой заказ? Я ничего не заказывала. Это какая — то ошибка!

— Никаких ошибок, — отрезал курьер. — Ксения Мартынова вы?

— Я.

— Ну и всё.

В общем, пришлось взять это «ну и всё», отнести на кухню и открывать слегка дрожащими руками.

Из коробки совершенно дивно запахло, а Ксюша, увидев её содержимое, не удержалась от улыбки.

?ять небольших бомбочек для ванны с разными ароматами, морская соль в банке, гель для душа и два куса мыла ручной работы. И карточка, где незнакомым почерком было выведено: «Когда-нибудь у вас всё же включат горячую воду». И смайлик.

Минут десять Ксюша потратила, перенюхивая и перещупывая всю эту прелесть, и ей безумно всё понравилось. Она не любила слишком сладкие или резкие, пряные запахи,

обожала нежные и цитрусовые — и в этом «заказе» всё было так, как нужно. Одно мыло называлось молочным и пахло смесью кокоса и йогурта, а другое — медовым, и от него шёл чудесный аромат мёда в сочетании с лимоном. Гель для душа пах терпким грейпфрутом, соль для ванны — смесью каких-то трав с примесью хвои. А уж бомбочки... Клубника, малина, мята-лайм, «морская свежесть» и... «бешеная пчёлка». Над последним названием Ксюша славно похихикала, пока не вспомнила, что ей вообще — то пора на работу.

Но прежде чем выйти из дома, она достала свой мобильный телефон и набрала короткую смс.

«Спасибо, Игорь Андреевич!»

Он ответил минут через двадцать, когда Ксюша уже ехала в метро.

«Не за что, Ксения».

Удивительно, насколько может поднять настроение простой, но такой приятный подарок. С утра у Ксюши была чугунная голова, но после, получив эту чудо-коробочку со всякими ваннами принадлежностями и смешной запиской, девушка совершенно забыла и о своей голове, и обо всём остальном. Она вновь была счастлива и парила над землей, беззаботно улыбаясь.

Но увы — работа способна вернуть на грешную землю даже самого безгрешного ангела.

— Ты, никак, влюбилась, Ксюшка, — сказала Галя Елецкая ближе к часу дня, вдоволь насмотревшись на безмятежную физиономию коллеги. И сказала, пожалуй, слишком громко — во всяком случае половина редакции заинтересованно приподняла головы, в том числе и Виктор. Да чтоб тебя! — Летаешь прям.

Ксюша перестала улыбаться и посмотрела на Галю с укоризной.

— Просто настроение хорошее. Я ведь завтра не работаю.

— Да? — удивилась Елецкая, и то же самое спросил со своего места Виктор.

— Не работаю, — кивнула Ксюша, поворачиваясь к начальству. — Ты забыл? Я же заявление писала ещё три недели назад. У меня подруга завтра замуж выходит.

— А-а-а. Точно, было дело. Вспомнил.

— Значит, у тебя завтра свадьба? — оживилась Галя.

— Не у меня, а у Стаси, подруги моей. В общем... чего печалиться? Погода хорошая, на следующий день в офис не надо... Вот и радуюсь.

— Ну да, ну да, — усмехнулась Елецкая. — Естественно...

Ксюша не стала больше ничего говорить, просто фыркнула и, буркнув «Я на обед», поспешила к выходу из редакции.

В кофе-зоне народу оказалось меньше, чем обычно — многие были в отпусках — и Ксюша, забрав из холодильника свой лоток с салатом, разместилась за одним из столиков. Но спокойно поесть ей не дали — минут через пять напротив, даже не спросив разрешения, сел Виктор.

— Приятного аппетита, — пожелал он опешившей сотруднице. И даже без издевки, абсолютно серьёзно.

— Спасибо, — поблагодарила Ксюша, хотя аппетит она сразу потеряла.

— А я ведь думал, что ты врёшь, — продолжил Виктор как ни в чём не бывало, и девушка со вздохом отставила в сторону недоеденный салат. — Ну, про хахаля своего. А сегодня смотрю... И правда влюбилась.

— Вам с Галей, извини, в одну палату надо, — усмехнулась Ксюша. — И одно и то же лекарство прописывать — от галлюцинаций.

— Да ладно тебе врать — то, Ксюш.

Она вздохнула и возвела глаза к потолку.

— Хорошо. Даже если влюбилась — тебя это же касается.

— Ну почему, — хмыкнуло начальство. — Мне просто интересно знать, кто он. Видишь ли, мне не чуждо любопытство.

— Вижу. Но удовлетворить не могу.

— Это я уже понял, — засмеялся Виктор, и Ксюша даже слегка рассердилась: настолько пошло это у него получилось. — Да ладно, не злись. Сказать я тебе решил кое-что... В общем, если вдруг у тебя с этим хахалем не сложится, дай мне шанс. Хотя бы крошечный. Ты так решительно отталкиваешь...

— Виктор, ты же женат!

— Был.

Она подняла брови.

— Всё? Развели?

— Развели, — начальник кивнул. — И дочек смогу навещать. Миром дело кончилось, слава богу. Так что я теперь, — он фыркнул, — свободный от обязательств человек. Но я по тебе вижу, что это всё не вовремя.

— Угу.

— Значит, подожду.

Да что за день сегодня такой? То подарки прекрасные, то разговоры ужасные.

— Виктор... Я не думаю, что у меня с тем человеком вообще что — то в итоге получится. Дело не в нём. Просто...

Ксюша не договорила — начальник, поморщившись, перебил её.

— Я понял, ладно. Тогда я пока отложу этот разговор. Кто знает, вдруг тебе понадобится сильное плечо, утешение, так сказать. А я тут... пять дней в неделю, девять часов в сутки.

Она решила не отвечать — не хотела обижать Виктора.

— Всё, я пообедала. Пойду работать.

— Как, пообедала? Ещё же вон, половина лотка у тебя с салатом.

— А это на ужин, — не моргнув глазом, соврала Ксюша. — Вечером съем. Фигуру блюду, а то завтра ещё в платье не влезу...

— Фотки не забудь показать. В платье. А можно и без...

— Нельзя.

— Так я и знал. Скучная ты, Ксюшка.

— Ну конечно...

«Если я такая скучная, — подумала девушка, выходя из кофе-зоны, — что же вы все так лезете-то ко мне, а? Значит, не такая уж я и скучная, получается...»

Интересно, а Игорь Андреевич тоже считает её скучной? Нет, вряд ли. И наверняка он посмеётся, если Ксюша эту глупость спросит.

Но она всё же спросит...

Спросит, значит... А как спросить, если уже десять вечера и телефон до сих пор молчит?

Ничего — ни звонка, ни смс, полнейшая тишина. Вакуум.

И что делать?

Ксюша промучилась весь вечер. Разговаривала с Инной Васильевной, которая сетовала

на жизнь из-за того, что её командировку задерживают — она как раз сегодня должна была уехать в Пермь, но не уехала — потом пыталась почитать, но строчки прыгали перед глазами, и совершенно невозможно было ни на чём сосредоточиться. Кошмар...

Ровно в десять Ксюша решилась. Глупость, абсолютная, вселенская, бесконечная глупость и дурь. Но она не знала, что еще можно сделать. Поэтому набрала смс-сообщение.

«А нам, между прочим, горячую воду включают уже в эту пятницу!»

Отправила. И сразу стало ТАК стыдно. Невыносимо просто. Словно какой-то подросток, пишет глупости взрослому мужчине. И какие глупости! Про воду!!!

Мобильник пиликнул, и Ксюша от страха и неожиданности села на пол. Какое — то время сжимала его в ладонях, не решаясь открыть пришедшее сообщение, а потом открыла...

«Сезонная распродажа! Скидки до 50 %!!! Ждём вас по адресу...»

Да... чтоб тебя!

Ксюша закрыла лицо руками и засмеялась над собой. Дура... С чего ты взяла, что он всегда должен реагировать на твои сообщения быстрее молнии? Может, он до сих пор на работе, или уже спать лёг...

Телефон вновь зазвенел.

«Это замечательно, Ксения. Вы сейчас дома?»

Сердце билось где — то внизу живота...

«Да, дома».

Звонок. Неужели?!

— Добрый вечер, Ксения. Вы ещё не ложитесь спать?

— Нет, Игорь Андреевич, — ответила она с такой радостью в голосе, что сама испугалась подобной реакции. — Не ложусь.

— Хорошо, — кажется, он улыбался, — я ненадолго вас отвлеку. Настя тут вознамерилась устроить вечером в четверг сеанс по настольным играм, она любит это дело. Придёте к нам?

— Приду, — сказала Ксюша, нервно выводя пальцем узоры на ворсе ковра. — После шести же, да?

— Конечно. Прекрасно, мы с Настей будем очень рады. Что ж... отдыхайте, не буду вас отвлекать.

— Подождите, — испуганно выдохнула девушка, — это... всё?

Игорь Андреевич засмеялся, и она почувствовала себя глупым ребёнком.

— Ксения... я думал, вы устали. Уже почти половина одиннадцатого. А у вас завтра еще и свадьба.

— Она не у меня, а у подруги. Нет, я не устала. Если только совсем чуть-чуть. А... вы?

— А я очень устал, Ксения.

Ну вот.

— Извините.

— И за что вы извиняетесь? — он опять засмеялся. — За то, что я устал, а вы нет?

— Нет, не за это. Что задерживаю вас со своим разговором.

— Не нужно. Когда я с вами разговариваю, усталость отступает.

— Да? — удивилась Ксюша.

— Точно-точно. Так что нам с вами надо почаще общаться.

— Игорь Андреевич! Вы надо мной подтруниваете!

— Немного. Но не сильно, Ксения. Я говорю правду — ваш радостный голос

действительно придаёт мне сил. Он, конечно, не может заменить сон и еду, но тем не менее приободряет. Он у вас, кстати, очень красивый. Вы не поёте, случайно?

Ксюша слегка смутилась. Интересно, как он догадался?

— Пою.

— Я так и подумал. Споёте мне?

— Сейчас?..

— Нет. Хотя если хотите — можно и сейчас. Но лучше при встрече.

— Ладно. Только обещайте, что не будете потом делать из меня звезду телеэкрана.

— Обещаю.

Ксюша, почувствовав, что на полу ей стало совсем жёстко, всё же села на кровать.

Провела ладонью по покрывалу... и решилась.

— Игорь Андреевич... у меня к вам, наверное, глупый вопрос.

— Задавайте любой вопрос, Ксения. Я отвечу, если смогу, — ответил мужчина, чем-то зазвенев в трубке, и Ксюша испуганно спросила:

— Вы пьёте в такое время?

— Пью, — засмеялся Игорь Андреевич. — Чай. А вы что подумали?

— Показалось, что это бокалы...

— Нет, кружки. Не волнуйтесь за меня, Ксения, я давно не мальчик. Так что за вопрос?

Она закусила губу.

— Я не понимаю, как все эти ваши курьеры с цветами и подарками попадали в подъезд.

Они ведь сразу в дверь звонили, а не в домофон... Как вы это сделали?

Игорь Андреевич задумчиво молчал, и Ксюша даже заволновалась.

— Думаете, я волшебник? — усмехнулся он. — Нет, Ксения. И я не уверен, что мне стоит раскрывать вам этот небольшой секрет.

— Но меня же любопытство загрызёт!

— Какое у вас зверское любопытство, — хмыкнул Игорь Андреевич. — Давайте так. Я расскажу вам всё в эту субботу, если вы сходите со мной кое-куда.

— Куда же?

— А это будет сюрприз. Не волнуйтесь, не страшный. Ну, так что?

— А... — Ксюша ещё колебалась. — С Настей?

— Нет, Ксения. Без Насти.

— М-м-м... — щекам стало жарко. — А как одеваться надо?

— Как хотите. Ну же, решайтесь. Или любопытство не так уж сильно вас грызёт?

— Нет, сильно... Ладно, я согласна.

— Прекрасно. Я очень рад. И, Ксения... у меня к вам будет еще одна маленькая просьба.

Игорь Андреевич почему — то понизил голос, и у Ксюши замерло сердце.

— Перед встречей, если вам действительно уже включают горячую воду, примите ванну с одной из этих маленьких бомбочек.

Теперь щекам было уже не жарко. Они горели в адском пламени.

— Мне хочется почувствовать на вас один из этих запахов, — продолжал между тем Игорь Андреевич, пока Ксюша пыталась успокоить мечущиеся мысли и пустившееся в галоп сердце. — Вам невероятно пойдёт, я уверен.

Его голос обволакивал девушку, и был таким невероятно сексуальным, что Ксюша сжала бёдра — между ног будто бы металл плавил.

— Хорошо, Игорь Андреевич, — ответила она тихо. — Будет вам... бомбочка.

— Звучит угрожающе, — он рассмеялся, почти рассеивая колоссальное чувственное напряжение, охватившее тело девушки. — Но я всё снесу от вас, Ксения.

Она улыбнулась.

— Значит, я могу мучить вас безнаказанно?

— Кто сказал, что безнаказанно? Нет. Я обязательно накажу вас, Ксения...

И вновь это чувственное, обволакивающее, стягивающее в кокон...

— ... Но только если вы этого захотите.

Она усмехнулась, уже совершенно уверенная в том, что обязательно захочет.

И в том, что он об этом прекрасно знает.

И ведь действительно не соврал — голос Ксении, такой живой и радостный, подействовал на Игоря словно чашка кофе. Хотя он после целого дня в студии чувствовал себя выжатой половой тряпкой и полагал, что взбодрить его теперь сможет только ужин и сон не менее восьми часов.

А потом влезла Настя со своим предложением поиграть в четверг в настольные игры, и Игоря осенило — отличный предлог заманить к ним Ксению. Тем более что она сама написала ему очень милое смс-сообщение. Конечно, это была слабая попытка начать диалог, но достаточно и самого факта этой попытки.

Как же она обрадовалась, услышав его голос. Игорь, расслабившись и прикрыв глаза, просто наслаждался её нежным щебетом. Хорошая девочка...

Не смог отказать себе в удовольствии немного подразнить её, чувствуя, что она уже готова к таким небольшим словесным перепалкам. Ответить на уровне Ксения не могла, но она слушала и замирала, и это замечательно. Значит, её не пугала его страсть... хотя истинной силы этой страсти Ксения, естественно, не представляла.

Интересно... сколько у неё было мужчин? Игорь понимал, что мало, но ему была любопытна точная цифра. Один, двое? Да, скорее всего, и не больше. Невинной телом она, конечно, не была, но вот душой — точно. Чувственность толком не разбужена, реакции зажаты, а ведь потенциал — то огромный...

Прекрасно. И вот вроде устал, а стоило подумать о Ксении, точнее, о том, как она будет выглядеть — с разметавшимися кудрями, чуть приоткрытым влажным ртом, скачущая на нём, словно наездница, — и тело отреагировало соответственным образом.

Игорь усмехнулся, даже не собираясь прогонять этот чудесный образ. Любопытно, в какой позе ей больше нравится? Хоть перезванивай и спрашивай.

Нет. Ещё не время. Успеется.

У него на Ксению были большие планы...

На следующий день Ксюша и не ждала утром никаких подарков — не каждый же раз Игорю Андреевичу её баловать? Да и из дома она вышла на полчаса раньше, чем обычно, торопясь к Стасе на торжество.

Но, достав из сумки телефон уже в метро, что бы посмотреть время, Ксюша обнаружила на нём смс-сообщение.

«С добрым утром, Ксения. Позвоните мне, как всё закончится. Я отвезу вас домой».

Воздуха резко стало не хватать, и она на секунду закрыла глаза, пытаясь справиться с

дыханием.

«Спасибо, Игорь Андреевич, но я сама».

Через две минуты телефон вновь завибрировал.

«Не отказывайте мне в возможности увидеть вас в прекрасном платье. Обещаю даже руки не распускать».

Она улыбнулась.

«Даже?»

«Даже».

И смайлик.

Ксюша рассмеялась, чуть опуская голову, что бы окружающие не видели её улыбку. Что же он с ней делает...

«Хорошо, я позвоню. А ко мне домой или к вам домой?»

Да, написать иногда намного проще, чем сказать... И в смс-сообщении так легко быть смелой. Тогда как в жизни Ксюша не могла вести себя так с Игорем Андреевичем.

«Ксения! Опять вы дразнитесь. Хотите, что бы я вас отшлёпал?»

Боже. Она никогда в жизни так не краснела.

Но ответить «хочу» ей не хватило духа...

«А теперь дразнитесь вы!»

Чуть нужную станцию не проехала...

«Мне можно».

«А мне нельзя?»

«Можно. И даже нужно. Но помните — ничто не остаётся без последствий. В данном случае — без отшлёпывания».

Куда она идёт??й же в другую сторону...

«Я из-за вас впервые в жизни в метро заблудилась!»

«А я из-за вас остановил переговоры. Так что мы квиты».

Ксюша, смеясь, засунула телефон обратно в сумку. Нужно было выходить из метро и топтать к дому подруги.

Ещё одно смс-сообщение пришло, когда она проходила турникет. Ксюша достала телефон и прочла на экране:

«Спасибо за подаренное настроение, моя прекрасная гостья*».

(*Гостья — одно из значений имени Ксения).

Стасю Ксюша очень любила. Этот человек ворвался в её жизнь неожиданно и почти против воли. Она не собиралась ни с кем сблизиться после случившегося, закрылась, замуровалась наглухо. И вдруг — первое сентября в новом институте, и милая девушка, которая почему-то начала её тормозить. У Стаси оказалось чудесное чувство юмора, и Ксюша на второй день хохотала над её шутками так, что глаза слезились.

Честно, она даже не заметила, как однокурсница начала значить для неё больше, чем Ксюша могла себе позволить. Но отдаляться уже не было ни сил, ни желания. Даже когда выяснилось, что Стася дружит с Сашкой Лебедевым. Он тоже был хорошим, но обладал одним существенным недостатком — Сашка был парнем, и Ксюша поначалу страшно напрягалась в его присутствии. Но со временем привыкла и даже стала ценить их отношения. Кроме того, Сашка совершенно не проявлял к ней интереса, и в конце концов Ксюша расслабилась.

А теперь Стася и Сашка играли свадьбу, и она была очень рада за них, уверенная, что

этот «фиктивный брак»* не продлится слишком уж долго.

(*Отсылка к книге «Я тебя не хочу».)

Только одно омрачало Ксюше сегодняшний день. Вторым свидетелем был Виталик — Сашкин друг детства, который пытался подкатить к ней много раз. Первый раз был на втором курсе института, и Ксюша, еще не отошедшая от истории с Андреем от слова «совсем», впала в настоящую панику, когда Виталик начал подбивать к ней клинья. Именно из-за Виталика Ксюша не ездила на Сашкины дни рождения два последующих года, но когда они все были на пятом курсе, поехала. И вновь наткнулась на ухаживания.

«Может быть, дать ему шанс? — подумала тогда Ксюша. — Всё-таки друг Сашки...»

Она всерьёз рассуждала о возможности попробовать повстречаться с Виталиком, но... не сложилось.

На даче у Сашкиных родителей они тогда проводили выходные почти всем курсом, и Ксюша однажды стала свидетельницей сцены страсти между Виталиком и своей однокурсницей. Зайдя вечером на кухню за бутылочкой с йогуртом, она только собиралась открыть холодильник, как в помещение ввалились эти двое. И Ксюша застыла, наблюдая, как Виталик девушку чуть ли не на столе раскладывает.

«Шанс, значит?...» — думала она, пытаясь собрать себя по частям.

— Не здесь же! — засмеялась однокурсница и потащила парня прочь из кухни к вящей радости Ксюши.

«Нет, — решила она тогда. — Не нужен ему никакой шанс. Никогда и ни за что!»

С тех пор много воды утекло, но Виталик стабильно каждый год на Сашкином дне рождения срывался и начинал ухаживать за Ксюшей, всё еще на что-то надеясь. Она отшивала его — каждый раз. И до следующего года...

Опять, небось, начнёт окучивать. Почему-то теперь, после встречи с Игорем Андреевичем, Ксюше как-то особенно не хотелось, чтобы за ней ухаживали. Наверное, потому что теперь она знала, как это нужно делать правильно.

Увы, Ксюша не ошиблась, и Виталик, как только увидел свою «старую занозу» — так забавно выражался Сашка Лебедев по поводу сердечной привязанности друга — будто с катушек слетел. Ходил за ней повсюду и чуть ли не за руки хватал. Неприятно. И если бы это была не свадьба Стаси, Ксюша точно уже ушла бы домой.

В любом случае она с нетерпением ждала вечера, и когда празднование начало подходить к концу, ужасно обрадовалась. И даже толком не обратила внимания на то, что всех незамужних девушек собирают в одном месте, а невеста становится к ним спиной и кидает букет.

До тех пор, пока этот самый букет не приземлился прямо ей в руки.

Забавно. Она удивлённо на него посмотрела и усмехнулась. Свадьба? Глупости. Игорь Андреевич никогда в жизни на ней не женится. Это абсурд. А в то, что ей в ближайшее время может понравиться кто-то другой, Ксюша тем более не верила.

Она, наверное, однолюб, как и её отец. Андрея можно не считать — не любовь это была, влюблённость юношеская, и только это и спасло Ксюшу. Это — и смерть папы. Нехорошо так говорить, но то бесконечное горе, охватившее тогда всё её существо, затмило переживания от предательства Андрея, и Ксюша действительно практически не вспоминала о случившемся, просто никому не доверяла и совершенно не стремилась к близости.

Честно, она согласилась бы потерпеть с десяток таких Андреев, лишь бы отец был жив. Но увы — вот уже восемь лет Ксюше приходилось жить и выживать самой, без папиных

советов и ласковых слов, и иногда ей казалось, что она с этим не справляется. Порой так хотелось позвонить, задать вопрос и услышать ответ... Про увидеть и обнять она вообще предпочитала не думать.

За восемь лет её тоска по папе так и не уменьшилась, только стала менее острой. Удивительно — с маминой смертью смириться было проще... Наверное, потому что Ксюша была готова к ней. Она даже ждала её. После смерти папы мама мучилась, а Ксюша не хотела, что бы она мучилась. Видимо, поэтому она так легко её отпустила.

В общем — ерунда все эти букеты. Но она всё равно возьмёт его домой и поставит в вазу. Пусть стоит... и напоминает ей о том, чего никогда не случится.

— Давай я тебя подвезу, — уже в третий раз предлагал Ксюше Виталик. Гости как раз начали расползаться, и девушка напряжённо думала о том, как позвонить Игорю Андреевичу и вызвать его сюда, но при этом никому не показывать? Ей пока не хотелось продемонстрировать кому-либо их отношения. Даже Стасе с Сашкой. Они там со своими ещё не разобрались...

— Не надо, — в третий раз ответила Ксюша, прижимая к себе букет невесты. Треснуть Виталику, что ли, этим букетиком между глаз?..

— Да ладно тебе, — настаивал этот... непонимающий. — Зачем в метро в платье ездить? Твоя же одежда у Стаси осталась вроде?

— Осталась. Виталь, я сама. Платье как платье, я же не голая...

Спас Ксюшу Алексей Михайлович, папа Сашки — предложил подвезти хотя бы до метро. И она с радостью ухватилась за это предложение, быстренько настрочив перед поездкой смс-сообщение Игорю Андреевичу — о том, что через пятнадцать минут будет там-то.

«Хорошо», — ответил он как раз когда Ксюша садилась в машину, и девушка немного глупо улыбнулась, опуская глаза. И чего она, дурочка, радуется? Он развлекается, а она и рада...

Чуть не забыв букет, Ксюша вышла на улицу и побежала к метро, высматривая на дороге автомобиль Игоря Андреевича. Интересно, долго ей придётся ждать, или он доберётся совсем скоро? Нет, вряд ли...

Чувствуя себя идиоткой, стоя поздно вечером в торжественном платье и со свадебным букетом в руках возле подземного перехода, Ксюша уже начинала волноваться. Игоря Андреевича всё не было, а на неё явно заглядывался алкашного вида мужичок, тусующийся на ближайшей остановке. Подобрать бы юбку да бежать отсюда сломя голову, но она ведь обещала...

— Эй, красавица!

Блин. И ведь не отобьёшься от него букетиком...

— Слышь, те говорю. Ты чё такая грустная?

Ксюша подняла голову и смерила пьянчужку презрительным взглядом, многократно опробованном на других особенно надоедливых представителях мужского пола. Мужичок впечатлился.

— Ух, и грозная! Глазищи-то какие... чёрные! Очи чёрные, очи страстные, очи жгучие и прекрасные-е-е-е! — то ли запел, то ли завопил он, делая шаг вперёд и уже начиная дышать на Ксюшу парами выпитого алкоголя. — Как люблю я вас, как молюсь на вас!!!

— Боюсь, — вырвалось у Ксюшки непроизвольно, и мужичок замолчал.

— Чё?

— Как боюсь я вас надо петь. Знать, увидел вас я в недобрый час, — продекламировала она, многозначительно глядя на собеседника. Секунды три он переваривал, а потом заржал.

— С юморком! Тигрица! Люблю таких! — и попытался схватить Ксюшу за руку.

Но тут сзади раздалось:

— Отвалил.

И прозвучало это настолько угрожающе, что мужичок сразу обернулся, и Ксюша смогла разглядеть Игоря Андреевича — тот стоял буквально в трёх шагах от них и смотрел так, что она даже немного испугалась.

— А иначе чё? — буркнул мужик, покачиваясь. — Твоя, что ли, тёлка?

Она даже пикнуть не успела — пьянчужка с воплем отшатнулся, держась за разбитый нос, а Игорь Андреевич, наоборот, подошёл ближе и взял Ксюшу за руку.

— Пойдёмте, Ксения.

Мужичок пытался ещё что-то провить, но Игорь Андреевич абсолютно не обратил на это внимания — молча повёл девушку к своей машине. Усадил на переднее сиденье, обошёл автомобиль, сел рядом и сразу же рванул с места. Тоже молча.

И только тогда Ксюша почувствовала, что её слегка трясёт.

— Сп-п-п-пасибо, — сказала она, стуча зубами. Прижала к себе букет — и тут же отпрянула: ей показалось, что он воняет тем алкашом.

— Испугались? — спросил Игорь Андреевич сочувственно и внимательно посмотрел на девушку. — Приходите в себя, Ксения, всё уже закончилось. Вы в безопасности.

— Угу, — кивнула она, пытаясь унять дрожь. Мужчина вновь взглянул на неё, чуть слышно вздохнул, а затем съехал на обочину и остановил машину. Благо, здесь было можно.

— Ну, перестаньте, — сказал он, улыбаясь и отнимая у Ксюши букет. Положил его между ними, а после поймал её холодные ладони своими горячими руками, сжал их. — Всё хорошо. Вы, кстати, удивительная в этом платье, и я очень рад, что приехал.

— Удивительная? — Ксюше стало чуть спокойнее и теплее, когда Игорь Андреевич начал растирать её ладони, и она даже смогла не заикаться.

— Удивительная, — он кивнул. — Но могу подобрать ещё целую кучу синонимов, если хотите. Восхитительная, потрясающая, обворожительная, притягательная, прекрасная, сексуальная...

Ксюша засмеялась.

— Надо же. И это всё — я одна?

— Точно.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, и Ксюша ощущала себя так, будто Игорь Андреевич плавил её этим взглядом.

— Вам полегче? — спросил он тихо. — Я могу ехать?

Она кивнула, и мужчина, вернув девушке букет, возобновил движение.

— Поймали букет невесты? — поинтересовался он через несколько мгновений. — Или я ошибаюсь, и это не он?

— Он, — ответила Ксюша, фыркнув. — Да, поймала. Глупая традиция... Я в неё ни капельки не верю.

— Я думаю, в эти свадебные традиции практически никто не верит, — засмеялся Игорь Андреевич. — Просто это весело. Я как-то присутствовал на одной свадьбе, когда невеста этим самым букетом своей подружке по голове попала. Точнее, по лбу. И так сильно, что подружка на ногах не удержалась и упала.

— Страйк, — хихикнула Ксюша, наконец полностью расслабляясь. — Прямое попадание. По идее, эта девушка должна была выйти замуж чуть ли не тут же.

— Она вообще не вышла, — фыркнул Игорь Андреевич. — Что неудивительно с её характером...

И в этот момент Ксюша вспомнила, что хотела спросить у него еще вчера, но забыла. Слишком распереживалась до и во время телефонного разговора.

— Скажите, Игорь Андреевич... Я не кажусь вам скучной?

— Скучной? — он улыбнулся. — Нет, Ксения. Вы кажетесь мне какой угодно, только не скучной. А почему вы спрашиваете?

— Ну просто, — Ксюша пожала плечами, и это показалось ей кокетством, поэтому она добавила: — В вашем окружении наверняка много интересных женщин, которым я явно проигрываю.

— Проигрываете? — протянул Игорь Андреевич, продолжая улыбаться. — Ну, что ж... Хотите сказать, я сам не проигрываю вашему окружению, Ксения?

Она удивилась.

— Нет, конечно.

— Неужели? — он даже засмеялся. — Я, мягко говоря, не молод, у меня есть дочь подросткового возраста. Дальше продолжать?

— Не надо, — буркнула Ксюша. — Вам дипломатом нужно было стать, а не продюсером. Или журналистом.

— Возможно. Но сложилось у меня именно продюсирование. Ещё один мой недостаток, не так ли? И существенный.

— Да нет у вас никаких недостатков! — возмутилась Ксюша. — Что вы... передёргиваете. Вы успешный человек, дети — цветы жизни, а возраст... «Мои года, моё богатство», как говорится.

Игорь Андреевич хмыкнул, вырвав к дому девушки.

— Никаких недостатков, говорите? Интересно. А мне вот кажется, я — сплошной недостаток.

И пока Ксюша думала, что на это ответить, мужчина остановил машину.

— Идёмте, провожу вас. И вроде середина недели, а пьяных сегодня — как в пятницу...

— Я сама не совсем трезвая.

— Ну вы же не шатаетесь, значит, трезвая. Букет не забыли? Прекрасно.

Шагая чуть впереди Игоря Андреевича и чувствуя его взгляд на своей спине, Ксюша вдруг разнервничалась. На улице было темно, в подъезде тоже не особенно светло — недавно погасли почти все лампочки, а менять их никто не собирался — и всё это в сочетании создавало слишком интимную атмосферу. Слишком интимную... для неё.

И глаза мужчины слишком мягко, чувственно сверкали за стёклами очков, когда Ксюша на секунду оглянулась. И улыбка была слишком понимающей.

И вообще... всё это — слишком.

— Ксения, — шепнул Игорь Андреевич ей в волосы, когда они поднимались на лифте к Ксюшиной квартире, — вы опять дрожите. Бойтесь меня?

Она не знала, что ответить, поэтому промолчала.

Двери лифта разъехались, и Ксюша ступила на лестничную площадку своего этажа. Темно, хоть глаза выколи... У них тоже, что ли, лампочка погасла? И как она дверь будет открывать теперь? Телефон надо достать...

Тёплая ладонь легла на талию, а в следующую секунду Ксюша замерла и задержала дыхание — Игорь Андреевич прижался к ней сзади. Не сильно, но вполне достаточно для того, чтобы её бросило в жар.

Мужчина тяжело и горячо дышал Ксюше в волосы, нежно поглаживая талию одной рукой. Второй откинул прядь с уха девушки и прошептал:

— Не бойтесь.

А потом наклонился и коснулся её шеи в кратком осторожном поцелуе. Ксюша затрепетала, а Игорь Андреевич продолжал говорить:

— Вы прекрасны всегда, Ксения, но в этом платье — особенно. Я очень хотел увидеть вас в нём. Почему вы никогда не носите платьев?

— Не... люблю... — прошептала она, откидываясь ему на грудь. И вздрогнула от ещё одного поцелуя в шею, только на этот раз он был гораздо требовательнее.

— Девочка... — хриплый шёпот возле виска. — Моя невероятная девочка... Не бойся... Я не буду тебя торопить...

Ксюша повернула голову, приоткрывая губы — думала, он захочет поцеловать их — но Игорь Андреевич уже делал шаг назад.

— Ты помнишь про завтра? Я позвоню ближе к шести часам и встречу тебя в холле первого этажа.

— Хорошо, — кивнула Ксюша, чувствуя себя немного оглушённой. Мысли растекались, как акварельные краски по мокрому листу бумаги.

— Тогда спокойной ночи, — сказал Игорь Андреевич, в последний раз дотрагиваясь до её руки, и побежал вниз по лестнице, как и в прошлый раз проигнорировав лифт.

И только когда Ксюша, открыв квартиру, зашла в прихожую, она сообразила, что он начал называть её на «ты»...

Кажется, я окончательно обезумела. Осознавая, что это надо прекратить, я продолжаю. Как наркоман, зависимый от дозы, я зависима от этого человека. Мне постоянно интересно, что он сейчас делает. Интересно, что он скажет, если я спрошу у него вот это, или вот это. Впервые за последние несколько лет я действительно не могу предугадать дальнейших действий...?оть и понимаю, что именно ему от меня нужно. Но тут и дура бы поняла. Другое дело — зачем? Я много раз рассуждала на эту тему, точнее, пыталась рассуждать. Понимаю — спортивный интерес, но неужели он настолько важен? Неужели поблизости нет более подходящей девушки? Почему именно я?!

Проще было бы спросить, но этот... дипломат вывернется, как уж, оставив меня с носом. А может, он и сам не знает, почему именно я? Нет, не верю. Должен знать. Такой человек, как он, всегда знает, зачем ему что-то нужно.

Что же теперь будет? Теперь, после того как он впервые сказал мне «ты»? Изменится ли его поведение, или останется таким же вежливым, корректным, сдержанным? Стыдно признаться, но в глубине души я постоянно жду, когда он оступится. Сделает или скажет мне грубость, принудит меня к чему-либо, или вообще юбку задерёт. Хоть что-то! Наверное, я уцепилась бы за эту возможность унести ноги, и умчалась бы как можно дальше от него...

Но он не совершает ошибок. Совсем. Ни одной пока не было.

И иногда я ощущаю себя мухой, которую оплели паутиной со всех сторон, но она всё ещё жива...

Кажется, он немного сошёл с ума. Иначе как объяснить всё это — с утра попросил Ксению позвонить, когда закончится свадьба, чтобы забрать её оттуда и отвезти домой. После собственного рабочего дня. Уставший, как собака. И для чего? Просто хотел увидеть Ксению в платье. Бред.

Поневоле начнёшь сомневаться в собственной адекватности.

Игорь, нахмурившись, сел в машину и тронулся с места. Перед этим открыл окно, и теперь лицо обдувал свежий ночной ветер. Дорога мигала огнями, и понимание пришло быстро, как и всегда, когда он что-либо анализировал.

Ксения его успокаивала. Дарила ощущение безмятежности, чистоты и местами даже счастья. С ней Игорь чувствовал себя куда лучшим человеком, чем был на самом деле. Не очень хотелось её разочаровывать... Но когда-нибудь придётся. Когда-нибудь Ксения непременно поймёт: деньги не только пахнут, они еще и пачкаются.

И сама испачкается. Об Игоря.

Он поморщился, увеличивая скорость до предельно допустимой. Внутри росло раздражение. Чего об этом думать? Она ведь всё равно испачкается, не об Игоря, та? об кого-нибудь другого. А он её хочет, и доведёт игру до конца.

Тем более что осталось недолго...

Когда в четверг утром раздался звонок в дверь, Ксюша даже не удивилась. И Инна Васильевна не удивилась, вздохнула только. И правильно, зачем удивляться? Незачем. И переживать тоже незачем.

В небольшой коробочке ярко-красного цвета лежал... шоколадный саксофон. Небольшой, Ксюша даже сказала бы, маленький. И карточка, подписанная тем же почерком, что и раньше.

«Намёк вам на субботу. Хорошего дня. И.В.»

Что значит — вам? Как это — вам?!

Ксюша так загорелась праведным гневом, что даже забыла смутиться, отправляя смс-сообщение.

«А вчера вы называли меня на ‘ты’!»

Смутилась она уже после, минут через пять, когда пришёл ответ.

«С добрым утром, Ксения. Кажется, да, называл. Вам понравилось?»

В груди запекло. И щекам тоже стало жарко...

«Да».

А что еще можно было ответить?

«Я рад».

Нет, он просто издевается!

«Иииии?»

«Что иииии?»

Точно издевается.

«Почему теперь на вы?»

Телефон молчал минут десять, и за это время Ксюша успела исходить вдоль и поперёк всю прихожую, почти забыв о том, что ей вообще-то надо на работу...

И когда наконец пришло сообщение, метнулась к мобильнику с такой скоростью, что со всей дури ударилась щиколоткой о комод.

— Блин! — запрыгала на одной ноге, но всё равно дотянулась до телефона и прочла: «Потому что переходят либо оба человека сразу, либо никто».

— Блин! — повторила Ксюша, но уже по другому поводу. Манипулятор... Продюсер. А может быть, даже и режиссёр!

«Игорь Андреевич, я не смогу».

Ещё пять минут тишины, но на этот раз Ксюша занялась делом и помазала ушибленную щиколотку мазью от синяков. И когда телефон вновь запиликал, шла к нему уже спокойно. Ну, почти.

«Посмотрим».

И смайлик.

Ох... И ведь добьётся своего. Интересно, как?

«Да ну тебя. Дура. Ты ведь прекрасно знаешь, как!»

Между ног жарко, требовательно запульсировало, когда Ксюша представила, как...

Удивительно, но на работу она всё же не опоздала. Пришлось развить космическую скорость, бежать по всем эскалаторам, и по улице тоже, но в итоге Ксюша была на работе в одну минуту десятого. Одну минуту опозданием можно не считать, хотя Виктор мог бы прицепиться... но Виктора самого еще не было на работе. Он вообще частенько приходил к десяти-одиннадцати и сидел потом до семи-восьми часов вечера.

А всё-таки интересно... что означает этот шоколадный саксофон? Есть его Ксюша пока не стала, положила в холодильник, что бы не таял. Потом с Инной Васильевной вместе съедят, за вечерним чаем.

Саксофон... Наверное, это какой-то концерт будет. И уж точно не в Большом театре, раз Игорь Андреевич сказал «Одевайтесь как хотите». Может быть, в клубе? Или в кафе? Да, скорее всего.

А сегодня вот настольные игры с Настей. И с одной стороны, это хорошо, ведь Настя — как подушка безопасности, а с другой... А вот о другой стороне лучше не думать, что бы заранее?е давать слабину.

Одно только было так себе. Точнее, один — Виталик. Начиная с обеда, звонил Ксюше не переставая, и смс-сообщения слал с предложением вечером встретиться. «Нет» — ответила она коротко, но он продолжал звонить. Вот упрямый! Да уж, это тебе не Игорь Андреевич...

Ближе к вечеру у Ксюши развился небольшой мандраж — затошнило, захотелось есть, и в глазах туман закружился. Хотя казалось бы — с чего? И звонки от Виталика её только сильнее раздражали...

В четыре часа, не выдержав, она вышла в коридор и ответила на один из них.

— Слушай, чего тебе непонятно в слове «нет»? Я разве по-китайски его написала? Нет — значит, нет! — рывкнула она в трубку и сразу же отключилась. Развернулась, чтобы идти обратно в редакцию... и почти налетела на Виктора. Оказалось, он стоял за её спиной и с интересом прислушивался к разговору.

— Поклонники? — начальник иронично поднял брови.

— Угу, — Ксюша нахмурилась, делая шаг назад. — Хоть ты не начинай.

— Не буду, — Виктор подмигнул и пошёл дальше, по своим делам. Берёт пример с Игоря Андреевича... тот, скорее всего, поступил бы так же.

Интересно, как называется подобный приём? Отступить, чтобы победить. Ксюша помнила только «гамбит», но это явно не он...

Игорь Андреевич позвонил полшестого, когда Ксюша от нетерпения уже начала ногой по полу постукивать.

— Добрый вечер, Ксения.

А в голосе — лукавство. Немного, но она всё равно почувствовала.

— Добрый, Игорь Андреевич.

— Помните про наш с Настей сеанс по настольным играм?

— Конечно.

— Тогда я жду вас внизу десять минут седьмого.

— Хорошо, — покладисто согласилась Ксюша, ожидая, что после этого Игорь Андреевич сбросит звонок, но он не сбрасывал. Помолчал несколько секунд, потом спросил:

— Как вам саксофон? Вкусный? Или еще не успели попробовать?

— Не успела, — улыбнулась Ксюша. — Вечером попробую. Или завтра, если совсем поздно сегодня вернусь.

— Догадались о чём-нибудь?

— Не особо, — она засмеялась. — Но одно я знаю совершенно точно: вы меня удивите.

— Надеюсь, — кажется, он тоже улыбался. — Ну что ж, до встречи, Ксения.

— До встречи, Игорь Андреевич.

Ксюша немного опоздала — позвонила Стася, которая утром следующего дня должна была улететь в Прагу, и они проболтали минут десять после шести. Так что когда девушка спустилась вниз, на часах было уже двадцать минут седьмого.

— Опаздываем, Ксения, — пожурил её Игорь Андреевич со смешинками в глазах. Он выглядел немного более домашним, чем обычно, потому что был не в костюме, а в синих джинсах и серой рубашке. И Ксюша с удовольствием смотрела на него такого, любясь и тёмными волосами с седыми висками, и лёгкой щетиной на щеках и подбородке, и улыбкой на губах — немного лукавой, насмешливой и чуть властной.

— Опаздываем, — она кивнула. — Извините. С подругой по телефону заболталась.

— С той самой, которая замуж вышла?

— Ага.

— И как ей замужем? — усмехнулся Игорь Андреевич, пропуская Ксюшу в лифт.

— Интересный вопрос, — рассмеялась она, как только двери закрылись и лифт рванул вверх, — а вам как было?

— А я не был замужем, — и глаза весёлые.

— Игорь Андреевич!

— Что? Замужем не был, но был женат. Дважды.

Ксюше резко расхотелось смеяться.

— Дважды?..

— Дважды, — повторил он, кивая, в то время как лифт остановился и двери разъехались в стороны.

Вот, значит, как... И почему это её так задело? Ведь он же «был женат», а не просто «женат».

— А с первой вашей женой... что случилось? — спросила Ксюша осторожно, пока они шли к квартире Игоря Андреевича.

— Думаете, я Синяя Борода? — он хмыкнул, посмотрев на девушку с иронией. — Всё с

Мариной в порядке. Развелись мы, но это было давно, Ксения. Лет... двадцать пять назад. Молодые были, глупые.

— Ага, — Ксюша прищурилась, — спасибо за комплимент, Игорь Андреевич.

— Комплимент? — он явно не понял, и она пояснила:

— Двадцать пять лет назад вам было примерно столько же, сколько мне сейчас. Значит, я — молодая и глупая.

Игорь Андреевич резко остановился, не дойдя буквально пары шагов до собственной квартиры. Повернулся к ней, улыбаясь, и вдруг взял лицо девушки в ладони.

Ксюша от неожиданности замерла, словно каменное изваяние. Даже дышать перестала.

Тёплые пальцы погладили щёки, коснулись уголков губ. Она в растерянности посмотрела на Игоря Андреевича — тот, по — прежнему улыбаясь, будто бы изучал её лицо.

— Молодая, Ксения, — сказал он тихо, проведя большим пальцем по нижней губе девушки. — Очень молодая. Но совсем не глупая. Вы очень умны и проницательны. Вы ведь сразу всё поняли, правда?

— Поняла, — прошептала она, чуть приоткрывая губы. Палец Игоря Андреевича проник чуть глубже, и Ксюше показалось, будто внизу живота её пронзила молния.

— Поняли. — Мужчина сильнее наклонился, и она даже еле слышно всхлипнула, почувствовав жар его дыхания на своём лице. — И не стали делать вид, что не поняли. Я очень уважаю вас за это, Ксения. А молодость не всегда означает глупость, так же, как и глупость — не обязательно молодость. Глупым можно быть и в пятьдесят лет.

— Вы не глупый, — зачем-то пробормотала Ксюша, и Игорь Андреевич засмеялся, отпуская её и делая шаг назад. Опять... отступил.

— Издеваетесь? — вздохнула она, глядя в его улыбающееся и торжествующее лицо. Победителей не судят... она и не судила. Хотя он ещё не победил. Но только формально.

— Нет, Ксения, — ответил он, тем не менее, мягко. — Я не хочу, чтобы у вас осталось ощущение, будто вы убегали, а я вас догнал. Несмотря на то, что вы, в общем-то, стоите на месте... Я даю вам возможность самой сделать шаг вперёд. Я... — он усмехнулся, и вот теперь это было властно и жёстко. — Я не хочу брать вас. Я хочу, чтобы вы сами отдали мне себя.

Ксюша вспыхнула, но отнюдь не от смущения. В голове кружились неприличные картинки и, встретившись с Игорем Андреевичем взглядом, она поняла — он об этом знает.

— Я... — начала она, облизнув пересохшие губы, но сказать ничего не успела: позади открылась дверь, и громкий голос Насти возвестил:

— Ну?! И долго вы тут будете стоять ваще?! Хоть бы поцеловались!! Я смотрю-смотрю...

У Ксюши глаза чуть из орбит не выскочили. «Смотрю-смотрю?!»

Игорь Андреевич фыркнул, оборачиваясь к дочери.

— Фиг вам, называется. Я же знал, что ты смотришь. Нехорошо, Настя.

— Нехорошо мучать зрителей ожиданием! — девочка подняла палец вверх. — Ксюш, а ты чего такая красная?

Покраснеешь тут...

— Жарко, — засмеялся Игорь Андреевич, подталкивая свою гостью к двери. — Идёмте, Ксения. У нас там мороженое есть вкусное. Вы какое больше любите?

— Любое, — вздохнула девушка, косясь на радостно скачущую Настю. — Игорь Андреевич... а если бы я сейчас... вас поцеловала?

— Я был бы счастлив, — ответил он с иронией. — Но увы, Ксения. Это очевидное слишком невероятно. Я знал, что Насте ничего не грозит. И не переживайте так: поверьте, с нынешним развитием интернета она уже давно видела намного более неприличные картинки.

— Истину глаголишь, пап! — заявил подросток, оборачиваясь и хватая Ксюшу за руку. — Ты слишком медленно идёшь, пошли быстрее!

— Настя!

— Да-да, я помню, пап... Но я не смогу вести себя хорошо, пока не съем мороженого!

— И как это связано?

— Напрямую!

И не поспоришь...

Мороженое действительно было очень вкусное. Пожалуй, даже слишком вкусное... Ксюша с трудом удержалась от того, чтобы не попросить добавки. Сладкое, сливочное, с натуральной клубникой... Какая-то пища богов, а не мороженое.

— А ты не видела, что ли? — засмеялась Настя, поглощая свою порцию мороженого с кокосом. — В соседней башне магазин, называется «Свит дрим», ну типа сладкая мечта. Там домашнее мороженое, йогурты и десертики всякие вкусные.

И тут всё встало на свои места. Ксюша частенько проходила мимо этого чудо-магазина, но внутрь даже и не заходила — цены там были космические. С такими ценами не то, что в трубу — в космос можно улететь...

— Видела, — она кивнула, глядя на Игоря Андреевича: тот как раз заходил в комнату с большой коробкой. Перед этим он усадил Настю и Ксюшу за стол в гостиной — это была та самая комната, больше всего поразившая девушку при первом посещении этой квартиры, настолько здесь было просторно. Стол стоял возле окна, и так как оно занимало собой всю стену, то создавалось впечатление, что ты сидишь на улице. И высоко было настолько, что Ксюша ощущала почти постоянный позыв в туалет.

— Игорь Андреевич... А вы почему без мороженого? — поинтересовалась она у подошедшего мужчины, но ответить он не успел.

— А папа не любит мороженое! — фыркнула Настя. — Но это и хорошо! Нам больше достанется.

— Настя! — засмеялся Игорь Андреевич. — Никакой добавки, я предупреждал. Следующая порция — завтра.

— Нет в жизни счастья! — заключила девочка, отставляя в сторону уже пустую креманку. — Ни мороженого, ни котёнка — ничего мне нельзя!

— Котёнка? — удивлённо переспросила Ксюша. — Какого котёнка?

— Обычного, — пожал плечами Настя, а Игорь Андреевич пояснил:

— У нас никогда не жили ни кошки, ни собаки, потому что у Вероники, моей жены и Настиной мамы, была очень сильная аллергия на животных. Чего мы только не перепробовали, ей самой хотелось кого-нибудь завести. Но... увы.

— Я слышала, существуют прививки от аллергии, — Ксюша нахмурилась. — Неужели совсем ничего не помогло?

Она не сказала «с вашими-то деньгами», то Игорь Андреевич понял и так. Улыбнулся, качая головой.

— Ксения, деньги дают дополнительные возможности, но они не способны творить чудеса. Увы, но Вероника озаботилась своей аллергией уже во взрослом возрасте, а там

эффективность излечения ниже, чем у детей. Может, со временем и помогло бы... Но потом нам стало не до лечения аллергии.

Ксюша поняла, о чём он говорил. Опухоль мозга — какая там аллергия...

— Но мы отвлеклись от темы сегодняшнего вечера, — продолжал между тем Игорь Андреевич. — Эта игра называется «Билет на поезд»*. Играли когда-нибудь в неё, Ксения?

(*Реально существующая настольная игра. Так же, как и все нижеперечисленные.)

— Нет, — она помотала головой.

— Сейчас научим! — радостно хлопнула в ладоши Настя. — И мороженое есть не забывай, а то тает же! Или, если не хочешь, я съем!

— Настя.

— Я помню. Но чего добру пропадать?

Игорь Андреевич фыркнул, открывая коробку с игрой. Внутри оказались маленькие вагончики пяти разных цветов, фишки этих же цветов и целая куча каких-то карточек. А ещё — большая стилизованная карта с маршрутами.

Нельзя сказать, чтобы Ксюша сильно любила настольные игры, но когда Игорь Андреевич стал объяснять ей правила, она увлеклась. Здесь нужно было собирать карточки с изображением различных поездов, а потом строить маршруты, но не просто так, а по заранее выбранным заданиям. Игра заканчивалась, когда хотя бы у одного из игроков кончались игрушечные маленькие вагончики. У Насти эта игра, как выяснилось, была самой любимой.

— Люблю её больше всего, даже не знаю, почему. Ещё «Колонизаторы» и «Доббль» тоже, но меньше...

— А мне «Диксит» нравится, — сказал Игорь Андреевич. — Играли когда-нибудь, Ксения?

— Нет, — ответила девушка, ощущая себя неандертальцем. — А что это?

— Очень хорошая игра, я думаю, вам тоже понравится. Она хороша для людей с воображением. Надо придумать ассоциацию к карточке с каким-либо изображением, а другие игроки должны угадать по ассоциации, о какой карточке идёт речь.

— Я не люблю, — скривилась Настя. — У папы вечно ассоциации какие-то... непонятные. Не знаю, где он их берёт, но я не врубаюсь.

— Увы, — фыркнул Игорь Андреевич. — Я пытался упростить, но ей в таких случаях быстро становится скучно. Поэтому играем в «Билет на поезд» большей частью, там вдвоём тоже неплохо играется, а если большая компания — то в «Уно».

— А, — оживилась Ксюша. — «Уно» я знаю. Играли однажды на дне рождения однокурсника.

Первая партия длилась минут сорок, и выиграл её Игорь Андреевич. Его дочь, вздохнув и заявив «вот так всегда!», утонула в туалет, а Ксюша наконец закончила есть своё уже совершенно растаявшее мороженое.

— Понравилось? — спросил Игорь Андреевич, когда девушка отодвинула от себя креманку.

— Что именно? Игра или мороженое?

— Всё вместе.

Мужчина улыбался, глядя на Ксюшу очень тепло и участливо, и от одного этого взгляда ей хотелось замурлыкать, подставляя беззащитную шею.

Вспомнив, как Игорь Андреевич целовал её, Ксюша слегка покраснела, опуская глаза.

— Понравилось. И вкусно, и интересно.

— Я рад.

Она молчала, не глядя на него, и чем дольше продолжалось это молчание, тем больше горели щёки. Ведь Игорь Андреевич по — прежнему смотрел на Ксюшу... а Настя всё не возвращалась. Специально, небось, наедине их оставила. Маленькая интриганка...

— А кем была Настина мама? — вдруг спросила Ксюша, сама от себя не ожидая, что задаст подобный вопрос.

— Кем была? По профессии?

— Ну... да.

— Худо?ником по костюмам. Очень талантливый.

— Вы с ней на работе встретились? В вашей студии?

— Почти. У конкурентов увидел, понравилась. Женился и переманил.

— А сколько времени вы жили в браке?

— Четырнадцать лет. Вероника умерла за месяц до нашего пятнадцатилетнего юбилея.

Ксюша выдохнула, нервно сцепляя руки.

— Извините, что я спрашиваю...

— Я понимаю. Вам интересно.

У Игоря Андреевича был немного странный голос, и поэтому Ксюша подняла голову. Он смотрел на неё действительно очень понимающе, но в то же время иронично.

И она почему-то почувствовала себя обиженной. Он-то у неё практически ничего не спрашивал, но это, в общем-то, ясно — вряд ли взрослому мужчине интересно, что там происходит в жизни юной девушки. Работа, съёмная квартира, молодого человека нет — всё это довольно-таки скучно и понятно. Не зря Игорь Андреевич Ксюшу как открытую книгу читает.

— Интересно. И я постепенно складываю собственное мнение о вас, основываясь на известных фактах, — сказала Ксюша, с вызовом вскидывая голову. Ну как маленькая, ей-богу... Но так хотелось его подразнить!

— Да? — Игорь Андреевич улыбнулся. — И что же это за мнение?

— А не скажу. Мучайтесь неведением.

Он засмеялся.

— Ладно, Ксения, договорились. А давайте натуральный обмен мнениями?

— Это как?

— Сегодня вечером, когда приедете домой, я напишу вам своё мнение о вас. В смс-сообщении. А вы напишете своё в ответ.

Ксюша задумалась.

— А почему просто не сказать по телефону?

— Так интереснее, — ответил Игорь Андреевич, лукаво сверкая глазами. — Просто поверьте — так намного интереснее... А еще вам будет чуть проще, потому что написать всегда проще, чем сказать.

— Не всегда.

Он удивлённо поднял брови, и Ксюша пояснила:

— Мне всегда было проще послать человека устно, нежели письменно.

И пока Игорь Андреевич хохотал, откинувшись на спинку стула, она улыбалась, гадая, что он в очередной раз затеял с этим обменом мнениями.

Ей действительно было очень интересно.

Спустя ещё две партии, одну из которых выиграл Игорь Андреевич, а другую его дочь,

Настя начала позёвывать, и было решено закружиться. Ксюша решительно воспротивилась предложению подвезти её до дома, но согласилась на такси.

— Я хотя бы вниз вас провожу, и оттуда закажу машину, — сказал Игорь Андреевич, вставая из-за стола. — И вас в неё усажу, должны быстро подъехать. Настя! Без меня никакого мороженого не есть. Приду — проверю.

— Как ты мог подумать так обо мне! — пафосно воскликнула девочка, закатывая глаза, заставив своего папу скептически хмыкнуть, а Ксюшу тихонько захихикать.

— Вот как-то мог. Делай выводы, Настасья.

Настя, гордо подняв голову, величественно удалилась в сторону кухни.

— Пошла делать выводы? — пошутила Ксюша, проводив девочку взглядом.

— Надеюсь, что именно их. Пойдёмте, Ксения.

Уже в лифте, вспомнив прошедший вечер, она усмехнулась и невольно заметила:

— А всё-таки и в азартные игры мне тоже не везёт.

— Что вы имеете в виду? — сразу же заинтересовался Игорь Андреевич.

— Да... так. Мелькала просто недавно мысль... Обычно ведь говорят — мол, не везёт в любви, значит, повезёт в азартных играх. Вот я и подумала — видимо, мне должно везти. А оказывается — нет, не везёт. Вы два раза выиграла, Настя — один. А я ни разу.

— Ну, Ксения, мы с вами играли не в азартные игры, а в настольную игру. Азартные — это на деньги, и там важен результат, а не процесс.

— Думаю, в них мне тоже везти не будет.

— Можем как-нибудь проверить.

Двери лифта распахнулись, но Ксюша так удивилась, что не сразу сообразила: пора выходить.

— Вы о чём, Игорь Андреевич?

— Можем сыграть с вами в какую-нибудь азартную игру. Сделаем ставки и сыграем. Вот и проверим, везёт вам или нет.

Ксюша засмеялась и покачала головой.

— Да я умею играть только в «дурака». Всякие там покеры-шмокеры — это мне не знакомо.

— Можно и в дурака, какая разница? Тоже азартная игра, если будем делать ставки.

— Нет, — она опять покачала головой. — Мне ставить нечего. Извините, но я не финансовый магнат.

— Тогда не на деньги, а на интерес. На желание, например.

Она с подозрением покосилась на мужчину.

— И что же вы пожелаете?

— Так я вам и сказал, — усмехнулся Игорь Андреевич. — Кроме того, я сам ещё не придумал. Но если будем играть — придумаю.

— Что-нибудь неприличное, небось... — пробормотала Ксюша.

— Ну почему сразу неприличное? Это же не интересно, Ксения.

— Не интересно?

— Разумеется, — кивнул Игорь Андреевич, доставая мобильный телефон из кармана джинсов, чтобы заказать девушке такси. — Зачем выигрывать, если можно завоевать? Так что... нет, Ксения. Неприличное вам не грозит.

«А жаль», — подумала Ксюша и вспыхнула от этой мысли. Подняла голову — и вспыхнула ещё сильнее, потому что Игорь Андреевич явно понял, о чём она подумала. И

теперь лукаво улыбался, глядя на её смущённое лицо.

— Не смотрите на меня так, — пробормотала Ксюша, не в силах отвернуться. — Я чувствую себя наивным младенцем, когда вы так смотрите.

— И зря, — ответил Игорь Андреевич серьёзно. — Вы не наивны. И вы не младенец. Но я же обещал вам написать своё мнение о вас, когда вы приедете домой. Так что... не будем забегать вперёд.

— Мне уже страшно, — улыбнулась Ксюша. — Не могу себе представить, что вы там напишете...

— И не представляйте. Скоро прочитаете. А вот и ваше такси... До свидания, Ксения. Хорошей вам дороги.

— До свидания, Игорь Андреевич, — она кивнула и направилась к машине.

По приезде Ксюша сразу же отправила Игорю Андреевичу краткое сообщение о том, что она доехала, и ушла на кухню пить чай вместе с сонной Инной Васильевной.

Вернувшись минут через пятнадцать, взяла свой мобильный телефон в руку, села на постель и открыла пришедшую смс.

Хорошо, что села...

«Вы прекрасны и телом, и душой, Ксения. Вы искренны и чисты, и вся ваша наивность сводится только к возрасту, которому мне можно лишь позавидовать. Вы честны и бесхитростны, что редко сейчас встречается среди людей. Вы милы и очаровательны, и я часто люблюсь вами. Вы желанны. Вы даже представить себе не можете, насколько вы желанны. Я знаю, как вы смеётесь, улыбаетесь и смущаетесь, и теперь я хочу знать, что вы делаете и как выглядите в порыве страсти. Я хочу слышать ваши стоны, видеть ваши глаза, почувствовать ваше восхитительное тело. Оно у вас действительно восхитительное, Ксения. Я помню».

Читая это сообщение, Ксюша чуть не умерла. От всего сразу — и от смущения, особенно когда Игорь Андреевич начал писать про «порыв страсти». И от безумного жара внизу живота. И от вспыхнувших щёк — они, казалось, загорелись. И от зашедшегося сердца...

Сумасшедший. Или это она сумасшедшая? Боже.

Минут десять она сидела, трепещущая, как крылья бабочки. Перечитывала сообщение, вновь начинала трепетать, и даже толком не могла понять, почему.

Ведь это же всё понятно. Она ведь знает, что Игорь Андреевич её хочет. Но знать — одно... а читать подобные вещи — совсем другое... как оказалось.

Но наконец Ксюша собралась с духом... и ответила.

«Я не смогу играть в эту игру наравне с вами. И мы оба знаем, что я проиграю, точнее, что я уже проиграла. Вы сильный, намного сильнее меня. Вы умный, намного умнее меня. Вы стратег и тактик, вы знаете, как нужно добиваться цели, какой бы она ни была. Вы умеете быть и жёстким, и мягким, и настаивать на своём, и отступить, когда необходимо. Я боюсь вас, Игорь Андреевич. Вернее, не вас, а того, что вы можете со мной сделать».

Телефон молчал минут пять, а потом зазвенел от пришедшего сообщения.

«Я знаю, что вы боитесь меня, Ксения. И понимаю — в вашем прошлом был человек, который сделал вам что-то плохое. Но я — не он. Не нужно бояться. Я не стану вас обижать».

Почему-то захотелось плакать, и она какое-то время просто сидела и анализировала собственные ощущения.

Она осознала всё только в тот момент, когда телефон вновь зазвенел...

«Не бойся меня, моя прекрасная девочка».

Ксюше хотелось плакать, потому что она понимала: возможно, Игорь Андреевич и не обидит её... специально. Просто он никогда не будет любить её, ведь в его возрасте и с его статусом не влюбляются в простых и наивных девушек. И одно только понимание этого факта обижало Ксюшу больше, чем она могла себе представить.

«Спокойной ночи, Игорь Андреевич».

«Спокойной, Ксения».

Поколебавшись, она всё-таки спросила:

«А завтра опять будет подарок?»

И, отправив это сообщение, почти увидела его лукавую улыбку...

«Увидишь».

И улыбнулась сама.

Он удивительный. Он самый удивительный на всём белом свете. Никто и никогда с ним не сравнится.

В этом и дело, Игорь Андреевич... Вы не обидите меня, да.

Вы превратите меня в пыль...

Давненько Ксюша не ждала утра с таким нетерпением. Нет, она действительно становится зависимой... и не только от него, но и от его подарков.

Впрочем, с чего она взяла, что подарок будет именно утром? Может, вечером?..

Но Игорь Андреевич оказался верен себе, и звонок в дверь раздался, когда Инна Васильевна уже ушла, а Ксюша уйти не успела, но была полностью одета. Интересно, как он умудряется так угадывать время? Не только попадать в подъезд, не зная кода, но и угадывать, когда Ксюша еще находится дома? Загадка.

— Доброе утро, — кивнул девушке курьер, — у меня подарок для Ксении.

Не «посылка», а «подарок». Да и выглядело то, что курьер держал в руках, как подарок — небольшая прямоугольная коробочка нежно-сиреневого цвета, даже с бантом. Ужасно любопытно, что там!

Расписавшись за доставку, Ксюша почти поскакала в свою комнату. Поставила коробку на постель, развязала бант, а потом резко сняла крышку...

Мысли застыли, замерев от восторга и восхищения. И всё, что она могла — попискивать от радости и ошеломлённо охать. А еще — прыгать, как маленькая девочка.

В коробке оказался потрясающий небольшой букет из разных цветов, в том числе из её любимых альстромерий. Но дело было не в нём, а в прекрасной бабочке с синими крыльями, вылетевшей из коробки. Живой бабочке.

И теперь эта бабочка медленно летала вокруг Ксюши, словно та была экзотическим цветком. Кружила, едва касаясь девушки крыльями, поднимаясь то выше, то ниже. И Ксюше хотелось смеяться и плакать одновременно.

А еще в коробке обнаружилась маленькая открытка, подписанная уже знакомым почерком.

«Эта бабочка называется морфо. Живёт примерно две недели. Инструкцию по уходу за ней можно найти под букетом. Удачного дня, Ксения».

Ксюша положила открытку обратно в коробку и, провожаемая по — прежнему летающей вокруг неё бабочкой, подскочила к столу. Схватила свой мобильный телефон, но не стала, как раньше, набирать смс-сообщение, а сразу позвонила.

И с каждым прошедшим гудком её сердце билось всё сильнее и чаще...

— Доброе утро, Ксения.

Она выдохнула.

— Игорь Андреевич...

— Да? — голос был тёплым и полным лукавства.

— Я...

— Да, моя дорогая?

— Спасибо, — всё же почти прошептала Ксюша, глядя, как бабочка изящно опускается на спинку её стула. — Большое вам спасибо. Это... так красиво.

— Я рад, что тебе понравилось, — засмеялся Игорь Андреевич. — Это было немного рискованно, но я решил рискнуть.

— Рискованно? Почему?

— Я знаю одну женщину, которая не очень любит бабочек, даже боится их. Но мне подумалось, что ты не из таких.

— Да, — Ксюша улыбнулась, — я вообще не боюсь насекомых. Ни пауков, ни тараканов, а бабочки кажутся мне восхитительно прекрасными. Спасибо... и в том числе за то, что вновь называете меня на «ты».

— Это мой промах, — усмехнулся Игорь Андреевич.

— Почему? — она удивилась.

— Я ведь писал тебе. Либо оба, либо никто. А ты ещё не готова, верно?

— Верно...

— Так что я немного поторопился. Простишь меня, Ксения? — спросил он с улыбкой в голосе, и Ксюша тихо засмеялась.

— Конечно, Игорь Андреевич.

— Хорошего тебе дня, моя девочка.

Сердце вновь зашло, и дыхание перехватило, и жарко стало так, будто в груди камин затопили... А всё из-за этого его «моя», сказанного негромко, но очень чувственно.

— И вам, Игорь Андреевич...

Как же хорошо, что завтра она его увидит.

И как же глупо вообще думать об этом. И радоваться тоже глупо, потому что она ему нужна лишь в качестве любовницы — и больше никак. Да всё глупо... Но почему-то не получается внушить это колотящемуся от радости сердцу, и счастливо улыбающимся губам, и восторженно блестящим глазам.

Дура, ей-богу.

Ксюша всю пятницу так пролетала. Благо, Виктора на работе не было, и никто не косился на неё с подозрением, только с пониманием. Ну, счастлив человек. Эка невидаль!

Но вечером настроение ей испортили. Точнее, испортил. Виталик.

Ксюша, возвращаясь домой, наткнулась на него возле собственного подъезда. Букет цветов, костюмчик... всё как положено.

Настроение сразу же упало, как подбитый врагами самолёт. Захотелось развернуться и утопать обратно к метро.

— Привет, — Виталик улыбнулся, протягивая Ксюше букет. Розы. Розовые, но от этого

не слишком легче. — Это тебе.

— Не надо, — она нахмурилась, делая шаг назад. — Ничего не надо.

— Ты хотя бы можешь объяснить мне, почему? — он откинул букет на скамейку и подошёл ближе. — Всё время отказываешь, и я не понимаю, что не так. Я разве страшный? Я не умею себя вести? У тебя ведь нет никого, Ксюш.

— Кто сказал, что нет? — огрызнулась она. — Есть. Я просто не рассказывала.

— Да не ври. Стася бы знала. И по тебе видно, что ты...

— Я как-то не замечала, чтобы у Стаси был язык без костей, — перебила Виталика Ксюша. — И если не знаешь ты — не значит, что не знает она. Перестань уже, в конце концов, год от года одно и то же!

— Потому что каждый год вижу тебя — и понимаю: пропал! Только ты... зачем так упрямиться?! — почти заорал Виталик, хватая Ксюшу за руки и рывком прижимая к себе. — Как будто я какой-то монстр!

— При чём здесь... Не хочу я! Так сложно это понять?!

— Ну хватит! — прошипел он, наклонился и впился ей в губы с агрессивным поцелуем.

Стало гадко и больно. Ксюша извернулась, хорошенько ударив Виталика ногой по коленке, потом с силой вырвалась из его хватки и побежала к подъезду.

— Отвяжись! — рявкнула, на мгновение обернувшись. Виталик тоже что-то проорал, но Ксюша уже не слышала, скрывшись за дверью.

Сволочь. Всё настроение испортил...

Но дома по комнате кружилась прекрасная бабочка, и Инна Васильевна рассказала Ксюше смешной анекдот, а потом накормила вполне себе вкусным ужином. И сыр с плесенью ещё остался...

В общем, настроение потихоньку выправлялось, и она всё-таки не заплакала, хотя поначалу очень хотелось. Мерзкий вкус на губах просто преследовал Ксюшу.

Но она всё равно улыбнулась, увидев на экране телефона краткое смс-сообщение от Игоря Андреевича.

«Я заеду за тобой завтра в пять часов вечера. Позвоню минут за десять».

Вздыхнула. Стоило бы ответить просто «да» или «хорошо», но... Так хотелось с ним поговорить.

«Ладно. Как прошёл ваш день, Игорь Андреевич?»

Телефон молчал несколько минут, словно с недоумением относился к её смелости.

«Весьма тухло, Ксения. Ты сейчас дома?»

«Да».

Вот! Она тоже немного умеет им манипулировать. Хотела ведь, чтобы позвонил — и он позвонил!

— Алло.

— Не мешаю я тебе, моя девочка?

И вновь от этого «моя» и тёплого голоса с лёгким оттенком лукавства внизу живота что-то с предвкушением сжалось.

— Нет, Игорь Андреевич.

— А что ты сейчас делала? До того, как я нарушил твой покой своим звонком.

— Ну, не такой уж это и был покой. Мы с Инной Васильевной не так давно поужинали. Ваш сыр почти закончился...

— Это намёк?

— Ох... Нет. — Она засмеялась, поняв, как сглупила. — Не нужно мне больше ничего дарить, Игорь Андреевич. Вы и так уже столько всего подарили...? я вам ничего не подарила.

— Ничего. У тебя еще будет возможность мне что-нибудь... подарить, — протянул он, и Ксюша даже немного смутилась, поэтому быстро спросила:

— Может, котёнка? Тем более, Настя хочет.

— Настя обойдётся.

— А почему вы против? Вы не любите кошек?

— Ну отчего же? Очень люблю. Просто Настя хочет не кошку, а игрушку, и в итоге она будет с этой игрушкой играть, а мне достанутся все игрушкины проблемы вроде чистки туалета и регулярного посещения ветеринара. Мне сейчас не до этого, Ксения. Вот когда Настя поймёт, что вместе с кошкой получит еще и кучу обязанностей по уходу за ней — тогда будет ей кошка. Хоть три.

— Как вы строги к дочери, — улыбнулась Ксюша.

— Я не строг, а справедлив. Настя пока слишком безответственна, а с моим рабочим графиком она эту кошку либо угробит, либо переложит на чьи-либо плечи.

У Ксюши замерло сердце.

— А вы опять уезжаете, да?

— Да, моя девочка, — голос был полон сожаления. — В воскресенье. Я в среду вернусь.

— А вы летать не боитесь? У меня есть друг, который боится.

— Ксения, — Игорь Андреевич рассмеялся, — если бы я боялся летать, я бы уже, пожалуй, поседел целиком, а не только на висках. Слишком часто приходится это делать. У тебя, кстати, странный голос. Слишком грустный.

Почувствовал...

— Всё нормально.

— Так говорят, когда не нормально. Расскажешь мне, что случилось?

— Да ерунда. Просто не все такие, как вы. Некоторые сразу лезут... с поцелуями.

Игорь Андреевич молчал несколько секунд, а потом сказал, да так, что у Ксюши всё тело мурашками покрылось. Но отнюдь не от возбуждения.

— Ксения, если тебе будет кто-нибудь надоедать, просто скажи мне. Я разберусь.

— Разберётесь? — переспросила она с недоумением. — Каким образом?

— Это уже моё дело. Не волнуйся, — он явно усмехнулся, и жёстко, самоуверенно, — обойдёмся без членовредительства. Просто объясним всё... популярно. Нужно?

— Нет, — ответила она быстро, испугавшись за целостность и сохранность Виталика. — Я его отшила, всё в порядке.

На самом деле Ксюша вовсе не была в этом уверена, но она была уверена в другом — Виталик со временем отступит. Всегда отступал.

— Хорошо, — голос Игоря Андреевича смягчился. — Тогда до завтра, Ксения. Кстати, ты помнишь мою просьбу?

— Про бомбочку? — она улыбнулась. — Помню. И воду дали...

— Прекрасно, — протянул он довольно. — Я уже предвкушаю. Хорошего тебе вечера, моя девочка. И доброй ночи.

— И вам, Игорь Андреевич.

Ксюша положила трубку, и какое-то время ещё стояла на месте, с улыбкой глядя на экран мобильного телефона.

Она тоже предвкушала завтрашний день.

Думаю, если бы не Игорь Андреевич, я бы уступила Виталику. За столько лет он меня просто достал, и наверное, было бы проще пару раз с ним встретиться и посмотреть, что будет, чем методично отшивать.

Но теперь я не видела в этом никакого смысла. Кроме того, это просто нечестно — зная, что не сможешь ответить взаимностью, встречаться с другим мужчиной, обнадёживать его. Поэтому Виталик, увы, остался за бортом.

Но не факт, что он не будет пытаться и дальше меня «завоевать». Говорить о нём Игорю Андреевичу я, конечно, не стану, сама разберусь. Виталик всё же друг Сашки Лебедева и не самый плохой человек на свете, он не будет делать гадости.

Забавно... Пишу здесь о Виталике, а сама думаю о том, что будет завтра. И от всех этих мыслей внутри всё сжимается и дрожит.

Хочу, чтобы он меня поцеловал.

Господи... какая же я дура!!!

Поговорив с Ксенией, Игорь какое-то время задумчиво сидел на постели и смотрел на собственное отражение в огромном зеркале напротив.

«Не все такие, как вы. Некоторые сразу лезут с поцелуями».

Внутри него ворочалось что-то мерзкое, неприятное. Будто бы он слизня проглотил и теперь никак не может переварить.

Игорь нахмурился. Нет, он уже не юный мальчик, и давно не ощущал ничего подобного, но всё же прекрасно помнил, что это такое.

Ревность.

Ксению кто-то поцеловал — или пытался поцеловать — и Игорю это не понравилось. Впрочем, ей тоже, судя по её голосу.

Можно, конечно, попросить Романа организовать охрану... Просто чтобы вели от дома до работы и от работы до дома. Но Игорь нутром чуял — не нужно этого делать. Когда-нибудь Ксения непременно узнает об охране и обязательно разозлится. Для его девочки это будет означать недоверие и посягательство на личную жизнь. Такие вещи нужно делать только с её ведома и одобрения.

Значит, нужно постараться уговорить Ксению. А то мало ли этих... любителей лезть с поцелуями.

Внутри вновь заворочался склизкий, противный слизняк, и Игорь усмехнулся. Забавно... Ксения формально ещё не его женщина, а он уже ревнует.

Хотя он всегда был страшным собственником.

А с утра принесли альстромерии.

Точнее, это поначалу Ксюше показалось, что альстромерии. На самом деле букет был не только из них, но еще и из... белых роз. Только вот в сочетании с ярко-алыми альстромериями и еще какими-то зелёными листиками белые розы Ксюше даже понравились. Они не вызывали в ней негативных воспоминаний, потому что были вместе с

альстромериями, в одном букете. Да еще и сами цвета... Белый, алый, зелёный. Красиво, ярко и очень чувственно.

Инна Васильевна только вздыхала, глядя на счастливую Ксюшу, но ничего не говорила. И правильно делала. Ксюша и сама прекрасно понимала, что плохой конец в её истории куда вероятнее хорошего, но она набрала уже слишком большую скорость на этом жизненном склоне и теперь не могла остановиться.

«Спасибо большое, Игорь Андреевич».

Наверное, можно было подождать с благодарностями до встречи, но Ксюше не хотелось?дать.

«Не за что. Тебе понравилось? Я опять решил рискнуть».

«И ваш риск оправдался. Мне очень понравилось».

«Я рад».

И смайлик. Ксюша даже хихикнула, глядя на эту улыбающуюся мордочку и представляя на её месте лицо Игоря Андреевича.

А потом... решила подразнить.

«А как вы хотите, чтобы я пахла? Малиной, клубникой, мятой-лаймом, морской свежестью или «бешеной пчёлкой»? Надо же соответствовать ожиданиям!»

Он, конечно, сразу всё понял.

«Дразнишься? Смотри, и правда отшлёпаю!»

И пока Ксюша, смеясь, думала, как ответить, пришло следующее сообщение.

«Пчёлкой. Сегодня у меня есть настроение на мёд».

Набравшись смелости, она ответила:

«Медведь!»

«Разумеется, Ксения. И даже с берлогой. Куда я обязательно утащу мою невероятную пчёлку... как только она перестанет бояться и начнёт называть своего медведя по имени».

Ксюше стало жарко. Назвать Игоря Андреевича просто Игорем? Она с трудом могла себе представить подобное.

«Пчёлке неловко. Простите!»

«Ничего. Медведь подождёт. Чем дольше ждёшь — тем вкуснее мёд».

И она вновь засмеялась, чувствуя, как отпускает напряжение, появившееся в её теле после сообщения Игоря Андреевича про «называть по имени».

Как-то так всегда получалось, что все Ксюшины кавалеры совершенно не хотели ждать. Только Игорь Андреевич сразу всё понял... наверное, в силу своего возраста и опыта. И ждал.

И что-то подсказывало Ксюше — ждать ему осталось недолго.

За час до приезда Игоря Андреевича Ксюшу начало колотить. А еще она серьёзно задумалась на тему «что надеть» и вдруг впала в панику.

Изначально она решила — раз он сказал «что хотите», то можно облачиться в повседневные джинсы и какую-нибудь из футболок. Можно даже в беленькую, чтобы попрядничней выглядеть. Но теперь, за час до встречи, Ксюша засомневалась.

И распахнула шкаф.

Там всё было печально. Зимний пуховик, осенняя куртка, две летние — джинсовая и непромокаемая ветровка. Две пары джинсов (пара третья — старые и совсем затёртые штаны ещё со студенческих времён — осталась у Стаси в день свадьбы вместе с одной из футболок), «траурная» юбка и блузка — в них Ксюша хоронила и маму, и отца, — три

зимних свитера и зимнее же синее платье-футляр, в котором она ходила на последний корпоратив, две кофточки на осень-весну, четыре разноцветные футболки на лето, одна более праздничная туника... Вот! Может, джинсы с туникой надеть??на красная, как сегодняшние альстромерии.

Жаль, что у неё совсем нет летних платьев. Исключая то, что она надевала в день Стасиной свадьбы, но его можно не считать — слишком парадное. Хотя раньше Ксюша об этом и не задумывалась — она с детства не любила платья. А теперь вот захотелось... порадовать Игоря Андреевича. И самой порадоваться, глядя в его восхищённые глаза. Как тогда, после свадьбы.

В общем, промучившись минут пятнадцать, Ксюша всё же решилась на джинсы и красную тунику. Хорошенько расчесалась, намереваясь обилием волос замаскировать отсутствие украшений. Уши она так и не проколола. Хотела ещё на первом курсе, но откладывала, а после смерти папы стало не до ушей.

Только на запястье застегнула тонкий серебряный браслет — родители подарили его ей на семнадцатилетие. Это был их последний подарок. На Ксюшино восемнадцатилетие мама просто испекла пирог.

— Красавица, — вздохнула Инна Васильевна, когда Ксюша вышла из своей комнаты. — Правда, глаз не оторвать. Ох, Ксюня...

— Ну ладно, ладно вам, — Ксюша засмеялась, подошла ближе и обняла свою квартирную хозяйку, уже давно ставшую ей еще и другом. — Не переживайте. У меня голова на плечах есть вроде...

— Ну да, — усмехнулась Инна Васильевна, тоже обнимая девушку. — Теоретически-то есть. Но я же знаю, что эти самые головы непонятно куда деваются, как только речь заходит о влюблённости.

— Ваша правда, — фыркнула Ксюша.

Правда, она не стала уточнять, что у неё нет влюблённости. У неё, кажется, кое-что гораздо серьёзнее...

Что в таких случаях происходит с головами? Страшно подумать.

Всё было, как договаривались — Игорь Андреевич позвонил за десять минут до приезда, и Ксюша, нервно пробежав по квартире все эти десять минут, спустилась вниз, во двор.

Она сразу же увидела и машину Игоря Андреевича, и его самого рядом с ней. В джинсах и светлой рубашке, улыбающегося спокойной и немного лукавой улыбкой. Выпрямилась, одёрнула тунику и, подойдя ближе, сказала:

— Добрый вечер. Я точно правильно одета?

— Правильно, — рассмеялся Игорь Андреевич, открывая дверь. — Садись, Ксения. Ехать нам около часа, может, чуть меньше, если в пробку не попадём.

Ксюша залезла на переднее сиденье, немного нервно разгладила край туники на своих коленях. Дождалась, пока Игорь Андреевич начал выруливать на дорогу, а потом поинтересовалась:

— И куда мы едем?

— Чуть позже увидишь, — ответил мужчина, усмехнувшись. — Пусть будет сюрпризом.

— А я, честно говоря, думала, что вы приедете с шофёром, — призналась Ксюша, и Игорь Андреевич удивлённо на неё посмотрел.

— Зачем же смущать Бориса? Одно дело — деловые встречи, а совсем другое —

свидание. Кроме того, он в отпуске.

Ксюша почувствовала, что щекам стало немного жарко. И чего, спрашивается, смутилась? Всё же прекрасно понимает.

И словно пытаюсь справиться со своим смущением, она вдруг выпалила:

— Никакое это не свидание.

— Да? — Игорь Андреевич лукаво улыбнулся. — А что же, Ксения?

— Не знаю. Но не свидание.

— Почему?

И как в ледяную прорубь с головой:

— Потому что на свиданиях целуются.

Мужчина на миг застыл, а после тихо засмеялся.

— Целуются, значит...

— Угу, — решительно кивнула Ксюша, пытаюсь не засмеяться самой, но не выдержала и тоже улыбнулась.

— Ещё не вечер, Ксения, — с намёком произнёс Игорь Андреевич, и внутри всё затрепетало. Да и губы заныли... — Так что... рановато жалуешься. Впрочем, я учту твои пожелания.

Прозвучало это немного угрожающе. И очень чувственно. Как и всегда.

— А у вас есть пожелания?

— Ксения... Если я выскажу свои пожелания, ты окончательно и бесповоротно покраснеешь. Не хочу тебя смущать.

И взгляд такой — лукаво-провокационный. Игрок... Дрессировщик и режиссёр.

— Всего вы хотите, Игорь Андреевич, — сказала Ксюша, понижая голос. — Всего и... по-всякому.

Кажется, она смогла его удивить.

— Опять дразнишься? — он улыбнулся. — Не боишься?

— Боюсь. Но волка бояться — в лес не ходить.

— А волк это вроде как я?

— Ага, — радостно возвестила Ксюша, кивая. — Так и Инна Васильевна сказала, моя хозяйка. Матёрым волчицей вас назвала.

«Волчище» расхохотался.

— Так-так. А ты что же, Ксения?

— А что я? — девушка пожала плечами. — Согласилась. Вам подходит.

— Да, — он, по-прежнему улыбаясь, поглядел на Ксюшу. — Действительно подходит. Но я обещаю, что не буду тебя есть, Красная Шапочка. Хотя ты скорее Красная Кофточка...

— Не стоит верить обещаниям волка, — фыркнула Ксюша. — Это все Шапочки знают. То есть, Кофточки.

— А я особенный волк. Моим обещаниям можно и нужно верить, Ксения, — сказал Игорь Андреевич серьёзно.

— Это потому что вы не волк, а волчище. Матёрый, — отшутилась девушка, и сразу заметила, как он недовольно поджал губы. Понял, что она ему не верит.

Но дело было, конечно, не в Игоре Андреевиче. Ксюша в принципе никому не верила до конца. Разучилась...

И она поспешила сменить тему:

— А вы, между прочим, не проверили, выполнила ли я ваш... — Ксюша на миг

запнулась, решив не обижать его словом «приказ». — Вашу просьбу. Про бомбочку.

Игорь Андреевич в этот момент остановился на светофоре. Повернулся к ней и, придвинувшись ближе, сказал с откровенным предвкушением, глядя ей в глаза:

— Я проверю, Ксения. Я обязательно проверю. Я ведь уже говорил — ещё не вечер.

На этот раз она не смогла ответить. Только взволнованно сглатывала, продолжая смотреть на него. И Ксюше казалось, что в его глазах горит пламя...

Наверное, это было то самое пламя, к которому так стремился её мотылёк.

Они приехали к кафе в центре города, возле которого обнаружился большой стенд с афишей: «Вечер джаза».

Значит, джаз...

— Так вот к чему был саксофон.

— Именно, — кивнул Игорь Андреевич. — Он ещё жив, кстати? Или уже нет?

— Наполовину. Очень вкусный, экономим...

— Не нужно. Я всегда могу подарить тебе другой саксофон.

— Я понимаю. Но мне тоже надо ограничивать себя в... употреблении саксофонов.

Игорь Андреевич засмеялся.

— Сегодня вечером мы с тобой в этом не будем себя ограничивать, да и здесь саксофоны не калорийные. Пойдём, там уже пускают, будем рассаживаться.

Это действительно оказалось обычное кафе, только с хорошо освещённой сценой в дальнем конце помещения. Столики были уже накрыты, и во время концерта заказывать можно было только напитки, чтобы не отвлекать музыкантов. А вот после — пожалуйста.

хорошо освещена была только сцена, в остальном зале царил полумрак, создавая вокруг приятную обволакивающую атмосферу интимности и чего-то особенного. Всё здесь было оформлено в стиле 30-х годов: большие граммофоны, перья, зонтики и что-то блестящее на стенах, в проемах между помещениями — шторы из звенящих бусин. И цвета кремовые, нежные, приятные глазу.

— Под такой интерьер нужно платье и шляпу с пером, — шепнула Ксюша Игорю Андреевичу после того, как они сели за столик. — Народ слишком современно одет.

— Дресс-кода здесь нет, — он улыбнулся, кивая официантке, чтобы подошла. — Что будешь пить?

— Чай. Обычный.

— Хорошо. И мне тоже чай, пожалуйста.

Кроме них за столиком сидели ещё два человека — молодая пара, явно супружеская, и они периодически косились то на Ксюшу, то на Игоря Андреевича, явно пытаясь угадать, кто они друг другу. И ей от этого почему-то было очень смешно.

А потом Игорь Андреевич вдруг наклонился и что-то тихо сказал парню, после чего тот слегка смутился, кивнул и пробормотал:

— Извините.

Ксюша с недоумением покосилась на своего спутника, но Игорь Андреевич только головой покачал.

— Потом.

И правильно: в этот момент на сцену вышли музыканты и вечер джаза начался.

Поначалу Ксюша думала, что они будут только играть. Но это оказалось не так. Один из парней, как раз саксофонист, отлично вёл вечер: рассказывал историю джаза, шутил с публикой. И Ксюша, никогда не увлекавшаяся этой музыкой, в какой-то момент вдруг

почувствовала, что растворяется в ней.

Звуки наполняли помещение, захватывая каждый уголок пространства, и не только вокруг, но и в душе находящихся здесь людей. Лица у всех были благодушные, умиротворённые. И даже Игорь Андреевич как-то смягчился, растёкся, и не было в нём в те минуты ничего ни от волка, ни от ястреба. И Ксюша, косясь на него в то время, как музыканты играли свою ритмичную и будто бы колдовскую музыку, видела совершенно другого Игоря Андреевича — просто уставшего от всего на свете мужчину, который привык контролировать это самое «всё на свете», привык отвечать за свои поступки, который почти никогда не расслабляется. Его мозг всегда работает — и в этом всё дело. Сейчас же, в полумраке кафе, под странные завораживающие ритмы, Игорь Андреевич из практически бога превратился в обычного домашнего мужчину, которого Ксюше безумно хотелось обнять.

И она, набравшись смелости, в один прекрасный момент протянула руку и коснулась его пальцев.

Он вздрогнул, словно пробудившись ото сна, посмотрел на Ксюшу с удивлением. Потом улыбнулся и взял её ладонь в свою. Это оказалось безумно приятно, очень нежно и тепло.

Игорь Андреевич больше ничего не делал, просто держал Ксюшу за руку, но этого было вполне достаточно, чтобы она навсегда решила: джаз — лучшая музыка на всём белом свете.

Концерт длился почти полтора часа, и когда закончился, Ксюша даже немного расстроилась.

— Ты не против еще и поужинать со мной? — спросил Игорь Андреевич, как только народ начал расходиться. — Мо?но здесь, а можно пойти в ресторан напротив. Там лучше кормят.

— Не надо в ресторан, — быстро сказала Ксюша, и он засмеялся.

— Ксения, и там тоже нет дресс-кода, более того, навалом народа, одетого как я или ты. Ресторан — это не всегда суперкруто, это просто чуть разнообразнее, чем кафе.

«И дороже», — подумала Ксюша, сказав вслух:

— А вы как хотите?

— Я бы туда переместился. Там шашлык вкусный. И к нему подают обалденный такой острый соус...

— Кажется, вы просто проголодались...

— Может быть. Пойдём?

— Ладно, — пожала плечами Ксюша. Шашлык она тоже любила, правда, острый соус — это не для неё. Потом в желудке огнедышащий дракон поселится и всю ночь будет огонь извергать...

По пути на другую сторону улицы, где находился этот самый ресторан с шашлыком, Ксюша пыталась вызнать у Игоря Андреевича, что он любит есть. Ей уже давно была интересна эта тема — собственно, с тех пор, как Настя упомянула, будто он не любит молочные продукты. Никакие, кроме сыра.

— А я рыбу и морепродукты люблю, — говорил Ксюше Игорь Андреевич, улыбаясь. — Любую рыбу и любые морепродукты. Особенно креветок, лобстера, устриц и раков.

Из всего вышеперечисленного она пробовала только креветок.

— И крабов? — хмыкнула, вспомнив салат, который они ели в вечер знакомства.

— И крабов, — кивнул Игорь Андреевич.

— А чёрную икру тоже любите?

— Люблю. И чёрную, и красную.

Красную Ксюша тоже любила, но ела только на Новый год. А чёрную...

— А я чёрную икру никогда не пробовала. Не довелось как-то.

Он вновь кивнул.

— Понял.

— Только не надо мне ничего дарить! — возмутилась Ксюша, осознав, что именно ляпнула, но главное — кому! — Тем более банки с икрой!

— Ну почему сразу банки? — Игорь Андреевич откровенно веселился. — Может, просто бутерброд?

В этот момент они всё же дошли до ресторана, и Ксюша на время замолчала. Вновь заговорила уже сидя за столиком и открывая меню.

— Пожалуйста, обещайте, что не будете дарить мне никакой икры! Я вас очень прошу!

— Хорошо, — хмыкнул мужчина. — Не буду, Ксения. Забудь об этом. Выбирай лучше, что хочешь заказать.

Легко сказать... Нет, Ксюша понимала, что платить будет Игорь Андреевич, и считала это вполне нормальным. Просто её мозг, привыкший подсчитывать финансы, чтобы они к концу месяца не пели романсы, сразу же начал высчитывать возможный счёт. И девушке стало как-то не по себе.

А сам ресторан был отличным и очень атмосферным, в восточном стиле — с коврами, кувшинами, разноцветными тарелками на стенах, уютными диванчиками, на которых лежали мягкие подушечки с кисточками. Только они с Игорем Андреевичем сели не на диванчик, а за обычный деревянный стол напротив друг друга.

— Ну? Выбрала?

— Почти.

В итоге Ксюша остановилась на шашлыке из курицы с гарниром из буржуйской картошки фри. А вот Игорь Андреевич взял себе и какой-то причудливый салат и шашлык из сёмги с овощами на гриле, и клюквенного морса целый литр — но уже на них двоих. Уточнил, не хочет ли она тоже салат или суп, и когда Ксюша покачала головой, кивнул и отдал меню официанту.

— А знаете, — девушка вдруг засмеялась, — я тут недавно сдавала в печать книгу из редакционного портфеля коллеги, пока она в отпуске была... Пришлось заглянуть туда одним глазом. И вот там была сцена — богатый мужчина и бедная девушка в ресторане. Богатом. Так он её даже спрашивать не стал ничего, заказал еще вдогонку и салат ей, и десерт.

— Ты хочешь, чтобы я сделал так же? — поинтересовался Игорь Андреевич, с улыбкой глядя на Ксюшины губы, отчего она непроизвольно их облизнула.

— Нет. — Глаза мужчины слегка потемнели после этого движения, и Ксюша на секунду опустила голову. — Мне просто интересно, что вы скажете по этому поводу.

— А что я могу сказать? Я тоже так когда-то делал. Так бывает, это не фантазия автора. Но не с тобой, Ксения.

— Почему?

— Потому что тебе это не понравится.

Она всё же подняла голову — и вспыхнула под его взглядом.

— Почему мне кажется, что вы думаете о чём-то неприличном?..

— Потому что ты проницательная девочка, — протянул Игорь Андреевич, усмехаясь. —

Верно, думаю.

— А чём? — спросила, и в горле пересохло от волнения.

— А это тебе тоже не понравится. По крайней мере пока. Поэтому я оставлю свои мысли при себе.

— Ясно, — Ксюша опустила глаза. — Минет, наверное...

Игорь Андреевич молчал несколько секунд.

— Посмотри на меня, девочка.

И так он это сказал, что Ксюша решила послушаться и подняла голову.

— Это просто мысли. Не действия. Я никогда не буду тебя принуждать, — произнёс он спокойно и твёрдо, глядя на неё уже совершенно с другим выражением на лице. — Ты поняла?

— Поняла, — она улыбнулась. — Я это давно поняла. Это... и многое другое. Поэтому и сижу здесь с вами, что понимаю...

— И я очень рад, что ты здесь со мной сидишь, — сказал Игорь Андреевич мягко. — Действительно очень рад. Мне хорошо с тобой, Ксения.

Ну вот... И ведь знает же, что это «хорошо» к любви отношения не имеет, а всё равно растеклась, растрогалась.

Воистину — все бабы дуры, а она им всем сто очков вперёд даст.

— И мне с вами тоже.

Не смогла не ответить... И, поймав на секунду торжествующее выражение в глазах мужчины напротив, вновь опустила голову.

Когда наконец принесли их аппетитно пахнущие блюда (и Ксюша, учуяв аромат своего шашлыка, поняла вдруг, насколько проголодалась), она неожиданно вспомнила, что еще хотела узнать у Игоря Андреевича.

— Между прочим, вы обещали рассказать, каким образом курьеры с подарками попадали в подъезд.

Мужчина усмехнулся, аккуратно отрезая ножом кусочек от рыбы. Салат он оставил на потом, отставив его в сторону.

— Тебе так хочется это знать? Может, всё же оставим в качестве моей тайны?

— Не-е-ет. Хочется!

— Ну ладно. Я не собирался этого говорить, потому что там нет ничего романтического. Когда я провожал тебя в первый раз, ты при мне открывала дверь с помощью кода, и я его запомнил. А до этого я просто предупреждал службу доставки, что не знаю код от подъезда и позвонить адресату нельзя. И платил дополнительные деньги за неудобства.

— Понятно, — протянула Ксюша. — Деньги решают всё.

— Не всё. Но подобные вещи — да, решают. Разочарована?

— Нет, что вы. Как можно? Это была бы чёрная неблагодарность с моей стороны. Кстати... и ещё... В тот день, когда вы меня провожали в первый раз... Помните, что сделала Настя?

— Помню, разумеется. Не предупредила тебя, что я возвращаюсь из командировки на день раньше.

— Я хотела узнать, что вы ей сказали. Интересный... педагогический момент.

— Что я ей сказал? — Игорь Андреевич хмыкнул. — Да ничего особенного, Ксения. Сказал, что не стоит вмешиваться в дела взрослых, да и вообще в дела других людей. Сказал, что мы с тобой сами разберёмся. Разберёмся же, правда?

Он опять по — доброму её подкалывал, и Ксюша улыбнулась.

— Конечно, разберётся.

— Кстати, ты мне тоже кое-что обещала. Не помнишь?

— Нет, — девушка слегка напряглась, и тут же расслабилась, когда Игорь Андреевич сказал:

— Ты мне спеть обещала.

— А-а-а. Хорошо, но... не здесь же?

— Это отличная отговорка, Ксения. Вернёмся в машину, spoёшь?

— Ладно, — кивнула Ксюша. Она частенько пела Инне Васильевне, почему бы и Игорю Андреевичу не спеть? Девушка не любила петь только со сцены, а по жизни — очень даже. — А во сколько у вас завтра самолёт?

— В пять утра.

— Ой, — выдохнула Ксюша, поглядев на настенные часы в восточном стиле, что висели над её головой. — Так вам домой надо, наверное, срочно...

— Почему? У меня есть ещё пара часов, а потом можно домой. Вещи я уже собрал, возьму быстро багаж — и в аэропорт.

— Вы себя совершенно не жалеете, — пожаловалась Ксюша, и Игорь Андреевич засмеялся.

— Да, Ксения, к жалости я действительно не склонен.

«И меня однажды не пожалеете, наверное...»

— А теперь твоя очередь.

— Что? — Ксюша удивилась, не поняв, о чём он говорит.

— Расскажи мне о себе, — сказал Игорь Андреевич, улыбаясь и делая глоток из своего бокала с морсом. — Ты ведь упомянула однажды, что можешь прочитать обо мне в интернете, а я о тебе не могу. Я о себе рассказывал, так что теперь твоя очередь.

— Да мне особенно нечего рассказывать. Я родилась и выросла в Чебоксарах, это в Чувашии. Поступать поехала в Москву, выучилась... — Ксюша запнулась. — ... на редактора. Начала работать ещё в институте, до конца учёбы жила в общежитии, потом сняла комнату у Инны Васильевны. Родители у меня умерли, осталась только бабушка, она в Чебоксарах живёт. Ничего интересного.

— Ну почему же? И из подобного краткого рассказа можно многое понять о человеке.

— Например?

— Например, то, что ты — самостоятельная и ответственная девочка, раз столько времени живёшь одна и сама себя содержишь. Ты стойкая — пережила смерть родителей, не опустилась, не забросила учёбу, пошла работать. Ты умеешь договариваться с людьми — живёшь ведь у одной и той же хозяйки, не съезжаешь. И очень любишь свою бабушку.

— А это с чего вы взяли? — удивилась Ксюша.

— С того, что ты сказала мне о ней. Могла бы опустить этот факт. Подумаешь, бабушка в Чебоксарах. Но для тебя это важно.

— Естественно... Она ведь моя единственная родственница.

Игорь Андреевич кивнул, явно о чём-то задумавшись. Ксюша несколько минут после этого сидела, молча ковыряя шашлык, а потом, усмехнувшись, заметила:

— Знаете... Вы, наверное, будете смеяться... Но я в глубине души считала, что вы про меня уже совсем всё знаете.

— Это откуда же?

— А как в сериалах показывают. Позвонили своему охраннику, попросили собрать информацию, и он вам хоп — через сутки папочку на стол. «Дело Ксении Мартыновой». А там всё — и где родилась, и на какие оценки училась, и чем в детстве болела.

Игорь Андреевич рассмеялся, качая головой.

— Ксения... разве я похож на крестного отца?

— Эм... нет.

— И зачем мне в таком случае заказывать это «Дело Ксении Мартыновой»?

— Ну как... Мало ли, кем я могу оказаться?

— И кем? Международной террористкой? Иностранной шпионкой? Или, может, наёмной убийцей?

Ксюша вздохнула, слегка смутившись.

— Вот я идиотка...

— Не надо так говорить. Ты просто далека от подобных вещей, и это нормально. А я лишь объяснил, почему мне совершенно не нужно твоё, как ты выразилась, дело. Я не криминальный авторитет, а ты — обычный человек и хорошая девушка. Я вижу это и без всяких «Дел Ксении Мартыновой».

И она почему-то сразу же успокоилась и перестала переживать, что опять ляпнула глупость. В присутствии Игоря Андреевича Ксюша никогда не чувствовала себя глупой, хотя он, с его-то умением манипулировать и просчитывать людей, вполне мог бы её унижить. Но не делал этого.

— А что вы сказали парню на концерте?

— Какому парню?

— Ну на сегодняшнем концерте. Девушка и парень шушукались, и вы что-то сказали парню.

— А-а-а, вспомнил, — хмыкнул Игорь Андреевич. — Я сказал ему: «Обсуждать, папа я своей спутнице или любовник, вы можете и дома. Мы не для этого сюда пришли».

Ксюша слегка покраснела.

— Блин... Извините.

— А ты за что извиняешься?

— За «блин».

— Ах, за «блин». Тогда извиняю, — засмеялся мужчина. — А в остальном... Не смущайся. Это просто такие люди попались. Любят посплетничать.

Она вздохнула, и Игорь Андреевич поинтересовался:

— Или тебя всё же смущает мой возраст? Я не могу его изменить, как бы ни хотел, Ксения.

— Не смущает, — выпалила она, но потом поправилась: — Точнее, смущает, но не настолько, как можно было бы подумать.

— Хорошо, — он улыбнулся, отставляя пустую тарелку. — Ты точно не хочешь десерт? Здесь делают очень вкусные пирожные.

— Нет, спасибо. Я наелась.

— Тогда я прошу счёт?

Ксюша кивнула, и Игорь Андреевич подозвал официанта.

Она давно уже поняла — в жизни ничего не может быть идеально. И в этом вечере, идеальном с самого начала, не могло быть всё благополучно до самого конца.

Выходя из ресторана, Ксюша стала искать в сумке телефон — он пикинул пришедшим

сме, и девушка подумала, что это, возможно, пишет ей Стася, а за подругу Ксюша переживала. Но, достав мобильник, она неожиданно выпустила его из рук, и он радостно брякнулся на асфальт, оглушительно кляцнув расколовшимся на части экраном.

Телефон у Ксюши был старенький, даже древненький — обычный аппарат без камеры, с кнопками. И вроде невелика беда... но у неё сейчас, после Стасиной свадьбы, совершенно не было денег.

Поэтому она ужасно расстроилась.

— Чёрт, — пробормотала Ксюша, когда Игорь Андреевич поднял с асфальта её телефон. Он работал, только экран был разбит вдребезги — ничего не разглядеть. — Вот я клуша...

— Не расстраивайся, — сказал мужчина, наблюдая за тем, как Ксюша нервно засовывает свой мобильник обратно в сумку. — Это бывает.

— Бывает, — она раздражённо огрызнулась, чувствуя, как к горлу подступают слёзы, — конечно, бывает. Только для вас это — мелочи жизни, а для меня целая проблема!

Игорь Андреевич молчал, и Ксюша не выдержала — всхлипнула и скривилась, изо всех сил пытаясь не заплакать. Она ненавидела плакать.

— Мне теперь надо думать, у кого взять в долг, и как это потом отдать, чтобы с голоду не сдохнуть. И выбирать телефон подешевле, а не эти ваши айфоноподобные лопаты. — Она вновь всхлипнула. — Чёрт... Простите, Игорь Андреевич. Всё это вас совершенно не касается...

— Касается.

Ксюша не успела спросить, о чём он — вдруг почувствовала, что её обнимают сильные мужские руки, а в следующую секунду она уже ощутила горячее дыхание на своих губах. И раскрыла их, подаваясь вперёд и позволяя Игорю Андреевичу проникнуть глубже, сминая Ксюшины губы в самом страстном поцелуе за всю её жизнь.

Девушке показалось, будто она попала в какой-то водоворот из эмоций и ощущений, и он закрутил её, заставив забыть, где она и кто она. Ксюша горела, за одно мгновение превращаясь в прах, а потом возрождалась из этого праха — и вновь горела... И мир сосредоточился только на одном — на губах этого мужчины, которые были одновременно и нежными, и властными, и ласковыми, и подчиняющими.

И голова кружилась так, что Ксюше казалось — она не сможет определить, где земля, а где небо.

— Девочка... — прошептал Игорь Андреевич, обхватывая её лицо тёплыми ладонями. — Не расстраивайся. Будет тебе телефон... Хочешь, сейчас пойдём и купим? Любой, какой выберешь.

Услышав это, Ксюша словно очнулась.

— Нет, — помотала головой, — не нужно.

Он усмехнулся, отпуская лицо девушки. Взял её за руку и повёл за собой — к машине, куда они и шли до того момента, как Ксюша разбила свой телефон.

И только сев в салон и закрыв двери, Игорь Андреевич позволил себе вновь обнять Ксюшу. Погладил по спине, отчего там сразу всё мурашками покрылось, а потом, наклонившись, вдохнул воздух возле шеи девушки.

— Проверил.

— Что? — переспросила Ксюша, думая: запустить ладони в его волосы или не запустить?..

— Ты была недовольна, что я не проверил, выполнила ли ты мою просьбу. Вот — проверил. Я чувствую, как от тебя пахнет. Ксения...

Голос Игоря Андреевича был низким и хриплым, и Ксюша всё же не смогла удержаться — сняла с мужчины очки и положила их на приборную панель.

Он ухмылялся, глядя на неё с расчётливым пониманием, но ей было безразлично — потому что страсти в его взгляде всё равно было больше.

— Поцелуй меня, девочка, — сказал Игорь Андреевич тихо, и Ксюша, вздохнув, прижалась к его губам. Застонала, когда спустя пару мгновений он притянул её ближе, а потом усадил верхом на себя, одновременно с этим отодвигая сиденье назад и освобождая место для манёвра. И получилось это у него так быстро и ловко, что Ксюша даже толком и не осознала, что именно случилось. Только вспыхнула, ощутив, как и чем Игорь Андреевич упирается в неё, а потом обняла его за шею и запустила обе ладони ему в волосы, оказавшиеся неожиданно мягкими.

Ксюша даже не осознавала, что стонет ему в губы, при этом еще и двигая бёдрами. Зато это прекрасно осознавал Игорь Андреевич — с каждым движением девушки, с каждым её негромким стоном, он всё сильнее возбуждался.

— Я уже близок к тому, чтобы отменить командировку, — почти прорычал мужчина, опуская ладони на Ксюшины ягодицы и изо всех сил прижимая её к своему телу. — Ксения, не шевелись.

Она замерла, вдруг осознав, что действительно двигалась.

— Ох...

— Да-а-а, — протянул Игорь Андреевич, улыбаясь и явно потешаясь над её реакцией. — Мы действительно чуть не занялись сексом в машине в центре города. Это, конечно, был бы любопытный опыт, но я всё же предпочитаю меньший экстрим. — Он еще раз ласково поцеловал Ксюшу в губы, а затем сказал, чуть поглаживая бёдра девушки: — Здесь не время и не место, на мой взгляд. Ты согласна, девочка?

— Да, — еле выдавила из себя Ксюша. Ей было неловко. И от самой ситуации, и от ощущений внизу живота, и оттого, что она чувствовала, насколько возбуждён Игорь Андреевич, и в глубине души удивлялась, как он может говорить настолько спокойно... с такой-то эрекцией...

— Тогда слезай, я отвезу тебя домой. Придётся потерпеть до моего возвращения. Сможешь?

Ксюша фыркнула.

— Я вообще-то не нимфоманка.

— Не нимфоманка, значит... — Игорь Андреевич сжал ладонями ягодицы девушки, и Ксюша тут же застонала, содрогаясь и закусывая губу. — Может, и так... Но ты очень чувственная девочка, Ксения... Скажи, сколько у тебя было мужчин?

Удовольствие от прикосновений Игоря Андреевича схлынуло, как не было его. Она напряглась и попыталась слезть, но он не дал.

— Я понимаю: тебе неприятно. Но я должен знать.

— Только если вы скажете мне, сколько у вас было женщин, — процедила Ксюша, думая разозлить его, но Игорь Андреевич не разозлился — рассмеялся.

— Если тебе так интересно — десять.

Она опешила.

— Как-то мало...

— Мало? — он засмеялся ещё громче. — Мне кажется, вполне достаточно. Две жены и восемь любовниц в разные периоды жизни.

— А они были во время существования жён или после? — съязвила Ксюша, и вновь застонала: Игорь Андреевич, словно решив отомстить ей, опять сжал попку девушки.

— После. Я не изменял жёнам, ни первой, ни второй. Не веришь?

— Я... не знаю даже...

— И зря. Правда, не изменял. Я удовлетворил твоё любопытство, Ксения? Теперь ты удовлетворишь моё?

Пришлось всё-таки ответить:

— Один.

Она думала, Игорь Андреевич будет спрашивать что-то ещё, но он не стал. Просто кивнул, ссаживая Ксюшу с себя обратно на её место.

— Пристегнись, — сказал он, надевая очки и заводя машину, и девушка послушно пристегнулась. Покосилась на Игоря Андреевича и заметила, что он до сих пор возбуждён, но руки у него при этом не тряслись, и вообще это никак нельзя было понять, если не смотреть ему между ног.

— У вас железная воля, — вырвалось у Ксюши, и мужчина фыркнул, качая головой.

— Нет, Ксения. Я не планировал тебя сегодня целовать, но не выдержал. Так что нет, увы — я далёк от совершенства.

— А что вы планировали сегодня со мной делать тогда?

— Просто отвезти на концерт, покормить — и домой. Тебя это удивляет?

— Не знаю, — она пожала плечами и призналась: — Я не могу вас просчитать. Вы меня можете, а я вас не могу. Наверное, я лёгкая добыча.

— Нет, Ксения, — ответил он мягко. — Ты не лёгкая. Ты желанная.

— Да, я помню. Вы писали.

— И ещё напишу, если будешь сомневаться в себе. Я не требую от тебя рассказа о том мужчине, который был у тебя первым, но не надо меня с ним сравнивать.

— Я не могу вас с ним сравнивать, — засмеялась Ксюша. — Вы с ним несравнимы.

Она не стала уточнять, почему, и Игорь Андреевич тоже промолчал. То ли понимал, то ли ему просто не было дела до этой старой истории, которая уже давно поросла быльём.

Но несмотря на это она иногда всё же мучила Ксюшу ночами...

Уже когда они приближались к её дому, Ксюша сказала:

— Извините меня, пожалуйста, Игорь Андреевич.

— А теперь за что? — спросил он спокойно, заезжая во двор.

— За телефон, — она вздохнула. — Точнее, за мою реакцию. Я сорвалась на вас совершенно незаслуженно. Просто из-за Стасиной свадьбы... я сейчас немного стеснена в средствах, и у меня до зарплаты каждая копейка посчитана. Лишняя трата — это по — любому долг.

— Я понимаю, — ответил Игорь Андреевич. — Не извиняйся, девочка.

— Но дело не только в этом, есть ещё кое-что. Этот телефон мы вместе с папой покупали, — призналась Ксюша. — Перед его последним Новым годом. Я много раз думала — может, поменять?.. И не решалась. Чувствовала себя так, словно этим могу предать папу.

Ксюша невольно вспомнила Стасю — у неё телефон тоже был простым, с кнопками, но не настолько древним. Сашка Лебедев — теперь уже Стасин муж — частенько смеялся над ними, говорил, что они с ней «звероящеры».

— Ничего страшного, Ксения, — Игорь Андреевич, улыбнувшись, остановил машину и повернулся к девушке лицом. — И не переживай, пожалуйста. Это вещь, а вещи не бывают вечными. Когда-нибудь это всё равно случилось бы.

Она кивнула, с трепетом в душе глядя ему в глаза. Как хорошо, что он не обиделся и не рассердился. А ей было так стыдно за свои слова. «Для вас это мелочи жизни, а для меня — целая проблема». Прозвучало это совершенно ужасно, но Ксюша имела в виду всего лишь то, что это её беда, а не его. А чужие беды всегда кажутся «мелочами жизни».

— Между прочим, ты мне так и не спела, — пожаловался Игорь Андреевич. — Безобразие.

Она засмеялась.

— Как вы тогда сказали? Ещё не вечер. Могу спеть сейчас.

— Давай.

Она ожидала, что Игорь Андреевич так ответит, но всё равно слегка растерялась.

— А... что петь?

— Что хочешь. Спой что-нибудь любимое.

Это было сложно... Миллион выученных песен крутились в голове у девушки, но ни одна из них не казалась достойной того, чтобы петь её именно сейчас.

И вдруг Ксюшу будто бы кольнуло.

— У моего папы была любимая песня. Самая-самая любимая. Вы её наверняка знаете, Игорь Андреевич...

Она выдохнула, собираясь с мыслями, вспоминая слова... и восхищение, возникавшее в папиных глазах каждый раз, когда Ксюша пела ему эту песню. Пела просто так, чтобы порадовать.

Как же она соскучилась...

Дыхание на миг перехватило, а потом она, вздохнув и закрыв глаза, начала.

Я спросил у ясеня: «Где моя любимая?»

Ясень не ответил мне, качая головой.

Я спросил у тополя: «Где моя любимая?»

Тополь забросал меня осеннюю листвой.

Я спросил у осени: «Где моя любимая?»

Осень мне ответила проливным дождём.

У дождя я спрашивал: «Где моя любимая?»

Долго дождик слёзы лил за моим окном...

И пока Ксюша пела, ей чудилось, что и не было ничего. Сейчас она придёт домой, позвонит папе, и он спросит тёплым, как солнце, голосом: «Как ты поживаешь, моя Юшка?»

Он один называл её так. Юшка, Юшенька. Маме подобное сокращение не нравилось, и она называла дочь просто Ксюшей...

... Слёзы выступили на глазах, в груди что-то сжалось, и она с трудом закончила. А когда перестала петь и посмотрела на Игоря Андреевича, удивилась выражению его лица.

— Очень красиво, Ксения, — сказал он серьёзно. — Ты ведь училась этому?

— Училась. Но потом забросила. Мне не нравится выступать на сцене, только петь для себя и близких. Я знаю, вы скажете, что я зарываю талант в землю... мне говорили...

— Не скажу. Это твой талант и ты самавольна решить, с каким количеством людей им делиться. Но я давно не слышал ничего подобного, девочка... Очень чисто. И искренне. Впрочем, как и ты сама.

Ксюша чуть смутилась.

— Спасибо, Игорь Андреевич.

— Не за что, — улыбнулся он. — Пойдём, провожу тебя.

На улице уже совсем стемнело и было прохладно — кажется, собирался дождь. Да и в подъезде, как всегда, оказалось отнюдь не светло — лампочки на первом этаже, естественно, до сих пор не вставили.

Ксюша волновалась, но в то же время предвкушала момент прощания. Стыдно признаться, но пока они ехали в машине, она успела соскучиться по рукам и губам Игоря Андреевича.

И она вновь почувствовала их уже в лифте. Мужчина, встав к ней вплотную, одной рукой гладил её по спине, а вторую запустил в волосы, лаская пряди.

— М-м-м, — простонала Ксюша, и Игорь Андреевич, улыбнувшись, наклонился и прижался губами к её щеке.

Она никогда не думала, что поцелуй в щёку может быть настолько чувственным. Что можно вот так ласкать губами кожу, осыпая поцелуями каждый миллиметр, отчего Ксюше казалось, что её лицо горит. И нежно, почти неслышно шептать на ухо:

— Ксения...

И к моменту, когда двери лифта открылись на шестом этаже, Ксюша уже толком не соображала. Лишь ощутила, как Игорь Андреевич осторожно взял её под локоть и вывел на полутёмную лестничную площадку, а потом, прижав к стене, поцеловал в губы.

Она думала, самый страстный поцелуй в её жизни был час назад, на улице? Она ошиблась. Тогда мужчина явно сдерживался, теперь же — нет. Теперь он присваивал Ксюшу себе, только не сексом, а поцелуем. Но поцелуй этот казался ей похожим на секс...

Она растворялась в этом человеке, она принадлежала ему. Раскрывала губы, принимая его в себя, гладила напряжённые плечи, тёрлась о его тело, чувствуя, как оно реагирует на неё. И вжималась сильнее, желая ощутить как можно больше...

— Девочка...

Руки Игоря Андреевича, до этого упиравшиеся в стену чуть выше Ксюшиной головы, опустились, и теперь он сжимал в ладонях лицо девушки.

— Назови меня по имени, — шепнул ей в губы, и Ксюша всхлипнула, пытаясь поцеловать его, но Игорь Андреевич не дал. Усмехнулся и повторил: — Назови меня по имени, Ксения.

Она не могла понять, о чём он говорит, секунд десять. Смотрела в глаза, блестящие за стёклами очков даже в полумраке, и молчала.

А осознав, выдохнула:

— Игорь.

Он поцеловал её — резко и крепко.

— Ещё раз, Ксения.

— Игорь, — дрожащим голосом повторила девушка — и чуть слышно застонала, когда он вновь поцеловал её, только теперь чуть дольше.

— Очень хорошо, — прошептал, чуть отстраняясь. Погладил Ксюшу по щеке, улыбнулся, и в этой улыбке она ясно увидела торжество победителя. — На первый раз

достаточно.

Выпустив её с объятий, отошёл на шаг назад, и Ксюша изо всех сил прижалась спиной к стене, дабы не упасть — ноги были словно вата.

— До свидания, моя невероятная девочка, — сказал он. — Спокойной ночи.

— Издеваетесь? — улыбнулась Ксюша. — Да я после подобного не усну.

— Ничего, — засмеялся он. Поймал её руку, быстро поцеловал ладонь. — Недолго осталось. До завтра, Ксения.

— До завтра, — кивнула она, наблюдая за тем, как Игорь Андреевич... нет, как просто Игорь — по своему обыкновению проигнорировав лифт, сбегает по полутёмной лестнице.

Давно у него настолько хорошего настроения не было. Игорь сам на себя поражался: ничего же особенного не случилось, ну поцеловались, пообнимались. Он Ксению даже толком не потрогал — попу только немного в машине, но подобная поза к этому располагает. Трудно было удержаться — он и не удержался, тем более что пришлось её останавливать, когда она начала двигать бёдрами. Очень чувственная девочка ...

Как же некстати эта командировка. Но отказаться от неё невозможно — потерять кучу денег, упустить выгодный контракт с американцами? Нет. Да и в разлуке чувства только крепнут.

Чувства. Игорь улыбнулся, вспомнив прямой и честный взгляд Ксении. Конечно, он понимал, что она в него немного влюблена — так, как обычно влюбляются в юности. Но это хорошо и правильно, иначе и быть не может. Иначе она не была бы его невероятной девочкой — она была бы просто очередной девицей-однодневкой. Игорь называл таких «сосками». Не только за то, что они с удовольствием вставали на колени, предлагая минет, но и за стремление «высосать» из своего покровителя как можно больше денег.

Кстати, о деньгах. Где у нас там ближайший салон связи...

Я дрожу так, что стул подо мной почти ходуном ходит. И не знаю, что лучше — пойти выпить успокоительного или принять ледяной душ? Обычный я уже приняла, но он не помог.

Мне самой себе об этом стыдно писать, но... боже, как же влажно оказалось между ног, когда я вернулась домой. Это что-то невероятное. Наверное, если бы Андрей тогда возбудил меня хотя бы наполовину до сегодняшнего результата, мне не было бы так больно в первый раз. Но ему ведь было безразлично, плевать на меня и мою боль. Зато какие получились фотографии! Все его дружки смеялись над моим перекошенным лицом.

Я опять злюсь. Всё, Юшка, хватит. Хотя... зато теперь я трясусь не от возбуждения, а от ярости.

Но как я проживу эти пять дней без него? Поскорее бы они пролетели.

А что потом? Надо же думать не только о сиюминутных удовольствиях, но и о последствиях этих удовольствий. Через какое время я ему надоем? Месяц, полгода, год?..

Нет. Не буду думать ни о каких последствиях. Главное, что я понимаю — это не будет продолжаться вечно. И постараюсь постепенно настроить себя на разрыв отношений со стороны... Игоря.

Игорь. Странно называть его только по имени... Первое время точно буду сбиваться. И

на «ты» я всё же пока не смогу... Да уж, еще одна задачка для моего матёрого волчищи — научить его «невероятную девочку» говорить ему «ты». Справится?

Не сомневаюсь.

Ксюша не спала полночи, поэтому утром решила поваляться подольше. И проснулась от звонка в дверь. Улыбнулась, не открывая глаз — опять он что-то придумал...

Инна Васильевна переругивалась с курьером в коридоре, и Ксюша, по-прежнему улыбаясь, повернулась на другой бок. А может, ей это вообще снится?..

Нет. Не снилось. Минуты через две раздался звук от захлопнувшейся входной двери, а потом и голос Инны Васильевны:

— Ксюня! Спишь?

Эх...

— Уже почти нет.

Она поднялась с постели, потянулась и открыла дверь.

— Вот, — сказала застывшая?а пороге Инна Васильевна. — Тебе тут это... телефон привезли.

— Блин, — вырвалось у Ксюши, и когда хозяйка квартиры удивлённо на неё посмотрела, рассмеялась. — Не обращайтесь внимания. Давайте его сюда...

Конечно, телефон был недорогой — самый обычный, похож на тот, что Ксюша разбила. Кнопочный, с хорошим аккумулятором. С камерой, правда... Но качество фотографий там было такое, что страшно смотреть.

А еще в коробке была записка. Не открытка, а просто записка, на обычном листке бумаги.

«Ксения!

Не сердись на меня. И не лишай меня этого права, пожалуйста. Мне нравится тебя радовать. Тем более что мне это совсем не сложно.

Я позвоню тебе вечером, моя прекрасная девочка».

Сначала Ксюша удивилась — почему вечером? — а потом вспомнила, что Игорь Андреевич... Игорь должен сейчас лететь в самолёте.

Она вынула сим-карту из своего старого телефона, нежно погладив его по разбитому экрану, и решительно вставила симку в новый аппарат. Посмотрела вчерашнее сообщение, которое не успела прочитать из-за сломанного телефона, — оно оказалось обычным спамом, — минут пять разбиралась с настройками, а потом набрала смс.

«Я не сержусь. Спасибо большое. Мне действительно очень приятно, и не только из-за подарка, но еще и из-за того, что вы не стали дарить мне дорогуший смартфон. Вот тогда бы я рассердилась! Спасибо, что думаете обо мне, Игорь».

Ксюша с трудом заставила себя не добавить отчество. И даже покраснела слегка.

Ответа, конечно, не было, да и отчёт о доставке не пришёл. Видимо, удел сегодняшнего дня — сидеть над телефоном и ждать, пока Игорь Андреевич... да что же это!.. Игорь долетит до места назначения.

И немного подумав, Ксюша отправила ещё одно смс-сообщение.

«Я уже соскучилась».

Ему будет приятно. Тем более, что это чистая правда...

Тяжело жить, когда всё время чего-то ждёшь. И Ксюша измаялась за это воскресенье.

Бесконечно волнуясь, она ничем не могла себя толком занять, и когда вечером наконец пиликнул отчёт о доставке, вздохнула с облегчением.

А потом пришёл ответ. «Я тоже соскучился, Ксения. Если я позвоню через час, ты не будешь спать?»

Да хрена с два она будет спать!!!

«Не буду».

Правда, это самое «не спать» далось Ксюше с большим трудом. Время было позднее, а днём она перенервничала... поэтому, когда Игорь Андреевич... — да блин! — когда Игорь позвонил, она уже слегка задремала, развалившись на постели поверх покрывала.

Потёрла глаза кулаками, зевнула, потрясла головой, сбрасывая с себя сонливость — и только потом взяла трубку.

— Алло.

— Так-так, — а вот у собеседника голос был весёлым и совсем даже не сонным. — Ты всё-таки спишь, Ксения?

— Нет, — она подавила зевок. — Не сплю.

— Значит, почти спишь. Ну ничего, девочка, я ненадолго. Сам уже с ног валюсь.

— А по вам не слышно...

— Зато видно, — он фыркнул. — Тебе всё понравилось?

— Всё, — Ксюша улыбнулась. — Особенно когда я представила, какими глазами на вас смотрели работники салона связи, как только вы сказали, что за телефон хотите купить.

— А вот и зря ты так думаешь, Ксения. Они там закалённые, да и многие люди наряду с крутыми смартфонами покупают себе подобные аппараты просто для обычных разговоров. У Михаила, моего креативного продюсера, целых три трубки. Одна понтовая, он её обычно на переговорах рядом с собой кладёт. Другая рабочая, для деловых звонков и заметок разных. И третья — семейная. Неубиваемая и непромокаемая, он её с собой в отпуск берёт, когда отправляется на байдарке по рекам сплавливать.

— А у вас тоже так?

— Нет, — он засмеялся. — У меня один телефон с двумя сим-картами. Мне так удобнее. Я рад, что тебе всё понравилось, девочка.

— На самом деле не всё, — призналась Ксюша. — Мне не понравилась цифра на моём счёте. Я хотела положить туда пару сотен, а выяснилось, что у меня там пара тысяч. Это как понимать?

— Это понимать правильно. С нашими разговорами ты можешь потратить больше, чем я на твой телефон. Для меня это тоже самое, что заплатить за ужин в ресторане.

Ксюша молчала, переваривая этот «ужин».

— Ты обиделась? Ксения?

— Нет. Я просто пыталась понять вашу логику.

— И как? — кажется, он улыбался.

— Ну... в том, что вы сказали, есть доля истины. Но вообще, — она вздохнула, — вы меня так разбалуете.

— Это вряд ли. Ты достаточно разумна, чтобы не обращать внимания на подобную ерунду. Но я обещаю, что больше не буду делать ничего подобного. Только с твоего разрешения, моя девочка.

И опять эта его любимая тактика — отступить, чтобы победить.

— Хитрец вы, Игорь Андреевич. Ой...

— Та-а-ак, — протянул он. — Кажется, нужно повторить вчерашний урок. Ну-ка, Ксения... назови меня по имени.

Она вздохнула.

— Игорь.

— Умница. Ещё разок.

— Игорь.

— И ещё.

— Игорь! Ну хватит. Я помню, правда. Просто ещё не перестроилась. Но я стараюсь.

— Старайся, — похвалил её этот... Игорь. — Приеду — проверю, как старалась. Всё, Ксения, я уже сам скоро зевать начну. Спокойной ночи, моя девочка.

— Спокойной ночи.

— Что еще надо сказать?

— Ох... Спокойной ночи, Игорь.

— Молодец, Ксения.

Когда я была маленькой, папа загадал мне загадку. Он спросил, что вмещает в себя больше всего на свете. Я очень долго думала, хмурилась, рассуждала...

Что же может вмещать в себя больше всего на свете? Тогда я ещё не знала термина «Вселенная» — сейчас я употребила бы его — и ответила папе: «Космос». Он покачал головой. «Нет, моя Юшенька. Больше всего на свете в себя вмещает человеческое сердце».

Я тогда толком не поняла, о чём он. А папа повторял мне эту загадку год от года, желая, чтобы я её запомнила.

Больше всего на свете в себя вмещает человеческое сердце.

Когда Андрей предал меня, мне показалось, что моё сердце растоптано. Но на следующий день умер папа, и я в полной мере его ощутила. Оно болело так, словно хотело разорваться. Но почему-то не рвалось.

Вслед за папой ушла мама, и хотя я знала, что так должно случиться, сердце всё равно переполняла горечь. Она казалась мне какой-то бесконечной... она до сих пор кажется мне бесконечной. Вот что имел в виду папа.

Но не только. Теперь, когда я встретила Игоря... моё сердце, наряду с болью, горечью и страданием, переполняет любовь. И она тоже бесконечна. Она так сильна, что иногда мне чудится — я сейчас взорвусь, и от этого взрыва возникнет новая Вселенная.

Но я почему-то не взрываюсь.

Пап, ты был прав. Человеческое сердце вмещает в себя столько, что та же Вселенная по сравнению с ним — песчинка.

Может, это и имеется в виду под словами «По образу и подобию Своему»?..

Как жаль, что ты не можешь ответить мне, папа.

Игорь сказал Ксении «Спокойной ночи», но у него здесь на самом деле день только начинался. И к сожалению, толком не было времени отлёживаться — три часа на душ-отдых-сон-еду, а потом — на переговоры. И уже после них — вновь в отель, отсыпаться.

Но прежде чем погружаться в повседневность, нужно было сделать один звонок.

— Добрый вечер, Роман.

— Добрый вечер, Игорь Андреевич.

За что он ценил своего охранника — так это за то, что тот никогда не раздражался на звонки в формально нерабочее время. Всегда вежливый, спокойный, хладнокровный — парень явно ценил деньги, которые Игорь ему платил.

— Настя сегодня или завтра намеревалась пошопиться, к ней, скорее всего, присоединится девушка по имени Ксения. В верхнем ящике моего стола в кабинете лежит конверт, отдашь его ей. Там банковская карта. Остальное я ей сам скажу, если будет о чём-то тебя спрашивать — отвечай, что все вопросы надо задавать Игорю Андреевичу.

— Понял.

— Если кто-то будет приматываться — отсекай.

— Хорошо. До дома нужно провожать?

— Она вряд ли захочет, так что такси закажешь. Всё, Роман. Возникнут вопросы — звони.

— До свидания, Игорь Андреевич.

Положив трубку, Игорь какое-то время, хмурясь, глядел в пространство перед собой.

Будет трудно, конечно, уговорить Ксению что-нибудь себе купить... Но он постарается. И Настя тоже постарается. Впрочем, его дочь не то, что постарается — она, скорее всего, даже перестарается...

Игорю еще предстоит научить Ксению пользоваться его возможностями и не стыдиться их. И это тоже будет очень, очень интересно.

Когда утром её новый телефон запиликал, Ксюша от радости чуть с кровати не свалилась. Быстро вскочила на ноги, подлетела к столу и схватила мобильник.

Но номер на экране был ей совершенно не знаком, и Ксюша пару секунд с недоумением на него смотрела. Однако не в её привычках было не отвечать на звонки.

— Алло.

— Пожалуйста, не бросай трубку.

Да блин...

— Ксюш, очень прошу, выслушай меня.

Она вздохнула.

— Мало того, что ты меня разбудил, так теперь ещё и выслушай. Ну, слушаю.

— Извини, что разбудил, — виноватым голосом продолжил Виталик. — И за то, что произошло в пятницу. Я погорячился.

— Угу. Я тебя прощаю. Это всё?

Какой же он всё-таки настырный. Пару раз звонил ей в эти выходные, но Ксюша сбрасывала звонки — и тут же забывала о них. Ей было совершенно не до Виталика...

— Нет. Можешь объяснить мне, почему я тебе настолько не нравлюсь? Я хочу понять, где так накосячил.

— Слушай, — Ксюша поморщилась, — мне вообще-то на работу надо. Тебе это прям жизненно важно?

— Да. Тогда встретимся вечером? В кафе сходим?

— Нет уж. Давай так... К семи подходи к моему подъезду, быстро поговорим во дворе и разойдёмся. Но за руки меня не хватать, не целовать и тому подобное. Понял?

— Ладно, — хмыкнул Виталик. — Договорились.

Скорее всего, он рассчитывал, что она всё-таки растает. И зря.

А когда Ксюша положила трубку, оказалось, что Игорь Андреевич... Игорь пять минут назад отправил ей смс-сообщение.

«Моя девочка, напиши, как проснёшься. Я позвоню».

«Проснулась», — ответила Ксюша, расплываясь в улыбке. И на этот раз ей было совершенно безразлично, что ну?но на работу.

Телефон зазвонил почти тут же, и Ксюша, нажав кнопку приёма вызова, села на пол, продолжая радостно улыбаться.

— Алло.

— Доброе утро, Ксения. — Голос тёплый, ласковый. — Ну-ка, что нужно сказать?

Она засмеялась.

— Доброе утро, Игорь.

— Умница. У меня к тебе просьба, девочка. Настя хотела сегодня походить по магазинам, выбрать себе платье. Составишь ей компанию? Она сама позвонить собиралась и предложить, но попозже. Ещё спит наверняка.

Ксюша слегка растерялась.

— Но... Может, ей лучше с подружкой? Я великовозрастная тётя.

— Лиза пока на море отдыхает, а ближе подруг у Насти нет. Не смущайся, Ксения. Ей одной скучно.

— Хорошо, — сдалась Ксюша. Как она могла отказать? Игорь её подарками уже завалил, а она ему скажет «нет» на просьбу провести вечером часок-другой с его дочерью? Это было бы совсем некрасиво.

— И еще кое-что. С вами пойдёт Роман, мой охранник. Не бойся его и не смущайся, он хороший парень, не обидит. Я Настю стараюсь без сопровождения не отпускать. Придурков у нас много слишком.

— Игорь Андреевич!.. То есть... Игорь, вы стратег. Если бы вы начали с Романа, я бы не согласилась.

— Я знаю, — он засмеялся. — Поэтому я им закончил. Ничего страшного, милая, поверь, Роман совершенно не будет вам мешать. Насте с ним скучновато, потому что он неразговорчивый, но это единственный его недостаток.

— Ладно, — вздохнула Ксюша. — Не могу я вам отказать...

— Это замечательно, потому что есть еще одна вещь, — голос мужчины чуть изменился, став менее игривым, чем раньше. — Роман передаст тебе конверт, Ксения. В нём — банковская карта на моё имя. Если ты захочешь купить себе что-либо, что угодно, можешь расплачиваться ей.

Ксюша задохнулась от возмущения.

— Игорь Андреевич!.. Чёрт. Игорь! Не нужно мне никаких карточек!

— Послушай меня, девочка. Не горячись. Я не заставляю тебя ничего покупать, если ты не хочешь, я просто даю тебе эту карточку и говорю — если тебе что-нибудь приглянется, можешь купить.

— Игорь...

— Я не закончил, — его голос на секунду зазвенел сталью, но сразу смягчился. — Ксения, ты же у меня взрослая девочка, ты прекрасно понимаешь: равноправие — это всегда утопия. Так уж получилось, что у меня намного больше денег. Я знаю, что тебя этот момент не очень волнует. Я даю тебе карточку для другого. Вполне возможно, однажды ты захочешь

меня порадовать, но у тебя не будет возможности этого сделать из-за стеснённости в средствах. Я даю тебе эту возможность. Ты понимаешь меня, Ксения?

— Понимаю, — она вздохнула. — То есть, вы эту карточку как бы не мне, а себе подарили. Чтобы я вас радовала.

— Если тебе захочется.

— Я всё равно злюсь на вас.

— Я обязательно попрошу у тебя прощения, — а теперь голос Игоря был низким и чувственным. — Когда вернусь. Скучаешь по мне, девочка?

— Скучаю, — призналась Ксюша честно. — Но всё равно пока злюсь. Вы так... ловко всё заворачиваете. Сходи с Настей, но там будет Роман. Вот тебе карточка, покупай что хочешь, но не для себя, а для меня. У меня слов нет!

— Прости уж меня, будь великодушна, — засмеялся Игорь. — Ты всё равно насквозь меня видишь.

— Я? Разве?

— Конечно. Любая моя уловка не проходит незамеченной, Ксения. И мне это нравится. И тебе, кстати, тоже, — добавил он лукаво, и Ксюша не удержалась от смешка.

— Ну вы всегда знаете, что сказать.

— Опыт, девочка. Опыт.

Уже в метро Ксюша вспомнила, что обещала Виталику «откровенный разговор». Она сразу набрала ему смс-сообщение с кратким «Извини, сегодня не могу. Давай завтра?» и, получив в ответ «Хорошо», забыла про этого парня, как про страшный сон.

А спустя два часа после начала рабочего дня Ксюше действительно позвонила Настя Венчур.

— Привет! — радостно прокричала она в трубку, и Ксюша поморщилась: в ухе зазвенело. — А я знаю, что папа тебя уже предупредил, но всё равно спрошу: пойдёшь со мной шопиться?

— Пойду, — ответила Ксюша, выходя из редакции. Встала в коридоре возле стеночки и продолжила: — Десять минут седьмого в холле, да?

— Ага!

— А что тебе купить-то надо?

— Ну... я же на танцы хожу. Вот у нас там торжественный вечер. Я не выступаю, правда, я там как зритель буду. Хочу себе платье красивое! Папа сказал — можно.

Ещё бы он сказал что-то другое.

— Понятно. Ладно, помогу тебе выбрать. До встречи, Настя.

— Пока, Ксюш! — попрощался ребёнок и положил трубку.

И всё-таки Игорь — змей-искуситель. Будет невыносимо сложно удержаться от покупок, имея рядом еще одного искусителя — Настю.

Но Ксюша очень хотела удержаться... Чтобы не перестать уважать себя.

Понедельник промелькнул, как не было его. Виктор вёл себя нормально, только перед Ксюшиным уходом поинтересовался, точно ли она решила насчёт корпоратива в следующую пятницу.

— Да точно, точно, — вздохнула девушка, хватая сумку. Попрощалась с коллегами и выбежала из редакции. Спустилась на лифте в холл первого этажа и сразу заметила Настю. Она стояла неподалеку от турникетов — белые шорты, розовая футболка с зелёным принтом — какая-то черепушка с костями — и кислотно-жёлтая сумочка. Прикид «вырви глаз»...

А рядом с Настей находился парень лет двадцати пяти-тридцати, и Ксюша поняла — это и есть охранник. Мрачного вида, с коротким ёжиком волос, мощными плечами и вообще торсом, одетый в камуфляжные штаны с кучей карманов и футболку цвета хаки, он представлял собой полную противоположность радостно-гламурной Насте.

— Привет, — сказала Ксюша, подходя к этой парочке. Охранник поднял глаза, оказавшиеся пронзительно-синими, с длинными пушистыми ресницами — даже смешно для такого брутала — и кивнул, смерив девушку с ног для головы быстрым взглядом.

— Привет! — улыбнулась Настя. — Вот, Ксюш, это Рома?. Роман, это Ксюша. Она... м-м-м...

Да уж. «М-м-м» — хорошее определение её статуса в жизни Насти и Игоря Андреевича. Игоря.

— Я понял, — сказал охранник каким-то трубным, очень низким голосом. — Ксения, у меня есть для вас кое-что. Думаю, вы в курсе. — И протянул ей белый конверт.

— В курсе, — вздохнула Ксюша, принимая его и засовывая в сумку под любопытным взглядом Насти. — Спасибо. Ну, Настюш, куда пойдём для начала?

— А в соседний торговый центр! Там на втором этаже классный магазин есть. Скидки сейчас!

— Хорошо. Пошли туда, — ответила Ксюша, и Настя, схватив девушку за руку, буквально потащила её по направлению к торговому центру. Роман шёл чуть позади, и Ксюша невольно ему посочувствовала.

Таскаться по магазинам с двумя девицами — та ещё работка... Не позавидуешь.

Скидки в магазине были, и приличные, аж целых пятьдесят процентов. Но Ксюшу это, конечно, не спасало. И она деликатно отклоняла предложения Насти примерить то одно, то другое, напоминая девочке, что они пришли выбирать платье ей, а не Ксюше.

— А ты ничего не хочешь купить, что ли?! — в конце концов буквально завопила Настя, поставив руки в боки.

— Не хочу, — ответила Ксюша и невольно покосилась на невозмутимого Романа, замершего у стеночки. Наткнулась на его заинтересованный взгляд и сразу же отвернулась. Что бы ни говорил Игорь — неприятно. — У меня всё есть.

— Да ладно, — фыркнула Настя. — Ты ходишь в джинсах и в футболках всегда, ни разу на тебе даже юбки не видела. Смотри, какая красивая!

Юбка и правда была замечательная. Зелёная, с бахромой, какими-то заплатками — цыганская, в общем. Ксюше всегда шли цыганские наряды и украшения. Наверное, из-за того, что её «родной» папа — не тот, которого она любила больше жизни, а тот, который бросил её маму, — был цыганом. Мама даже иногда называла Ксюшу цыганочкой.

— Красивая. Но мне она не нужна.

Настя надулась и, демонстративно сверкнув глазами и вскинув голову, схватила первое попавшееся платье, а потом умчалась в примерочную. Но по пути несколько раз останавливалась и более вдумчиво выбирала одежду, поэтому Ксюша решила, что подойдёт к ней чуть попозже, когда она уже примерит парочку платьев и слегка остынет.

— Зря вы так, — вдруг сказал Роман. Ксюша от неожиданности вздрогнула, поворачиваясь к?ему.

— Что?

— Я говорю — зря вы так, — продолжил охранник. — Это не моё дело, конечно. Но я вижу, что вы не хотите пользоваться карточкой.

— Не хочу, — подтвердила она. — И вы правы — это не ваше дело.

— Само собой, — хмыкнул парень. — Но вы подумайте ещё. Вы же понимаете, что должны соответствовать обществу, в котором находитесь. А если вы не соответствуете, то вы не должны там находиться.

— Спасибо. Я учту, — огрызнулась Ксюша, отворачиваясь. Нет уж, лучше быть с Настей, чем с этим... охранником со склонностью к психотерапии.

Не могла она ничего купить себе на деньги Игоря, потому что не имела на них никакого права. Общество... Не будет она находиться ни в чьём обществе, кроме общества Насти и её папы. А потом она ему?адоеет — и всё вернётся на круги своя.

Она всё равно упадёт, как ни крути. Но падать можно по-разному. Можно упасть так, что никогда не поднимешься. А можно так, как всегда падала Ксюша — больно, невыносимо, почти смертельно. И всё же ты встаёшь и идёшь дальше, потому что есть то, чего у тебя пока никто не отнял.

Самоуважение. Вы, сильные мира сего, разбрасываясь карточками и деньгами, не представляете, насколько это важно. Ни за какие деньги это не купить.

Поэтому — нет. Никогда!

Настя не была бы Настей, если бы оставила попытки уломать Ксюшу на какую-нибудь покупку. Выйдя из одного магазина после приобретения платья, она направилась в другой, теперь уже за туфлями. И там тоже бегала из угла в угол, показывая Ксюше то одну пару обуви, то другую. Но обувь не одежда, и девушка не особенно соблазнялась на все эти «смотри-и-и, какие сандалики!», «ой, красотища, гляди-и-и!» и так далее. С обувью Ксюше всегда было как-то проще.

А после Настя попыталась затащить её в магазин белья. Но так как девочка немного стеснялась присутствующего здесь же Романа, давно откровенно ухмыляющегося на все их перепалки с Ксюшей, получалось у неё это плохо. И в конце концов Настя сдалась.

— Ладно, — вздохнула девочка, глядя на Ксюшу очень недовольными глазами. — Сдаюсь. Папа предупреждал, что у меня наверняка не получится тебя уломать, а я не верила...

Роман не выдержал и засмеялся, а Ксюша от возмущения даже онемела. Значит, Игорь и это в ней разгадал...

Интересно, она способна хоть чем-то его удивить?

— Пойду я домой. Я Лизе обещала позвонить вечером, — продолжила Настя. — Роман, наверное, тебе такси закажет, Ксюш. Да?

— Закажу, — кивнул охранник, и только она открыла рот, чтобы возразить, добавил: — Все вопросы Игорю Андреевичу, это он велел.

— Ну кто же ещё, — пробормотала Ксюша, вызвав на лице парня понимающую улыбку. — Надеюсь, я хотя бы од?а в этом такси поеду?

Пару секунд Роман словно колебался, но затем сказал:

— Нет. Я вас провожу. Сейчас, сначала только Настю в лифт посадим, а дальше она уже сама доедет.

— А вдруг Настя в лифте застрянет? — усмехнулась Ксюша, и девочка посмотрела на неё с тревогой. — Нет уж, давайте, провожайте её до двери, а я сама доберусь до дома.

— Все вопросы Игорю Андреевичу, — пожал плечами Роман. — Я должен сделать, как велено, а то по шапке получу.

Ксюша сжала зубы.

— Ладно, — почти рявкнула она. — Потерплю ваше общество ещё полчаса, так уж и быть. Раз велено.

Но Настя настояла, чтобы её всё-таки довели до двери — действительно боялась застрять в лифте — и пока Роман провожал свою подопечную, Ксюша стояла в холле первого этажа, чувствуя себя полной идиоткой. Может, сбегать в метро, пока охранник катается туда-сюда? Но она обещала, что дожждётся.

Не выдержав, Ксюша набрала смс-сообщение.

«У меня сейчас очередной приступ ненависти к вам».

Телефон молчал, и девушка, напрягшись, попыталась вспомнить, сколько времени в Америке. По идее, там разгар рабочего дня...

Роман вернулся раньше, чем Игорь ответил, и молча сразу заказал такси. Кивнул на выход, и Ксюша, мученически вздохнув, вышла наружу.

На улице было душно, и девушка даже обрадовалась, когда подъехало такси. В салоне, наоборот, оказалось прохладно, один недостаток — Роман уселся рядом. Не вплотную, но достаточно близко.

Пиликнул телефон, и Ксюша посмотрела на экран.

«Что же я сделал?»

Быстро набрала ответ, стараясь повернуть мобильник так, чтобы Роман ничего не увидел.

«Кто приказал своему охраннику провожать меня до дома? Достаточно было бы такси вызвать, как раньше!»

— Игорю Андреевичу жалуетесь? — спросил вдруг Роман, усмехаясь. А Ксюша тем временем читала пришедший ответ.

«Интересно. Если он сейчас рядом, передай ему, что инициатива наказуема».

Ксюша подняла брови. То есть... получается, Игорь ничего не приказывал?!

— Игорь Андреевич передал вам, что инициатива наказуема, — сказала она, поглядев на охранника. Парень хмыкнул и улыбнулся, с любопытством изучая её рассерженное лицо.

— Я в курсе. Ну, наказуема так наказуема, что ж поделать.

— Зачем вам это вообще понадобилось? — протянула Ксюша, внимательно глядя в его спокойные глаза. Вроде мужского интереса не видно... За столько лет она хорошо научилась отличать, когда нравится мужчине, а когда он к ней равнодушен.

— Интересно.

— Что именно?

Роман промолчал, пожав плечами. Но Ксюше и не нужен был его ответ, по большому счёту она уже всё поняла.

Видимо, давненько этот охранник не видел в обществе своего хозяина таких девочек. Любопытство, интерес, как к забавному зверьку — вот что это такое.

Телефон вновь заиграл мелодией пришедшего смс-сообщения, и Ксюша опустила голову.

«Ксения? Всё в порядке? Не обижает тебя Роман?»

Улыбнулась.

«Нет. А вы волнуетесь или ревнуете?»

«И то и другое, разумеется. Напиши мне, как приедешь, я позвоню».

«Хорошо», — ответила Ксюша, поднимая глаза и сразу же натыкаясь на изучающий взгляд охранника.

— Что? — спросила с вызовом, стискивая телефон.

Роман покачал головой и всё же отвёл взгляд. Скорее бы приехать... Ксюше было некомфортно в его обществе.

Впрочем, как в обществе любого мужчины, исключая Сашку Лебедева и собственно Игоря Андреевича. То есть, Игоря.

Когда же она привыкнет?? ведь он еще наверняка потребует, чтобы на «ты» называла... И не просто потребует, он сделает так, что она и правда называть начнёт. По собственной воле.

И всё-таки... одна победа за ней пока есть. Его карточкой она сегодня так и не расплатилась.

У подъезда Ксюшу ждал еще один неприятный сюрприз — Виталик. С букетиком. Опять розы, но на сей раз не розовые, а ярко-алые. Немного вульгарные, на её скромный взгляд. Ксюша не очень любила настолько кричащие цветы. Но букет — ерунда, по сравнению с самим фактом присутствия Виталика возле её подъезда. Она же отменила встречу...

— Вас дожидается? — уточнил Роман, расплачиваясь с таксистом. Отвечать не хотелось, но не врать же? Он ведь с ней сейчас выйдет, сам всё поймёт.

— Угу.

Охранник понятиливо кивнул, сказал таксисту:

— Подожди-ка тут, дружище, мне ещё обратно ехать. За простой заплачу. — Вышел со своей стороны и, обойдя машину, помог выйти Ксюше. Она не слишком хотела принимать его руку — терпеть не могла контакты с незнакомыми людьми, особенно с мужчинами — но приняла. И слегка удивилась, когда Роман сразу после того, как она вылезла из машины, прижал её к себе, словно свою собственность, и повёл к подъезду. Но вырваться не стала, через пару секунд осознав, зачем охраннику это понадобилось.

— Привет, Ксюшка, — весело сказал Виталик, глядя на Романа тем не менее очень мрачно и зло. — Ты уж извини, что я без приглашения.

— Ничего, — выдавила из себя Ксюша. — Виталь, это Роман. Роман, это Виталий, мой хороший знакомый.

— Я вижу, — спокойно произнёс охранник. — Извините, Виталий, руку не подам. Руки у меня немного за?яты. Держат мою девушку. Очень крепко держат.

— Я понял, — усмехнулся Виталик. — Ксюш, но всё же — можно тебя на пару слов?

— Я думаю, не стоит, — вмешался Роман. — Она у меня устала очень. Если хотите, можете поговорить со мной, но после того как я провожу Ксению до дома.

— Не хочу, — буркнул Виталик, бросил букет в ближайшую урну — и даже попал, хотя она была достаточно далеко — а потом развернулся и зашагал прочь.

И только когда он завернул за угол, Ксюша рывком высвободилась из объятий Романа и, не сказав больше ни слова, почти побежала к подъезду. Увы, охранник бегал быстрее, поэтому не отставал от неё. Молча шёл следом, только на губах его застыла ироничная такая ухмылочка.

— До квартиры меня можно не провожать, — сказала Ксюша у двери своего подъезда. — Я прекрасно дойду и сама.

— И тем не менее я провожу, — произнёс Роман, и девушка, подумав, что быстрее будет с ним не спорить, всё же вошла внутрь и поспешила к лифту.

Охранник вновь нарушил молчание, когда они поднимались на шестой этаж.

— Извините меня, Ксения.

И опять замолчал. Немногословный такой человек.

— Проехали.

Ксюша тоже решила быть немногословной. Да и чего истерику разводить? Всё же понятно. Роман явно не дурак — он сразу понял, что внимание Виталика для неё нежелательно, вот и сделал вид, будто она его девушка. Профессионально сработал, можно только похвалить.

Наверное, именно поэтому она и сказала, когда они уже доехали до шестого этажа и вышли на лестничную площадку:

— Спасибо.

— Не за что, — ответил парень и чуть улыбнулся, словно был чем-то неуволимо доволен.

Таксист ждал Романа ещё минут десять, пока тот нервно курил, стоя возле машины. Звонить Игорю Андреевичу очень не хотелось, но придётся.

Парень прекрасно знал характер своего работодателя — нарушение инструкций он терпеть не мог, поэтому сейчас наверняка взгреет по полной программе. Хотя косяков за охранником не один, а целых два — в магазине он зря рот раскрывал — но об этом Игорь Андреевич, слава богу, не ведаёт.

— Подожди ещё немного, дружище, — попросил Роман таксиста, протягивая тому пятьсот рублей. — Позвонить надо шефу.

— Да звони, — хмыкнул мужчина. — Ты платишь — я жду. Хоть всю ночь тут стой.

— Договорились, — усмехнулся Роман и чуть отошёл от машины в сторону, чтобы водитель не мог расслышать его разговор. Быстро набрал номер Игоря Андреевича и как только услышал в трубке слегка раздражённое «Алло», сразу начал отчитываться. — Добрый вечер, Игорь Андреевич. Я знаю, что немного нарушил ваши инструкции, но это в итоге оказалось на пользу. Ксению возле её дома ждал молодой человек. С букетом роз.

— Так.

Сказал — как камень в воду уронил.

— Я его отвалил вроде. Сделал вид, что мы с ней вместе, он и отвалил.

— Как зовут?

— Виталий. Ксения была не в восторге от его появления, Игорь Андреевич.

— Ладно, — голос шефа чуть смягчился. — На этот раз тебе повезло, Роман. Но больше чтобы подобного не было.

— Я понял, Игорь Андреевич.

— Тогда отбой.

Начальство отключилось, и Роман вздохнул с облегчением. Пронесло. Хотя это поначалу казалось ему глупостью, к тому же, опасной глупостью. Если Игорь Андреевич заподозрит хоть малейший интерес с его стороны к своей женщине — не пожалеет.

Нет, Ксения, конечно, симпатичная, и даже очень. Но Роману было интересно другое. Когда шеф накануне сказал про карточку, парень решил — очередная «соска». Но Ксения вела себя совершенно нетипично для «соски». Карточку игнорировала, что Романа просто поразило. Ну какая женщина откажется от возможности закупить себе нарядов, украшений, белья?

И его как стукнуло. Он вдруг увидел перед собой обычную искреннюю девушку с чистой душой, и так этому поразился, что едва не застыл посреди торгового центра каменным изваянием.

И не смог отказать себе в желании поехать с Ксенией в такси, изучая все её реакции и пытаясь понять, не ошибся ли. Нет, не ошибся.

Единственное, чего Роман пока не мог понять — того, что он чувствует по этому поводу...

Дома Инна Васильевна собирала вещи — как оказалось, отложенная командировка в Пермь её всё же настигла.

— Завтра утром поезд, — ворчала она, роясь в шкафу. — Огорошили сегодня вот новостью. К восьми на вокзал, в семь из дома надо выйти, встану в шесть. Вернусь, надеюсь, в следующую среду, Ксюнь. Ты только без меня кушать не забывай, ладно? А то знаю я тебя. Кефирчик выпьешь — и всё, поужинала типа.

Ксюша улыбнулась, прислоняясь к дверному косяку.

— Не переживайте, Инна Васильевна. Кефирчик полезен для здоровья.

— Кто ж спорит, — фыркнула хозяйка квартиры. — Но он же должен быть не один в желудке! А у тебя любимая еда — кефирчик да «Ессентуки».

— Точно, — засмеялась Ксюша. — Самая любимая еда...

Девушка прошла в свою комнату, улыбнулась вспорхнувшей с покрывала бабочке. Кстати, надо бы её покормить...

Ксюша налила своей питомице в небольшую крышечку раствор из мёда, поднесла крышечку поближе и, оставив её лежащей на столе возле бабочки, взяла в руки телефон и набрала обещанное смс-сообщение.

«Я дома».

Села на стул и стала наблюдать за бабочкой. Она у Ксюши была умненькой — сама прилетала, опускалась рядом с крышечкой и пила оттуда не?тар. Очаровательное создание...

Бабочка вспорхнула и полетела куда-то по своим делам, а у Ксюши в это время зазвонил телефон.

— Алло, — ответила она, улыбнувшись и, услышав голос Игоря, сползла со стула на пол. Легла на ковёр и прикрыла глаза.

— Добрый вечер, моя девочка. Расскажешь, как прошёл твой день?

— Вы лучше скажите — вы спите когда-нибудь? — засмеялась она. — Мне иногда кажется, что нет.

— Сплю, конечно, — он явно улыбался. — Но здесь сейчас день, поэтому пока не сплю и звоню тебе. Не обижал тебя Роман, Ксения?

— Нет, не обижал, — она фыркнула. — А вы, наверное, его уже пропесочили за невыполнение инструкций, да?

— Пропесочил, разумеется. И даже узнал про некоего Виталия.

Ксюша поморщилась.

— Поклонник твой, Ксения? — голос Игоря казался совершенно спокойным, но она откуда-то знала, что на самом деле этот мужчина сейчас далёк от покоя.

— Да. Очень надоедливый.

В этот момент бабочка села Ксюше на лоб, и девушка хихикнула.

— Кое-кто тут решил, что я цветочек, и сел мне на лоб. Так щекотно.

— Бабочка? — теперь голос Игоря чуть расслабился и потеплел.

— Ага. Я назвала её Скай. Правда, она не откликается. Но это ничего, она всё равно замечательная. Спасибо вам за неё... Игорь.

— Скажи еще раз.

— Что сказать?

— Моё имя, Ксения.

Ксюше почему-то стало жарко от этой просьбы. Наверное, потому что мужчина произнёс её тихо и очень чувственно.

— Игорь.

— И ещё, пожалуйста.

— Игорь, — она засмеялась, ощущая, как горят щёки.

— Прекрасно. Надеюсь, что совсем скоро ты будешь не только говорить моё имя, Ксения, но и стонать. И кричать. Я хочу это услышать.

Жарко теперь было не только щекам, но и... там, внизу. Ксюша даже непроизвольно положила туда руку — и тут же отдёрнула её, застыдившись.

— Ты молчишь, моя девочка. Я напугал тебя?

— Нет, — покачала головой Ксюша, открывая глаза. Бабочка летала под самым потолком, кружила возле люстры, словно та была солнцем. — Я вас не боюсь. Просто... — она вздохнула и призналась: — Мне немного неловко от таких откровенностей. Мне никто такого не говорил.

— Это не такая уж и откровенность, Ксения, — сказал Игорь с теплотой в голосе. — Есть намного более откровенные вещи. Но я предпочту показать их тебе, а не говорить по телефону.

Честно говоря, Ксюша действительно немного боялась, но не Игоря. Она боялась, что разочарует его. Абсурд вообще думать о таком, но Андрей, заявивший ей тогда, что она — просто жирное бревно, изрядно пошатнул её и так неустойчивую уверенность в себе.

— Кстати, ты не ответила. Как прошёл твой день? — продолжал Игорь, и настолько спокойно, будто только что не говорил ей ничего откровенного.

— Обычно. Обычный рабочий день. А вечером Настя меня немного помучила, пока мы ходили с ней по магазинам.

— Да, она у меня барахольщица, — фыркнул мужчина. — А вот ты — нет. Настя уже звонила, жаловалась мне, что ты ничего не купила.

Ксюша вздохнула.

— Простите. Я не могу. Не обижайтесь, я ценю всё, что вы для меня делаете...

— Я не обижаюсь. Но мы поговорим с тобой об этом, когда я вернусь. Хорошо, Ксения?

— Может, не надо?

Игорь засмеялся.

— Ну, если не хочешь, не будем разговаривать.

— Правда? — удивилась Ксюша.

— Правда.

И голос лукавый-лукавый.

— А, я поняла. Вы как-то иначе меня уговорите, не разговорами. Действиями, наверное...

— Наверное. — Ещё лукавее. — Ксения... Пока у меня есть пара минут, ответь на один вопрос. Ты говорила, что тебе нравятся альстромерии. Я знаю, что ты не любишь розы. А какие еще цветы ты любишь или не любишь?

— Опять дарить собираетесь? — пробурчала Ксюша, делая вид, что недовольна. На самом деле ей было безумно приятно, что он спрашивает.

— Конечно, собираюсь. Но я понял, что с розами связано нечто неприятное, и не хочу попасть впросак еще раз.

— Я лилии не люблю, если они пахнут. А к остальным цветам отношусь нормально.

— Хорошо... я учту. Ксения, я должен идти. Хорошего тебе вечера и спокойной ночи.

— И вам, Игорь.

Он молчал несколько секунд прежде, чем повторить:

— Скажи ещё раз.

— Игорь, — засмеялась Ксюша, чувствуя себя маленькой счастливой девочкой. — И пока вы не потребовали «ещё», вот вам — Игорь, Игорь, Игорь!

— Прекрасно, — и голос, как у сытого волка. — Я очень доволен. До завтра, Ксения.

— До завтра... Игорь, — сказала Ксюша и положила трубку под его тихий смех.

Господи... скорей бы он вернулся!

Смириться с собственной глупостью иногда бывает непросто. И тогда я говорю себе — Ксюша, зачем? А потом пожимаю плечами — и продолжаю.

Просто не могу иначе. Поэтому... пусть будет так.

И Роман, нарушивший инструкции, и некий Виталий — надоедливый поклонник — немного вывели Игоря из равновесия. Он чувствовал себя хищником, загнавшим жертву в угол и вдруг обнаружившим, что кроме него за этой самой жертвой охотятся ещё двое волков. Хотя Роман не волк, Роман скорее медведь... А уж кто этот Виталий, он пока не знает.

Но голос Ксении примирил Игоря со сложившейся ситуацией. Эта ревность иррациональна, он и сам знал, но после того, как поговорил с ней, понял окончательно — девушку не интересовали ни Роман, ни Виталий. И это радовало. Ведь и у того, и у другого было одно существенное достоинство, которое Игорь не сможет купить ни за какие деньги.

Они были молоды. И то, что смущало его в самом начале, когда он только решал, делать Ксению своей или не делать, теперь вновь вылезло на поверхность и стало грызть Игоря, как червяк яблоко.

Ну ладно — тогда. А сейчас-то что? Ничего ведь он от неё не скрывает — ни возраст, ни статус, ни намерения. И всё равно такое чувство, будто в чём-то врёт.

Ерунда какая-то...

Утром Ксюша проводила Инну Васильевну, уехавшую в командировку на неделю, и даже чуть затосковала, оставшись в пустой квартире. Хотя при бабочке Скай тосковать толком не получалось — она так весело порхала по Ксюшкиной комнате, что девушка начинала поневоле улыбаться.

Когда Ксюша уже почти собиралась выйти из дома, в дверь позвонили. И конечно, это был курьер с букетом цветов. С очень сложным составным букетом — там явно были белые ирисы и каллы, а еще какие-то нежно-сиреневые цветы — мелкие и покрупнее, Ксюша даже и не знала, как они называются. И всё это — в окружении разных зелёных веточек.

Безумно красиво, и ни одной розы.

Что же он делает? Зачем? Знает ведь, что она уже сдалась, что она станет его, как только он вернётся. И всё равно прислал букет. Чтобы рыбка не сорвалась с крючка?..

Интересно, как он рассуждает? Что творится в его голове? Но спрашивать об этом

немного неловко, да и некрасиво это.

И Ксюша просто набрала:

«Игорь, спасибо вам. Очень красивый букет. Потрясающий».

Минут через пятнадцать пришёл ответ.

«Я очень рад, что тебе понравилось, моя девочка. Напиши мне вечером, как придёшь домой».

«Будете звонить?»

«Конечно».

Ксюша улыбнулась и заспешила на работу, уже предвкушая сегодняшней вечер.

А часов в двенадцать дня вновь объявился Виталик. Ксюша даже застонала, когда телефон зазвонил и на экране высветился его номер. Что ей сделать, чтобы он отстал?!

Но на звонок она всё же ответила, только в коридор перед этим вышла. Побоялась, что если не ответит, Виталик вечером опять к подъезду припрётся.

— Алло.

— Привет, Ксюш.

И молчит так горестно.

— Я думала, ты вчера всё понял. Не понял?

— Да понял, — и голос не менее горестный. — Сложно не понять, я не дебил же. Я извиниться хотел. Представляю, как тебе было неприятно меня отшивать. Почему не сказала сразу, что у тебя парень есть?

— А ты бы поверил? — фыркнула Ксюша, и Виталик признал:

— Ну да, наверное, не поверил бы. Ты всех так отшивала всегда, удивительно, как кто-то умудрился сломать твою крепостную стену.

— А он её не ломал, — усмехнулась девушка, вспомнив Игоря. — Он подкоп сделал. И стена на месте, и он... внутри.

— Хитро.

— Это точно. В общем... Виталь, я не сержусь, честно. И очень надеюсь, что ты оставишь свои попытки... м-м-м... сломить моё сопротивление.

— Оставлю. Только ты мне кое-что пообещай.

— Что же?

— Что если вдруг будут проблемы, ты ко мне обратишься.

Ксюша закатила глаза.

— Виталь... это абсурд. Сам же понимаешь. И чего ты паришься? Если у меня будут проблемы, ты узнаешь об этом от Сашки, а Сашка от Стаси. Не надо играть в рыцаря без страха и упрёка, а?

Он помолчал, недовольно пыхтя ей в трубку.

— Ладно. Надеюсь, у тебя всё будет нормально...

Ага, ну конечно. А сам про себя думает: «Надеюсь, он тебя бросит, и ты прибежишь ко мне, а я тебя утешу».

Может, и бросит, только вот Ксюша ни к кому не побежит.

— Обязательно будет. Всё, Виталь, я работать пошла. Хорошего дня тебе.

Вздых.

— И тебе, Ксюш.

Ближе к концу дня Ксюша вдруг подумала — а может ли она сама что-нибудь подарить Игорю? Ну хоть что-нибудь. И работа встала.

хорошо, что срочный проект она уже сдала, и Виктор ушёл пораньше, иначе наверняка бы заметил её отсутствующий взгляд.

Ксюша реально загрузилась. Наверное, это было нормально, ведь Игорь её всю подарками засыпал — ей хотелось отблагодарить его хоть как-то. И вариант «подарить себя» казался Ксюше недостаточным.

Внезапно пришедшая в голову идея заставила резко вскочить с места и, схватив телефон, умчаться в коридор, а потом набрать номер Насти Венчур и, замирая, ждать ответа.

— Привет, Ксюш! — раздался в трубке радостный голос девочки. — Надумала что-нибудь себе купить? Я всегда готова составить тебе компанию!

Ну почти рекламный лозунг.

— Привет. Нет, я по другому поводу. Скажи... а когда точно возвращается твой папа?

— Завтра вечером, — протянула Настя. — Думаю, ближе к ночи даже, часов в одиннадцать. А что? — Она вдруг оживилась. — Ты хочешь прийти к нам? Приходи! Сделай ему сюрприз! Разденься и ляг в кровать! Вот он удивится!

Настя захихикала, и Ксюша тоже улыбнулась. Вряд ли Игорь будет способен на постельные подвиги после перелёта из Америки в Россию. Он, конечно, выносливый, но это уже чересчур.

— Я приду, но не для этого. Я хочу ему ужин приготовить. Как ты думаешь, он обрадуется?

— Конечно! — воскликнула Настя. — Он обычно всегда ужинает после самолёта, а потом уже спать ложится. А что ты хочешь приготовить?

— Не знаю ещё, — призналась Ксюша. — Он говорил, что любит морепродукты, но я с ними практически не сталкивалась. С рыбой если только... В общем, мне в этом плане нужна твоя помощь. Расскажешь, что любит твой папа? И как можно подробнее...

Настя вещала минут пятнадцать, и за это время у Ксюши слегка опухли мозги. Зато она узнала, что Игорь любит картофельное пюре, и малосольные огурцы, и всякие мясные салаты, и борщ, и котлеты по — киевски, и яблочные пироги... Не любит роллы и суши — несмотря на то, что рыбу и морепродукты обожает, — непрожаренное мясо, печень, брюссельскую капусту и зелёный горошек.

— Ладно, я поняла более-менее. Спасибо, — поблагодарила Ксюша Настю, когда девочка на секунду остановилась, чтобы перевести дух. — Буду составлять меню сегодня вечером. Я завтра позвоню тебе, подскажешь, что из этого есть, а что нужно купить?

— Лучше просто кидай список продуктов, — сказала Настя беспечно. — Я Люсю попрошу сходить за ними. Это наша кухарка. Она только рада будет, если кто-нибудь вместо неё покашеварит.

Ксюше было немного неловко соглашаться на подобное, но она в итоге согласилась. Иначе её возможности по приготовлению блюд будут совсем уж финансово ограничены...

Придя домой, Ксюша первым делом позвонила бабушке. Последний раз они разговаривали неделю назад, и ей уже было стыдно за своё невнимание. Увлечённая собственным романом, она совершенно забывала звонить родственнице.

Ксюшину бабушку звали смешным именем Дульсинея, а по — простому — баба Дуся. Женщиной она была ещё не старой — всего-то шестьдесят пять лет — но сильно сдала после смерти единственной дочери и любимого тестя. Сейчас она жила одна, с двумя кошками, не работала и старалась прожить на крошечную пенсию. Конечно, получалось это плохо, и Ксюша каждый месяц высылала бабушке определённую сумму денег, утверждая, что сама

нисколючко в них не нуждается. Баба Дуся не верила, но брала — не могла отказать беспокоящейся о ней внучке.

Ксюше ездила в Чебоксары примерно три раза в год. Конечно, на Новый год и на день рождения, который был в конце октября. И летом — вместо отпуска. Помогала бабушке по хозяйству, гуляла с ней по своему родному городу, купалась в Волге. О другом отпуске Ксюша и не мечтала — не было денег.

И только после разговора с бабушкой, продлившегося примерно полчаса, она написала смс-сообщение Игорю.

«Я дома».

Звонок раздался через пять минут, когда Ксюша, налив себе в чашку кефира, кормила бабочку. Сердце чуть дрогнуло и затрепетало, словно крылья этой самой бабочки, когда девушка взяла трубку.

— Алло.

— Добрый вечер, Ксения, — тепло поздоровался с ней Игорь. — Как у тебя дела?

— Хорошо, — она улыбнулась, вновь по своему обыкновению опускаясь на пол. Кефир забыла... Ладно, потом допьёт. — А сейчас будет еще лучше.

— Это почему же?

— Ну как — почему? Вы позвонили.

Он засмеялся.

— Рада меня слышать?

— Очень. — Ксюша чуть поколебалась, но потом спросила: — А вы часто так уезжаете, да?

— Частенько. Хотя по-разному бывает. Иногда и по три месяца в Москве нахожусь, а иногда вот в разъездах. Тебя это беспокоит, девочка?

— Нет. Мне просто интересно, чем вы там занимаетесь...

— Работой, — хмыкнул Игорь. — У нас сейчас переговоры с американцами насчёт покупки одного их интересного проекта. Телепередача, будем делать по лицензии, если всё сложится.

— И как — складывается?

— Вроде бы, Ксения. Не зря я завтра возвращаюсь, иначе пришлось бы задержаться, скорее всего. Я не говорил тебе и Насте, но это было возможно. Не хотел расстраивать.

— Вра-а-али, значит, — протянула Ксюша иронично, и Игорь рассмеялся.

— Недоговаривал. Во избежание лишних расстройств, особенно со стороны Насти. Вы не знали — и не беспокоились. А теперь уж и не надо.

Вспомнив, что в прошлый раз насчёт возвращения папы Настя приврала, Ксюша решила уточнить:

— А вы завтра во сколько возвращаетесь?

— Ближе к ночи, Ксения.

Не обманула. Отлично.

— Я как приеду, приму душ, поем и спать. А на следующий день... Придёшь к нам вечером в четверг, девочка?

Сердце замерло.

— Приду.

Голос слегка дрогнул, и Игорь явно это услышал.

— Ты боишься?

— Я... не знаю, — ответила Ксюша, вздохнув. — Наверное, не боюсь. Просто... волнуюсь.

— Расскажи мне всё, Ксения. Что тебя беспокоит? Может быть, всё не так страшно, как тебе кажется.

— Не страшно. Просто...

— Расскажи, — мягко повторил Игорь. — Я ведь говорил, что не буду торопить тебя. И если я пойму, что ты не готова, я ещё подожду. Расскажи, Ксения.

Она закусила губу.

— Да тут много всего... Я даже не знаю, с чего начать.

— С чего-нибудь одного. А там посмотришь, как пойдёт.

Ксюша немного подумала и решила начать с самого простого. Впрочем, признаваться в этом простом было очень неловко.

— Понимаете... Я боюсь вас разочаровать. Вы ведь человек опытный. А я — нет.

Она хотела добавить: «У меня был не просто только один партнер, а только один раз», но не решилась.

— Наверное, вам подобное кажется глупостью, да мне и самой кажется. Но не могу отделаться от этой мысли.

— Ксения, — в голосе Игоря слышалась улыбка, — ты меня не разочаруешь. Я знаю, что ты неопытна, и мне это нравится. Опыт мы тебе постепенно наработаем, девочка.

Ксюша смущённо кашлянула, и он засмеялся.

— Я не жду от тебя акробатических трюков в постели или чего-то особенного. И еще раз — Ксения, я не собираюсь тебя торопить. Если ты почувствуешь, что по какой-то причине не готова — скажи мне об этом.

— Хорошо, — выдохнула Ксюша и с удивлением осознала, что действительно стало немного легче.

— Что-то ещё?

— Ну... — она запнулась, мучительно подбирая слова. — На самом деле остальное вытекает из этого, наверное. Точнее, вытекает из моего первого опыта. Он был очень неприятным, Игорь Андреевич... Ой, Игорь.

— Ксения... — протянул он укоряюще. — Ладно, сегодня я тебя прощу. А первый опыт оставь позади. Ничего из того, что там случилось, не имеет значения и не повторится. Я обещаю.

— Как вы можете обещать, вы же не знаете, что там было...

— Ничего хорошего, разве я не прав? А я хочу, чтобы тебе было хорошо, Ксения. Очень хорошо.

Игорь сказал это таким провокационным тоном, что она даже задрожала от сладкого волнения, охватившего всё тело. И чтобы отвлечься, спросила:

— А почему вы называете меня Ксенией?

— А как я должен тебя называть? — поинтересовался Игорь, кажется, разгадав её манёвр.

— Не знаю. Ксюшей, Ксюней. Как другие.

— А мне нравится Ксения. Тебе не нравится?

— Нравится, — призналась Ксюша. — И даже очень.

— Я рад. У тебя прекрасное имя, девочка. И мне совсем не хочется его сокращать.

— А девочкой почему называете?

— А вот это очевидно, на мой взгляд, — засмеялся Игорь. — Потому что ты девочка, а не мальчик. А кто скажет, что ты мальчик...

— Игорь! Ну я серьёзно. Почему именно «девочка»?

Он замолчал на пару секунд.

— Давай я скажу тебе, когда вернусь. Хорошо?

— Наверное, это что-то неприличное...

— Нет. Просто я хочу видеть твои глаза, Ксения. Договорились?

— Ладно.

— И в четверг придёшь к нам с Настей, не побоишься?

— Не побоюсь. Но волноваться буду.

— Волнуйся. Я с удовольствием избавлю тебя со временем от всех твоих страхов и волнений, девочка. Главное — чтобы ты не боялась меня.

— Я не боюсь.

«Хотя, наверное, следовало бы...»

— Вот и замечательно. Доброй ночи, Ксения. Мне нужно идти, к сожалению.

— Доброй ночи, Игорь.

— Умница, — усмехнулся он и положил трубку.

Пол вечера я рыла интернет и думала над меню. Готовила я всегда неплохо, но одно дело — для себя или людей, не привыкших к изыскам вроде лобстеров, и совсем другое — для мужчины, который в этой жизни, наверное, уже всё попробовал.

Настя сказала, Игорь Андреевич... Опять непроизвольно написала отчество, да что же это!! Ещё раз. Настя сказала, Игорь любит картофельное пюре, и это прекрасно, потому что оно у меня вкусное. Насчёт пюре решили. Что ещё?

Котлеты по-киевски. Я не знаю, не слишком ли это просто для Игоря, но такие котлеты обожал мой папа, и это то, в чём я точно не прогорю. Да и Настя сказала, что он их любит.

На десерт яблочный пирог, он же — шарлотка. Наверное, беспроигрышный вариант.

Дольше всего мне не давался салат, пока я в конце концов не вспомнила про мимозу. Правда, его лучше готовить накануне... Но ничего. У меня есть небольшие формочки-салатницы, возьму их с собой. За два-три часа, что салат будет дожидаться прихода Игоря, слои более-менее пропитаются. Не идеально, но вкусно.

Хоть бы не напортачить... Так хочется порадовать его.

Но может, я ошибаюсь, и это всё Игоря вовсе не обрадует? Вдруг он, добираясь домой, будет мечтать о сочном стейке, а не о котлете. И не о мимозе, а о салате «Цезарь», например.

Ладно, хватит уже сомневаться в себе. Я приготовлю, а там будь что будет...

— Ты как-то странно улыбаешься, — протянул Павел Игнатьев, исполнительный продюсер студии Игоря, когда тот вернулся в зал для переговоров. — Что с тобой?

— Странно? — Игорь моментально погасил улыбку. — Что значит — странно?

— Ну как будто ты чего-нибудь, извини, курнул. Я знаю, что ты не балуешься, просто... Ладно, неважно. Показалось, наверное.

— Показалось, — кивнул Игорь, мысленно ругнувшись на себя: зазевался, забылся. Не

успел переключиться, думая о Ксении дольше, чем было нужно.

Но этот короткий разговор ввёл его в состояние, похожее на эйфорию. Колоссальный эмоциональный подъём, и ощущение, будто сейчас взлетишь. Надо же, удивительно, и как это у неё получается? Наверное, играют роль её юность, искренность и честность. Ну и, конечно, чудесный голос.

Ладно, хватит думать об этой девушке. Пора погружаться в работу.

Ксюша ожидала, что в среду не будет никаких подарков, но она ошиблась. Утром ей доставили небольшую коробочку, полную вкуснейших даже на вид конфет ручной работы. У неё моментально слюнки потекли, и Ксюша не удержалась — съела одну. Закатила глаза от удовольствия — невероятно вкусно оказалось. Совсем не то, что шоколадки из магазина!

Отправила Игорю смс-сообщение со словом «Спасибо» и поспешила на работу, захватив с собой пакет, куда положила формочки для салата, несколько отварных картофелин и морковку, чтобы не тратить время на варку вечером.

Ксюша думала, Игорь не ответит, но ответ пришёл совсем скоро, она не успела даже дойти до метро.

«Не за что, Ксения. Надеюсь, тебе будет так же сладко, как и мне, когда я тебя целую».

Вспышка возбуждения заставила девушку облизнуть губы, встать в сторонку и набрать ответ.

«Хотите сказать, я вкуснее этих конфет?»

«Разумеется».

«Вы мне льстите!»

«Вовсе нет. Я легко обменяю весь шоколад мира на один поцелуй с тобой».

Вот же... продюсер...

«Безбожно льстите!»

«Нет, Ксения. Ты просто не представляешь, какая ты сладкая девочка. И я с нетерпением жду завтрашнего вечера».

Ксюша прерывисто вздохнула.

«Я тоже. А вы уже в аэропорту?»

«Да, скоро вылет».

«Напишите мне, как приземлитесь!»

«Волнуешься?»

«Очень».

«Я непременно напишу тебе. И не волнуйся, всё будет хорошо. Хорошего тебе дня, Ксения».

«А вам удачного перелёта».

Ксюша сунула телефон обратно в сумку и вновь поспешила на работу. Плевать, что она наверняка опоздает из-за этой переписки — всё равно ни о чём другом думать не получается.

Только бы долетел! Только бы всё было хорошо...

Она действительно опоздала, и на целых пятнадцать минут. Но Виктор, к Ксюшину удивлению, ничего ей не сказал, только кивнул. Переболел, наверное, успокоился. Прекрасно!

Сев на своё рабочее место, Ксюша первым делом отправила список покупок Насте, и

только когда девочка ответила: «Не дрейфы! Всё будет чики-пуки!», смогла нормально приступить к работе, ощущая лёгкое волнение в предвкушении вечера.

Видимо, из-за того, что она этот самый вечер ждала с нетерпением, день длился просто бесконечно. То одно, то другое... Когда наконец наступило время обеда, Ксюша уже едва не выла. Сцепив зубы, считала минуты, умоляя время двигаться быстрее, но его, как обычно, оказалось бесполезно уговаривать.

И когда часы наконец показали шесть вечера, Ксюша вздохнула с облегчением. Быстренько собралась и выпорхнула из редакции навстречу плите и кастрюлям.

На этот раз внизу её никто не встречал — пришлось добираться до квартиры Игоря самой. А потом звонить в дверь и попадать в крепкие объятия Насти.

— Привет! А я тебя жду уже, не дождусь! Люся всё купила!

— Это хорошо, — улыбнулась Ксюша, похлопав Настю по спине. — Сейчас вымою руки и пойду готовить.

— Тебе помочь?

Глаза девочки горели фанатизмом, и Ксюша даже слегка испугалась. Были у неё сомнения в Настиных кулинарных талантах...

И как оказалось — не зря. Она больше мешала, чем помогала, поэтому Ксюша от греха подальше посадила её чистить картошку. У Насти это более-менее получалось, да и картофелечисткой порезаться сложно.

— А что ты будешь готовить? — спросила девочка с интересом, мучая первую картофелину.

— Ну для начала салат. «Мимоза» называется. Знаешь такой?

— Да! — обрадовалась Настя. — Так это же папин любимый!

— Правда? — удивилась Ксюша. — Как замечательно. Впрочем, в этом есть и минус... Если он его любит, а я приготовлю не так, как он любит...

— Да ладно? — фыркнула девочка. — Что там можно приготовить не так?

— Что угодно...

Ксюша закусила губу, рассматривая купленное. У неё был маленький секрет, доставшийся ей от мамы: «Мимозу» она готовила не с горбушей, а с тунцом в собственном соку, перед этим немного разминая его в сите, чтобы слить лишний сок. И не с рисом, а с картошкой. И без лука.

Мало ли, вдруг Игорь любит именно с горбушей, и с рисом, и с луком?? она ведь еще в качестве заправки майонез и сметану смешивает... Вдруг ему не понравится?

«Блин, кончай паниковать уже!!» — подумала Ксюша, решительно открывая консервы. Чего гадать? Она приготовит, а там он сам пусть решает — нравится или не нравится.

— Слушай, Настя, — решила она спросить девочку, чтобы отвлечься, — а ваша кухарка не каждый день готовит, что ли? Когда я к вам приходила в первый раз, твой папа ведь еду заказывал.

— А-а-а. Да это у Люси отпуск был просто. Совсем коротенький, она по делам уезжала. А сейчас Борис в отпуске, папин шофёр, муж её. Но он завтра вернётся уже.

— Понятно... А Роман их родственник или он сам по себе?

— Не-е-е, — засмеялась Настя. — Он сам. Но он у нас не так долго работает, как Борис и Люся. Их мама нанимала еще до моего рождения. А Романа папа взял, года три назад. А что?

— Да просто интересно. У меня-то никогда не было охранников... И кухарки с

водителем. Вот я и подумала — может, они семьёй у вас работают.

— Работают. Они же муж и жена. А дети у них давно взрослые и сами с усами. А что ты такое делаешь?

— Сок сливаю с тунца. Иначе салат слишком влажный будет.

— А — а-а...

Ксюша особенно не торопилась, поэтому у неё ушло на всё примерно два с половиной часа. Вдобавок к запланированному она ещё сварила вкусный морс из клюквы, которую обнаружила в морозилке, вспомнив, что такой морс в ресторане Игорь пил.

Когда Ксюша закончила, на часах было девять вечера, а телефон завибрировал от пришедшего смс-сообщения.

«Приземлились».

— Твой папа скоро приедет, — сообщила она Насте, но та уже и сама всё поняла — на её телефон пришло точно такое же сообщение. — Мне пора.

— Как это? — вытаращилась девочка. — Ты не останешься, что ли?

— Нет, — покачала головой Ксюша и улыбнулась. — Не хочу мешать. Он уставший приедет, пусть просто поест и отдохнёт. Мы же завтра увидимся, я к вам в гости приду, помнишь?

— Ну то завтра, — протянула Настя разочарованно. — А сегодня что же? Ты стесняешься, что ли? Не стесняйся, я прекрасно знаю, чем взрослые по ночам занимаются!

Ксюша не знала, смеяться ей или смущаться. В итоге всё же рассмеялась.

— Я понимаю, что ты знаешь. Но не сегодня.

— Ага. Завтра?

У Ксюши дёрнулся глаз.

— Ну... может быть. Посмотрим. Всё, я пойду. Про морс не забудь! И про салат в холодильнике.

— Не забуду, — Настя облизнулась. — Ты же две порции сделала, вторую я схомячу. Если папа разрешит...

К десяти вечера Ксюша добралась до дома. Покормила бабочку, поела сама, потом приняла душ, и только вылезла из ванной, как зазвонил телефон.

Сердце чуть из груди не выпрыгнуло. Забилося так, что Ксюше показалось — оно у неё в ушах стучит, заглушая все прочие звуки.

— Алло, — вздохнула она в трубку, замирая посреди своей комнаты.

— Здравствуй, моя девочка.

Голос тёплый, ласковый. Ксюша прикрыла глаза, наслаждаясь его звучанием.

— Здравствуйте... Игорь.

— Зачем же ты ушла? Я был бы рад тебя видеть.

— Я понимаю. Просто вы устали, и я...

— И ты испугалась, — сказал Игорь мягко. Ксюша закусил губу.

— Немного. Извините.

— Не извиняйся, Ксения. И спасибо тебе большое за заботу. Я ещё не ел, но не сомневаюсь, что всё очень вкусно.

— Надеюсь. Вы идите... Потом позвоните, после ужина.

— Слушаюсь и повинуюсь, — фыркнул Игорь. — Тут и Настя кричит, что сейчас начнёт есть без меня.

— Тем более!

— И всё же жаль, что ты не осталась, — добавил он, помолчав пару секунд, а потом положил трубку.

А вот Ксюша не знала, жаль ей или нет. С одной стороны — она очень хотела увидеть Игоря, а с другой...

Если бы она осталась, отступить было бы уже поздно. Пусть пройдет еще хотя бы один день. Может, тогда будет не так страшно?

Ага. Ну конечно. Хватит заниматься самообманом!..

Игорь вновь позвонил еще через час. На этот раз сердце из груди не выпрыгивало — наоборот, замерло там, словно его внезапно заморозили.

— Да?

— Ксения... ты готовишь лучше моей кухарки.

Она засмеялась, сразу расслабляясь.

— Опять вы мне льстите, Игорь!

— Совсем немного. Всё действительно было очень вкусно, спасибо тебе большое. И за то, что ты не поленилась прийти и приготовить кучу еды после тяжелого рабочего дня — тоже спасибо.

— Ну, вы же не ленитесь мне многочисленные подарки придумывать, — улыбнулась Ксюша. — Я очень хотела сделать для вас хоть что-то.

— Твой подарок гораздо ценнее моих, девочка.

— Почему? — она удивилась.

— Потому что я ничего не делал сам, своими руками. Купить гораздо проще и быстрее, чем сделать самому.

— Здесь дело ещё и в возможностях. У меня просто нет возможности купить. И... — Ксюша запнулась. — Могу я задать вам вопрос?

— Конечно.

— Я не понимаю, зачем... Только не обижайтесь, пожалуйста! Зачем нужны все эти подарки? Вы же и так знаете, что я... стану вашей совсем скоро. Ну ладно — в начале, когда я ещё не была ни в чём уверена. А сейчас?

Игорь вздохнул.

— Станный вопрос, Ксения. Впрочем, я понимаю, откуда ноги растут. Все твои поклонники ухаживали за тобой с определёнными намерениями, и для тебя существует связь между подарком и откликом, которого от тебя ждут. В нашем случае я уже получил твой отклик, поэтому ты не понимаешь, зачем я продолжаю тебя одаривать.

— Вы сейчас это всё очень обидно расписали... не для меня обидно, для вас. Я вас обидела?

— Нет. Я просто хочу, чтобы ты поняла — нормальные отношения не сводятся к одному только сексу. И то, что я почти получил желаемое, не значит, что я должен прекращать ухаживать за тобой. Мне нравится тебя радовать, это часть наших с тобой отношений. И она есть независимо от секса.

Ксюшино сердце билось, как сумасшедшее. «Нормальные отношения»? Она думала, они у них, наоборот, ненормальные...

Впрочем, откуда ей знать? У неё нормальных отношений и не было никогда. А те, про которые она думала «нормальные», оказывались фальшивыми. Так, может, всё правильно?..

— Извините меня. Это действительно был глупый вопрос.

— Не извиняйся. Ты не виновата. Просто кто-то когда-то хорошенько постарался, чтобы

ты стала так считать. Расскажешь мне о нём?

Ксюша вздрогнула.

— Игорь... нет. Я... нет.

— Я понял, — сказал он так спокойно, будто она только что не отказала ему в доверии. — Не волнуйся, я не буду настаивать. В том числе и на том, чтобы завтра ты осталась со мной? а ночь. Если захочешь — поедешь домой.

— Спасибо, — произнесла она с благодарностью. — Но я очень постараюсь... остаться.

— Я бы очень этого хотел, девочка. Но не нужно пересиливать себя, ладно? Поэтому прислушивайся к своим ощущениям. И говори мне о них. Договорились?

— Да. Хорошо.

— Умница. Тогда до завтра.

— До завтра. А... завтра тоже будет подарок? — спросила Ксюша с интересом, и Игорь засмеялся.

— Всё-то тебе скажи. Вот завтра и узнаешь. Спокойной ночи, Ксения, — добавил он тепло.

— Спокойной.

Ещё долго после того, как в трубке раздались гудки, Ксюша сидела и улыбалась. Из-за всего сразу. Радовалась, что ему понравилось, как она готовит. И что он не настаивает на завтрашней совместной ночи. И что завтра наверняка будет новый подарок.

Ну просто девочка в ожидании Деда Мороза!

Иногда так хочется поговорить с папой, что это почти невыносимо. Первый год после его смерти было сложнее всего, тоска меня просто преследовала. Читая книгу, я думала о том, что сказал бы о ней папа. Отправляясь на выставку, я жалела, что его нет рядом. Получая очередное «отлично», я представляла, как бы он мной гордился.

И сейчас я вдруг подумала — а что он сказал бы об Игоре?

И мне стало страшно, потому что я поняла — я не знаю. Ведь папа желал мне счастья, а с Игорем я вряд ли буду счастлива долгое время. Взрослому умному мужчине рано или поздно станет скучно, и он найдёт себе другую игрушку, а я останусь у разбитого корыта. Точнее, с разбитым сердцем.

И хоть мне и не привыкать... Я почти слышу папин голос, который говорит мне «Остановись».

Но в том-то и дело — почти слышу. Я не знаю... Быть может, он сказал бы что-то другое? А это — не его голос, а мой внутренний, который вопит от страха каждый раз, когда я представляю, что мне вновь разобьют сердце?

Если бы я знала! Я будто бы брожу в лабиринте, где каждый поворот может закончиться тупиком, и никогда не знаешь, что именно находится впереди. И никто не подскажет, где верный путь.

Да и что это такое — «верный путь»? Путь, который не разобьёт мне сердце? Боюсь, что речь об этом не идёт уже давно. Сейчас ставка выше.

Жизнь или смерть.

Так?

Когда Игорь вышел из ванной, он обнаружил возле двери в свою комнату Настю в

пижаме.

— Ты чего не спишь, котёнок? — спросил удивлённо, подавляя зевок. — Уже за полночь. Я сейчас буду ложиться, и надеюсь, ты тоже.

— Да, — кивнула дочь, теребя косичку. — Я хотела спросить, а Ксюшка завтра на ночь останется?

— Настя, — усмехнулся Игорь, — я тебе сколько раз говорил: не лезь в дела других людей, особенно взрослых. И еще особеннее — в мои.

— Да я не лезу! — насупилась девочка. — Я просто подумала! Может...

— Настя! — отрезал Игорь. — Хватит! Не надо думать ни о чём. Мы сами разберёмся, кто где останется. И пропусти меня, иначе я сейчас на пол завалюсь от усталости. Мне через шесть часов в студию ехать, пощади!

— Ладно, — буркнула дочь, отходя в сторону. — Я просто хотела лепестками роз твою кровать завтра усыпать... Романтично же!

Направившийся в свою комнату Игорь чуть не споткнулся.

— Нет, Настя. Никаких роз. Увижу — уши надеру. Или еще что-нибудь, пониже. Поняла?

— Да поняла, поняла...

Розами она вздумала его постель посыпать, подумать только! Хорошо хоть, сказала, не стала проявлять инициативу. А то пришлось бы завтра эти лепестки срочно сметать под кровать, чтобы Ксения не увидела. Судя по всему, её первый мужчина то ли розы ей часто дарил, то ли постель лепестками посыпал, как Настя предлагала.

Так что — нет. обойдёмся без роз.

Кроме того, Игорь чувствовал уже сейчас — ничего у них с Ксенией завтра не случится. Слишком уж она опасается. Лучше подождать хотя бы пару дней, пока она вновь к нему привыкнет.

И тогда он отыграется...

И вновь — звонок в дверь. Ну наконец-то! Ксюша уже заждалась.

И как он это вообще придумывает? В небольшой голубой коробке, украшенной бантом, оказалась деревянная шкатулка, пахнувшая сандалом, а внутри две заколки, ободок и две резинки для волос. И всё такое красивое...

Одна заколка светлая, почти белая, будто из слоновой кости. А другая — тёмно-синяя, со стразами, как бархатный такой бантик. Ободок чёрный, кожаный, и на коже орнамент, словно паутинка. Резинки красные, с хвостиками, а на хвостиках — белые бусинки. Очень задорные.

И всё для разных случаев. Резинки и ободок — на будний день, а заколки — на праздничный. Правда, белую заколку можно и на работу надеть...

А уж шкатулка!.. И вроде бы простая, не резная, а самая обычная, но выглядела она совершенно потрясающе — словно прибыла к Ксюше прямиком из прошлого века. Может, и правда антиквариат?..

Записки нигде не было, зато было смс-сообщение.

«Мне безумно нравятся твои волосы, Ксения. Красивее я не видел. И я очень надеюсь, что тебе понравится мой подарок».

Улыбаясь, она набрала ответ.

«Спасибо вам. Просто потрясающий подарок. Не представляю, как вы всё это придумываете...»

«С трудом». И смайлик.

Ксюша засмеялась, представляя, как Игорь напряжённо размышляет над очередным подарком, и написала:

«Я вас сегодня хорошенько отблагодарю!»

И сама немного покраснела, понимая, насколько двусмысленно это звучит.

«Да? И как же ты меня отблаговаришь, девочка?»

Хм...? пусть будет еще двусмысленнее.

«Как захотите».

«Неужели?»

«Да!»

«Ну посмотрим». И смайлик подмигивающий. Сомневаюсь, мол.

«Не верите?»

«Верю. Ты просто не представляешь, как я хочу тебя. А как узнаешь... можешь и передумать».

«Ммм. А как вы меня хотите?»

«Ксения, не дразнись! Я тебе при встрече расскажу, как».

«Хотите видеть мои глаза?»

«Именно. И не только глаза, девочка».

Она засмеялась, ощущая, насколько сильно горят щёки. И, подавив в себе всякое смущение, ответила:

«А я тоже хочу! И не только глаза!»

Телефон молчал минуты две, а потом пикинул пришедшим сообщением.

«Ксения... Я ведь уже говорил тебе — не стоит дразнить зверя. Иначе он может решить, что до вечера долго ждать, и придет за тобой прямо сейчас».

Она даже чуть испугалась.

«Не надо сейчас! Мне на работу...»

«Тогда не дразнись, девочка. По крайней мере пока. Вечером подразнишься всласть».

Как же пульсирует там, внизу...

«Договорились. До вечера, Игорь».

«До вечера, Ксения».

Коллеги на работе уже всю обсуждали грядущий корпоратив. Он был тематический, посвящённый тридцатым годам двадцатого столетия, и каждому сотруднику предлагалось нацепить на себя соответствующий костюм. Так что теперь все те, кто хотел пойти покушать и выпить за счёт родного издательства, оживлённо общались на тему «где взять костюм, и если купить, куда его потом деть».

Ксюша пропускала разговоры мимо ушей, сосредоточившись на очередном лицензионном проекте, который нужно было сдать в типографию на следующей неделе. Увы, всё было как обычно — переводчик задержал перевод, редактор редактуру, корректор корректуру... В итоге сроки летели в бездну, и Ксюша напряжённо думала, как выйти из этой ситуации с наименьшими потерями для всех. Сдать позже было нельзя — контракт обязывал.

Наверное, если бы не эти рабочие проблемы, она бы так весь день и профилила,

думая о сегодняшнем вечере. Но увы — с экрана на Ксюшу смотрели разноцветные феечки и принцессы (коих она порой ненавидела всей душой), и с ними нужно было что-то делать.

— А тебе, Ксюнь, пошло бы платье в стиле тридцатых годов, — заявила вдруг Галя, разворачивая свой стул к Ксюше лицом. — И такой... бант в волосах.

— Нашему подлецу всё к лицу, — фыркнула девушка, начиная набирать письмо одному из внештатных верстальщиков со слёзной просьбой спасти её зад... то есть, душу.

— Может, таки передумаешь? Там, говорят, звёзд каких-то наприглашали, выступать будут.

— Да я нашими звёздами не увлекаюсь как-то.

Галя вздохнула, покосилась на начальника и понизила голос:

— А Ви?тор-то чего, отстал от тебя? Я смотрю, вроде бы прекратил вести себя как мудак.

— Угу.

— И развёлся, по слухам.

— Угу.

— Ну и?

— Что «ну и»?

— Может, шанс дашь? Сохнет же по тебе мужик. Жалко.

Ещё одна... И.о. царя. То есть, поклонника.

— Галь... отстань. Я понимаю, ты за Виктора болеешь и симпатизируешь ему, но он мне не нужен. Дай поработать, а? У меня тут вон... феечки с принцессами. Мне не до Викторов.

— Понятно. Какие Викторы, если тебя атакует мимимишность.

— Именно.

В итоге к шести часам Ксюша почти решила проблему со сроками и собираться стала со спокойной душой. Кажется, она всё-таки успеет сдать к следующей пятнице, и Виктор не будет выносить ей мозг.

И только когда Ксюша вышла из редакции и направилась к лифтам, её и накрыло. Аж поджилки затряслись... И в горле пересохло, и в животе закрутило. Похожие ощущения она всегда испытывала перед экзаменом, но сейчас ведь совсем не экзамен...

Да, не экзамен. Хуже. Или лучше?

Из лифта Ксюша выходила на негнущихся ногах. А возле турникетов её уже ждал Игорь. В белой рубашке и сером костюме, с лукавством в глазах за стёклами очков. Увидел Ксюшу, улыбнулся и сказал:

— Добрый вечер, Ксения.

Голос был низким, чувственным. И смотрел он на неё так, что Ксюша чуть задрожала.

— Добрый.

— Пойдём.

Игорь взял девушку за руку и повёл к лифтам, ведущим на жилые этажи. Его рука была тёплой, даже горячее, а вот Ксюша ощущала себя лягушкой, только что вылезшей из пруда.

Мужчина набрал на панели вызова лифта цифру 54, и двери тут же открылись. А потом закрылись, оставляя их наедине, и лифт понёсся вверх...

— Ксения, — шепнул Игорь, чуть приобнимая девушку и заглядывая ей в глаза, — я соскучился.

Она улыбнулась.

— Я тоже.

Те несколько мгновений, что они ехали в лифте наверх, и Игорь смотрел ей в глаза, показались Ксюше больше, чем вечностью. Они растянулись, заполнив собой её всю, захватили всё её существо, заставив забыть об окружающем мире. И ничего не было вокруг, ничего... кроме его глаз и понимающей улыбки.

Двери открылись, Игорь вышел в холл, потянув за собой Ксюшу, дождался, пока лифт уедет с их этажа, и только потом наклонился к её лицу.

На этот раз поцелуй был медленным, тягучим, как мёд. Невероятно нежным и сладким. А ладони Игоря, ласкающие щёки девушки, удивительно трепетными.

Она и сама не поняла, как обвила руками его шею и прижалась крепче, чтобы быть как можно ближе. Застонала, и Игорь, улыбнувшись, прервал поцелуй.

— Пойдём. Не будем слишком уж задерживаться. Настя ждёт. Да и тут куча камер.

Ксюша смущённо кашлянула.

— Даже не знаю, что хуже — ваша подглядывающая дочь или эта самая куча камер.

— Она больше не подглядывает, — засмеялся Игорь, погладив Ксюшу по щеке. — Я ей внушение сделал по поводу того, что подглядывать нехорошо. Сказал — иначе я тоже буду за ней подглядывать. Настя была не в восторге от такой перспективы, так что сейчас сидит на кухне или в своей комнате, ждёт нас.

— Нас... и мороженого?

— Сначала ужин, потом уже мороженое, — усмехнулся мужчина, разворачивая Ксюшу к своей квартире. — Иначе всё слипнется.

— Опять заказывать будете?

— Нет, Люся кучу всего наготовила. Сегодня на домашнем. Правда, твоя вчерашняя еда всё равно была вкуснее... — Игорь подмигнул, и Ксюша хихикнула. Ей было приятно. И не только от этого комплимента, но и от ощущения тёплой мужской ладони на своей талии...

— Привет! — сказала улыбающаяся Настя, как только они с Игорем зашли на кухню. На этот раз девочка была в задорном ярко-зелёном платье, с оранжевым ободком в волосах. — Я уж заждалась! Кушать хочется.

— Хочется, — кивнул мужчина, сразу проходя к плите. — Ксения, ты суп будешь? Он сегодня томатный, остренький.

— Буду, — ответила Ксюша, садясь на барный стульчик рядом с нетерпеливо подпрыгивающей вместе со стулом Настей. И с удивлением смотрела, как Игорь наливает им всем суп в очень красивые тарелки из синего стекла, раскладывает приборы, ставит на стол корзинку с хлебом. Каждое движение мужчины было чётким, выверенным и уверенным — сразу было видно, что делает он это далеко не в первый раз.

А за супом последовало очень вкусное мясо в горшочках, которое Игорь достал из духовки прямо перед подачей, и Ксюша чуть язык не проглотила.

— Люся у вас мастерица...

— Ты тоже вкусно готовишь! — возразила Настя. — Мне вчера очень понравилось. Особенно эта косточка, которая торчала из котлеты! Так... стильненько.

— Главное, чтобы было вкусненько, — улыбнулась Ксюша.

— А нам было! Особенно папе. Он даже тарелку облизал!

Ксюша с удивлением посмотрела на Игоря, и он засмеялся, кивая.

— Каюсь. Но ты, Настя, могла бы и не выдавать мой маленький секрет. Болтушка.

— Да ладно тебе! Зато Ксюше приятно. Да, Ксюш?

— Конечно, — ответила девушка, глядя на Игоря со смешинками в глазах.

Облизал тарелку! Надо же...

— Так, теперь десерт. А на десерт у нас... что?

— Мороженое! — воскликнула Настя, хлопая в ладоши.

— Точно. И как ты догадалась?

Девочка засмеялась, с важностью задирая нос, а Игорь полез в морозилку.

— Кому какое? Осталось с клубникой, шоколадное и мятное.

— Шоколадное, — сразу заявила Настя, а Ксюша выбрала с клубникой.

— Тогда я съем мятное, — кивнул Игорь, и девушка слегка удивилась.

— Вы вроде не любите мороженое?..

— Сегодня съем, — улыбнулся он, доставая креманки, и бросил на Ксюшу краткий, но очень тёплый взгляд. — А потом пойдём играть. Да, Настя?

— Пойдём. А во что?

— Я предлагаю для начала просто в карты сыграть и проверить одну теорию нашей Ксении. Помнишь, о чём я говорю?

Да, она помнила. О её заявлении, что ей не везёт в азартных играх.

— Ну зачем, можно просто в настолку поиграть...

— А в карты тоже интересно, — усмехнулся Игорь. — На желание будем играть. Да, Настя?

?лаза девочки заблестели настоящим фанатизмом. Ксюша даже чуть испугалась.

— Да!!! А всё что угодно можно загадывать?!

— Всё что угодно, — ответил он хитро, и Настя почти завизжала:

— И котёнка?!!

— И котёнка, — кивнул Игорь.

— Ура!!!

— Да ты не спеши радоваться. Выиграй сначала.

Настя сникла.

— Да... точно. Но мы же не в покер будем играть?

— Нет, в «дурака».

— Тогда у меня есть шанс! — вновь воспрянула духом девочка, но Ксюша, поглядев на лукавое лицо её папы, серьёзно в этом засомневалась.

Игорь явно был уверен в своей победе. Да и Ксюша, по правде говоря, тоже была в ней уверена...

Они сыграли три кона в «дурака», и Ксюша проиграла только один раз. И еще два раза в «дураках» оставалась Настя. Каждый раз тот, кто выбывал из игры первым, загадывал желание проигравшему, и конечно, победившим всегда оказывался Игорь.

Ксюша отделалась кратким поцелуем в щёку, во время которого Настя хихикала, как сумасшедшая. Самой же девочке пришлось пообещать, что она целый месяц, оставшийся до начала учебного года, будет заниматься математикой два раза в неделю, а потом — что целых три дня будет мыть посуду руками, а не в посудомойке.

— Видишь, Ксения, — смеялся Игорь, собирая карты после того, как его дочь наотрез отказалась играть дальше и, возмущённо пыхтя, утонула в туалет. — Не так уж сильно тебе не везёт. Один проигрыш против двух.

— Значит, Насте не везёт ещё больше, — фыркнула Ксюша. — Но это не так уж и важно, на самом деле, я всё равно не играю в азартные игры. А вы играете, да?

— Играю, — он кивнул. — Одно время я даже был игроманом, но потом научился говорить себе «стоп». Увы, но азартные игры — моя маленькая слабость.

— А я думала, у вас вообще нет слабостей, — пошутила Ксюша, улыбнувшись. — У вас ведь железная воля.

— Слабости есть у всех, Ксения. Да и с возрастом люди меняются, чему-то учатся, к чему-то становятся равнодушными. Лет до тридцати я мог ползарплаты проиграть в карты, а потом стукнуло, что так нельзя — и всё. Я и теперь иногда поигрываю, но меру всегда знаю.

— И не срываетесь?

Он молчал несколько секунд, словно вспоминая.

— Однажды сорвался, но я там... во всём сорвался. Когда понял, что всё бесполезно, и Вероника умрёт, что бы я ни делал — ка? будто мозги помутились. Часов двенадцать это длилось, потом я уснул, а когда проснулся, почувствовал — хватит.

Ксюше было немного странно и волнительно, что Игорь с ней о таком откровенничает, но она рискнула осторожно спросить:

— Вы её очень любили, да?

— Любил, конечно, — ответил он спокойно, непроизвольно начиная тасовать карты. — Вероника была чудесным человеком. Я ведь говорил — Настя на неё похожа, и хорошо, что на неё, а не на меня. Вот мой сын больше похож на меня, и это не радует.

— У вас есть сын? — удивилась Ксюша. — Вы не говорили...

— Есть. От первого брака.

— А... — она хотела спросить что-то ещё, но не успела: в комнату вбежала Настя с коробкой своей любимой игры.

— Вот! — воскликнула девочка, с таким диким стуком водружая её на стол, что Игорь слегка вздрогнул. — Хватит играть в эти карты! Хочу в «Билет на поезд». Можно даже на желание!

— Нет уж, — фыркнул мужчина. — Больше никаких желаний.

— Но я хочу отыграться!

— Настя. Я сказал — нет. Просто играем, и всё.

— Вот так всегда! — возмущилась девочка, плюхаясь на стул рядом с Ксюшей. — Когда ты уверен, что победишь, мы играем на желание, а когда не уверен — не играем. Это несправедливо!!

— Несправедливо, — пожал плечами Настин папа. — Это называется «стратегия», ребёнок. Запомни. Пригодится.

— Да с тобой забудешь...

— Настя!

— Ладно, молчу... Но всё равно — несправедливо!!

Ксюша смеялась, слушая эту перепалку, а Игорь периодически смотрел на неё, и его глаза весело блестели за стёклами очков. И Ксюше почему-то казалось, что она с ним разговаривает — вот так, мысленно, — и он прекрасно понимает каждое слово. Невысказанное, но подуманное.

Это было удивительное ощущение, сродни тому, что она чувствовала, когда переглядывалась со своим отцом. Тот тоже понимал Ксюшу без слов, и она думала, что такого в её жизни больше никогда не случится.

Ошиблась... В чём ещё она могла ошибиться?

Ровно через полтора часа и два сеанса игры, оба из которых выиграл Игорь,

окончательно сразив этим Настю, девочка пожелала закруглиться. Часы в это время показывали почти половину одиннадцатого.

— А ты останешься, Ксюш? — спросила Настя, внимательно глядя на девушку.

— Ну... наверное, — протянула она неуверенно, посмотрев на Игоря. Тот улыбнулся и кивнул дочери.

— Ты иди, умывайся и спать. А мы без тебя разберёмся, останется Ксения у нас или не останется.

— Да что тут раз...

— Настя!

— Ладно... Пойду, — вздохнув, заключила девочка, в последний раз исподлобья взглянув на Ксюшу, как той показалось, с укоризной.

Когда Настины шаги стихли, Игорь встал из-за стола и приблизился к Ксюше. Она непроизвольно вскочила со стула и нервно сглотнула, стоило мужчине остановиться рядом с ней.

— Ксения, — сказал Игорь серьёзно, — ты хорошо подумала?

— Нет, — призналась она, — плохо. Но я хочу попробовать. Пойдёмте?

— Куда?

— К вам в комнату.

Его глаза блеснули чуть хищно.

— Ладно. Пойдём.

Игорь взял Ксюшу за руку и повёл за собой. И с каждым шагом внутри у девушки всё сильнее что-то сжималось. Но не от возбуждения, а от страха. Закручивалось, словно штопор, ввинчиваясь во все одновременно внутренние органы, особенно в лёгкие, и она с трудом дышала.

Андрей тогда так же взял её за руку и повёл за собой. К постели с лепестками роз...

Но сейчас роз не было. Была дверь из тёмного дерева, а за ней — темнота, и крепкое мужское тело, тёплое, даже горячее, прижавшее её к ледяной стене. И губы — требовательные, подчиняющие, зовущие за собой. Скажи мне «да». Покорись. Стань моей. Отдай себя. Навсегда. Иначе никак.

Руки, лежавшие на талии, переместились на грудь, легко сжали и погладили. И Ксюша задохнулась от этих прикосновений, не зная, чего в ней больше — страха или возбуждения. Нервно вздрогнула... и вдруг Игорь отстранился, включая неяркий свет.

— Всё, девочка, всё. Перерыв. Я чувствую, как ты боишься.

Ксюша выдохнула, открывая глаза и ощущая невыразимое, бесконечное облегчение. Отступил, чтобы победить... Да, конечно. Она понимала, и была благодарна за эту возможность.

Игорь улыбался, стоя рядом с ней. Ласкал взглядом лицо, особенно губы, чуть пульсирующие после его страстного поцелуя. Ксюша облизнула их, и глаза мужчины потемнели.

Сейчас она как никогда чувствовала, насколько сильно он её хочет. И от этого боялась еще больше. И от того, что пути обратно нет — тоже.

Игорь сделал шаг назад и сказал:

— Оглядишься, Ксения. Тебе здесь нравится?

Ксюша оторвалась от стены и действительно огляделась.

Окно здесь было, как и в гостиной — во всю стену. И вот за ним оказалось красивее

всего — ночная Москва, светящаяся от разноцветных огней, и небо — тёмно-синее, с лиловым отливом к земле, без единой тучки. И тонкий росчерк молодого месяца.

А в самой комнате Ксюше не очень понравилось. Тут и не было почти ничего — слева только огромный шкаф-купе с зеркальными дверьми, посреди комнаты — большая двуспальная кровать, застеленная серым покрывалом, и возле кровати слева и справа — две деревянные тумбочки с лампами в стиле «Тиффани» сверху. Лаколично и как-то... не душевно, что ли. Хотя лампы красивые.

— По лицу вижу — не нравится, — засмеялся Игорь. — Не волнуйся, Ксения, мне тоже не слишком. Если бы эта квартира находилась пониже, может, и понравилось бы, я люблю минимализм. Но здесь уж слишком лаконично, да и высота убивает всё.

— А разве не вы эту квартиру обставляли? — удивилась Ксюша.

— Нет, — покачал головой Игорь. — Она продавалась вместе с обстановкой. И мне лень делать ремонт, честно говоря. Тем более что Насте нравится. А я ради неё всё и затеял.

Ксюша невольно подумала, что её отец тоже был способен на подобное. Купить квартиру, которая ему не нравится, но нравится его дочери, только из-за того, что у этой самой дочери клаустрофобия.

Другое дело, что денег у них ни на какие квартиры не было.

А Игорь ме?ду тем отошёл к кровати, положил очки и мобильный телефон на тумбочку и сел на постель поверх покрывала.

— Иди сюда, девочка, — сказал он мягко и, заметив, что Ксюша медлит, добавил: — Я не буду ничего делать, Ксения. Просто сядь рядом со мной.

Она осторожно приблизилась и так же осторожно села — не вплотную, а оставив небольшое расстояние между собой и Игорем. Он чуть слышно хмыкнул.

— Ну как? Удобно? — протянул иронично, но совсем не обидно, и Ксюша чуть расслабилась, улыбнулась.

— Удобно. Извините меня.

— Я уже говорил — не извиняйся. Может, тебе будет легче, если ты сама меня потрогаешь? А, Ксения?

Она кашлянула, покосившись на развеселившегося Игоря.

— Потрогать?

— Нет, девочка, — он засмеялся, — не то потрогать, о чём ты подумала. Это трогать пока рано. Положи руку мне на грудь, например.

— Ну, это легко, — вздохнула Ксюша и переместила свою правую руку на грудь Игоря. Он тут же накрыл её ладонь своей и погладил.

— Не страшно?

— Нет, — улыбнулась она, сама понимая, насколько это забавно, когда такая великовозрастная девица боится близости.

Впрочем... возможно, не забавно, а печально?

— Прекрасно. Трогай дальше, что же ты застыла? Можешь даже рубашку расстегнуть, если вдруг захочется.

Ксюша сама не заметила, как придвинулась чуть ближе и опустила руку ниже, сжимая пальцы и совершая ладонью круговые движения. Игорь сидел спокойно, не шевелясь, только глаза его выдавали — они-то спокойными отнюдь не были.

Рука оказалась внизу живота мужчины, и Ксюша вдруг почувствовала жар между ног. Да такой сильный, словно там внезапно фейерверк запустили. Придвинулась ещё чуть ближе, не

замечая, что трётся бедром о бедро Игоря, и положила вторую руку ему на плечо.

— Поцелуешь меня? — спросил он тихо, и Ксюша кивнула.

— Я, наверное, совсем не умею целоваться? Опыта мало и...

— Перестань, — выдохнул Игорь и сам поцеловал её.

Все мысли сразу же вылетели из головы, как беспечные птички. Ксюша застонала, прижимаясь к нему как можно плотнее, обняла руками за шею, запуская все пальцы Игорю в волосы, и раскрыла губы. Она, ка? и всегда, позволяла ему вести в этой игре, утверждая свои права на неё.

В какой-то момент мир словно перевернулся, и Ксюша не сразу поняла, что это Игорь положил её на кровать и лёг сверху, целуя с таким напором, что она вновь начала задыхаться. И его ладонь, требовательно раздвинувшая ей ноги и положенная между ними, добавляла ей не только желания, но и страха.

А потом ладонь задвигалась, лаская сокровенное, и Ксюша вновь задрожала. Андрей тогда тоже так делал...

И Ксюше вдруг показалось, что её заморозили. Всё тело похолодело и совершенно перестало чувствовать. Даже между ног будто снежком залепили.

— Нет, — прошептала она Игорю в губы, пытаясь оттолкнуть его от себя, и сразу же почувствовала, как он отстранился и откатился в сторону, тяжело дыша.

Ксюше было ужасно стыдно.

— Наверное, я веду себя как динамщица...

— Прекрати выдумывать, — сказал Игорь глухо, вставая с постели. — Я просто тороплюсь. Я говорил ведь, что не железный. Всё, Ксения, расслабься, ничего больше не будет.

— Ничего?..

— Ничего, — он усмехнулся, подошёл к тумбочке, надел очки и взял мобильный телефон в руку. — Помолчи чуть-чуть, мне позвонить надо.

Ксюша послушно замолчала, разглядывая Игоря. Села на постели и слегка покраснела, заметив, что он возбуждён.

Что бы он не говорил — стыдно.

— Алло, Борис. Добрый вечер. Можешь прийти сейчас? Мне нужно, чтобы ты одну нашу гостью домой отвёз. Отлично, спасибо.

— Игорь Андреевич! — возмутилась Ксюша, как только мужчина положил трубку, и тут же зажала ладонями рот.

— Ага-та, Ксения, — засмеялся он, вновь положив телефон на тумбочку. — Никак не привыкнешь. Хотя, если честно, это твоё «вы» меня даже немного возбуждает... Так что там Игорь Андреевич?

— Зачем вы вызвали своего шофёра? — буркнула она, хмурясь. — Я бы и на такси доехала.

— Я так хочу. Считаю это моим капризом, девочка. Ещё вопросы?

Игорь подошёл к Ксюше и помог ей подняться с кровати. Внимательно оглядел всю, с ног до головы, чуть пригладил волосы ладонью и удовлетворённо кивнул.

— Да вопросов у меня куча, — проворчала Ксюша и прикрыла глаза, когда Игорь погладил её по щеке. — Только вы же не ответите. Например, зачем вы вызвали своего шофёра.

— Этот вопрос ты уже задавала, — хмыкнул он. — Давай следующий.

— Почему отпускаете меня?

— Потому что ты не готова.

— Почему вы так думаете?

— Я не думаю, я знаю. И ты тоже это знаешь, Ксения. И прекрати винить себя. Я не юнец со взбесившимися гормонами, подожду.

Она вздохнула.

— Всё равно я чувствую себя виноватой.

— Ерунда, — Игорь наклонился и быстро поцеловал девушку в губы. — Не бери в голову. Пойдём в прихожую, сейчас уже Борис придёт, сдам ему тебя. И обязательно напиши, когда доберёшься до дома.

— А вы еще не будете спать?

Игорь иронично ухмыльнулся.

— Спать? Вряд ли, девочка.

И так он это сказал, что Ксюше вновь стало жарко.

Борис оказался крепким мужичком лет шестидесяти с совершенно седыми волосами. Кивнул с невозмутимым лицом, когда Игорь передавал ему Ксюшу, произнёс «Довезу с ветерком, Игорь Андреевич» и вышел из квартиры.

— Напиши обязательно, — повторил ещё раз Игорь после того, как вновь поцеловал девушку. — До завтра, Ксения.

— А мы завтра встретимся? — спросила она взволнованно, и он, засмеявшись, кивнул.

— Конечно. Но куда пойдём, не скажу. Пусть будет сюрприз.

— Ладно, — прошептала Ксюша и вновь потянулась за поцелуем. Теперь, когда Игорь отпустил её, и она точно знала — сегодня ничего не будет — страх совсем затих, спрятался, будто и не мучил её полчаса назад. — До завтра.

Борис, суровый и не улыбающийся, ждал Ксюшу снаружи. Молча вызвал лифт и так же молча повёз её вниз, на стоянку. Потом, по-прежнему не говоря ни слова, посадил в машину и тронулся.

Девушка, погружённая в собственные мысли, даже не пыталась заговорить с шофёром. Она рассуждала о том, что ей делать дальше, как избавиться от этого глупого поведения?

Может, попросить Игоря не обращать внимания? Ведь если бы он сегодня настоял на своём, она бы позволила ему всё, чего он хочет. Но он не настаивал, вновь отступив. Словно пытался сформировать у Ксюши рефлекс, который подсказывал бы ей: этот мужчина не станет заставлять или издеваться. Он умеет ждать.

Ксюша знала: умеет. И не станет. А вот она, кажется, совершенно незаслуженно лишает его желаемого, закливаясь на своих призрачных и бесполезных страхах. Хотя девушка боялась не столько самой близости, сколько того, что последует за ней.

Ведь тогда, восемь лет назад, Андрей выбросил Ксюшу, получив то, чего хотел. А Игорь? Не выбросит ли он? Нет, конечно, не так, как Андрей, без розыгрышей, споров и видео, а просто — как надоевшую игрушку? Мол, отработала девочка — свободна?..

Разве так не может быть? Да так и будет, конечно. Вопрос только в том — когда?

Ксюша поморщилась, почувствовав запах дыма. Шофёр, добравшись до широкого проспекта, сразу же достал сигарету и смачно закурил, заполняя салон тем запахом, который Ксюша не любила больше всего в жизни.

— Извините, — обратилась она к Борису, — вы не могли бы не курить?

Он недовольно посмотрел на неё в зеркале заднего вида.

— Не мог бы.

Ксюша так удивилась, что даже онемела, а шофёр продолжал:

— Отвезти я тебя обещал, а не курить при этом — нет.

— Значит, то, что вас просит об этом девушка — для вас пустой звук?

Шофёр хмыкнул и пробормотал:

— Да?кая ты девушка...

И тут Ксюшу накрыло такой злостью, что она даже испугалась за ценность кожаной обивки, в которую вцепилась всеми десятию пальцами.

Какая она девушка? Действительно. Она не девушка, а шлюха, и все из окружения Игоря будут смотреть на неё именно так. Вон — даже шофёр, и тот смотрит.

Мерзко, как же мерзко. Почти как тогда, когда Андрей, смеясь, сказал, что всем его друзьям очень понравились Ксюшкины фотографии, и если она захочет, то может продолжить познавать мир секса с кем-нибудь из них.

Гадость.

Заслужила ли она подобное отношение? Нет. Ей ничего не нужно от Игоря, совсем ничего, тем более денег. Разве она шлюха?!

Но все вокруг будут считать иначе. Всегда, и неважно, о чём говорит он сам.

О чём он говорит?!? разве он что-то сказал Борису? Просто — отвези, и всё. Мог бы объяснить...

Что объяснить, глупая? «Ты не думай, это не шлюха?» Смешно! Тут как ни объясняй — всё равно выйдет криво. Мерзко, гнусно, пакостно. До слёз в глазах.

Нет уж, она не будет плакать. Ни за что!

Ксюша, горя от ярости и обиды, выскочила из машины, как только Борис остановился возле её дома. Захлопнула дверь и почти побежала к подъезду, не оглядываясь. Шофёр не стал её провожать — и хорошо, и слава богу.

Зайдя в квартиру, Ксюша достала из сумки мобильный телефон и, всхлипнув, набрала смс-сообщение.

«Игорь Андреевич! Не пишите и не звоните мне больше никогда. Спасибо вам за всё, но у нас ничего не может быть».

Отправила и медленно опустилась на пол возле входной двери. И не удержалась-таки от нескольких маленьких слезинок, скатившихся по бледным щекам. Зло смахнула их и зажала пальцами глаза.

Не плакать. Не плакать. Не плакать!

Игорь получил смс-сообщение от Ксении, как только вышел из ванной, где принимал практически ледяной душ, пытаясь успокоить разгорячённое тело. И увидев на экране слова «Не пишите и не звоните мне больше никогда», мягко говоря, удивился.

Мозг моментально заработал, просчитывая информацию.

Расстались они хорошо, даже более чем хорошо. Значит, дело не в нём. За это время Ксения тоже не успела бы ничего, кроме одного — она ехала в машине. С Борисом. Видимо, он что-то ей сказал.

Так.

Игорь набрал номер Ксении, но она не брала трубку. Следующий звонок вообще скинула, и он начал злиться.

Позвонил Борису, который, в отличие от девушки, ответил сразу.

— Да, Игорь Андреевич.

— Отвёз? — обманчиво ласково спросил Игорь, и на том конце провода чуть помолчали. Борис работал у него пятнадцать лет, и за это время успел полностью изучить реакции своего работодателя. И знал, что подобный ласковый тон не сулит ничего хорошего.

— Да, отвёз.

— Теперь не домой, а сюда. Жду, — рявкнул Игорь и положил трубку, не дожидаясь ответа.

Внутри начинала закипать ярость, и он вновь позвонил Ксении, но она по-прежнему не отвечала.

«Ответь мне, девочка», — написал Игорь, и через минуту телефон зазвенел. Не выдержала...

«Да идите вы! Сами знаете куда. Я больше не хочу вас ни слышать, ни видеть. Перестаньте трезвонить!»

Мужчина сжал зубы так, что в глазах потемнело.

Кажется, он убьёт Бориса.

Шофёру повезло: он приехал только через полчаса, когда пелена ярости немного схлынула, и Игорь мог более-менее адекватно мыслить. Поэтому спросил почти спокойно, как только Борис зашёл в квартиру и прошёл в гостиную:

— О чём вы разговаривали с девушкой, которую я просил подвезти?

Шофёр напрягся.

— Да... я не помню. Ни о чём особенном.

Игорь мрачно усмехнулся.

— Борис. Либо ты сейчас мне всё быстренько рассказываешь, и я подумаю, что с тобой делать, попозже, либо я в данную секунду увольняю и тебя, и Люсю.

— А Люсю-то за что?! — вырвалось у мужчины, и Игорь хмыкнул.

— Значит, тебя есть за что? Рассказывай.

— Ну... — Борис замялся. — Она только попросила не курить в салоне, а я отказался.

— Угу. И всё? — Игорь поднял брови, и шофёр вздохнул.

— Нет, Игорь Андреевич. Я отказался, сказал, что ваших указаний не было. Она возмутилась, мол, вас же девушка просит. А я ответил... ну... что-то типа «какая ты девушка».

Игорь на секунду прикрыл глаза, пытаясь задавить в себе настойчивое желание врезать собственному шофёру.

— Борис, бл**. Я просил тебя только подвезти её. Не оскорблять. Какого ***? — он всё же не выдержал. Заорал и ударил кулаком по столу так, что тот вздрогнул.

И собеседник тоже вздрогнул.

— Да я же... Я думал, это очередная девка, которую Настя пытается под вас подсунуть. Я ведь в прошлый раз тоже подвозил...

— Твоё дело — выполнять мои просьбы, а не рассуждать, мать твою, о моих девках! — прошипел Игорь зло. — Но мы об этом с тобой завтра поговорим. Всё, свободен!

Борис неуверенно покосился на работодателя, уткнувшегося в собственный телефон, вздохнул и чуть слышно пробормотал:

— Если вы к ней сейчас поедете, я могу вас отвезти.

— Неужели? — хмыкнул Игорь, заходя в приложение по заказу такси. — Мой

собственный шофёр делает мне одолжение?

— Извините, Игорь Андреевич.

— Не извиню. Свободен, я сказал.

Борис понял, что ловить тут больше нечего, развернулся и действительно ушёл, решив, что находиться в обществе своего работодателя сейчас опасно для физического здоровья.

Уже на выходе мужчину поймала Настя. С вытаращенными глазами и в пижаме.

— Борис, — она схватила шофёра за рукав и потянула на себя, будто боялась, что он убежит, — что случилось? Папа давно так не орал... особенно ночью.

— Эх, Настя, — вздохнул Борис, — пойдём лучше на кухню. А то твой папа сейчас сюда придёт.

— Зачем? — спросила девочка с откровенным интересом.

— Пойдём-пойдём...

А Игорь между тем действительно шёл в прихожую, заказав себе такси.

Не мог он всё это так оставить и собирался поехать к Ксении, чтобы разобраться в ситуации.

— Ну-у-у? — протянула Настя, плюхаясь на барный стульчик. — Что случилось-то?

— Да ничего особенного, — ответил шофёр, наливая себе воды в стакан и выпивая её практически залпом. — Просто у тебя, Настёна, кажется, скоро будет мачеха.

Девочка чуть покачнулась и вцепилась в стульчик, как в спасательный круг.

— К-к-какая мачеха? К-к-кто?!

— Да вот девушка эта, которую я сегодня подвозил.

— Ксюшка, что ли? — фыркнула Настя. — Да ну, ты что, Борис. Она так, на пару-тройку раз. Хорошая, но простая слишком для папы.

Шофёр покачал головой и снова налил себе воды.

— Нет, Настёна. Ради «на пару-тройку раз» посреди ночи не срываются. И наорал он на меня... Я даже не помню, когда он на меня так зверился в последний раз.

— А чего ты сделал-то? — удивилась дочь Игоря Андреевича.

— Накосычил, — поморщился Борис. — Не так, чтобы очень сильно, но существенно. Пожурить можно, но мне показалось, твой папа меня сейчас убьёт. В общем... не, Настя, это не на пару-тройку раз. Вот помяни моё слово.

Девочка задумалась.

— А если я не хочу?

— В смысле?

— Ну не хочу я мачеху! — возмутилась Настя. — Любовницу — пожалуйста, но на фигу мне мачеха?! Нам с папой и без неё хорошо. Не-е-е! Я не хочу!

— Это ты Игорю Андреевичу скажи. Я при чём?

— Так папа меня слушать не будет!

Борис улыбнулся.

— Да ладно тебе, Настя. Рано или поздно это всё равно случится, и уж лучше простая и хорошая девушка, чем сложная и плохая.

— Я не хочу ни ту, ни другую! — решительно заявила Настя и вдруг подпрыгнула на стуле. — Слушай! А если Андрею позвонить?!

— Зачем? — не понял Борис.

— Ну как — зачем. Он женщин любит — раз! Он тоже богатый и красивый, как папа — два. И он молодой — три! Пусть он её у папы уведёт. Андрей сможет, наверное. Он

обаятельный.

— Ну, не знаю, — протянул шофёр, — да и Игорь Андреевич тебе уши надерёт за вмешательство в его жизнь, ты же знаешь, Настёна.

— Знаю, — девочка слегка сникла, но почти сразу воспрянула вновь. — А Андрей не скажет, что это я ему позвонила. И ты не скажешь, да?!

— Э-э-э...

— Ну Борис! — Настя молитвенно сложила ладошки. — Ну пожалуйста. Не выдавай меня. В конце концов, я же брату собираюсь звонить, а не... куда-нибудь!

Шофёр немного поколебался, но всё же выдохнул:

— Ладно. Хорошо.

— Ура!

Не получалось у него отказывать дочери своей умершей хозяйки, любил и баловал девчонку, как собственную внучку. И наверное, зря...

Минут через десять после гневного смс-сообщения Игорю Ксюша полезла в душ, и со злости врубила ледяную воду. Встала прямо под льющиеся сверху струи и поморщилась — холодно было до боли...

Вода впивалась в кожу, словно маленькие острые иголки, но облегчения не приносила. Наверное, потому что не могла достать до ноющей души.

Ксюша вылезла минут через пятнадцать, когда окончательно закоченела. Вытерлась полотенцем, накинула на голое тело длинный махровый халат, вышла из ванной и включила чайник. Достала с верхней полки успокоительный сбор, который Инне Васильевне присылала раз в год какая-то её знакомая из Йошкар-Олы, насыпала в чашку две ложки с травкой, залила горячей водой. И только села на стул, как в дверь позвонили.

Ксюша вздохнула, всеми фибрами души ощущая, кто стоит там, за дверью. Конечно, он не мог это так оставить. Овечка убежала от волка, подумать только! Непорядок.

Ещё один звонок. И ещё. И ещё.

Одновременно с этим трезвонить начал телефон, а через пару минут пришло смс-сообщение.

«Ксения, открой. Я всё равно не уйду».

Ксюша зло стиснула кулаки.

«Я полицию вызову!»

«Вызывай».

Блин, двадцать тысяч раз блин! Какая, к чёрту, полиция? Во-первых, она не поедет, потому что Игорь... нет, Игорь Андреевич!.. не шумит и не буянит, не орёт и даже в дверь не стучит, толь?о звонит. Умный, гад. А во-вторых, даже если доблестные менты приедут, они точно так же и уедут, получив на лапу за типа ложный вызов.

Угу. Милые бранятся — только тешатся и всякое такое.

И что делать? Если не открыть, он же действительно будет стоять там всю ночь, а Ксюше завтра на работу. По-любому ей придётся выйти утром, и разговора не избежать. Уж лучше сейчас, чем завтра, когда она будет торопиться и бояться опоздать...

От волнения у Ксюши скрутило живот и в глазах замерцали чёрные?руги. Она сглотнула, встала со стула, оставив чаш?у с успокоительным в сторону, и медленно пошла в коридор.

Игорь... Игорь Андреевич перестал звонить, словно почувствовал её приближение. Наверное, и правда почувствовал, он ведь уже изучил Ксюшу вдоль и поперёк и понимал, что она не станет прятаться в своей норе, предпочтя выяснить отношения раз и навсегда.

Щелчок отпираемого замка, распахнутая дверь. Полутёмная лестничная площадка и мрачная мужская фигура на пороге. Она казалась еще мрачнее оттого, что девушка зажгла в коридоре только крошечный фонарик, что висел над комодом.

Игорь Андреевич шагнул вперёд, а Ксюша, наоборот, назад, как-то вдруг резко осознав, что она стоит тут перед ним в одном халате, под которым ничего нет. Пусть он длинный и закрытый, но всё же... И волосы влажные, и от этого выются больше обычного.

Игорь Андреевич закрыл за собой дверь и даже запер её. Потом вновь обернулся к Ксюше, окинул её быстрым спокойным взглядом и сказал:

— Нам нужно поговорить, Ксения.

Как он может быть таким спокойным? У неё внутри всё кипит.

— О чём, Игорь Андреевич? — она изо всех сил постаралась быть такой же невозмутимой. — Я считаю, нам с вами совершенно не о чем разговаривать.

— Нет, есть, — протянул он, не отрывая взгляда от Ксюшиного лица, — только давай всё же пройдем в комнату или на кухню.

— Нет, — отрезала девушка, сложив руки на груди. — Говорите то, что желаете сказать. И уходите поскорее.

Игорь Андреевич чуть поджал губы. Недоволен, видимо. Пусть скажет спасибо, что она вообще его впустила!

— Я хочу извиниться перед тобой, Ксения. За своего шофёра. И заодно за себя, что не предвидел подобное развитие событий.

— Как вы могли его предвидеть? — непроизвольно вырвалось у Ксюши, и она даже рассердилась на себя — не надо с ним разговаривать. Увлечёт же беседой сейчас так, что она о своём решении напрочь забудет.

— Очень просто, девочка. Бориса и Люсю брала на работу Вероника почти пятнадцать лет назад. Они её обожали, боготворили даже. Борис был всегда в первую очередь её шофёром, не моим. И когда она умерла, они страшно переживали. Я не учёл, Ксения... Борис воспринимает в штыки любые попытки Насти «сосватать» мне кого-нибудь, но я не подумал, что он так же воспримет и тебя. Да еще и нахамит. Прости меня, девочка. Я ошибся.

Ксюша изо всех сил сжала зубы, чтобы не растаять. Игорь говорил так серьёзно, чётко, понимающе и... искренне. Но сдаваться она не собиралась.

— Прощаю. Если это всё... пожалуйста, уходите.

Он чуть нахмурился, и Ксюша не успела опомниться, как мужчина сделал шаг вперёд и положил свои руки ей на плечи.

— Ксения... зачем ты так? Это же просто ошибка. Зачем ты наказываешь нас обоих?

— Я не наказываю! — Ксюша дёрнулась, но добилась только того, что Игорь крепче прижал её к себе, опустив ладони уже на талию. — Пустите!

— Нет. Объясни мне, в чём дело.

— В том, что так будет всегда! — прошипела она, поднимая голову. — Всегда найдётся кто-нибудь умный, кто будет считать меня шлюхой, которая спит с вами за деньги! Вы думаете, это очень приятно?!

— Нет, не очень, — покачал головой Игорь. — Но это не смертельно, Ксения. Ты же

видела мои интервью. Под любым из них куча оскорбительных комментариев. И что, я должен в связи с этим посыпать голову пеплом и уйти в закат?

— Эти комментарии — от незнакомых людей! А на меня косо будут смотреть ваши друзья, коллеги, родственники. Шофёр — это только начало. А потом что? Презрительные взгляды, оскорбительные словечки, понимающие усмешки. А когда я вам надоем, вы меня кому-нибудь отдадите, как переходящий приз?

Игорь вдруг настолько сильно сжал руки на её талии, что Ксюша вскрикнула от боли.

— Ты что несёшь, девочка? — рявкнул он, наклоняясь. — Какой еще приз? Ты за кого меня принимаешь?!

— За обыкновенного властного мудака! — крикнула Ксюша и даже в тусклом свете ночника заметила, что Игорь потемнел лицом.

А в следующую секунду её будто смерч подхватил. Прижал к стене и прохрипел, почти касаясь губ:

— Властные мудаки делают так. — Игорь развязал пояс Ксюшиного халата и распахнул его. — Или так. — Горячие ладони легли на грудь, сжимая соски. — Разве я так делал, Ксения?!

— Сейчас... делаете... — выдохнула она, начиная дрожать. Но не от страха — страшно почему-то совсем не было. И не от холода, хотя халат был развязан, и по чуть влажной после душа коже бегали мурашки.

Нет. От возбуждения. Оно вспыхнуло в Ксюше, коснувшись своим жаром и низа живота, и напрягшихся сосков, и даже губ.

Губ, которыми она вдруг сама прижалась к Игорю, осыпая поцелуями его лицо. Он простонал что-то невнятное, захватывая её губы своими и одновременно с этим окончательно сбрасывая халат.

— Девочка... — хриплый, страстный шёпот, и затруднённое дыхание, и руки, которые постоянно перемещались по её телу, то лаская грудь, то нежно поглаживая живот, то...

Ксюша перестала дышать, когда Игорь мимолётно коснулся кончиками пальцев чувствительной точки между её ног, а потом стал трогать ноющее от желания местечко целой ладонью, двигая рукой туда и обратно. И с каждым этим движением Ксюша вздрагивала или всхлипывала, стараясь сильнее вжаться в его тело.

Она не помнила, в какой момент они оба упали на пол, прямо на ковёр посреди коридора, и Игорь лихорадочно загремел ремнём. Только вскрикнула от резкого и нетерпеливого вторжения, сама подаваясь вперёд, навстречу, и выгибаясь, подставляя под его жаждущие ладони свою грудь.

Никаких мыслей не было — только ощущения. Невыносимого, немислимого наслаждения, особую остроту которому придавал жёсткий ворс ковра, впивающийся Ксюше в спину. Обжигающих рук, оглаживающих её тело. Требовательных губ, что продолжали целовать её почти всё время, пока длилась эта безумная гонка.

Она почти забыла, каково это. А может, она и не знала? Наверное, да. И это был её настоящий первый раз, заполненный всем тем, чем должен быть заполнен первый раз — пылкостью и страстью, нетерпеливостью и жадностью. И горячими телами, мужским и женским, одно из которых принимало, а другое отдавало. Всё, без остатка.

Кажется, она кричала. И плакала, повторяя «ещё, ещё, ещё». И Игорь, кажется, тоже что-то шептал, двигаясь в ней, словно одержимый. А потом, когда по телу Ксюши прошла волна обжигающего удовольствия, упал на неё и задрожал, целуя её губы и замирая где-то глубоко

внутри...

Как же хорошо. Господи, как же хорошо...

И как же не хочется возвращаться в реальность...

Мир вокруг дрожал, и он вместе с ним.

Когда в последний раз его так накрывало? Игорь даже и не помнил. А уж секс на ковре в коридоре... Такого с ним не случилось со времён студенческой юности.

И мысли расплывались, как круги по воде. Мелькали в голове одна за другой, одна за другой.

Хорошо-то как.

Что же ты сделал, идиот?

Железная воля, железная воля... Где ты её сегодня оставил?

А ты помнишь, что вы не предохранялись?

И говорить Ксении ты теперь что будешь? Всё, кончились слова? Одни слюни остались?

Игорь поднял голову и посмотрел на девушку. Лицо её влажно блестело от слёз, глаза лихорадочно сверкали, а дыхание было хриплым, прерывистым. Что не удивительно — кричала она очень громко, он чуть не оглох.

Игорь поднял руку и погладил Ксению по щеке, стирая слёзы. Потом аккуратно вышел из неё, оправился и помог ей приподняться.

— Пойдём, девочка, — сказал он тихо, подавая Ксении руку. Она приняла её и медленно встала, чуть покачиваясь и дрожа всем телом. — Где у тебя ванная?

— Там, — ответила Ксения глухо, кивая на дверь позади Игоря. И молча пошла за ним, когда он потянул её за собой. Включил свет, нащупав выключатель на стене, сразу зажмурился от яркого света, ударившего прямоком в глаза, а затем решительно двинулся дальше, к кранам.

— Тебе нужно подмыться, Ксения, — сказал Игорь мягко, подводя девушку к ванне и включая воду. — А потом поговорим, хорошо?

Она кивнула, выглядя при этом какой-то странно равнодушной. Видимо, откат. Теперь наверняка думает, что он её сейчас кинет. Ведь получил уже всё, что хотел.

Глупая. Стал бы он с ней столько времени возиться, рассчитывая только на один раз?

Пока Ксения подмывалась, Игорь вновь сходил в коридор, поднял с пола её халат. И вернулся обратно в ванную.

— Я думаю, тебе не стоит его надевать, — сказал мужчина, наблюдая за тем, как девушка вытирается полотенцем, стоя на коврик. — Он на полу всё-таки валялся. Ты обернись полотенцем или пиджак мой накинь, а в комнате переоденешься.

— Без тебя разберусь, — огрызнулась Ксения, и вдруг замерла, осознав, что именно сказала.

А Игорь засмеялся — настолько обескураженной она выглядела.

— Хорошо, Ксения. Без меня так без меня. Я пока пойду на кухню. Разрешаешь?

Она промолчала, только зло зыркнула на него своими бездонными чёрными глазами, и Игорь, улыбнувшись ещё раз, вышел из ванной.

Ксюша чувствовала себя оглушенной, заторможенной. Вначале она просто пошла за Игорем, потому что он сам потащил её в ванную, и уже потом, когда стала подмываться,

вдруг вновь разозлилась. И на него, что вообще приехал, и на себя, что начала это безумие, закончившееся сексом на полу.

Она действительно сама начала. Это Ксюша ещё помнила. А потом всё размывалось, словно охваченное стихией. Смерч какой-то, ураган, торнадо. Но невыносимо приятный торнадо...

Ксюша даже чуть покраснела, вспоминая собственные ощущения. Совсем не похоже на тот кошмар тогда, с Андреем. Хотя в этот раз ей тоже было немного больно, особенно в самом начале, но эта боль быстро потерялась во всём остальном.

И что же теперь делать? Как после случившегося прогнать Игоря? И хочет ли она вообще его прогонять...

От растерянности и беспомощности даже глаза заслезились.

Вот в этом состоянии он её и застал со своими рассуждениями про халат, пиджак и полотенце. Ксюша непроизвольно огрызнулась... и замерла. Это что... она его на «ты» назвала?..

И на момент, когда Ксюша вышла из ванной и направилась на кухню, перед этим переодевшись в своей комнате в домашний костюм, она была абсолютно дезориентирована. Плюхнулась на стул, не глядя на Игоря, и опустила голову.

Он в это время стоял возле окна и рассматривал что-то на улице, но обернулся, услышав шаги. А потом поразил Ксюшу, подойдя ближе и опустившись перед ней на колени. Девушка дёрнулась, и Игорь положил ладони ей на бёдра, заставив посмотреть на себя.

— Выслушаешь меня, Ксения? — спросил он ласково. И почему-то и от этой нежности, прозвучавшей в голосе Игоря, и от теплоты его ладоней, и от мягкой, понимающей улыбки — Ксюша окончательно расклеилась. Губы её задрожали, и она тихо заплакала, зажимая лицо ладонями.

В следующую секунду Игорь приподнялся и обнял её, а потом и вовсе перетянул на пол, усадив Ксюшу к себе на колени.

— Ты... вы же простудитесь, — прошептала она, утыкаясь шмыгающим носом в его рубашку. — Сколько можно... на полу...

— Сейчас ты перестанешь плакать, сядешь на стул, и тогда я встану с пола.

— Простите. Я тысячу лет не плакала, — призналась Ксюша, вновь начиная тереть ладонями глаза, но Игорь перехватил её руки.

— Не надо. Не три ничего, только хуже будет. Если хочется плакать — плачь, нельзя всё в себе держать. — Игорь обнял Ксюшу чуть крепче, наклонился и поцеловал в щёку. — И слушай меня, ладно? А я буду говорить.

— Говорите, — она горестно вздохнула, и он улыбнулся, касаясь губами виска.

— Сегодняшний вечер — черед ошибок, девочка. Мне не нужно было тебя отпускать, надо было просто положить тебя рядом с собой, чтобы ты привыкала ко мне. Это первая моя ошибка. Вторая — я не учёл отношения Бориса ко всем прочим девушкам, кроме моей жены, и не ожидал, что он может быть груб с тобой. И наконец, третья. — Игорь уже шептал ей на ухо. — Я зарекался торопиться, хотел дать тебе время привыкнуть. Хотел, чтобы ты не напрягалась во время близости. Но сегодня все мои планы пошли наперекосяк. Видишь?? ты говорила, у меня железная воля.

— Железная, — Ксюша вдохнула носом воздух возле шеи Игоря. Он так потрясающе пах... собой. — Это я виновата, спровоцировала вас.

Он, кажется, улыбался. Проверять, так ли это, поднимая голову, она не стала — иначе вновь захочет его поцеловать и потом перестанет соображать.

— Немного спровоцировала, Ксения. Но не слишком сильно. Я сам себя спровоцировал. Было больно?

— Почти нет. В тот раз было больнее.

Он помолчал немного, а затем переспросил:

— В тот раз?

— Да. В самый первый. Я... не сказала вам. У меня был не просто один мужчина, а только один раз.

И тут Игорь опять её удивил.

— Мразь, — выдохнул он зло. — Теперь я всё окончательно понял. Ксения, девочка... посмотри на меня.

Она медлила, и Игорь повторил:

— Посмотри, я прошу.

Как только Ксюша подняла голову, он взял её за подбородок, большим пальцем поглаживая губы.

— Запомни то, что я тебе сейчас скажу. Вокруг всегда находятся люди, которые про нас что-то думают, и не всегда это что-то лицеприятное. Не нужно обращать на это внимание, потому что это их собственные мысли, за которые ты не можешь отвечать. И повлиять на эти мысли ты тоже никак не можешь. Людям надо говорить, девочка, и неважно, о чём. Они нароют себе сплетню и будут обсасывать её до тех пор, пока не надоест.

— Я понимаю, — вздохнула Ксюша и чуть прикрыла глаза, когда Игорь вновь начал поглаживать её губы. — Дело не только в этом. Просто тот человек... который был у меня первым... Он меня очень обидел и унизил. Я тогда решила, что больше никому не позволю так поступать со мной. Ваш шофёр... он всколыхнул неприятные воспоминания. И страхи. Простите, я была с вами груба.

— Немного была, — он улыбнулся, наклонился и легко коснулся своими губами губ девушки. — Особенно когда назвала властным мудаком.

Ксюша хихикнула, чуть приподнимаясь, чтобы Игорь мог поцеловать её глубже. И он разгадал этот хитрый ход и воспользовался им в полной мере.

— Ты больше не будешь плакать и прогонять меня? — шепнул он, на секунду прервав сладкий и очень нежный поцелуй, которым Ксюша наслаждалась каждой клеточкой своего тела. — Не будешь, девочка?

— Не буду.

— Тогда пойдём спать, Ксения. Уже поздно, а завтра нам на работу.

— А вы... — Она слегка удивилась. — Вы останетесь здесь, со мной?

— Останусь, — кивнул Игорь, лукаво блестя глазами. — Ты же сказала, что не прогонишь меня. Так что... Накормить и спать уложить осталось.

— Вы же сыты...

— Сыт. Значит, спать уложить.

Ксюша сглотнула.

— А... у нас тут негде...

— Как это негде? — теперь к лукаво блестящим глазам добавилась хитрая улыбка. — А с тобой?

— У меня кровать узкая.

— Ничего страшного. Я знаю, как можно поместиться на очень узкой кровати. Заодно покажу.

— Какой же ты... — засмеялась Ксюша и сразу осеклась. — Ой.

Игорь хмыкнул, наконец вставая с пола вместе с ней самой, и быстро поцеловал девушку в губы.

— Я пойду умоюсь, Ксения. Хорошо?

— Ладно, — она кивнула, поневоле думая о том, что он в очередной раз выиграл. И даже то, что поначалу казалось проигрышем, умудрился повернуть в свою пользу.

Наверное, можно было бы устроить истерику и выгнать... Но Ксюша уже перегорела. Да и... разве можно выгнать того, кого любишь всем сердцем?

Вот именно — нельзя.

Игорь вернулся из ванной минут через пятнадцать, когда Ксюша уже расстелила постель, с трудом уместив на ней вторую подушку, и даже переделалась в ночную рубашку. Она была самой обычной, светло-голубого цвета, на тонких бретельках. Совершенно не соблазнительная хлопковая рубашка, но Игорь так посмотрел на неё, что Ксюше показалось — она надела эротическое бельё, не иначе.

Но ей самой было ничуть не менее волнительно, потому что Игорь зашёл в комнату в одних трусах. Чёрных, обтягивающих... Она даже глаза отвела, чтобы слишком не пялиться.

— А где твоя... то есть, ваша одежда?

— В ванной оставил. Ты ложись, а я свет выключу.

Ксюша кивнула, забираясь под одеяло. А Игорь на секунду помедлил у ночника, рядом с которым сидела подаренная им бабочка.

— Красивая она у тебя. Скай...

— Очень красивая. Жаль, что так мало проживёт... — прошептала Ксюша, и тут свет погас.

Секундой спустя ей резко стало не хватать места в собственной кровати. Вроде бы худой Игорь занял всё пространство под одеялом, пришлось отодвинуться еще ближе к стенке.

— Не так, Ксения. Смотри. Я ложусь на спину, а ты — ко мне под бочок. И обнимай меня.

Она засмеялась, делая, как он сказал. Руку положила на грудь, а щеку примостила на плече.

— Ну как? Удобно? — спросил он со смешком, обнимая девушку за талию и начиная аккуратно её поглаживать.

— Очень, — вздохнула Ксюша и быстро чмокнула Игоря в щеку.

— Я рад. — его голос вдруг изменился, став серьёзным. — Но прежде чем ты уснёшь, я хочу сказать еще одну вещь. Девочка, ты помнишь, что мы не предохранялись?

Она напряглась. Да, это был как раз тот момент, думать о котором совершенно не хотелось.

— Помню.

— Я ничуть не сомневаюсь, что ты у меня чистенькая. Я про другое. Если ты забеременеешь, я буду рад признать этого ребёнка. Запомни, пожалуйста, и ничего от меня не скрывай.

— Будешь рад? — повторила Ксюша удивлённо.

— Да. Я специально говорю тебе это, чтобы ты не вздумала считать, будто я захочу уйти

от собственной ответственности. Нет, Ксения. И вот ещё что... Как ты хочешь — таблетки или презервативы?

Она даже слегка растерялась.

— Я не знаю.

— Подумай. Если презервативы, то это моя забота, если таблетки — твоя. Но не вздумай ничего сама глотать, обязательно проконсультируйся с врачом. Завтра тогда скажешь, что надумала, хорошо? А сейчас спать.

Ксюша фыркнула ему в плечо.

— Стратег.

— И тактик. Всё верно.

Она немного помолчала, обдумывая сказанное, а потом добавила осторожно:

— Вообще, если я правильно помню, у меня через пару-тройку дней цикл... Вряд ли я забеременею. Не волнуйся... тесь, в общем.

— Ксения... я не волнуюсь. И твоя беременность меня бы совершенно не огорчила. Но мы об этом чуть позже поговорим.

— О чём? — не поняла она.

— Позже, девочка, позже. А сейчас спи. Иначе мы завтра не встанем.

— А хорошо бы... — пробормотала Ксюша, прижимаясь к Игорю чуть крепче, и почувствовала, что он улыбнулся.

Вдвоём на узкой кровати... Наверное, Ксюша должна была плохо спать, но нет — уснула она быстро, и сладко проспала до самого утра, проснувшись от звонка собственного будильника.

Открыла глаза... и несколько секунд не понимала, в чём дело. Ведь она ни разу в жизни не спала в чьих-то объятиях. А сейчас лежала на боку, и Игорь прижимался к ней сзади, положив ладонь девушке на живот, и тихо дышал ей в ухо. Но зазвонил будильник, и мужчина проснулся, зашевелился, вздохнул и погладил Ксюшу по напрягшемуся животу.

Она попыталась встать, но Игорь не дал — перевернул на спину и лёг сверху.

— Пусти, — шепнула Ксюша, ощущая при этом нетерпеливую пульсацию между ног. — Надо выключить будильник. И вообще на работу...

— Он сам выключится, если долго не сбрасывать, — усмехнулся мужчина, лаская её бёдра и начиная медленно задирать ночную рубашку. — А на работу можно и опоздать...

— Нельзя. М-м-м... — Ксюша забыла, что ещё хотела сказать, потому что Игорь прикоснулся к ноющему местечку и стал совершать там круговые движения пальцами.

— Ты недавно спрашивала, почему я называю тебя девочкой, — прошептал он, глядя в её глаза. — Всё очень просто, Ксения. Ты невероятно чистая и невинная. Как девочка. И наверное, я извращенец, раз так тебя хочу.

Пальцы задвигались быстрее, и Ксюша задышала чаще, иногда чуть всхлипывая, когда Игорь усиливал нажим. Но всё-таки просипела, вцепившись руками в простынь:

— Вы обещали рассказать...

— Что рассказать?

У него были та?ие глаза... Никто не смотрел на Ксюшу с подобной страстью во взгляде.

— Как... вы меня хотите... помните?

Усмешка, и настолько порочная, что девушка сразу поняла, что именно сейчас произойдёт. И не ошиблась.

— Я лучше покажу...

Медленно, как же медленно... Ксюша застонала, обнимая Игоря, и почти повалила его на себя. Он засмеялся, пытаясь приподняться, но она изо всех сил сжала его сзади ногами.

— Нетерпеливая... — прошептал Игорь, погладив её по лицу, и наконец задвигался именно так, как ей хотелось.

С каждым движением в глазах что-то вспыхивало, а тело горело всё сильнее и сильнее, ловя одну волну наслаждения за другой. И всё было так, как должно быть — и жар в том месте, где Игорь соединялся с ней, и дрожь в руках, сжимающих его плечи, и сладость в поцелуях, и нежность в его ладонях, ласкающих её грудь, живот и бёдра.

В какой-то момент это стало невыносимо приятно, до боли восхитительно — и Ксюша сначала застонала, а потом закричала, срывая голос. И этот крик принёс ей столько удовольствия, что она задрожала, выгибаясь от страстности и яркости ощущений, повергших её тело в сладкую негу.

— Какая ты у меня громкая девочка, — прошептал Игорь, на секунду останавливаясь, чтобы поцеловать Ксюшу в губы. — И очень чувственная. Невероятная девочка...

А дальше были только нетерпеливые движения, с каждым из которых Ксюша вспыхивала, словно спичка, сгорая дотла, когда Игорь выходил из неё. И вновь вспыхивала, когда входил, задевая что-то глубоко внутри, так глубоко, что это казалось невозможным. И она опять кричала...

— Да, — усмехнулся Игорь, как только всё закончилось, — сегодня явно будет хороший день.

Его тело было жарким и влажным, и чуть блестело от пота. А страстность во взгляде сменилась сытостью и удовлетворением.

— Обязательно будет, — прошептала Ксюша, улыбнувшись.

Давно у неё такого странного утра не было. Совместный завтрак с мужчиной — правда, он был быстрый, ведь Ксюша всё ещё пыталась не опоздать на работу, — с шутками и подзуживаниями, затем такие же быстрые сборы, во время которых Игорь то и дело хлопал её ладонью по попе. А потом заказал такси, предпочитая, как он сказал, «добираться до дома с комфортом».

— Я сначала к себе зайду, — сказал Игорь, садясь в салон подъехавшей машины. — А потом уже на работу. Надо кое-что решить.

Он не уточнил, что именно, но Ксюша и так поняла — видела, как Игорь утром, хмурясь, набирал кому-то смс-сообщение, и подумала, что это наверняка Борису. Вчера, торопясь к ней, он вряд ли стал с ним разбираться, но теперь надо. Такой человек, как Игорь, не мог оставить всё на самотёк.

— Ты... Вы... — Ксюша выдохнула. Подобным образом она сбивалась со вчерашнего вечера. — Вы не наказывайте его уж слишком сильно.

— Не волнуйся. — Игорь улыбался, глядя на неё с пониманием. — Пороть не буду. Но внушение сделаю.

Ни разу он ещё не прокомментировал эти её перескоки с «ты» на «вы», только улыбался иронично. Но не шутил, не насмехался и не подкалывал. Просто ждал, пока Ксюша окончательно определится.

— Я вечером постараюсь приехать пораньше, — сказал вдруг Игорь. — Но всё равно могу задержаться. Ты подождёшь меня у нас с Настей?

— М-м-м... А мы куда-нибудь пойдём или это... просто так?

Ксюша не добавила «чтобы я осталась у вас на ночь», постеснялась таксиста.

— Пойдём, обязательно пойдём. И даже вместе с Настей. А потом ты поедешь домой. Если захочешь, конечно.

Игорь взял девушку за руку и чуть сжал ладонь, погладив пальцы. Нежно и ненавязчиво, и Ксюша сразу поняла, что он хотел сказать этим движением.

Напомнить, что она по-прежнему вольна решать сама, и он не будет её заставлять.

— Спасибо, — сказала Ксюша негромко, и он улыбнулся. — А... я еще хотела спросить у тебя... вас. Зачем вы вчера всё-таки вызвали своего шофёра? Почему не такси?

— Я думал, ты поняла, — фыркнул Игорь. — Два дня назад Роман тебя спасал от некого Виталика, и я просто побоялся, что тебя опять надо будет спасать. Не хотел отпускать одну. Лучше бы поехал с тобой...

— Ты бы тогда не уехал, — Ксюша сильнее понизила голос и вновь осеклась. — То есть...

— Я понял. Возможно, Ксения. Но возможно, что уехал бы. Зачем гадать? Как случилось, так случилось. Все мои планы полетели в тартарары, столкнувшись с реальной жизнью. Плохой из меня стратег, — он усмехнулся.

— Отличный, — возразила девушка. — Вы эту ситуацию всё равно разрушили с максимальной выгодой для себя.

В этот момент Игорь так посмотрел на неё, что Ксюша вспыхнула и сжала колени, ощутив влагу между ног. Они оба явно вспомнили то, что случилось в коридоре, и чем они наслаждались, несмотря на всю внезапность произошедшего.

— Надеюсь, — произнёс мужчина настолько провокационно, что Ксюша непроизвольно начала краснеть, — у тебя тоже была... максимальная выгода.

— Была, — призналась она честно, и он засмеялся.

Игорь проводил Ксюшу до турникетов, что вели в офисную часть здания, напоследок погладил по щеке и волосам, быстро поцеловал в губы — не дольше двух секунд, чтобы не смущалась зрителей в виде офисных работников, — и поспешил к себе домой. А Ксюша, пройдя турникет с какой-то до ужаса счастливой улыбкой на губах, буквально врезалась в Виктора.

— Привет, — пробормотала она, тут же погасив улыбку. Видел... Судя по лицу — точно видел.

— Ну, привет, — протянул он, развернулся и пошёл к лифтам. Ничего не сказал — и хорошо. Хотя вряд ли это надолго...

И точно. Как только они вышли на своём этаже, начальник сразу же потянул Ксюшу в сторону переговорной.

— Пойдём, пообщаемся.

— Зачем? — вздохнула она обречённо.

— За надом. Пойдём.

Возле переговорной стоял кулер, и Виктор перед тем, как зайти в помещение, налил себе воды, выпил залпом. Покосился на Ксюшу и спросил:

— Хочешь?

— Нет.

Пожал плечами и толкнул дверь переговорной.

Ксюша сразу уселась на стул, положила на колени свою сумку будто в качестве защиты. И решила начать диалог первой:

— Ну давай, говори мне, что ты обо мне думаешь, и пойдём работать.

Виктор опустил на стул напротив неё и, мрачно усмехнувшись, протянул:

— Да не буду я тебе говорить, что я о тебе думаю. Что я, первый день на свете живу? Да и понял я уже всё про тебя давно. Ты-то сама, Ксюш, что о себе думаешь, а?

Она даже удивилась. Как-то не такого вопроса ожидала от Виктора... Да и вообще не ожидала она от него никаких вопросов, только язвительную ругань в стиле «и чем он лучше меня», «а его возраст тебя не смущает?!»

Поэтому и молчала несколько секунд, глядя на начальника.

— Ты это... к чему?

— К тому, — продолжал Виктор еще более мрачно. — Знаю я его. Не лично, просто видел пару раз на разных мероприятиях. И слышал, что квартира у него здесь. Мне просто интересно... ты понимаешь, чем всё закончится? Он же тебя попользует и вышвырнет, подарив на память какие-нибудь цацки.

— Понимаю.

— Да? — Виктор поглядел на неё со злой иронией. — А я думал, не понимаешь. Не замечал в тебе до этого момента склонности к мазохизму.

Ксюша пожала плечами, не собираясь отвечать на явную провокацию. Да и зачем? Всё равно это не его дело.

Начальник вздохнул, качая головой.

— Обеспеченный мужик, да ещё и такой... великовозрастный.

— Ты так говоришь, как будто ему восемьдесят, — фыркнула Ксюша, не сдержавшись.

— Знаешь, а с такой разницей в возрасте это уже безразлично. Ему до пенсии всего ничего, а ты и через двадцать лет ещё молода будешь.

— Какая разница, что со мной будет через двадцать лет? Он же, по твоей логике, раньше меня бросит.

— Бросит. Это я так, гипотетически.

— Слушай, — Ксюша подняла глаза к потолку, — пошли работать, а? Это абсолютно бессмысленный разговор. Я...

— Да-да, — поморщился Виктор. — Я понял. Любовь зла, полюбишь и козла, и так далее. Я вот что еще хотел сказать, кроме этого...

— А я знаю, что ты хочешь сказать. Что ждёшь меня с распростёртыми объятиями, как только он меня бросит.

Начальство фыркнуло.

— Я дурак, по-твоему?

Ксюша удивлённо подняла брови.

— Короче. Такой человек, как этот твой... Наверняка захочет, чтобы ты уволилась. Сидела дома и ублажала его в разных позах. И если он этого захочет и ты решишься, подумай о возможности работать надомно. Без увольнения.

Брови поднялись ещё выше.

— Но у нас ведь так нельзя. Ты же знаешь.

— Я-то знаю. А больше никто не узнает. Если ты, конечно, мне план не протрах...

— Виктор!

— В общем, ты поняла. А теперь пошли работать. Всё, что хотел, я сказал, а там уж думай.

Ксюша кивнула и поднялась со стула, ловя себя на мысли, что начала относиться к своему начальнику чуть лучше, чем раньше.

Игорь не любил подобные разговоры, но, к сожалению, в его жизни они случались часто. Частенько приходилось ругать других за ошибки, и не просто ругать, но и наказывать. Неприятно, но кто-то же должен это делать.

Борис, предупреждённый утром о разговоре, уже был на месте. Сидел на кухне и пил чай вместе с Настей. Увидел Игоря, сглотнул и отставил чашку в сторону.

— Здравствуйте, Игорь Андреевич.

— И тебе не хворать. Настя, выйди, пожалуйста, мне с Борисом надо с глазу на глаз поговорить.

— Пап... — начала дочь, но Игорь покачал головой.

— Не вмешивайся. Выйди.

Настя поджала губы, но промолчала и действительно вышла с кухни. Игорь дождался, пока её шаги стихнут, и только тогда заговорил — резко и чётко.

— Я не буду разводить нюни, Борис. Ещё один подобный промах — и мы с тобой распрощаемся.

— Я понял, Игорь Андреевич.

— Я надеюсь, ты осознал, что это не твоё дело — судить моих гостей. Надо делать только то, что я говорю. «Подбросить до дома» и «нахамить» — разные инструкции.

— Да, Игорь Андреевич.

— Перед Ксенией извинишься. Она на тебя не сердится, но решает здесь не она. Я надеюсь, и это ты понял.

— Понял. Извинюсь.

— Хорошо. Подожди меня минут пятнадцать, а потом поедem в студию.

Игорь кивнул шофёру и пошёл в свою комнату, чтобы переодеться и захватить кое-какие документы. И усмехнулся по пути, вдруг снова почувствовав сытое удовлетворение.

Всё же — какая невероятная девочка...

Настя дождалась, пока папа с Борисом уедут, а потом села на свою кровать и достала мобильный телефон.

Накануне она долго не спала, всё думала и никак не могла решиться. Да и сейчас тоже... страшно. Даже стрёмно.

Она знала, как подобное не любит папа. Ну вот просто терпеть не может любое вмешательство в свою жизнь. Но блин, мачеха — это уж слишком. Это ведь и Настина жизнь тоже, получается. Ксюшка, конечно, ничего так. Она Насте даже нравилась — хорошая, добрая, весёлая. Но мачеха?!

И всё-таки стрёмно до невероятности. Если папа узнает — реально может уши надрать. И это в лучшем случае! В придумывании наказаний он мастер...

А если не звонить, а попросить, например, Романа помочь? Вдруг он... Нет, глупость! Роман в жизни против её отца не пойдёт. И сразу на Настю донесёт. Он всегда и всё ему рассказывал.

Ладно. Хватить метаться.

— Кто не рискует, тот не пьёт пепси-колу, — пробормотала Настя, набирая номер брата на своём айфоне со стразами.

Гудки шли долго, даже очень долго. Но потом трубку всё же сняли.

— Кого я слышу?! Сестрёнка! Чего это ты вдруг меня вспомнила?

Голос Андрея был полон ехидства, и Настя чуть поморщилась.

Их с братом никогда не связывала большая любовь, и последний раз они общались Восьмого марта. Он сам позвонил, чтобы её с праздником поздравить. И денег у отца заодно попросить, как же без этого.

— Да вот вспомнила. Привет, Андрейка.

Зря она его так назвала...

— Только давай без Андреек. Хотела чего? А то у меня тут... дела, в общем.

— Хотела, — Настя вздохнула, окончательно решаясь. — Помощь мне твоя нужна. У меня тут... мачеха нарисовывается. Отвадь её от отца, а?

Брат молчал несколько секунд, а затем хмыкнул и заржал.

— Ну ты даёшь, Настёна! Да батя меня потом со свету сживёт, в асфальт закатает. Я сам себе враг, что ли?

— Ну пожаааалуйста! Она красивая...

— Да будь она хоть тысячу раз королевой красоты и мисс Вселенной — нет! Связываться еще с батей... Себе дороже...

— Она очень красивая, Андрей, ну вот честно!!!

— Настя, блин!

— Ну пожалуйстааааа!!!

— Всё! — рывкнул брат. — Хватит пургу нести. Отбой, Настёна! Как эта бредовая идея из твоей башки вылетит — звони.

И бросил трубку.

Настя чуть от досады не расплакалась. Ну ничего-о-о!.. Посмотрим, как ты запоёшь, когда фотку Ксюшкину увидишь...

Как же хорошо, что пятница. Сегодня ещё Стася возвращается, но Ксюша ей пока звонить не будет, чтобы не мешать им с Сашкой выяснять отношения. А в том, что друзья их активно выясняют, она даже и не сомневалась.

Ей самой, наверное, тоже следовало бы выяснить отношения. Загрузить Игоря вопросами в стиле «кто я для тебя» и «как ты видишь наше будущее», но... Ксюша не видела смысла в подобном. Во-первых, он наверняка выкрутится с ответами — Игорь это умеет — а во-вторых... Он ведь предупреждал её однажды. Тогда, в ванной. Не нужно задавать вопросы, на которые знаешь ответ.

В пять часов вечера от Игоря пришло смс-сообщение.

«Ксения, я всё-таки немного задержусь. Спускайся вниз сразу, как закончится рабочий день, тебя встретит Роман и отведёт к нам. Пожалуйста, поужинай, не сиди голодной».

«А как же вы?»

Чуть не напечатала «ты»... Пора заканчивать этот цирк, но почему-то, когда Ксюша называла Игоря на «ты», её накрывало смущением. Надо с ним об этом поговорить...

«Я попозже поем, не волнуйся».

«Тогда я с вами».

Телефон молчал минуты две, но потом всё же пиликнул.

«Ладно, девочка».

Ничего себе. Согласился... Впрочем, наивной Ксюша не была, поэтому понимала — если бы Игорь хотел, он бы её уговорил. Видимо, не так уж и хочет, рассчитывая поужинать

вместе.

Интересно, куда он поведёт их с Настей? Она даже представить не могла, что он опять придумал...

Суровый Роман действительно ждал Ксюшу внизу, в холле первого этажа. Опять камуфляжные штаны, футболка цвета хаки, обтягивающая внушительный торс, и синие глаза с пушистыми ресницами — как насмешка над его остальной брутальностью.

— Добрый вечер, — поздоровалась она с охранником, и тот кивнул.

— Добрый, Ксения.

Всё время, пока они добирались до квартиры Игоря, охранник молчал, а Ксюша к разговорам и не стремилась. И вообще она уже начинала ценить прелесть характера этого человека. Роман держался в стороне и молчал — вот бы все мужчины так себя вели!

Дома была только Настя, которая сразу же потащила их на кухню, сверкая хитрой улыбочкой.

— Папа сказал — надо поужинать! Но не уточнил, чем! Мороженое будете?

Ксюша засмеялась, а Роман фыркнул.

— Игорь Андреевич тебе за такое попу надерёт, Настя.

— А он не узнает!

— Ну конечно.

— Не узнает! Точно-точно! Ты же не скажешь, да? И ты, Ксюш?!

— Мы-то, может, и не скажем, — протянула девушка. — Но ему достаточно будет посмотреть в морозилку, чтобы понять, что количество мороженого резко уменьшилось.

— А я скажу, что это вы с Романом съели, а я не ела!

Охранник загоготал, кажется, слегка обидев этим Настю. А Ксюша поначалу даже онемела, но потом всё же ответила, фыркнув:

— Твой папа вряд ли поверит в подобное. Даже если мы будем измазаны мороженым, а ты нет.

— Хорошая идея, — усмехнулся Роман, а Настя засмеялась.

— Ладно, я просто пошутила. Папа сказал, что ты, Ксюш, с ним потом поешь, так что Люсины труды пропадают втуне. А ты не хочешь, Ром? Там такая запеканка... С бараниной!

— Ну если с бараниной, то можно, — ответил парень, кинув быстрый взгляд на Ксюшу. — Но один я есть не буду. Ксения, вы точно не хотите?

— Точно, — кивнула она. — Но я не отказалась бы от чая.

— С мороженым! — тут же загорелась Настя. Вот любительница! Впрочем, Ксюша тоже любила мороженое.

— Можно с мороженым. Только немножко! А то твой папа будет сердиться.

— Ура! — воскликнула девочка и метнулась к холодильнику.

Игорь пришёл минут через сорок, как раз когда все уже доедали мороженое, а Настя вообще начинала мечтательно вздыхать, явно планируя вторую порцию. Но появление отца спугало ей все карты.

А Ксюша, поначалу радостно вспыхнувшая при виде Игоря, тут же насторожилась — вместе с ним на кухню вошёл и Борис. Сейчас еще извиняться будет...

И точно.

Шофёр сразу подошёл к ней и сказал с серьёзным покаянием:

— Добрый вечер, Ксения. Извините меня за вчерашнее. Я был не прав, погорячился.

Краем глаза Ксюша заметила, как Роман поперхнулся ложкой, удивлённо поглядев на

Бориса. Видимо, о случившемся охранник не знал.

— Я понимаю, — ответила она прохладно, отводя глаза. Ксюша не сердилась, но ей всё равно было неприятно. Ещё и оттого, что она не слишком-то верила в искренность извинений этого человека. Попробуй не извинись, когда этого работодатель требует! — Ничего страшного.

Шофёр наконец отошёл, и рядом с Ксюшей встал Игорь. Она подняла голову и улыбнулась ему. Ей очень хотелось сказать, что она соскучилась, но Ксюша постеснялась делать это при остальных.

— Борис, на сегодня ты свободен, — произнёс Игорь, с теплотой глядя ей в глаза. — До завтра. Роман, ты мне пока нужен.

Шофёр попрощался со всеми и ушёл, а Игорь продолжал, по-прежнему не отрывая взгляда от Ксюши:

— Мы вчетвером сейчас кое-куда пойдём. Это ненадолго, часа на два. Все готовы, или кому-то что-то нужно сделать?

— Да! — воскликнула Настя, вскакивая со стула. — Подожди, пап, я переоденусь и телефон возьму!

Зачем девочке переодеваться, Ксюша не поняла — одета Настя была вполне нормально. Но у подростков свои причуды.

— А куда мы пойдём? — спросила Ксюша, когда Настя скрылась за дверью кухни. И сразу же начала краснеть, потому что Игорь взял ладонь девушки в свои руки и стал с явным удовольствием гладить её пальцы.

— В боулинг, Ксения. Играла когда-нибудь?

— Да, — кивнула Ксюша. — Давно только. Помню, что получалось у меня плохо.

— Ничего, — улыбнулся Игорь. — Я тебя немного поучу, может, будет лучше получаться.

Его ладони творили с её рукой такое, что Ксюша начала млеть и растекаться по стулу, непроизвольно прикусив губу. А когда Игорь с потемневшими глазами сделал шаг вперёд, наклоняясь к её лицу, и вовсе приоткрыла губы, совершенно забыв о том, где и в чьём обществе находится.

Но рядом кашлянул Роман, и Ксюша вздрогнула, моментально краснея и едва не свалившись со стула. Игорь подхватил девушку и недовольно покосился на охранника.

— Извините, — сказал тот невозмутимо, и Ксюша подумала, что Игорь сейчас возмутится, но он, наоборот, рассмеялся.

— Ничего, Роман. Нечасто ты меня видел в таком состоянии, верно?

Охранник кивнул.

— Страшное зрелище?

— Скорее, удивительное. — Роман немного подумал и добавил: — Но я вас понимаю.

Лицо Игоря внезапно ожесточилось, а его рука, лежавшая на Ксюшином плече, чуть сжалась. Он ничего не сказал, но охранник почему-то отвёл глаза и пробормотал:

— Извините, Игорь Андреевич.

В этот момент на кухню вбежала переодевшаяся Настя с розовой сумочкой, покрытой стразиками, через плечо.

— Всё, я готова! — заявила она и осеклась. — А что тут...

«Что тут?» О, Ксюша хорошо понимала, что тут, и ей было немного смешно от этого понимания.

— Всё хорошо, — ответил Игорь, улыбаясь дочери уже вполне легко и непринуждённо. — Идёмте.

Ксюше очень хотелось его подколоть, поэтому она, встав со стула, приподнялась на цыпочках и прошептала мужчине на ухо:

— А ты ревнивый.

И тут же смутилась. Опять это «ты»!

Игорь усмехнулся и, наклонившись, негромко сказал, касаясь губами щеки девушки:

— Даже не представляешь, насколько.

В боулинге Игорь заказал одну дорожку, чтобы играть по очереди, и сразу попросил меню, явно?амереваясь заодно и поужинать за игрой.

— Делимся на две команды... — начал он говорить, когда они зашли в игровой зал, но Настя его перебила:

— А как делимся?

— А ты не перебивай, а слушай. Мы с Романом играем хорошо, а вы с Ксенией — плохо. Значит, кто-то из вас со мной, а кто-то — с ним.

Логично.

— Я хочу с тобой! — сразу заявила Настя, и Ксюша её поддержала:

— Да, можно так — вы с папой против нас с Романом.

Игорь, кажется, был не очень этим доволен, но всё же кивнул, погружаясь в меню, и Ксюша вновь решила его подколоть.

— Вы слишком голодны, чтобы спорить? — засмеялась она, и услышала, как охранник тихо хмыкнул.

— И это тоже, — Игорь поднял глаза от меню и лукаво улыбнулся. — А ты не ехидничай, а лучше выбери себе что-нибудь поесть. Или я выберу за тебя.

— Вы же в прошлый раз говорили, что не станете этого делать, потому что мне подобное не понравится, — удивилась Ксюша.

— А я передумал.

Ответить она не успела — Настя, добравшаяся до странички с десертами в меню, мечтательно вздохнула и протянула:

— Пап, а можно мне...

— Нельзя.

— Но... я ведь еще не сказала!

— Ты подумала.

— И про что же? — надулась девочка.

— Про мороженое.

Настя надулась сильнее.

— Всё-то ты знаешь!

— Не всё, — возразил Игорь, обмениваясь с Ксюшей весёлыми взглядами. — Но многое.

Пришлось его дочери заказывать себе салат и стейк с кровью. Ксюша ограничилась салатом — после мороженого есть не хотелось — а Роман заказал себе только картошку фри, изрядно удивив этим девушку.

— Я думала, человек вроде вас не ест подобные вещи, — сказала она тихо, когда Игорь ушёл в первый раз бросать шар.

— Почему? — поинтересовался Роман, обмакивая ломтик картошки в сырный соус.

— Ну вы же охранник, всегда должны быть в форме. И, собственно, вы в форме и есть.

— Игорь Андреевич тоже в форме, — чуть усмехнулся Роман. — Вы ведь видели его, я извиняюсь, без костюма? Он любому охраннику фору даст. А ест всё подряд. Правда, он и в спортзал ходит три раза в неделю.

— Когда успевает только... — пробормотала Ксюша, косясь на Игоря, выбившего страйк. Естественно, а что еще он мог выбить?.. — А вы хорошо играете в боулинг, Роман?

Охранник тоже посмотрел на результат своего начальника и хмыкнул.

— Хорошо. Но увы, Игоря Андреевича мне не переиграть.

Ксюше показалось, что в этот момент Роман говорил совсем не о боулинге, а просто о самой жизни.

— Не переживайте, мне то?е. Ничего страшного, проиграем с достоинством.

Охранник посмотрел на неё с намёком и негромко сказал:

— Проиграть с достоинством — это удачное стечение обстоятельств. А неудачное — полнейшее закатывание в асфальт.

— А вы философ, как я посмотрю, — Ксюша улыбнулась. — Любите рассуждать о нематериальном, делать выводы и давать советы.

— Я не даю вам советов. Я...

— Ксения! Твоя очередь, — крикнул Игорь от дорожки, и девушка, так и не дослушав Романа, встала из-за стола и поспешила туда.

В целом получилось весело. Они с Романом, разумеется, проиграли, и даже не один раз, а целых три, к неудовольствию охранника. Он, конечно, старательно скрывал свои чувства, но Ксюша видела, насколько ему хотелось победить Игоря. Как будто от этого что-то зависело, ей-богу.

А Настя весь вечер бегала вокруг и всех фотографировала телефоном, словно одержимая. Особенно Ксюшу, причём не просто щёлкала, а просила улыбнуться, принять позу — с шаром, без шара, на диване, стоя или как-нибудь по-особенному изогнувшись. Ксюша не возражала — ну хочет ребёнок поиграться, пусть... С неё ведь не убудет.

Спустя два часа Игорь сказал, что пора закругляться, и пока Настя бегала в туалет, заявив, что не дотерпит до дома, тихо спросил у Ксюши:

— Тебе заказать такси, девочка? Или ты останешься?

Она молчала несколько секунд, анализируя саму себя. И поняла, что ответ может быть лишь один.

— Останусь.

— Я рад, — улыбнулся Игорь, и глаза его торжествующе сверкнули.

Ни в какой туалет Настя, естественно, не хотела. Да и даже если бы хотела — неужели нельзя потерпеть до дома? Идти же минут пятнадцать от силы.

Просто она послала Андрею сообщение с фотографией Ксюши ещё в начале вечера, и теперь телефон разрывался от звонков и смсок с требованием немедленно перезвонить.

Сильно ему крышу сорвало... Неужели Ксюша так впечатлила? Вот была бы удача!

— Настёна, — процедил Андрей в трубку, как только она набрала номер брата, — я надеюсь, это всё не какая-то шутка, устроенная батей? Если так, я тебе самолично уши надеру за враньё.

— Шутка, устроенная батей? — протянула Настя с недоумением. — Нет. Ты о чём

вообще?

Андрей помолчал.

— Хочешь сказать, он ничего не знает? Интересно... Хотя... Ожидаемо. Короче, приеду я. Но только во вторник получится, не раньше.

Настя взвизгнула от восторга.

— Ура! Отобьёшь её, да?!

— Посмотрим, — ответил брат, и от тона его голоса по Настинной коже почему-то побежали мурашки.

Несмотря на своё решение, Ксюша немного нервничала, поэтому поначалу убежала в ванную, да так быстро, что забыла попросить у Игоря какую-нибудь одежду на ночь. И теперь стояла посреди огромной ванной в одних трусах и лифчике, раздумывая, что делать.

В дверь вдруг постучали.

— Ксения, это я, — раздался спокойный голос Игоря. — Я тебе свою футболку принёс.

Какой же он догадливый...

Ксюша открыла дверь и высунула наружу руку, сама при этом скрываясь за створкой. Но вместо того, чтобы ощутить мягкость ткани, её ладонь ощутила горячие мужские губы, осыпающие поцелуями дрогнувшие пальцы.

Ксюша так растерялась от неожиданности, что даже не сопротивлялась, когда Игорь, чуть сильнее приоткрыв дверь, вошёл в ванную, захлопнул за собой дверь, а потом, продолжая целовать руку девушки, одновременно притянул её ближе, чтобы секундой спустя захватить в плен губы.

— Хитренькая, спрятаться решила, — прошептал Игорь, поглаживая нетерпеливо ноющую грудь Ксюши тёплой ладонью. — Не стыдно?

— Нет, — ответила Ксюша, прижимаясь к нему крепче и поднимая руки, чтобы обнять Игоря за шею. И всхлипнула, когда он углубил поцелуй, словно стремясь выпить её без остатка, требовательно сжимая ягодицы девушки.

Ксюшу вновь будто бы стихией подхватило и понесло куда-то, где не существовало ни сомнений, ни боли, ни горестей — одно только беспечное счастье и обжигающее удовольствие, текущее по венам.

Она даже не заметила, как оказалась без бюстгалтера, а Игорь наклонился, осыпая страстными поцелуями её грудь, уделяя особенное внимание соскам. Но когда Ксюша уже была готова отдаться ему здесь, в ванной, он отстранился и, улыбнувшись, сделал шаг назад.

— Я пойду, моя невероятная девочка. И ты приходи, как помоешься.

— Издеваетесь... — выдохнула Ксюша, собирая все силы, чтобы не плюхнуться на пол — так размягчело, расслабилось тело.

— Немного, — кивнул Игорь. — Но я исправлюсь, Ксения. Просто я не хочу брать тебя по-быстрому, а здесь иначе не получится. Я хочу насладиться тобой.

Она сглотнула, вспыхивая от смущения и возбуждения одновременно.

— Футболка вот, — Игорь кивнул на пространство возле раковины. — Не забудь переодеться.

— Не забуду, — чуть улыбнулась Ксюша. — А я даже не заметила, когда вы её туда положили...

— Тебе было не до того, — подмигнул он, выходя из ванной.

Железная воля. Смог остановиться... а вот Ксюша на его месте не смогла бы.

Зайдя через пятнадцать минут в комнату Игоря уже в его футболке, Ксюша обнаружила, что он стоит возле окна и смотрит на вечерний город, ничуть не смущаясь своего внешнего вида — на нём были одни только трусы.

Впрочем, чего смущаться? 54 этаж, снизу никто не разглядит.

Он обернулся, заслышав Ксюшины шаги, и улыбнулся, разглядывая её с головы до ног.

— Тебе идёт.

— Угу. И я уже почти научилась ориентироваться в вашей квартире. Смогла дойти до этой комнаты, ни разу не заблудившись.

— Это прекрасно, — кивнул Игорь. — Иди-ка сюда, девочка.

Ксюша неуверенно приблизилась, и он обнял её, развернувшись вместе с ней лицом к окну. Горячие губы заскользили по шее, и Ксюша, закрыв глаза от удовольствия, тихо сказала:

— Я хотела с вами поговорить.

— Поговорить? — протянул Игорь, одной рукой поглаживая живот девушки, а другую запуская в её волосы, перебирая пряди. — Конечно. О чём?

Она вздохнула.

— Вы же заметили наверняка, не могли не заметить. Я сбиваюсь... постоянно сбиваюсь с тех пор, как...

— Вот ты о чём. Да, я заметил.

— Ну... вот. И я подумала: а вам-то как больше нравится? Вы говорили, что моё выканье вас возбуждает, и может...

— Ксения, — Игорь рассмеялся, — я пошутил тогда. Конечно, я хочу, чтобы ты начала говорить мне «ты».

— И вы никак не комментировали, когда я сбивалась.

— А как я должен был комментировать? Ты постепенно перестраиваешься, но настолько смущаешься, что любая насмешка или подколка на этот счёт отправит тебя на десять шагов назад. Поэтому я просто ждал. И видишь — дождался, ты сама об этом заговорила.

Ксюша закусила губу.

— Я не уверена, что смогу...

— Ничего. Привыкнешь. Это ведь не сложно. Скажи мне что-нибудь, обратившись на «ты».

— Что сказать?

— Что хочешь.

— М-м-м... У тебя горячие руки.

Игорь засмеялся, и его ладонь, лежавшая на Ксюшином животе, поползла вниз.

— Да я весь горячий, когда ты рядом, девочка. Ещё что-нибудь скажи.

Теперь ладонь ласкала венерин холмик, заставляя Ксюшу чуть вздрагивать от каждого движения.

— Мне нравится, когда ты меня целуешь.

— Так-так. Ещё.

Что же ещё сказать... Рискнуть?..

— Мне нравится, когда ты во мне.

Игорь на мгновение замер, а затем, прерывисто выдохнув, молча потянул Ксюшу от

окна к кровати. Положил на постель и крепко, страстно поцеловал, раздвигая податливые губы и требовательно врываясь в глубину рта девушки.

— Я сошёл с ума, не иначе, — прошептал Игорь, и она, улыбнувшись и запустив пальцы в его волосы, простонала:

— Не ты один.

Это правда было безумием. Оно текло по венам и артериям вместо крови, выжигая любые мысли, кроме одной. Жажда обладания застилала глаза, и руки, ласкающие тело, дрожали от нетерпения. И губы горели от поцелуев, и грудь ныла от прикосновений, и всё, о чём только можно было думать — скорее... резче... глубже...

Ксюша опять кричала, а Игорь зажимал ей рот, даже не морщась, когда она кусала его за пальцы, и шептал:

— Громкая... Какая же ты громкая... И моя... девочка...

Он вколачивался внутрь неё, ощущая, как с каждым движением его словно молния пронзает, ломая волю, заставляя дышать чаще и желать большего. И эта женщина, сводящая с ума своей открытостью и честным прямым взглядом, с великолепным манящим телом, выгибалась под ним от наслаждения, и не было в эти моменты между ними никаких преград. Только жгучая и немного болезненная страсть.

Удовольствие хлынуло сплошным потоком, захватывая в плен их обоих, и Игорь упал на Ксюшу, на секунду потеряв контроль над собой. Вскрикнул и задрожал, целуя её губы и ощущая, как расслабляется тело, наконец получив разрядку.

— Я кое-что забыл, — прошептал о? минуты через две. — А ведь собирался спросить... Ты подумала о том, что предпочитаешь — презервативы или таблетки?

Он лениво провёл рукой по чуть влажной коже девушки, дотронулся до щеки — и вздрогнул, встретив по-прежнему честный и прямой взгляд.

— Можно я отвечу «ничего»?

Игорь на секунду застыл, а потом почувствовал колоссальное облегчение — словно вторым оргазмом накрыло.

— Можно.

— Ты... не против?

— Нет. Не против.

Ксюша улыбнулась, подняла руки и взяла в ладони его лицо.

— Мне очень хочется иметь от тебя детей. Я не буду ничего требовать и...

— Ксения... Я уже не в том возрасте, чтобы бояться ответственности. Да и ты будешь прекрасной матерью.

— Вы... ты думаешь?

— Я уверен, — он погладил её по щеке. — А теперь давай спать, девочка. Завтра никому на работу не надо, и это прекрасно.

— Мне надо домой. Скай покормить. Я ей вообще утром оставила нектар, но мало ли...

— Хорошо. Я тебя отвезу.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Ксюша и быстро чмокнула Игоря в губы, заставив его улыбнуться.

Когда Ксения уснула, Игорь осторожно встал и пошёл в ванную, сам толком не понимая, зачем.

Там умылся прохладной водой, вытерся полотенцем и, посмотрев на себя в огромное зеркало, усмехнулся.

Мысль, не совсем оформившаяся в нём чуть ранее, полностью осозналась, как только Ксения сказала: «Можно, я отвечу ‘ничего’?»

Ухаживая за девушкой в самом начале, Игорь думал, что отпустит её, если она сама захочет. Или если надоеет ему, что в принципе маловероятно — с чего вдруг может надоесть красивая и абсолютно не требующая внимания девушка? Да и он не в том возрасте, чтобы менять себе любовниц каждый месяц просто из спортивного интереса.

И вот оно, то самое, что казалось Игорю ложью чуть ранее. Он ведь на самом деле собирался отпустить Ксению. Но сегодня, когда она сказала «Можно, я отвечу ‘ничего’?», неожиданно понял, что никуда не хочет её отпускать. И делиться с кем-то этим чудом, что пришло в его жизнь, не требуя взамен ни денег, ни чего-либо еще — тоже.

А дети — лучший способ привязать женщину к себе. Тогда она уж точно никуда не уйдёт... И Виталикам всяким перестанет быть нужна. Хотя это не факт, конечно.

Нет. Решено. Он её не отпустит.

Кажется, то, что начиналось, как забавная игра, теперь перестало ею быть.

Просыпаться в объятиях Игоря было невероятно сладко. Вдыхая, поворачиваться к нему лицом, прижиматься губами к щеке, нежно поглаживать плечи, перебирать пряди волос. И наклоняться, вдыхая уже такой знакомый аромат его тела возле шеи.

Ксюша никак не могла понять, что этот запах ей напоминает, и только сейчас вдруг вспомнила. Он был похож на аромат тёплого хлеба, от которого они с папой обязательно отламывали горбушку, когда шли домой по дороге из булочной. Мама потом ругалась, а папа смеялся и говорил, что не может удержаться... И Ксюша тоже не могла.

И сейчас не смогла — наклонилась еще ниже и лизнула Игоря в шею.

Он вздрогнул, просыпаясь. Несколько секунд смотрел на неё с удивлением, а затем улыбнулся и сказал хриплым после сна голосом:

— Доброе утро, Ксения.

— Доброе, — прошептала она, прижимаясь к Игорю крепче. Потёрлась о его тело и довольно сощурилась, ощутив реакцию. Но мужчина, в отличие от неё, был в трусах, и Ксюша засопела, опуская руку вниз и пытаясь его от них избавить.

— Девочка, — засмеялся Игорь, перехватывая её ладонь, — ты вошла во вкус, как я посмотрю. Но давай лучше вечером. Иначе я совсем перестану соображать и весь день проведу с тобой в постели. А у меня на сегодня планы.

— Какие? — спросила Ксюша с интересом.

— Пока не скажу.

— Ну-у-у... Так нечестно.

Игорь хмыкнул, поглаживая девушку по спине и разглядывая её лицо.

— У тебя не проколоты уши, Ксения.

— Да, — она кивнула, чуть насторожившись: зная Игоря, он наверняка придумывает очередной подарок. — И я теперь уже не хочу их прокалывать. Привыкла. И не надо меня уговаривать!

— Не буду, — засмеялся он. — Просто учту на будущее.

— На какое ещё будущее? — протянула Ксюша с подозрением. — Мир и покой — вот

единственное будущее моих ушей. И никаких дырок!

— Хорошо, — согласился Игорь поразительно покладисто. — Как скажешь, девочка.

И ведь всё равно сделает так, как сам захочет. И так, чтобы Ксюша согласилась добровольно.

Стратег...

Ладони Игоря между тем переместились ниже и начали поглаживать ягодицы девушки, и Ксюша, стараясь удержать утекающие мысли, спросила то, что давно хотела спросить:

— А зачем ты спрашивал, сколько у меня было мужчин? Помнишь, тогда, в машине?

— Помню. — Одна ладонь легла на грудь, и Ксюша выгнулась, принимая ласку. — Хотел проверить, угадал ли количество партнеров. Угадал.

— И... всё?

— Нет. Ещё понять, боишься ли ты близости так же, как и отношений. Если бы ты ответила, что у тебя было два партнера, это значило бы, что ты пережила неудачу первого опыта.

Да уж... «неудача»...

— А так как партнер был один... Я сделал вывод, что мне нужно набраться терпения. И не торопить тебя.

— Ага, — Ксюша ехидно фыркнула. — Не торопил.

Игорь чуть шлёпнул её по попе, и девушка ойкнула от неожиданности, глядя на него с возмущением.

— Что? Я ведь говорил — отшлёпаю.

— То есть, это месть? — улыбнулась Ксюша. — Тогда я тоже сейчас отомщу.

Она изо всех сил толкнула Игоря, заставив его лечь на спину, и опустилась сверху, вновь попытавшись стянуть с него трусы. Но он, конечно, был проворнее, и перехватил её ладони.

— Ксения! — засмеялся мужчина, целуя Ксюшины руки, пока она сама всем телом тёрлась о него, пытаясь стянуть мешающий ей клочок ткани. — Я же сказал — вечером.

— Диктатор ты! — вздохнула она и чуть взвизгнула, когда Игорь подмял её под себя, подняв её ладони над головой и прижав их к простыне.

— Нужно уметь ждать, девочка, — горячие губы скользнули по щеке. — Тогда удовольствие будет слаще.

— Игорь...

— Тссс. Всё. Молчи.

Она и не могла говорить. Как говорить, если рот занят ответом на поцелуй?..

Но трусы Игорь так и не снял. Вредина! Ничего, она вечером отыграется.

За завтраком Ксюша познакомилась с женой Бориса Люсей, которая, увидев девушку, слегка смутилась. Видимо, шофёр рассказал ей о случившемся, и теперь кухарке было неловко. Ну и зря — уж она-то точно тут ни при чём.

Настя после завтрака собиралась на танцы, отвезти её должен был Борис. А Игорь собирался поехать на такси вместе с Ксюшей.

— Да мне только бабочку покормить, — возразила девушка. — Зачем тебе мотаться?

Все присутствующие старательно делали вид, что не замечают обращения к Игорю на «ты», даже кухарка отводила глаза. Но если Борис и Люся при этом выглядели безучастно, то Настя — раздосадованно. Странно, с чего бы?

— А я тоже хочу покормить бабочку. А потом у меня на тебя планы, я же говорил.

Ксюша почувствовала, что краснеет. Нет, Игорь сказал это совершенно спокойно, без всяких намёков в голосе, но ей всё равно было неловко. И появилось ощущение, будто она его вещь.

Глупо. И даже немного стыдно так думать о человеке, который не сделал Ксюше ничего плохого.

— Ладно. Поедем вместе, — вздохнула она. Игорь улыбнулся, наклонился над её ухом и прошептал настолько тихо, что Ксюша даже с трудом услышала:

— Не вредничай. Тебе ведь самой не хочется со мной расставаться.

Она фыркнула и закатила глаза.

— Ты всегда знаешь, что сказать...

Когда Ксюша с папой ушли, Настя направилась в свою комнату и сразу набрала номер брата. Долго слушала протяжные гудки, а потом в трубке раздался крайне недовольный голос Андрея:

— Настёна, ты же знаешь, что я сова, а не жаворонок, как вы с бате́й. Впрочем, батя вообще у нас какая-то йопнутая птица. Ложится поздно, встаёт рано...

— Ты ещё спишь, что ли?

— Уже нет. Короче, чего случилось?

Девочка вздохнула и нахмурилась.

— Ты точно раньше вторника не приедешь? А то она папу сегодня на «ты» начала называть...

— Нет, не приеду. У друга днюха завтра, в понедельник я буду нетрезв, так что только во вторник жди. Слушай, — Андрей хмыкнул, — а батя... Он её пока окучивает или уже?..

Настя сильнее нахмурилась.

— Если я правильно поняла, что ты имеешь в виду, то ответ будет «уже». Ксюша у нас сегодня ночевала.

— Вот как... — протянул брат. — Это усложняет дело.

— А теперь ты что имеешь в виду?

— Неважно. Мне надо с этой... Ксюшей встретиться. Без бати, Настя. Организуешь?

Она аж села.

— Как?!

— Да как хочешь, — протянул Андрей. — Ты же у нас главное заинтересованное лицо. Вот и подумай, как.

Настя обиженно засопела.

— Мог бы и подсказать что-нибудь, ты всё-таки старший!

— А при чём здесь это? Я с вами не живу, порядков ваших не знаю, с... Ксюшей этой не общаюсь. Как я тебе могу что-то подсказать?

— Так давай я тебе расскажу про порядки!

Андрей немного помолчал, но всё же согласился.

— Ладно, Настёна. Рассказывай. А я подумаю. До вторника время еще есть.

Насте, наоборот, казалось, что время стремительно утекает сквозь пальцы. И совсем скоро станет слишком поздно.

А еще девочку до тёмных кругов в глазах грызла совесть. Ведь Настя давно не видела папу таким счастливым, спокойным и умиротворённым. Он обычно был слегка раздражённым и страшно уставшим, а теперь будто бы посветлел лицом. И в глазах блеск появился...

Так, может быть... Нет! Нет, нет, и еще раз — нет!

Никаких мачех!

Игорь заказал такси, и уже в машине Ксюша, придвинувшись как можно ближе к нему, прошептала:

— Знаешь, я только сейчас сообразила, что Настя меня не один раз обманула, а целых

два.

— Да? Когда? — Игорь чуть нахмурился.

— А когда я к вам пришла впервые, — засмеялась Ксюша. — Она ведь соврала, что тебя не будет дома и заманила меня в гости, интриганка. Почему-то раньше я об этом не думала, только сегодня утром осознала.

— Интриганка, — кивнул Игорь. — И этим она пошла в меня, а не в Веронику.

— Твоя жена была другой?

— Да. Спокойной, не склонной к авантюрам и интригам.

— Я... на неё похожа? — спросила Ксюша осторожно, и он улыбнулся.

— Нет, Ксения. Что-то общее, наверное, есть, но не больше, чем между тобой и Настей. Она промолчала, сгорая от любопытства узнать еще что-нибудь. И совсем немного — от ревности. Всё же эту женщину Игорь любил, в отличие от Ксюши.

И она решила сменить тему.

— А какие кошки тебе нравятся?

— Что? — он удивился.

— Ну кошки. Настя просила котёнка, ты отказывал, и я предположила, что ты не любишь кошек. Но ты сказал, что любишь. А каких?

— Хм, — Игорь хитро на неё посмотрел. — А угадай.

— Сфинксов? — предположила девушка сразу, кажется, изрядно удивив его этим. — Просто ты любишь всё... не совсем обычное. Поэтому, я думаю, и сфинксы тебе нравятся.

— Нравятся, — кивнул Игорь. — Они словно с другой планеты. Но у кошки всё же должна быть шерсть, Ксения. Поэтому больше всего я люблю мейн-кунов. Там и шерсть, и размер, и характер. Их с другими кошками не спутаешь. Ну а ты?

— Только не дари мне никого, — на всякий случай сказала она сразу, смеясь, — Инна Васильевна не хочет ни кошек, ни собак. А я... В общем, мне обычные дворцовые коты нравятся. И собаки тоже — дворняжки. Они всегда казались мне самыми красивыми, потому что они похожи на настоящих животных, а не на картинку с календаря про кошек и собак. А ещё они умные и дольше живут.

Игорь смотрел на неё несколько секунд, а после привлёк к себе, будто бы забыв, что они в такси.

Да и Ксюша забыла. Прижалась и закрыла глаза, ощущая, как под её ладонями бьётся сердце этого мужчины.

Он ничего не сказал, но Ксюша и так поняла, почему Игорь её обнял.

Ведь на самом деле самым главным был последний пункт. Дольше живут. Потеряв того, кого любишь, начинаешь ценить подобное намного больше, чем длину шерсти или наличие кисточек на ушах.

— Может, ты всё-таки купишь Насте котёнка? — спросила Ксюша, поднимая голову. — Она ведь очень хочет. И веселее ей будет, пока ты на работе.

— Давай поговорим об этом чуть позже, хорошо? — произнёс Игорь мягко, погладив девушку по щеке. — Я выслушаю все твои доводы, а ты — мои.

— Ладно, — фыркнула Ксюша, вновь опуская голову и прижимаясь к его груди. Ну точно ведь что-то задумал!

Со Скай всё было в порядке. Она беспечно порхала по комнате, и Ксюша налила ей ещё нектара в крышечку, а затем, хмурясь, огляделась по сторонам. Инна Васильевна в следующую среду возвращается, надо бы прибраться...

— У меня в понедельник и вторник тяжёлые рабочие дни, — произнёс Игорь, стоя в дверях Ксюшиной комнаты и наблюдая за ней. — Я буду приходить очень поздно и уходить безумно рано. Я вижу, что тебя беспокоит. Займись своими делами, пока я занимаюсь своими.

Ксюша немного напряглась, ожидая, что он скажет: а лучше переезжай ко мне, или давай я тебе другую квартиру сниму. Но Игорь так не сказал, только улыбнулся и качнул головой, подходя ближе и обнимая девушку.

— Может, возьмёшь с собой какие-нибудь вещи, Ксения? Я не заставляю тебя переезжать ко мне, но если ты будешь ночевать у меня, тебе может что-нибудь понадобиться.

— Нет. В смысле, ночевать буду, но вещи... У меня ничего лишнего нет. Если я к тебе что-то перевезу, мне здесь потом не хватит.

— Ясно, — тихо сказал Игорь, прижимаясь к Ксюше сзади всем телом и легко поглаживая её плечи. — Раз нет ничего лишнего, нужно купить это лишнее. Ты согласна, девочка?

— А-а-а, — ей вдруг стало смешно, — теперь я поняла, что ты задумал.

— И что же? — усмехнулся Игорь, прикасаясь губами к её шее. Было так приятно, что Ксюша даже на секунду забыла, что хотела сказать.

— Одеть меня. Будешь отрицать?

— Не буду, — ответил он, разворачивая Ксюшу к себе лицом и целуя уже в губы. — И ты тоже не отрицай, девочка: тебе это нужно. Тебе необходимо иметь у меня дома ночную рубашку, какую-то одежду на смену, да и зубная щётка пригодится. Разве нет?

— И ты как всегда прав, — вздохнула Ксюша. — Но это не отменяет моего чувства неловкости.

Игорь обхватил ладонями её лицо, целуя теперь еще и щёки, и лоб, и вновь возвращаясь к губам. Казалось, что он не может оторваться.

— Не нужно так реагировать, Ксения. Это то, что я могу сделать для тебя, как твой мужчина.

У Ксюши от этих слов внутри всё сладко заныло.

— Мне хочется, чтобы тебе было проще и комфортнее. Думаешь, я буду рад видеть, насколько тебе неудобно оставаться у меня? Или как ты мучаешься, что тебе нечего надеть.

— Я понимаю, — она улыбнулась, тоже поднимая руки и обхватывая ладонями лицо Игоря. — Я всё понимаю. Просто... пока не привыкла. И не знаю, привыкну ли.

— И не привыкай. В этом твоя суть, Ксения. Моя невероятная девочка...

Ксюша хотела сказать, что никакая она не невероятная, всё как раз наоборот — это Игорь невероятный, — но не успела. Рот опять оказался занят.

Как же у него получается так целоваться, что она вообще обо всём забывает?..

Потом они действительно пошли в торговый центр, и Ксюша внутренне напряглась, ожидая, что Игорь сейчас начнёт уговаривать её на что-нибудь ненужное, но ошиблась. Он совершенно ни на чём не настаивал, позволяя ей выбирать самой. И спокойно принял то, что она купила самые дешёвые джинсы с простой футболкой, и не слишком дорогую ночную рубашку, и халат, и комплект белья на смену. Получилось очень экономно, Ксюша даже сама собой загордилась.

А ещё было немного стыдно признаться, но ей оказалось ужасно приятно, что Игорь носит за ней пакеты с покупками. Какое-то... немного первобытное чувство. Но самым

неожиданным было не это, а то, что Игорю, кажется, тоже было приятно носить за ней пакеты.

— Знаешь, я давно хотела у тебя спросить... — протянула Ксюша, усиленно отводя взгляд от потрясающего красного платья в одной из витрин. — Бомбочки...

— Что — бомбочки?

— Мне просто интересно: ты их сам покупал? Мужчины обычно не разбираются в подобном.

— Мужчины, может, и не разбираются, — усмехнулся Игорь. — А вот их дочери — очень даже. И мне пришлось научиться в этом разбираться, когда я решил сделать Насте подарок на прошлый день рождения. Я тогда зашёл в один магазин с этой ерундой, и две продавщицы мне все уши прожужжали, что да как.

— Понятно. Значит, мне надо благодарить Настю за то, что научила тебя в этом разбираться.

— Не только в этом, — Игорь поднял глаза на то самое красное платье в витрине. — Ксения... Я могу попросить тебя кое о чём?

— А чём? — вздохнула она, примерно понимая, что именно он сейчас будет просить.

— Хочу увидеть тебя в этом платье, — улыбнулся Игорь хитро. Да, она угадала.

— Зачем? Чтобы его потом мне купить?

Улыбка стала еще хитрее.

— Для начала просто посмотреть.

— Ну да, конечно... Но покупать не будем!

— Как скажешь, Ксения, — согласился Игорь и, наткнувшись на ироничный Ксюшин взгляд, рассмеялся.

В магазине их поначалу приняли за отца и дочь, и Ксюша слегка расстроилась. Это оказалось не особенно приятно. Потом, конечно, извинились, но легче не стало.

Зато стало легче, когда она это красное платье с витрины надела на себя. Юбка у него была до колена, эдаким колокольчиком, рукава длинные и небольшое декольте. С одной стороны — просто до невозможности, а с другой — очень стильно. Такое платье невероятно шло Ксюше.

Это же сказал Игорь, заходя в примерочную и помогая ей застегнуть молнию сзади.

— Великолепно, — улыбнулся он, погладив девушку по спине. — Просто потрясающе, Ксения. Я чуть не потерял дар речи.

— Ну нет, — засмеялась Ксюша. — Вот уж что ты никогда не потеряешь, так это дар речи.

— Возможно. Ну что, Ксения... Я посмотрел на тебя в этом платье, как мы и договаривались. Теперь можешь снимать.

Игорь явно старался говорить ровным голосом, но под конец всё же дрогнул и расплылся в ироничной ухмылке.

И вот тут-то Ксюша и осознала всю глубину его коварного плана. Легко отказаться от платья, которое висит на витрине, и тяжело — от платья, надетого на тебя. От совершенно восхитительного платья, и оно так ей шло...

Ну уж нет! Настолько легко она не сдастся.

— Хорошо, — протянула Ксюша хитро. — Расстёгивай.

Горячая рука легла на лопатки, погладила их... но молнию вниз не потянула. Наоборот, опустилась и начала, к удивлению Ксюши, задирает подол.

— У меня есть ещё один аргумент, девочка. А может быть, и два... Первый аргумент — у меня на пятницу билеты в театр, и я хотел бы увидеть тебя там в этом платье.

Наверное, она сошла с ума, когда чуть наклонилась и опёрлась руками о зеркало, одновременно с этим раздвигая ноги.

— А второй... — Нетерпеливые пальцы отодвинули в сторону трусики. Ксюша посмотрела в зеркало и задер?ала дыхание, поймав в отражении жаркий взгляд Игоря. — Сейчас покажу второй...

— Это же магазин... — шепнула она, заранее закусывая губу, чтобы не кричать.

— Магазин — подтвердил Игорь, лаская то место, что жаждало его сейчас больше всего на свете, а второй рукой расстёгивая брюки. — И всё, что нужно — соблюдать тишину... Понимаешь, о чём я?

— Да, — ответила Ксюша, одновременно с этим всхлипывая от резкого проникновения. Она по-прежнему не отрывала глаз от лица Игоря в отражении, и видела, насколько оно в этот момент изменилось, став более напряжённым и страстным. — Ещё...

Он усмехнулся, поудобнее обхватил ладонями бёдра девушки и задвигался, постепенно наращивая темп.

Ксюше было тесно и горячо. Каждое движение Игоря она ощущала, словно электрический разряд внутри своего тела. Резкий, порывистый и стремительный, он подчинял её себе, заставляя забывать обо всём. И если бы не его ладонь, накрывшая Ксюшины губы, она бы кричала... А так только всхлипывала и постанывала, если он заходил особенно глубоко, растягивая девушку до невозможности.

И оргазм был настолько мощным, что Ксюша едва не упала на пол, но Игорь вовремя подхватил. Помог ей достать из сумочки салфетки и тщательно вытереть все следы не совсем приличного поведения, а затем спросил:

— Ну что, берём платье?

— Издеваешься? — почти прохрипела Ксюша, с трудом держась на дрожащих ногах. — Я была согласна еще после первого аргумента, а вот второй меня окончательно добил.

— Замечательно, — засмеялся Игорь. — Тогда я буду чаще к нему прибегать.

Ксюша чуть покраснела, представив, как и в каких еще позах он будет к нему прибегать... и сразу же захотела попробовать.

Жаль только, что к каждому подобному «аргументу» по платью прилагается.

Несмотря на то, что Ксюша плоховато соображала после случившегося, она всё же вспомнила, что хотела узнать насчёт котёнка и, возможно, уговорить Игоря купить его для Насти. Но как только она об этом сказала, то услышала в ответ:

— А почему или зачем я должен его покупать, Ксения? Аргументируй мне это, девочка.

Ксюша усмехнулась, уже понимая — Игорь в очередной раз решил найти собственную выгоду. Такой человек, ка? он, просто не может прогадать.

Иногда её это немного пугало.

— Мне кажется, ты недооцениваешь Настю. Она, конечно, не образец самостоятельности и ответственности, но кошку, я думаю, осилит. Да и полезно это в её возрасте — заботиться не только о себе, но и о ком-то другом.

— Так-так, — Игорь улыбнулся. — Интересная теория. Что-то ещё?

— Прости... Ей не хватает внимания. Я давно заметила. Я знаю, ты не виноват и делаешь всё возможное, но отсутствие мамы нельзя компенсировать...

— Думаешь, котёнок сможет? — спросил Игорь, но не иронично — серьёзно.

— Нет, конечно. Но Насте будет чуть легче, вот увидишь.

— Знаешь... — Он поставил пакеты на пол, подошёл к Ксюше вплотную, поднял руку и погладил девушку по щеке. — Я хотел обменять котёнка на красивое ночное бельё для тебя. Заприметил, когда мы были в магазине. Но не буду.

— Почему?

— Понял сейчас две вещи. Во-первых, ты права. А во-вторых... не хочу тебя шантажировать.

— Да какой это шантаж? — засмеялась Ксюша. — Так, провокация. И я понимаю, что тебе хочется... видеть меня в таком белье. И наверное, я решусь на покупку, но не сегодня, хорошо? Дай мне немного времени.

— Я дам тебе сколько угодно времени, девочка, — прошептал Игорь с теплотой в голосе. — И вообще всего, чего захочешь. Сколько угодно.

И вновь она забыла обо всём, когда он её поцеловал.

В ближайшем зоомагазине они купили котёнка британской короткошёрстной породы — серенького, плюшевого и с ореховыми глазами. Он был такой милый, что Настя, увидев это чудо, завизжала от радости. И настолько громко, что Игорь даже вздрогнул.

— Тебе надо на конкурс «Голос. Дети» — пожаловался он, постучав ладонью по уху.

— Там же не на визг соревнуются, а на голос, — возразила Ксюша, смеясь и глядя, как Настя кружит по комнате, стискивая котёнка в крепких объятиях. Бедное животное испуганно мяукало, вытаращив глаза.

— Значит, надо предложить им организовать еще один конкурс. «Голос. Визг». Настя там победит.

Наверное, в другой раз Настя бы что-нибудь сказала, но в тот момент ей было не до этого. Она была страшно счастлива. И сразу придумала котёнку имя — Грейсон. Потому что серый, и потому что сыночек.

— Оригинально, — пробормотал Игорь, услышав подобное. — У меня фантазии хватило бы только на какого-нибудь Пушкиа.

— А вот и неправда, — фыркнула Ксюша. — Человек, который придумал для меня столько разных подарков, уж имя-то для котёнка точно сможет придумать!

— Ну подарки — это одно, а имя — совсем другое. Придумать имя — это особое искусство, доступное только избранным.

— Ладно тебе! — возмутилась Настя. — Меня и Андрея ведь ты называл!

— Андрея? — переспросила Ксюша. — Это твой сын?

— Да. И увы, я не был оригинален, назвав сына именем отца, а Настю — матери. А вот если будут ещё дети... — Игорь хитро посмотрел на Ксюшу. — Тут уже придётся помучиться.

— Дети? — Настя вдруг остановилась посреди комнаты. — Какие дети?

— Пока никакие, — ответила Ксюша быстро, смутившись. — Это твой папа так... просто рассуждает.

— Угу, — улыбнулся Игорь. — Мыслью вслух. А теперь пойдёмте обедать. Очень кушать хочется.

— А мороженое будет?

— Мороженое? Кому? Грейсону, что ли? Кошкам мороженое нельзя.

— Но пап!

— Что?

— Не Грейсону, а мне мороженое!

— Я подумаю.

— Пап!!

— Настя. Я же сказал — подумаю.

К чему было это «подумаю», Ксюша поняла чуть позже. Игорь провёл с дочерью настоящую разъяснительную беседу, объясняя, как нужно ухаживать за котом. И взял с Насти слово, что она будет следить за водой, едой и состоянием лотка Грейсона. Настя, конечно, воодушевлённо это слово дала. А Игорь, естественно, сделал вид, будто поверил дочери. На самом деле он прекрасно понимал, что в скором времени за водой и едой будет следить Люся, а за лотком он сам или Борис с Романом. А Насте останется в лучшем случае функция «погладь кота», и то не факт.

Но может, он действительно ошибается и недооценивает дочь?

Хотелось бы.

— Алло! Привет, Андрей.

— Чего тебе, Настёна?

— Ничего. Просто... я передумала. Не приезжай.

Молчание.

— Ты сдурела, сестрица? Сначала меня на уши подняла, а теперь — не приезжай?! Нет уж, дорогая, так дела не делаются.

— Но Андрей...

— Послушай меня, шмакодявка, — прошипел брат. — Мне плевать на тебя и твои требования. Я хочу приехать, и я приеду. Можешь пожаловаться бате, но в этом случае он тебе надерёт не только уши, но и задницу. Сечёшь?

Настя поджала губы.

— Секу.

— Поздняк метаться, короче. Всё, иди баиньки, маленьким девочкам пора укладываться в кровати. Спокойной ночи, Настёна.

Она вздохнула, сдаваясь.

— Спокойной, Андрей.

Положив трубку, Андрей усмехнулся. Затем подошёл к бару в углу кухни и налил себе в бокал мартини, который всегда обожал больше всех прочих напитков. И не с соком, а так, чистым.

Ещё раз взглянул на фотографию Ксюши в памяти своего телефона. Красотка... Кто бы мог подумать, что через восемь лет из той толстой овцы получится такая красавица. Волосы — вьющиеся, пышные, густые и блестящие, хоть сейчас рекламу шампуней снимай. Губы полные, манящие, чуть влажные — так бы и всунул между ними член. И между грудями тоже... Хоть и похудела сильно, а грудь всё равно приличная, есть за что схватиться.

А глаза такие же, как тогда. Ну, почти. Чёрные, с поволокой — колдовские глаза. Только тогда в них наивности было целое корыто, а теперь — ни грамма. Наоборот — они будто бы его насквозь видели. Даже через экран телефона чувствовалось.

— Ведьма ты, — усмехнулся Андрей, делая ещё глоток. — Восемь лет назад была, и

сейчас осталась. Как есть ведьма.

Три месяца потратить на соблазнение невинной дурочки — позорище, а не выигранный спор. Но с самого первого дня, взяв эту черноглазую сучку за руку, Андрей не мог отделаться от странного ощущения нежности, поселившегося в сердце. Ему нравилось проводить время с Ксюшей, но это и бесило тоже. Как так — он, красивый, обеспеченный парень, у ног которого целый мир, и вдруг втюрился в простушку, да еще и лимитчицу. Друзья же засмеют! Они и так иногда проходились по тому, что Андрей затащил Ксюшу в постель не через неделю. В подобных случаях он презрительно фыркал и говорил:

— Победителей не судят.

Победитель, ага. Втоптал в грязь эту простушку, смешал с землёй и пылью. Получил пятьдесят тысяч — на них и спорили — а еще в морду от одного из однокурсников, такого же плебея, как и Ксюшка. Андрей на него не особенно сердился, но всё же надавил на отчима, у которого в университете были неплохие связи, и парня отчислили за дебош. Чтобы неповадно было.

А вот Андрею ничего не сделали, хотя до преподавателей дошли слухи о случившемся, и многие стали на него косо поглядывать, но открыто не конфликтовали. Тем более что Ксюшка потом документы забрала. Нет человека — нет проблемы.

Забавно... Он ведь тогда пошёл до конца, чтобы избавиться от занозы в сердце, понимая — никогда она его не простит, такое не прощают. стыдно было любить простушку и плебейку, да ещё и не красавицу, обычную пухляшку. И Андрей вырвал эту занозу из сердца с кровью... а может, и вместе с сердцем.

И все эти годы он старался ничего не вспоминать. Забрала документы, исчезла — и плевать на неё. Мало девчонок вокруг, что ли?

Немало. Но с тех пор Андрей особенно любил кудрявых и пухленьких, а ещё — черноглазых. Друзья ржали по этому поводу, но он только огрызался.

Ксюша иногда ему даже снилась. Как она стоит посреди институтского коридора и смотрит на него глазами, полными растерянности и непонимания. А потом эти глаза заполняются болью, презрением и отвращением.

Дерьмо. Как же он тогда себя дерьмово чувствовал. Нет, не так. Он тогда чувствовал себя дерьмом. Со злости даже удалил все компрометирующие Ксюшку фотки и видео — чтобы не вспоминать, не смотреть по пять раз в день одно и то же, и не жалеть о том, что сделал.

И вот — восемь лет спустя Ксюша становится любовницей его отца. Что это? Случайность? Или, возможно, тщательно спланированная месть?

Ведь Андрей рассказывал этой черноглазой сучке о том, что его батя — Игорь Венчур, известный продюсер. Даже фотографию показывал. Не могла она забыть!

Или могла?

Так или иначе — важнее то, что он не может не поехать и не увидеть эту ведьму.

Трахнуть бы её еще разок — вдруг наваждение пройдет...

В выходные Ксюша иногда ловила себя на мысли, что начинает забывать о реальности и мыслями куда-то уплывает. Чаще всего это случалось в объятиях Игоря, особенно в ночь с субботы на воскресенье. Тогда он впервые позволил ей быть сверху, и Ксюша чуть не умерла от удовольствия. Хотя поначалу она немного смущалась — Игорь не захотел выключать свет и явно любовался ею, уделяя особенное внимание тому месту, где она соединялась с ним. Но

потом смущение растворилось, осталось лишь удовольствие, и не только от скольжения вверх и вниз, но и от того, что Игорь всё это видит. Да и глаза его были слишком восхищёнными, чтобы стесняться.

Вечером в воскресенье позвонила вернувшаяся из Праги Стася, и Ксюша ушла в ванную, чтобы поговорить с подругой. Пожаловалась на надоевшего за время её отсутствия Виталика, но про Игоря говорить не стала. Была не готова к откровенностям.

А потом обнаружила, что у неё начались месячные, и расстроилась. Нет, она ожидала этого, и понимала, что забеременеть не могла. Но всё равно неприятно, да и об интима теперь дней на пять придётся забыть.

«Мда, подруга. Жила же ты восемь лет без интима, а теперь что? Пять дней её, понимаешь, напрягают. Самой не смешно?»

Но Ксюше смешно не было. Она понимала, почему так происходит. Игорь разбудил в ней давно дремавшую чувственность, и теперь она никак не хотела засыпать обратно. Она хотела Игоря, и иной раз Ксюше даже было неловко за свой пыл. Но мужчина не возражал, наоборот — смеялся и был доволен, если она проявляла инициативу. И отвечал с не меньшей страстью. Если не с большей...

А ещё Ксюше нравилось изучать, что Игорь больше всего любит в сексе. Она специально ничего не спрашивала, следя за реакцией, и уже успела заметить, что он обожает брать её, зажав ей руки над головой. А ещё — когда он стоит сзади, не шевелясь, а она сама двигает бёдрами и насаживается на него. Ксюша при этом слышала изменившееся дыхание Игоря, а поднимая глаза, замечала, как заостряется его лицо, становясь более хищным. Иногда он ловил её взгляд в зеркале и улыбался настолько порочно, что Ксюша даже вспыхивала от смущения. Вроде как за подглядыванием заставлял...

— Ничего, — сказал Игорь весело, как только девушка сообщила ему про месячные. — Всё равно я два дня буду в состоянии нестояния. Зато потом отыграюсь. Ты завтра к себе на квартиру поедешь, верно я понимаю?

— Да, — кивнула Ксюша. — Надо убратсья, да и Скай покормить. И приготовить что-нибудь, а то Инна Васильевна приедет в среду, а в холодильнике не то, что мышь, даже тараканы давно повесились.

— Хорошо. Тогда я завтра попрошу Романа тебя отвезти после работы. Ксения, не спорь! Мало ли, кто там будет караулить возле подъезда.

— Кто? Конь в пальто?

— Может, и конь. Вот Роман, если что, из него мерина сделает.

— Игорь! — она засмеялась. — Пошляк!

— Я? Ничего подобного. Я просто ревнивый собственник. И не потерплю никаких коней рядом со своей женщиной. Даже если они мерины.

— Не нужны мне никакие кони! И вообще из меня наездница не очень.

Игорь посмотрел на неё с намёком.

— Я бы так не сказал, девочка...

— Ну вот, — фыркнула она, чуть покраснев. — А говоришь — не пошляк!

Игорь, конечно, сказал про охранника, но на самом деле он отнюдь не был уверен в том, что это необходимо. Точнее, необходимо, но... Игорь ясно видел: Роман боролся с симпатией к Ксении, пытался убить в себе лишние чувства в зародыше. Наверное, было бы

правильно с ним распрощаться, но... Увольнять человека за обычную человеческую симпатию — верх неадекватности. Охранник всё же Ксению не домогался, за руки не хватал, лишних взглядов не позволял. Да и каких-то глубоких чувств там не было. Поэтому Игорь пока ждал. Что называется, до первого косяка.

И Роману он ничего не говорил — парню явно было достаточно того молчаливого разговора на их кухне, чтобы осознать, насколько опасным будет оказывать Ксении знаки внимания. И пока охранник Игоря не разочаровывал.

Жаль, если это окажется только «пока»...

И опять народ на работе всю обсудал пятничный корпоратив, а Ксюша грустила, что вечером не увидит Игоря. За прошедшие дни она умудрилась как-то незаметно привыкнуть к его присутствию в своей жизни и теперь ощущала некоторую растерянность.

Удивительно — они ведь знают друг друга всего ничего, меньше месяца, а Ксюше уже кажется, что Игорь был в её жизни всегда. Словно она на самом деле всё это время не жила, а ждала, пока он появится. Странное ощущение... и немного пугающее. Впрочем, она уже давно поняла, что целиком и полностью пропала. И теперь будет рожать ему детей и вообще делать всё, что он хочет, лишь бы быть рядом как можно дольше.

Сколько продлится это «дольше»? Ксюша очень надеялась, что Игорь будет охладевать к ней постепенно, и она успеет свыкнуться с этой мыслью и вновь научиться жить без него. Хотя, конечно, это будет тяжело. Но ей не привыкать восставать из пепла.

Роман ждал Ксюшу внизу, в холле первого этажа, как и договаривались. Молчаливо кивнул и повёл вниз, на подземную стоянку.

— Я думала, мы такси закажем, — слегка удивилась девушка. — Борис же с Игорем?

Охранник взглянул на наручные часы.

— Пока еще с Настей. Отвозил её сегодня в гости к подружке, сейчас назад везёт. А потом за шефом поедет.

— Тогда на чьей машине мы...

— На моей.

Ксюша замолчала. Действительно, какой-то дурацкий вопрос. Логично — у Романа должна быть своя машина. Непонятно только, зачем на ней возить всяких девиц, если можно заказать такси?

Она даже чуть занервничала. В конце концов, охранник — тоже мужчина, хоть и служит у Игоря. А к мужчинам Ксюша относилась очень настороженно.

Машина у Романа оказалась не очень большая, тёмно-синяя, чистая до безобразия, и даже внутри — армейский порядок. На сиденьях, в том числе и на задних, ничего не валялось, и на приборной панели никаких смешных штучков, дрожащих от малейшего движения. И брелков на зеркале тоже не было.

— Новая? — уточнила Ксюша, пристёгиваясь. Охранник, кажется, удивился.

— Нет. Ей уже года два, наверное. А почему вы так решили?

— Ну... как новая просто.

— А-а, — он усмехнулся. — Ухаживаю за ней.

— И не только ухаживаете. Никаких мелочёвок не вешаете, не ставите...

— Не люблю.

Логично. Роман даже лишних слов не любил, зачем ему лишняя шелуха в салоне?

Какое-то время ехали молча. Охранник рулил, включив негромкую ненавязчивую музыку, а Ксюша смотрела в окно на мелькающие мимо дома — один за другим, один за одним, — и ни о чём не думала.

— А где вы работаете, Ксения? — спросил вдруг Роман, и так неожиданно, что Ксюша даже вздрогнула.

— В издательстве. Я редактор, детские и подростковые книжки делаю.

— Интересно. Любите свою работу?

— Люблю, — призналась она честно, но чтобы быть ещё честнее, добавила: — Только она не для слабонервных.

— Да? Мне всегда казалось, что книги — это что-то очень спокойное.

— С чего вы взяли? — фыркнула Ксюша. — Платят за это мало, начальство в издательствах с придурью, да ещё и неврастеники, потому что переживают из-за падения тиражей. Продать еду или воду проще, чем книгу.

— Да я про другое. Сидеть на работе и книжки читать — это...

— Кто нам даст их читать? — засмеялась Ксюша. — Мы их делаем, а не читаем, это другое. Исполнителей ищем, со всеми договариваемся, за сроками следим. У меня бывало, что я по двадцать книг в месяц сдавала, когда их читать?

Роман задумчиво помолчал.

— То есть, книги никто не читает?

Стало смешно. Ксюша не единожды сталкивалась с подобными стереотипами вроде «редактор читает книжки», но каждый раз ей было смешно.

— Читает. И даже не один человек. Внештатный литературный редактор читает, ну и корректор тоже. А те, кто в штате сидят, максимум быстро просматривают, пишут продажную аннотацию — и сдают в печать. Некогда читать. Так что насчёт спокойной работы вы ошибаетесь, хотя тут смотря с чем сравнивать, конечно. Мне вот всегда казалось, что охранник — это очень спокойная работа.

— Смотря с чем сравнивать, вы правы, — усмехнулся Роман. — И смотря у кого работать. У Игоря Андреевича более-менее спокойно.

— А почему вы вообще решили стать охранником?

Он пожал плечами.

— Так сложилось.

И замолчал. Ну и ладно.

Опять они какое-то время ехали в тишине, но нарушил её вновь Роман.

— Тот ваш ухажёр... как его... Виталий. Отлип?

— Вроде.

— Настойчивый парень, как я понял.

— Угу. Один из самых настойчивых.

— Один из?

— Да. Их было много. — Ксюша отвернулась к окну и пробормотала: — И что они все во мне находят...

Но Роман услышал.

— Могу объяснить, что.

— Да? — она хмыкнула. — Ну давайте.

— Вы красивы.

— Допустим.

— Вы необычны. «Не спорьте», как сказал бы Игорь Андреевич. И я скажу то же самое. Но и это не главное. Главное — вы недоступны.

Ксюша резко повернулась к Роману лицом, но почти сразу чуть отшатнулась, увидев, что он внимательно смотрит на неё.

— Запретный плод сладок, да? — процедила, усмехнувшись.

— Разумеется. — Охранник вновь перевёл взгляд на дорогу. — Иногда даже слишком сладок. И всё вышеперечисленное в вас сочетается и создаёт убойную смесь. Но вы зря так напрягаетесь. Я никогда не буду переходить дорогу Игорю Андреевичу.

— Бойтесь?

— Дело не в этом, — покачал головой Роман. — Я знаю, что он меня не пощадит, но дело действительно не в этом. Я его уважаю, Ксения. Безгранично уважаю. Поэтому не буду вмешиваться.

— А если он меня бросит? Тоже не будете вмешиваться?

Охранник фыркнул.

— Ну вот если бросит, тогда и подумаю. Ваш дом, Ксения?

— Да, — она вздохнула с облегчением, осознав: приехали. Этот разговор изрядно утомил, особенно вторая его часть. — Спасибо, что довезли.

— Не за что.

Проводив Ксению, Роман недолгое время стоял возле своей машины и задумчиво курил.

Он так и не смог определиться со своими чувствами по поводу того, что у Игоря Андреевича появилась подобная милая и искренняя девочка в любовницах. С одной стороны, Роман был рад за своего работодателя, он ведь прекрасно помнил, как Игорь Андреевич после смерти жены ходил с потемневшим, почти чёрным лицом. На баб никакого внимания не обращал, работал день и ночь, а когда не работал — занимался дочерью. Настя тогда чудила по-страшному — то в истерике билась, то молчала целыми днями, то хохотала по любому поводу. С месяц так было, но потом прошло. Правда, Игорь Андреевич её всё же поводил к психологу, но подробностей Роман не знал.

Спустя полтора года после смерти Вероники Максимовны Настя вдруг заговорила со своим отцом о том, что ему нужна любовница. «Я всегда говорил, телевизор — зло для подростка!» — смеялся Игорь Андреевич, рассказывая об этом Роману. Охранник еще тогда пошутил, что странно слышать это из уст телепродюсера. Игорь Андреевич фыркнул и ответил: «Я давно встал на путь зла. Но когда дочка Змея Горыныча говорит ему: «Папа, тебе для увеличения потенции нужна любовница!» — это уже за гранью того самого зла. Посмотрела передачу, называется!»

Игорь Андреевич тогда решил, что Настя забудет эту идею. Но она не забыла. И начала знакомиться с разными молодыми девушками — в основном на своих танцах, но бывало, что и в магазине. Потом приглашала их в гости и представляла отцу.

Игорь Андреевич поначалу смеялся, потом начал раздражаться, сделал Насте втык, и девочка на время прекратила диверсии. Но перед самым появлением в их жизни Ксении вновь стала «чудить». Игорь Андреевич, кажется, махнул на всё это рукой — разговаривал с девицами вежливо, а потом просил Бориса или Романа отвезти их домой.

Поэтому, когда охранник увидел Ксению, он и подумал, что бастион под именем «Игорь

Андреевич» пал и всё-таки завёл себе «соску». Именно так работодатель Романа называл всех этих девочек, которые за деньги были готовы на что угодно. Одна даже на самом деле ему отсосала, рассчитывая на большее, но Игорь Андреевич быстро поставил на место зарвавшуюся девицу.

Поэтому Роман не только радовался за своего начальника, но и жалел Ксению. Игорь Андреевич умел подавлять, он прекрасно манипулировал другими людьми, в том числе и своей любовницей. Останется ли она такой же милой и чистой после общения с подобным человеком?

Роман никак не мог отделаться от ассоциаций со сломанной куклой. Причём он, наверное, будет свидетелем этого самого ломания. И сделать ничего не сможет, и не только потому что не пойдёт против Игоря Андреевича. Просто сама Ксения его помощь никогда не примет. Пошлёт по известному адресу — и всё.

Но может, он слишком пессимистично настроен? Может...

Роман поморщился и выкинул недокуренную сигарету. Да уж, «может».

В сказки он перестал верить лет двадцать назад.

Весь вечер Ксюша потратила на то, чтобы хорошенько убрать квартиру. Потом сварила суп, помылась, немного поговорила с Игорем — у него был страшно уставший голос — и только собиралась ложиться, как позвонила Стася.

Что-то у них там с Сашкой стряслось, и хотя Ксюша сомневалась, что это нечто серьёзное — её друзья были не из тех людей, которые ругаются насмерть и навсегда, — она всё же переживала за них обоих. И поэтому позволила Стасе приехать, выслушала её увлекательную, но абсолютно предсказуемую историю, напоила чаем и постаралась утешить.

Как же ей хотелось, чтобы они с Сашкой наконец перестали заниматься самообманом, объяснились и были счастливы. Поэтому, когда Стася уснула, Ксюша позвонила Сашке и попросила его приехать утром. Она надеялась, что за ночь подруга хорошенько осознает всё то, что Ксюша ей говорила, и утром друзья помирятся.

Самой же Ксюше не спалось. Чтобы Стася поняла кое-что важное, пришлось рассказать о родителях, и теперь на сердце будто камень лежал. Ведь раньше она никому ничего не рассказывала.

Впрочем, до конца Ксюша не рассказала даже сейчас. О том, как злилась на свою мать после смерти отца. И о том, что так и не смогла её простить.

Папа Ксюши был замечательным человеком, любил и жену, и дочь, которая не была ему родной по крови. А вот мама его не любила, всю жизнь нос воротила, и к своему браку относилась исключительно как к вынужденному.

А когда отец умер, осознала, что была дурой. И в те дни, видя мать раздавленной собственным горем, страдающей по мужу, Ксюша ощущала какое-то мерзкое, ненавистное ей злорадство. Вот тебе — за то, что столько лет мучила папу. Вот, вот, вот! Так тебе и надо!!

Как же ей было стыдно за свои чувства. Невыносимо стыдно. Но Ксюша не могла их победить. Словно смерть папы вытащила на поверхность всю гадость, что была в её душе, и заставила думать так о маме.

И эта гадость до сих пор иногда трепыхалась, особенно если Ксюша вспоминала

прошлое и родителей. Ей ужасно хотелось поговорить с отцом и услышать что-то правильное и мудрое, узнать, что он простил маму. Но поговорить с ними обоими Ксюша не могла, и порой её это страшно мучило.

Особенно сегодня. И сейчас. Ксюша мечтала освободиться от этих чувств, оставить их позади, простить свою мать за совершённую ошибку — но не могла. Не получалось.

Хотя она знала, что папе наверняка и не нужно было стараться, чтобы простить маму. Он её слишком сильно любил и никогда ни в чём не обвинял. А вот Ксюша обвиняла...

— Прости меня, пап, — прошептала она, опуская лицо в ладони и чувствуя, как слёзы тёплыми каплями касаются кожи. — У меня нет столько силы духа, сколько было у тебя. И твоего мужества тоже нет.

Окружающая Ксюшу ночь молчала, и только дождь хлестал в оконное стекло.

Иногда безмолвие мира совершенно невыносимо...

Жизнь часто вмещивается в наши планы, корректируя их так, как ей хочется. Или не ей, а кому-то ещё — тому, кто видит и понимает гораздо больше, чем мы все. И уж тем более, я.

В Москве больше десяти миллионов жителей. Раз.

Настя первый раз в жизни села в офисный лифт, и неизвестно, когда сядет в следующий раз. Два.

Он застрял. Три.

А потом она пригласила меня в гости, и там я встретила тебя. Четыре.

Но на самом деле есть еще и пять. То самое «пять», о котором мы ничего не знали. Но знал кто-то другой... И кажется, он считал наоборот. Пять, четыре, три, два, один. Мы шли снизу вверх, а он — сверху вниз.

И мне впервые в жизни хочется обвинить его в жестокости. Я так зла и растеряна, что даже не пишу «его» с большой буквы, как полагается.

Боже! Неужели это можно выдержать?..

Утро принесло Ксюше хорошие вести в виде помирившихся Стаси и Саши, и плохие — в виде умершей Скай, найденной девушкой за настольной лампой. И пусть это была всего лишь бабочка, Ксюша всё равно расстроилась. Она успела привыкнуть к этому существу и полюбить его.

Стася с Сашей тоже заметили, что она расстроилась, но Ксюша не стала объяснять. Рассказать про Скай — значит, объяснять про Игоря, а ей нужно было время, чтобы решиться. Она знала — друзья не осудят, но всё равно пока не могла их просветить.

И хорошо, что у Игоря накануне не было ни сил, ни возможности подготовить очередной подарок, о чём он очень сокрушался по телефону. Тогда бы точно пришлось просвещать Стасю и Сашку хотя бы частично.

Уже когда Ксюша была на работе, Игорь вновь позвонил и спросил, придёт ли она вечером к ним или опять поедет к себе.

— К тебе, — ответила она, постаравшись, чтобы её голос звучал нормально, но Игорь, конечно, сразу ощутил изменения.

— Что-то случилось? — спросил обеспокоенно, и Ксюша чуть слышно вздохнула.

— Ничего страшного. Просто Скай... сегодня я её мёртвой нашла. Расстроилась.

— Ох, девочка. Не грусти. Мне сейчас некогда, но вечером мы с тобой обязательно поговорим. Я приеду, наверное, часов в семь-восемь. Зато завтра у меня выходной.

— А у меня нет...

— Ничего, Ксения. Я дождусь.

Спустившись вниз в шесть часов вечера, Ксюша столкнулась с Романом, который неспешно и обстоятельно шёл к выходу. Но, увидев её, остановился и чуть улыбнулся, кивая.

— Добрый вечер. Вы меня будете конвоировать? — спросила Ксюша, и охранник улыбнулся чуть шире.

— Нет. Меня на сегодня Игорь Андреевич отпустил уже. Домой сейчас поеду.

— Хорошего вам вечера, — пожелала девушка искренне, поблагодарила за ответное пожелание и поспешила к лифтам.

Дверь открыла Настя, только она не сияла, как частенько бывало, а хмурилась и вообще выглядела обеспокоенной. Правда, попыталась это скрыть.

— Привет, Ксюш! А мы тут с Грейсоном... играем. Давай с нами?

— Странно, что ты мне мороженого не предложила, — усмехнулась Ксюша, переобуваясь в собственные тапочки, купленные ими с Игорем в субботу. Настя хлопнула себя по лбу.

— Точно! Как я могла забыть! Пошли скорей на кухню! — и девочка метнулась вглубь квартиры. Ксюша засмеялась, подхватила на руки Грейсона, который до этого тёрся о её ноги, и пошла за Настей.

А в кухне кто-то сидел спиной к двери. Какой-то мужчина. И Ксюшу кольнуло предчувствием чего-то очень плохого... И это плохое раздвинулось до кошмарного, как только он обернулся.

Перед глазами потемнело, и Ксюша выпустила Грейсона, который, громко мяукнув, опустился на все четыре лапы и убежал прочь. А Настя что-то говорила...

— Знакомься... это... брат... Андрей...

Она слышала только отдельные слова, вся помертвев. Слышала — но смысла не понимала. Смотрела на этого мужчину, но не видела ничего, кроме одного из своих самых страшных ночных кошмаров.

Вежливая, но хищная улыбка, совсем не похожая на улыбку Игоря. Или похожая?

Серо-голубые глаза с лукавыми морщинками вокруг. И вот они-то как раз похожи...

А в глазах — такая жадность, что Ксюшу от ужаса сразу будто ледяной водой окатило, заморозив все чувства, кроме одного.

— Пойду... знакомьтесь... — Настя ушла, и Андрей начал медленно вставать из-за стола.

Тут Ксюшу и разморозило. Она метнулась к плите, возле которой стояла подставка для ножей и выхватила из неё самый большой нож. Выставила руку с ним перед собой и прошипела:

— Не подходи!

Андрей, кажется, оторопел. По крайней мере рот чуть приоткрыл от удивления.

— Ксюш...

— Какого ё*** хрена ты здесь делаешь?! — теперь она не шипела, а хрипела, второй рукой вцепившись в столешницу.

— Я к отцу пришёл вообще-то, — ответил Андрей язвительно. — И к сестре. А вот что ТЫ здесь делаешь?

Руки так ослабели, что нож Ксюша выронила, и он звонко упал на плитку.

— Игорь твой отец? — переспросила она слабым голосом, и внутри всё вновь заледенело.

— Именно, — голос Андрея был довольным, как у кота, обожравшегося сметаной. — А ты разве не помнишь? Я ведь тебе рассказывал однажды. И фотку показывал.

— Не помню, — прошептала Ксюша, начиная чуть оседать — ноги держать отказывались. — Нет...

— А я решил, — он ухмыльнулся, — что ты отомстить так хочешь. Неплохой способ, кстати.

— Отомстить?.. Кому?!

— Мне. И отцу.

Ксюша ничего не понимала. Какая месть, кому?! Что за бред? Ладно, она потом подумает. Сейчас главное — удержаться на ногах. Если она упадёт, Андрей подбежит её поднимать. Этого нельзя допустить.

Удержалась. Выпрямилась, глубоко вздохнула, впуская в лёгкие воздух. Стало чуть легче. Но на языке всё равно чуть горчило.

— Нет. Я не собиралась никому мстить. А сейчас извини, я пойду.

— Куда это? — усмехнулся Андрей, делая шаг вперёд и становясь чуть ближе к ней. Зря нож уронила...

— В комнату Игоря.

— Игоря... Значит, ты вправду с отцом спишь?

Был бы нож — точно воткнула бы.

— Да, — ответила резко, с вызовом. — А что? Проблемы?

— Что ты, — Андрей развёл руками, продолжая ухмыляться. — Никаких проблем. Мне до любовниц отца дела нет. Я просто удивился.

— Иди ты в жопу со своим удивлением, — огрызнулась Ксюша и вышла из кухни.

Изменилась.

Восемь лет назад она была нежной, мягкой, словно сливочная помадка. А теперь Андрей даже не знал, с чем сравнить то, что он увидел.

Резкая. Агрессивная. Ненавидящая его так явно и искренне, что даже пробирает от этой ненависти. И невероятно сексуальная.

Посадить бы её на этот стол, да и оттрахать во все дырки. Только батя за подобное потом сам тебя оттрахает так, что сидеть не сможешь больше никогда.

Но одно он выяснил — мстить Ксюша не собиралась, про их родство она забыла. И что теперь? Теперь надо сделать так, чтобы она бате про события восьмилетней давности не обмолвилась, иначе... прощай регулярное пополнение счёта батей. Эту хрень он не простит. Значит, необходимо быть с Ксюшей милым и нежным мальчиком. А там, глядишь, постепенно она Андрея оценит... и решит поменять старый член на более молодой.

Хотя... нет, это утопия. Батя ещё не такой старый, да и трахаться он наверняка умеет. Так что членом Ксюшку не возьмёшь.

Тут надо быть умнее...

Опять это ощущение — словно сердце сейчас разорвётся. Но оно не разрывается, в

очередной раз вмещая в себя то, что вместить вроде бы невозможно.

Сын. Как же так? Как это может быть?..

Невозможно. Нереально. Сбывшийся ночной кошмар...

Ксюша пыталась выровнять дыхание, сидя на кровати в комнате Игоря. Но ничего не получалось, и она тёрла щёки, стараясь не заплакать, и расчёсывала в кровь руки, даже не замечая этого.

Сын. Андрей Аракчеев, её первый мужчина, человек, который втоптал её в грязь, унизил и оскорбил — сын Игоря.

Так не бывает. Это какая-то глупая шутка. Неправда, вымысел, абсурд!

Ксюша упала на постель и беззвучно зарыдала, уткнувшись лицом в покрывало, уже понимая — никакая это не шутка.

На неё внезапно накатили воспоминания, давно, как казалось, забытые.

— Красивая у тебя фамилия, — сказала она однажды робко. — Аристократическая.

— Это мамина девичья, — ответил Андрей. — Когда я родился, она не захотела давать мне фамилию своего мужа. Сказала — плебейская, у неё лучше. А отец и не настаивал.

— А какая у него фамилия?

— Венчур. То ли дело Аракчеев, правда?..

Она тогда согласилась. Действительно — Андрей Аракчеев звучит куда круче, чем Андрей Венчур.

А потом он и фотографию показал, причём не просто вытащил из бумажника, а в интернете какую-то статью нашёл. «Игорь Венчур и его новый телевизионный проект» вроде бы называлась. Как она могла забыть?..

Вот почему лицо Игоря с самого начала казалось Ксюше таким знакомым. Да и Андрей на него всё же немного похож, не сильно, но похож. Особенно глазами.

Чёрт, это совершенно невыносимо!

Ксюша скрючилась на постели в позе эмбриона и изо всех сил приказала себе не думать об этом. Зажмурилась и начала мысленно считать овец, которые постепенно превращались в ухмыляющуюся физиономию Андрея. И тогда она жмурилась и вцеплялась руками в колени...

И если бы она видела себя со стороны, то ужаснулась.

Ведь именно так выглядит отчаяние...

Вернувшись с работы, Игорь сильно удивился, обнаружив на кухне собственного сына. Андрей сидел за столом и пил чай вместе с Настей, а рядом на полу Грейсон гонял какое-то пёрышко.

— Привет, бать! — Андрей поднял руку в приветственном жесте. — А я тут к вам решил заскочить, сюрприз сделать. Как жизнь?

— Нормально, — ответил Игорь, подходя к холодильнику. Достал оттуда бутылку воды, сделал глоток и поинтересовался: — Ты какими судьбами в Москве?

— По работе.

— Ясно. И что за работа на этот раз?

Когда-то давно отчим Андрея устроил его учиться на факультет журналистики по благу, но с этим делом у парня не сложилось. Нет, Андрей был грамотный, но грамотность и

умение писать интересные тексты — вещи разные. И работу он себе даже по благу найти не мог. Впрочем, он и не пытался.

Ещё во время учёбы в университете Андрей начал увлекаться фотографией, поначалу для себя, а потом стал брать заказы. Сейчас он в основном снимал моделек для каталогов, и Игорь прекрасно понимал, почему — многие после фотосессии были не против перепихнуться с симпатичным фотографом. А Андрей бабником был страшным, страшнее, чем сам Игорь в молодости.

— Да так, для журнала одного, надо поснимать всякие интересные места в Москве, о которых не знают туристы.

— Понятно. — Игорь поставил бутылку минералки обратно в холодильник и обратил внимание на Настю. Вид у неё был какой-то мрачный, недовольный. — Настя, где Ксения?

— В твоей комнате, — ответила дочь, не поднимая глаз от столешницы. — Мне показалось, Ксюша себя не очень хорошо чувствует...

Игорь кивнул и собирался отправиться к себе, даже сделал шаг в сторону двери, когда Андрей вдруг сказал:

— Красивая она у тебя, бать.

Остановился. Мышцы напряглись, натянулись, как струны.

— Красивая, — подтвердил, изучая взглядом сына. Тот натянуто улыбнулся и вновь поднял руки.

— Бать, я не претендую! Просто... вкус твой похвалил.

Игорь хмыкнул и всё же вышел из кухни. С Настей и Андреем можно после разобраться, сначала Ксения. Надо узнать, что у неё там с самочувствием.

А еще он страшно соскучился.

Ксюша так сосредоточилась, что не услышала, как вошёл Игорь. Только когда он уже сел на кровать и провёл рукой по её спине, она дёрнулась и резко развернулась.

— Привет, — сказал он, улыбаясь, но в глазах светилась тревога. — Как ты, девочка?

— Ничего, — она тоже улыбнулась. Дышать сразу стало чуть легче.

— Живот болит? Ты в позе эмбриона лежала, обычно так лежат, когда болит живот.

«Или душа».

— Да. Но уже проходит. Не страшно, правда. — Ксюша чуть приподнялась на постели. — Поцелуй меня, пожалуйста.

— Соскучилась? — Лукавая улыбка.

— Очень.

— Я тоже, Ксения.

Игорь поцеловал её, и губы будто обожгло. Этот жар вспыхнул не только там, но и в груди, растопив замороженные, запретные чувства, заставив её всхлипнуть и заплакать.

— Девочка... — прошептал Игорь, проводя ладонью по Ксюшиной щеке и стирая слёзы. — Вся напряжённая, еще и плачешь. Пойдём.

Он потянул её с кровати, опять поцеловал, нежно поглаживая по спине.

— Куда пойдём? — спросила Ксюша слабым голосом, утыкаясь лбом в грудь Игоря.

— В ванную. Вода смывает лишнее, тебе станет легче.

— Вместе? — она чуть дёрнулась, и ощутила, что он улыбнулся.

— Вместе. Помнишь нашу встречу? Ты тогда сказала: «Наверное, здесь даже вдвоём

можно поместиться». Вот и проверим заодно.

— Игорь... — Ксюша подняла голову, ощущая, что начинает краснеть. — У меня же месячные. Ты забыл?

— Нет. Не забыл. Просто не смущайся.

Как тут не смущаться-то... И щёки уже горят.

— Игорь...

— Представь, что у меня была бы рана, — перебил он её. — На ноге, например. Ты бы брезговала?

— Ну, то рана...

— А какая разница?

Ксюша промолчала. Ей казалось, что разница всё-таки есть, но вряд ли она сможет доказать это Игорю. Тем более, когда сам не знаешь, что сказать.

— Идём. Если уж совсем будешь смущаться, я уйду или отвернусь. Халат твой там?

— Да...

Зря он это затеял. Как только Ксения начала медленно раздеваться, встав к нему спиной и стягивая с себя футболку, Игорь почувствовал острое и резкое напряжение в паху.

Он соскучился по её телу, по запаху, голосу и улыбке. И теперь, когда Ксения стояла перед ним, расстёгивая бюстгальтер, было очень трудно удержать себя от того, чтобы не нагнуть её сразу же. Какие месячные, если он так её хочет...

Но не сейчас. С его девочкой что-то творилось, и Игорь должен был её утешить. Неужели это всё — из-за умершей бабочки? Или есть еще какая-то причина?

Ксения стащила джинсы, оставшись в одних трусах. Но, помешкав, сняла и их, хорошенько спрятав под одежду суетливыми движениями. И чуть порозовела, поворачиваясь к Игорю лицом.

Он к тому времени уже разделся и ждал, пока она перестанет копошиться. И засмеялся, когда Ксения вспыхнула, случайно опустив глаза и заметив его эрекцию.

— Что же ты так краснеешь, девочка? Ты ведь видела меня обнажённым, — сказал Игорь, подходя к ней. Положил ладони на плечи, провёл по рукам, лаская нежную кожу и чуть хмурясь — она была расчёсана. Будто бы Ксения нервничала и скребла саму себя ногтями. — И не просто видела, — добавил он с придыханием, пытаясь отвлечь девушку. — Даже ощущала внутри себя.

По телу её прошла чувственная дрожь, и Игорь довольно улыбнулся.

— Ощущала, — огрызнулась она, напоминая сейчас маленького котёнка, который вдруг решил выпустить когти. — Но это не значит, что я не могу смущаться, глядя... глядя...

— Так-так. На что глядя?

— Глядя на твой член! — закончила она решительно, и сама фыркнула, чуть расслабляясь, когда Игорь засмеялся.

— Надеюсь, что совсем скоро ты не только глядеть на него будешь, — произнёс он с намёком. — Но и трогать. И может, даже ртом...

Ксения вопросительно посмотрела на Игоря.

— Ты... хочешь? Я могу сейчас. По-другому у меня ведь не получится тебя удовлетворить.

Стоило огромных душевных сил отказаться от этого предложения.

— Девочка... ты ещё очень многого не знаешь о сексе, — улыбнулся Игорь мягко, подталкивая её к ванной. — Залезай. Сначала помоемся, потом разберёмся.

Она развернулась к нему спиной, и мужчина не удержался — погладил сладкую белую попу. Но руку не убрал — сжал одну из ягодиц... и удивлённо замер, когда Ксения прошептала:

— Ты... это имеешь в виду? Я этого не знаю?

— Ты про что, девочка?

— Ну... про анал.

Игорь засмеялся, шлёпнув Ксению по попе.

— Заманчивое предложение, но я всё же воздержусь. Залезай в ванную, искусительница.

На этот раз она послушалась, и через пару секунд Игорь залез следом. Задёрнул шторку, чтобы не залить пол, и включил воду. Потом взял губку, мыло и сел, потянув за собой Ксению.

— Удобно? — спросил Игорь, начиная намыливать губку. Девушка была чуть розоватой от неловкости, но всё равно прижалась и откинулась ему на грудь.

— Да, — вздохнула Ксения. Даже не вздохнула, а простонала, и Игорь не выдержал — взял её за волосы, запрокинул голову и поцеловал, одновременно опуская вторую руку ниже и раздвигая бёдра девушки. — Игорь...

Кажется, она вновь захотела напомнить ему про свои месячные. Как будто это имеет значение...

Он осторожно прикоснулся к нежному комочку плоти, начал обводить его круговыми движениями, почти забыв про намыленную губку. Ксения всхлипнула, задрожала, и Игорь ускорился.

Вершины она достигла быстро, обмякнув в его руках и сжав бёдрами ладонь мужчины.

— Хорошо? — спросил он тихо, целуя Ксению в чуть влажный лоб.

— Да, — шепнула она. — Но...

— Но? — Игорь поднял брови.

— Всё ноет... внутри. Слишком... пусто.

— Надо заполнить? — он усмехнулся, и девушка кивнула.

— Надо.

Он не стал мешкать — иначе опять вспомнит о чём-нибудь неважном, застесняется, закроется, и ничего у них сегодня не выйдет. Просто перевернул Ксению лицом к себе и прошептал в приоткрытые губы:

— Держись за борта, девочка.

Она вскрикнула, когда Игорь резко вошёл в неё, выгнулась и упала ему на грудь, отдавая себя во власть этого мужчины. И он задвигался, одновременно с этим приподнимая и опуская бёдра Ксении, ощущая, как удовольствие горячит кровь, словно самое лучшее вино.

Губка куда-то потерялась, и мыло тоже. Игорю было не до того, чтобы следить за ними. Руки были заняты бёдрами девушки, а губы скользили по её груди, целуя и посасывая то один остренький сосок, то другой.

Ксения опять слишком громко кричала, и хоть это безумно возбуждало, Игорь всё же прошептал:

— Девочка, потише...

Она всхлипнула.

— Так... приятно...

— Я понимаю, — усмехнулся Игорь, дотрагиваясь рукой до места, где он соединялся с Ксенией. Пальцами он ощущал, как растягивает плоть девушки, погружаясь в неё. И как она обхватывает его, когда он выходит из неё — словно не желает отпустить.

Кричать Ксения перестала, однако начала плакать и закусывать губу — и это, как оказалось, возбуждало Игоря не меньше. Он чувствовал, что уже близок к своей вершине, поэтому задвигался быстрее, одновременно лаская Ксению пальцами. И она опять начала кричать, но Игорь был не в состоянии её останавливать. Он сдерживался из последних сил, ожидая Ксению, и когда она наконец упала на него, сладостно дрожа и целуя в губы, отпустил себя.

— Тебе понравилось? — спросил Игорь спустя несколько десятков секунд, как только в сознании чуть прояснилось.

Она улыбнулась и провела ладонью по его груди.

— Не задавай вопросов, на которые знаешь ответ.

Андрей, конечно, услышал, что его отец и Ксюшка прошли в ванную, которую Настя называла «большой» за её размер, и не преминул подойти к двери и послушать, что там происходит.

Звукоизоляция, разумеется, в этой квартире была хорошая, но ничего абсолютного на свете не бывает, поэтому он смог расслышать полные удовольствия крики Ксюшки и сжать зубы от злости на неё с отцом.

Батя, блин... Пятьдесят два ему в декабре будет, а туда же — на молодых потянуло. Двадцать шесть лет разницы, сын ровесник любовницы! Совсем сдурел.

Но ладно он — тут ещё можно понять. На молоденькую, наверное, стояк-то получше. У него самого от этих криков в штанах тесно стало. Но Ксюшке зачем это всё надо? Деньги, что ли, привлекли? Не-е-ет, ерунда, ей это всегда было до фени. Тогда что? Непонятно.

Но орёт она знатно...? с Андреем только жалобно всхлипывала и морщилась от боли. Не церемонился он тогда, передумать боялся. И всё равно до сих пор помнил, какое удовольствие испытал, когда Ксюшку таранил. Колоссальное просто, до кругов в глазах и крышесноса.

А теперь её батя таранит, и ей, судя по крикам, нравится. Бред, не должно так быть.

И он, пожалуй, сделает всё, чтобы не было.

Когда Игорь начал обмывать её разгорячённое после секса тело, Ксюша окончательно решила — ничего она ему не расскажет, ни слова про Андрея и его роль в её жизни. Ни к чему ему это знать, только расстраиваться, сын всё-таки.

Только нужно аккуратно разузнать об Андрее всё возможное. Где живёт, кем работает, часто ли навещается к ним с Настей, какие у них отношения. И ни в коем случае не показывать, как он ей не нравится, как ей хочется воткнуть в его тело большой и острый нож. И лучше в область паха.

Если бы Андрей появился на неделю раньше... Наверное, Ксюша постаралась бы перестать общаться с Игорем, но теперь она не могла этого сделать. И хотела быть с ним даже несмотря на Андрея.

Однажды этот человек уже испортил ей жизнь, и теперь она сделает всё, чтобы ему это не удалось.

— Давно я тебе ничего не дарил, — протянул Игорь, смывая мыльную пену с Ксюшиной груди. Правда, он так смывал... Ласкал, скорее. И вот вроде бы только что всё у них было — а между ног требовательно тянет и пульсирует от этих его неторопливых, обстоятельных движений ладонями и жарких взглядов.

— Смеёшься? А платье и все те вещи, что мы в выходные купили?

— Ерунда. Это же был?е сюрприз.

Ксюша закатила глаза.

— Ну подарки — это не только сюрпризы!

— И тем не менее, — Игорь засмеялся и легко поцеловал девушку во влажное плечо, — сегодня будет сюрприз.

«У меня сегодня уже был один сюрприз. Может, не надо больше?»

— Я скоро приобрету зависимость от твоих сюрпризов, — пошутила Ксюша. — И стану их требовать.

— Не станешь, — покачал головой Игорь. — Ты ничего не будешь требовать от меня, девочка. Ничего и никогда. Именно поэтому мне вдвойне приятно радовать тебя.

Ксюша смущённо улыбнулась, прижимаясь щекой к груди Игоря.

Нет, она не сможет сказать ему про Андрея. Ни за что не сможет...

Оставив чистенькую Ксению в их комнате, Игорь поспешил на кухню, и немного удивился, вновь застав там Андрея. Насти, правда, уже не было, и Грейсон тоже куда-то делся. Видимо, дочке надоело, и она ушла к себе.

— А ты чего тут торчишь? — поинтересовался Игорь, доставая из холодильника то, что было необходимо для его сюрприза. — Дел, что ли, нет?

— Ну ты, батя, даёшь, — фыркнул Андрей раздражённо. — Я вообще-то в гости к вам пришёл! А ты со мной за весь вечер тремя словами перемолвился.

— Во-первых, я тебя не приглашал, — ответил Игорь спокойно, нарезаая хлеб. — А во-вторых, у меня были два тяжёлых рабочих дня. На разговоры сил уже не осталось.

— Ну конечно, — процедил сын. — Зато трахаться силы остались!

Игорь поднял голову и внимательно посмотрел на Андрея.

— Извини, — быстро сказал тот, чуть поморщившись. — Погорячился.

— На первый раз я тебя извиню. Но если еще услышу подобное... — Игорь красноречиво помолчал, не договорив фразу и предоставив сыну возможность самому представить, что случится, если он услышит подобное.

— Я понял, — кивнул Андрей мрачно. — Просто хотел с тобой пообщаться...

— Завтра приходи. Завтра у меня выходной.

— Вечером?

— Когда хочешь. Но вечером, наверное, Ксения придёт. Хотя... у неё завтра хозяйка возвращается. Возможно, к себе поедет после работы.

— Хозяйка?

— Ксения снимает квартиру. С хозяйкой.

— А-а-а. — Сын усмехнулся. — А я думал, что ты ей уже собственную квартиру купил. Или ты хочешь, чтобы она с вами жить начала? Настя, небось, не в восторге будет.

— Это совершенно не твоё дело, Андрей, — ответил Игорь холодно. — Как я захочу, так и будет. И я попросил бы тебя воздержаться от комментариев.

— Как скажешь, бать, — хмыкнул сын иронично. — Как скажешь, так и будет. Ладно, я действительно пойду. Завтра можно позвонить с утра?

— Можно, — кивнул Игорь. — Пошли, провожу и дверь за тобой закрою.

— Да я бы Настю...

— Не надо Настю.

— Диктатор ты, бать, — буркнул Андрей себе под нос. — И как она терпит только такого...

— Кто — она?

— Да эта твоя... Ксения.

— Молча. И ты лучше помолчи, за умного сойдёшь.

Сын недовольно фыркнул, но всё же промолчал.

Ксюша сидела на постели в одной ночной рубашке и смотрела в окно, не включая свет. И впервые поймала себя на мысли, что ей нравится здесь. Несмотря ни на что — ни на высоту, ни на особенности этой квартиры, так не похожей на остальные квартиры, где она бывала. Но больше всего Ксюшу, как и раньше, завораживал вид из окна. Весь город как на ладони, и столько разноцветных мигающих огней...

— Ты почему свет выключила? — спросил Игорь тихо, подходя ближе. Ксюша повернулась к нему и заметила, что он держит в руках какую-то тарелку и стакан воды.

— Захотелось посмотреть на ночную Москву.

— Тогда я включу настольную лампу. Мне нужен хотя бы небольшой свет.

— Хорошо, — она улыбнулась, с любопытством всматриваясь в принесённую тарелку. — А что там у тебя?

— Сейчас увидишь.

Комнату озарил неяркий свет настольной лампы, и Ксюша на секунду зажмурилась — но освещение было слабым, и она почти тут же открыла глаза. И изумлённо раскрыла рот, глядя на то, что держал в руках Игорь, опускаясь на постель рядом с девушкой.

— Ох...

— Ты однажды сказала, что не пробовала чёрную икру. Вот, теперь попробуешь, — прошептал мужчина, лукаво улыбаясь. Ксюша прижала ладони к лицу.

— Боже... Ты запомнил.

— Ну, я отнюдь не «боже». И да, я запомнил, — засмеялся Игорь и поставил ей на колени тарелку. — Дегустируй.

Ксюша молчала, глядя на два бутерброда, глотала слюнки и не знала, что еще сказать. Она была поражена до глубины души.

Он запомнил. И, улучив момент, принёс ей то, о чём она уже давно даже не мечтала. Ксюша тысячу лет назад смирилась с тем, что ей никогда не увидать и не попробовать некоторые вещи, и не особенно горевала по этому поводу. Не всем в этой жизни достаётся всё.

— Спасибо, — прошептала она, протягивая руку и дотрагиваясь до плеча Игоря.

— Пробуй, девочка. Интересно, что скажешь.

— Только если ты съешь второй бутерброд.

— Конечно, съем. Я его себе и принёс. Не удержался от искушения. — Он фыркнул. — Во всех смыслах этого слова.

Ксюша засмеялась.

— Я рада, что ты не удержался.

И это было правдой. Даже Андрей не заставил её пожалеть о том, что она стала женщиной Игоря. А раз и Андрей не сумел, то и ни у кого другого не получится.

Если только у самого Игоря.

Ксюша аккуратно взяла в руки один из бутербродов и откусила кусочек. Честно говоря, она ожидала чего-то необычного, какого-то особенного вкуса, но... Икра была слабосолёной, с приятным рыбным вкусом и запахом, напоминающим запах моря и водорослей.

— Не понравилось? — спросил Игорь заинтересованно, и Ксюша взглянула на него с растерянностью. — Не переживай, я не расстроюсь, если тебе не очень нравится. Это ведь еда, а о вкусах не спорят. Я хотел, чтобы ты попробовала.

— Ну-у... — протянула Ксюша, откусывая ещё один кусочек. — Вкусно, конечно... Но красная вкуснее.

— Мне тоже красная больше нравится, — улыбнулся мужчина, поедая свой бутерброд. — И вообще не всегда самые вкусные вещи стоят дорого. Чаще всего как раз наоборот.

— А как же... креветки какие-нибудь? Они вкусные, но дорогие.

— Так не везде, девочка. На нашей планете есть места, где креветки стоят примерно столько же, сколько у нас семечки или обычный батон хлеба. Просто сюда их везут, отсюда и стоимость, ну и накручивают прилично. Так что... чёрная икра — вещь хорошая, но селёдка круче.

— А я не люблю, — фыркнула Ксюша.

— Хорошо. Тогда так: солёные огурцы круче. И квашеная капуста.

— Согласна.

Ксюша решила задать этот вопрос, только когда они уже легли и совсем выключили свет — боялась, что иначе Игорь разглядит выражение её лица, и сразу обо всём догадается. Ей ведь достаточно сказать, что первый курс она провела на факультете журналистики в том же институте, где учился Андрей. Игорь сопоставит возраст и поймёт — они просто не могли не пересечься. А дальше всё будет как снежный ком, одно зацепится за другое.

Поэтому нужно быть осторожнее.

— Скажи... — прошептала она, прижимаясь щекой к груди Игоря. Поцеловала, потёрлась носом о тёплую кожу и слегка улыбнулась, когда мужчина удовлетворённо вздохнул. — А почему у твоего сына другая фамилия?

Игорь прижал её крепче, и Ксюша, совсем осмелев, закинула на него одну ногу.

— А он назвал свою фамилию?

— Да, когда представлялся.

Враньё, но проверять такую фигню Игорь не будет. Да и как это проверить? Никто же не снимал на камеру их встречу. И Ксюша подумала, что это наиболее безопасный способ вывести Игоря на разговор о сыне — ведь он не знает, что она в курсе ответа на свой вопрос. Зато прекрасно понимает, как это должно было странно прозвучать для неё — Игорь-то Венчур, а Андрей почему тогда Аракчеев?

— Ясно. Марина, моя первая жена... Она всегда была амбициозна, и на мой взгляд,

абсолютно напрасно амбициозна. Она гордилась фамилией вместо того, чтобы гордиться деяниями. И совершенно ничего не хотела добиваться сама, только требовала подвигов от окружающих. За время нашего недолгого брака я так устал от бесконечных упрёков в собственной несостоятельности, дурацкой фамилии, неудачливости, несообразительности... Всего и не упомнить. Но я поначалу не обращал на это внимания, слишком уставал на работе. Тогда были тяжёлые годы. А когда Марина была на последних месяцах, она всё чаще стала заявлять, что её сын будет носить фамилию Аракчеев. Именно так — «её сын». Я не спорил, не желал волновать. Попытался уговорить после родов, но Марина так истерила, что я в конце концов сдался. Вот и вся история.

Игорь рассказывал спокойно, но Ксюша всё равно чувствовала — ему было безразлично. Даже спустя столько лет. Не обидно, не больно — просто безразлично.

— А почему вы с ней развелись?

— Хотела же про Андрея спросить... А сама! Глупая влюблённая дурочка. И ревнивая, к тому же.

— Ох, Ксения, — засмеялся Игорь, целуя её в лоб. — Да ничего там не было особенного, никаких измен, диких скандалов или тайн. Просто Марине однажды надоело, что я вечно пропадаю на работе, которая в то время не приносила денег, а мне надоело, что меня вместо заботливой хозяйки встречает разъярённая фурия и постоянно чего-то требует. Я говорил — она амбициозна. Мне хотелось покоя хотя бы дома, Ксения. Но... Марина и покой — вещи несовместимые. Она после развода очень быстро нашла себе мужа, буквально за полгода, и счастливо живёт с ним до сих пор.

— А как она так умудрилась, со своей скандальностью?

— Ну о подробностях я могу только догадываться. Я думаю, там просто было не о чем скандалить. Деньги, статус, положение — в Марининых руках оказалось сразу всё, что ей было нужно, тогда как я в то время только пробивал себе путь вверх.

— Понятно. А как её новый муж относился к Андрею?

Ксюше показалось, что Игорь поморщился.

— Нормально. Особенно не любил, но и не травил. Ничего плохого я не могу про него сказать. Только про себя.

— Про себя? Почему?

— Ксения... — Он вздохнул. — Ну ты представь себе девяностые годы, и человека, который пытается наладить собственное дело. Там не то, что на детей — на сон времени не было. Если бы Андрей жил со мной... Но мне, чтобы его увидеть, необходимо было ехать за город, в Подмоскowie. Сама понимаешь, насколько часто у меня это получалось. Так что по сути Андрея воспитывал не я, а отчим.

«И получилось у него это хреново», — подумала Ксюша. Что ж, по крайней мере теперь понятно, почему Андрей такой гад.

— И это мой больной мозоль, Ксения. Я постоянно ощущаю свою вину перед сыном за то, что не уделял ему должного внимания. И по этой самой причине, — Игорь хмыкнул, — я даю ему деньги, когда он их просит.

— И часто просит? — Ксюша с трудом удержала себя от сарказма. Зная Андрея, можно предположить, что частенько.

— Стабильно, — ответил Игорь с досадой в голосе. — И надо бы перестать уже давать, но...

— Чувство вины?

— Именно. Ладно, девочка. Я понимаю, что тебе любопытно, но ты ещё успеешь узнать всё обо мне и моей семье. Давай спать?

— Давай, — прошептала Ксюша, вновь потеревшись щекой о грудь Игоря. И чуть улыбнулась, когда он умиротворённо вздохнул, погладил её по спине и сразу задышал спокойно и глубоко, уснув почти мгновенно.

Да и Ксюша почти сразу провалилась в сон.

Единственным, кому в ту ночь не спалось, был Андрей. Вернувшись в шикарную квартиру, которую он снял на две недели, Андрей выпил бокал мартини, раскурил косячок — баловался иногда, когда сильно чем-то грузился, — и лёг на постель в позе звезды.

Необходимо было разработать хороший детальный план, но в голове не было ни одной идеи, и он злился на себя. Батя на его месте, конечно, знал бы, что делать, а вот Андрей понятия не имел.

Ксюшка была настроена крайне агрессивно, даже более чем агрессивно. Он почти физически ощущал исходящую от девушки ненависть к себе, и не представлял, как с ней бороться. Говорят, конечно, что от ненависти до любви один шаг, но как этот шаг преодолеть? В теории-то всё классно звучит. А на практике?

Ладно. Как говорит его отчим: «Сначала пряник, потом кнут. Начинать надо с хорошего». Вот Андрей и начнёт с хорошего. Будет паинькой и лапочкой. Глядишь, расслабится Ксюшка рядом с ним, а там и... ножки раздвинет. А когда раздвинет, он сделает всё, чтобы она вернуться к отцу больше не захотела.

Ну... или не смогла. Только это уже будет кнут, а не пряник...

Утром Ксюша сказала Игорю, что после работы она всё же поедет домой — ей было как-то невежливо оставлять Инну Васильевну одну в первый же день после командировки. Он не спорил, просто кивнул и уточнил, что она решила в таком случае насчёт четверга.

— Я постараюсь, — ответила Ксюша, подумав: не лучше ли пересидеть у себя, дожидаться, пока Андрей уедет, а потом уже ночевать у Игоря? Мало ли, когда ему придёт в голову заявиться сюда в следующий раз.

Как она аккуратно выяснила утром, Аракчеев постоянно жил в Питере, в Москву навещался крайне редко. Вот и хорошо, вот и не надо навещаться! Конечно, Ксюша предпочла бы, чтобы Андрей жил где-нибудь на Марсе, или вообще на Плутоне, но на худой конец и Питер сойдёт.

— Сын сегодня хотел в гости к нам прийти, — сказал Игорь уже перед самым выходом. — Я с ним сам разберусь, а вот в субботу...

— А в субботу меня к себе Стася пригласила, — испуганно брякнула Ксюша, и чуть не застонала: ну зачем так откровенно врать! Тем более что Стася про собственное приглашение даже не в курсе.

— Я могу пойти с тобой? — уточнил Игорь, и Ксюша от растерянности чуть на пол не села. Доигралась! Точнее, довралась.

— Я... спрошу. А ты... хочешь?

— Конечно, — кивнул он, улыбнувшись. — Мне будет интересно познакомиться с твоими друзьями, Ксения.

— Я спрошу, — повторила девушка, думая, как бы теперь это Стасе объяснить...

Но Стася восприняла дикую и абсолютно неоправданную идею «а давай я к тебе в субботу приду в гости», как нечто классное и само собой разумеющееся.

— Здорово! Заодно заберёшь свою одежду, которая у нас еще со свадьбы валяется, Сашка её из моей квартиры к субботе притащит. Ну и... пива выпьем.

— А тебе можно? — пошутила Ксюша и хихикнула, расслышав показательно рассерженное пыхтение подруги.

— Пока да! — рявкнула Стася. — Вы с Сашкой два сапога пара, блин! Он тоже меня постоянно стебёт теперь. А тебе можно то, а это, а вот это? А если ты уже беременная? Задолбал!

— Ну вот нас обоих и убьёшь в субботу. И... Стась... Могу я не одна прийти?

Подруга пару секунд озадаченно молчала.

— Не одна? А... с кем?

— Увидишь.

— О! — оживилась Стася. — Я с радостью посмотрю на твоего... м-м-м...

— Мужчину, — подсказала ей Ксюша наиболее дипломатичное определение. — А я — на твоего. Давно Сашку не видела.

— Угу. С понедельника!

Они обе фыркнули и рассмеялись, и Ксюша сразу почувствовала себя еще лучше.

В конце концов, не стоит Андрей её переживаний. Ничего он ей не сделает, у него нет над ней власти. А вот у неё над ним — есть. Только Ксюша этой властью не воспользуется, чтобы не огорчать Игоря.

Он, как она поняла, и так за сына переживает, а тут еще и их отвратительная история...

Подходя вечером к квартире, Ксюша улыбалась. Она уже успела сильно соскучиться по Инне Васильевне, и теперь слегка подпрыгивала от нетерпения.

— Ксюня! — завопила женщина с кухни, как только девушка открыла входную дверь и вошла в коридор. — Я вернулась!

— Я слышу, — улыбнулась Ксюша, поставила сумку на банкетку, переобулась в тапочки и побежала на весёлый голос своей квартирной хозяйки, чтобы обнять её.

— Схуднула, — сразу же сказала Инна Васильевна, похлопав Ксюшу по бокам. — Опять один кефир пила?

— Почти, — фыркнула девушка. — Ряженку.

— Значит, сейчас будем ужинать! Садись, рассказывай, а я пока супчика твоего нам налью. Я еще картошки сварила и мяса пожарила. Будешь?

— Буду, — благодушно отозвалась Ксюша, опускаясь на табуретку. — Да у меня ничего особенного не случилось...

— Ой, врёшь, девка, — хмыкнула Инна Васильевна. — По лицу вижу — врёшь. Что, соблазнил тебя таки твой волчище?

Интересно, как она это по лицу увидела?

— Соблазнил, — кивнула Ксюша, почему-то ни капли не смутившись. — И я, наверное, теперь иногда у него буду ночевать. Ничего?

— Ничего. Главное, чтобы ты довольна была. А я вижу — довольна. Может, благодаря ему ты, Ксюня, всё-таки вспомнишь, что ты женщина, а не манекен.

Ксюша подняла брови.

— Почему ма?екен?

— Потому что на мужиков ты не реагировала. После этого волчищи, может, начнёшь.

Девушка засмеялась, но не стала уточнять, что после этого волчищи, скорее всего, больше никого и никогда у неё не будет.

— Как ваша командировка?

— Хорошо. В смысле — хорошо, что закончилась. Я, кстати, водочки привезла. Будешь водочку? Конечно, не то вино, которое тебе твой волчище дарил, но...

И тут в дверь позвонили.

Ксюша и Инна Васильевна переглянулись.

— Он вроде подарки по утрам присылал? — с подозрением протянула хозяйка квартиры, едва не пролив суп мимо тарелки.

— Угу, — буркнула Ксюша, вставая с табуретки. — Может, это и не он? В конце концов, я ещё не все конфеты съела...

Впрочем, она и сама не верила в то, что это не Игорь, точнее, не его подарок. Он же сам вчера говорил, что давно ничего ей не дарил.

И точно — за дверью оказался курьер с коробкой, а в коробке... Вино, но другое, не как в прошлый раз. И сырная тарелка с сырами аж целых семи видов.

— Отлично! — восхитилась Инна Васильевна. — Хоть кто-то тебя кормит, кроме меня. Молодец волчище, одобряю. Значит, водочку на потом отложим, а сегодня винцо откроем? Что скажешь, Ксюнь?

— Соглашусь, — вздохнула девушка. — Подождёте меня пять минут? Я хочу...

— Да поняла я — позвонить ему хочешь. Звони, только недолго, а то суп остынет.

— Ладно.

В своей комнате Ксюша быстро набрала Игоря и, услышав его спокойный голос, произнёсший «Да, моя девочка», вздохнула ещё раз.

— Спасибо.

— Не за что. Я подумал, что вам с твоей хозяйкой захочется отметить её возвращение. Надеюсь, понравится.

— Понравится, — она улыбнулась. — Я даже не сомневаюсь. — И, чуть помолчав, добавила: — Я очень соскучилась.

— Я тоже, Ксения, — сказал Игорь тепло. — Надеюсь увидеть тебя завтра.

На заднем плане кто-то что-то сказал, и Ксюша узнала голоса Андрея и Насти. И не удержалась от вопроса:

— Андрей у тебя?

— Да, только что пришёл.

— Ясно, — она сглотнула. — Тогда хорошего вам вечера.

— И тебе, моя девочка.

Игорь положил трубку и повернулся к своим детям, которые в это время увлечённо поедали мороженое. Андрей его любил ничуть не меньше, чем Настя.

— Твоя... — сын показательно запнулся. — Девочка звонила?

Болтающая Настя моментально замолчала, с виноватым видом облизывая ложку.

— Андрей. Моё терпение не безгранично.

— А что я такого сказал?

— Ты знаешь.

Он поджал губы.

— Ладно. Извини. Просто... блин, в голове не укладывается. Тебя же никогда на молодух не тянуло, а тут... Ты ведь её в два раза старше!

— Андрей, — Игорь усмехнулся, недобро блеснув глазами, — если ты хочешь, чтобы этот «семейный вечер» закончился, даже не начавшись, я легко могу это устроить.

Сын поморщился.

— Хорошо-хорошо. Больше не буду.

К удивлению Игоря, Андрей сдержал слово и о Ксении в течение ближайших двух часов не заговаривал, даже не заикался. Вот только было поздно — картинка в голове Игоря сложилась окончательно и бесповоротно. Слишком уж виноватой выглядела его дочь.

И после ухода Андрея он просто посмотрел на Настю долгим понимающим взглядом. Ничего не говорил, только смотрел.

— Что? — занервничала девочка.

Игорь чуть слышно вздохнул. Выпороть бы её, да большая уже.

— Никакого мороженого. Месяц, Настя.

Она охнула.

— За что?!

— Два месяца.

Несколько секунд дочь молчала, но потом всё же опустила голову, признавая поражение.

— И это, на мой взгляд, ещё слабое наказание за очередное твоё вмешательство в мою жизнь.

— Это и моя жизнь тоже! — возразила Настя, и в глазах у Игоря на мгновение потемнело от ярости.

— Нет, Настя! — рявкнул он. Дочь вздрогнула, и мужчина понизил голос. — Нет. Мои взаимоотношения с Ксенией — исключительно наше с ней дело. И если я ещё раз пойму, что ты вмешиваешься, наказание будет гораздо суровее.

— Год не есть мороженое? — шмыгнула носом девочка.

— Хуже. И я не советую тебе тестировать пределы моей фантазии. Ты поняла?

Она кивнула.

— Угу. А Андрея ты как накажешь? Он ведь тоже виноват.

— Он виноват пока только в неуёмном любопытстве к моей женщине. Так что пусть живёт.

— Несправедливо!

Игорь хмыкнул.

— Не хочешь страдать в одиночку? Не переживай, Настя, Андрея я тоже накажу, но как, не твоё дело.

Он развернулся и хотел выйти из кухни, но в спину прилетел очередной торопливый — будто дочь боялась передумать — вопрос.

— Ты женишься на Ксюше?

Игорь чуть не споткнулся.

Значит, вот чего боялась Настя. А он-то думал, что она просто рассказала сыну про любовницу отца. И наказывал её за болтливый язык, а не за что-то другое.

Получается, Андрей приехал, чтобы спасти Настю от возможной мачехи. Какое благородство! И какая невероятная глупость.

Жениться на Ксюше? Игорь не думал об этом, но почему бы и нет? Хорошая, ласковая и спокойная девочка, не склонная к истерикам. Подумать определённо стоило...

Но в любом случае это будет не сейчас.

— Возможно, — усмехнулся Игорь, всё-таки выходя из кухни под тихое, но очень возмущённое сопение Насти.

За ужином я рассказала Инне Васильевне про Скай. Она расстроилась, но постаралась улыбнуться и заметила, что такова жизнь.

«И смерть», — хотелось добавить мне, но я промолчала.

А в остальном мы прекрасно посидели. И замечательное вино вкупе со вкуснейшим сыром от Игоря скрасили мне впечатление от пережаренного мяса Инны Васильевны.

Она сказала, что я расцвела. Я не замечаю этого, но наверное, она права. Я чувствую себя счастливой даже несмотря на Андрея.

Это он — то самое «пятно», о котором не знали ни я, ни Игорь. Зато об этом знали там, наверху. И теперь я думаю — зачем мирозданию понадобилось сталкивать нас с Игорем?

Я верю в судьбу и в то, что ничего не бывает случайно. Но пока не могу понять причину случившегося.

Какой урок я должна извлечь из этого? И наверное, не только я.

Но как же не хочется, чтобы Игорь узнал правду...

«Только не говори мне, что сейчас еще какой-нибудь подарок принесут», — написала

Ксюша утром следующего дня, и ей показалось, что телефон в ответ не пиликнул знакомой мелодией, а хмыкнул голосом Игоря.

«Не скажу. Сегодня мне не нужны курьеры, девочка. Мы ведь увидимся вечером?»

«Да!»

«Мне нравится этот восклицательный знак, Ксения».

«А мне нравишься ты», — ответила она, хихикая, и чуть с кровати не свалилась, прочитав ответ.

«Я даже смутился».

«Врёшь!»

«Я никогда не вру».

И смайлик. Хитренький такой, подмигивающий.

«Вот! Врёшь же, что не врёшь!»

«Каюсь. Отпустишь мне грехи сегодня вечером?»

Ксюша кашлянула.

«Я ещё не совсем готова».

«Я не в этом смысле, девочка. Но я рад, что ты подумала об отпущении грехов именно в этом смысле. Значит, я не зря стараюсь».

«Я даже покраснела».

«А вот ты не врёшь, я знаю. Так и вижу твои красные щёчки и смущённый взгляд».

Блин...

Нет, она должна держать марку и не показывать свою неловкость хотя бы в смс-сообщениях!

«Я тоже вижу. Твои не красные щёчки и хитрющие глаза. А еще я знаю, что ты возбужден. И хочу поласкать тебя губами».

Боже, что она пишет?!

Телефон с полминуты растерянно молчал, но затем всё-таки пиликнул.

«Убит».

Ксюша опять захихикала, а телефон еще раз зазвенел.

«До вечера, моя невероятная девочка».

«До вечера, Игорь».

Она хотела написать «мой любимый мужчина», но не решилась. Ни к чему навязываться.

Но иногда мечты, к сожалению, не сбываются. И когда в четыре часа дня телефон Ксюши вдруг зазвонил, она сразу почувствовала — что-то не так.

На экране высветился номер Игоря.

— Девочка моя, — сказал он, как только Ксюша взяла трубку, — мне сегодня придётся задержаться на съёмках часов до двух ночи. Прости.

Голос его был полон досады и сожаления.

— Ничего, — она постаралась улыбнуться. — Я всё понимаю, честное слово. Не страшно. Тем более что завтра пятница, и я после театра могу поехать к тебе.

— Ты не просто можешь, Ксения. Ты должна.

— Ладно, — засмеялась девушка. — Я должна. И поеду. И завтра... нам уже ничего не будет мешать.

— Отлично, — Игорь понизил голос. — Жду с нетерпением. Я позвоню тебе часов в

девять вечера, хорошо?

— Да, конечно.

— Может, попросить Романа тебя отвезти?

— Не надо. Я сама доеду, честно.

— Ты уверена?

— Разумеется, — она фыркнула. — Не нужен мне конвой.

— Как скажешь, девочка. Твоё слово — закон.

— А я думала — твоё!

— Ксения, — голос Игоря задрожал от сдерживаемого смеха, — клянусь, я тебя отшлёпаю.

— М-м-м, — протянула Ксюша. — Звучит многообещающе. А ладонью или чем-нибудь ещё?

Мужчина не выдержал и всё же рассмеялся.

— Ладонью. Хотя... Смотри как ты будешь себя вести. Если плохо, то я подумаю над твоим предложением, маленькая искусительница.

— Подумай-подумай.

— Нахалка, — кажется, Игорь восхитился.

— Это ты на меня так влияешь... искуситель.

— Ксения! — он хмыкнул. — Всё-всё, я сдаюсь. Ты сегодня в ударе. Разделала меня под орех.

— Грецкий?

— Макадамский. Я не очень люблю грецкие орехи.

— Буду знать...

— Всё, девочка, мне пора. В девять позвоню. Хорошего тебе вечера.

— И тебе, — прошептала Ксюша. Положила трубку и вздохнула, ощущая одновременно безграничное разочарование — от того, что не встретится сегодня с Игорем, — и безграничную любовь к нему.

И опять вспомнила загадку про человеческое сердце, которое вмещает в себя больше всего на свете. Казалось бы, куда уж больше? Но она любила его всё сильнее с каждой минутой.

Интересно, а как было у папы? И как он мог любить женщину, которая всю жизнь им пренебрегала? Неужели не встретил никого лучше?..

Мог. И не встретил.

Ксюше вдруг захотелось поговорить об этом с бабушкой. Тем более что она ей давно не звонила...

— Алло, Настёна, привет.

— Ну, привет.

Голос сестры был унылым, и Андрей усмехнулся. Сама ведь кашу заварила, а теперь недовольна, что расхлёбывать приходится!

— Ты говорила, что батя сегодня вечером с Ксюшкой встречается. А где? Знаешь?

— Не встречается. У него на работе чп какое-то, он звонил только что, сказал, очень поздно будет. Так что не встречается.

— Отлично, — улыбнулся Андрей, мысленно потирая руки. — Просто замечательно.

— Может, не надо? Он догадался, что это я тебе сказала.

— Ну так кто с виноватым видом на кухне сидел? По тебе, как по собаке, всё видно, сестрёнка. Но не переживай, сейчас ты будешь абсолютно ни при чём.

— Да он догадается...

— Не догадается. Ксюшка бате ничего не скажет, Настён.

— Не скажет? — удивилась сестра.

— Конечно. А батя Романа не попросил её домой отвезти?

— Не. Он Рому домой отпустил.

— Вообще шикарно. Ты говорила, что знаешь, где она работает. И где?

— Да в нашем доме. Тут же офисов полно.

— Хм, — Андрей на секунду задумался. — Ну ладно, попробуем. А теперь дай-ка мне Ксюшкин телефон...

Закончив разговор, Андрей положил трубку и удовлетворённо улыбнулся.

Он не знал, что там случилось у отца, но это всё было очень, ну просто очень кстати.

Ксюше почему-то было тревожно. И почему — непонятно. На работе сегодня всё спокойно, Виктора вообще нет, так что ещё спокойнее. Игоря она не увидит, сразу домой поедет, а там — Инна Васильевна, и хороший, мирный вечер. Такой же, как множество других до него.

И тем не менее — тревога нарастала, и хотелось убежать куда подальше, спрятаться и никуда не выходить. Ерунда какая-то...

Скорее всего, на неё так действует приезд Андрея. Растревожил душу, вот она и мается. Не надо даже думать о нём, это было восемь лет назад и никакого значения не имеет.

Ну да, не имеет. А если Игорь узнает?

Откуда? Ксюша не скажет, Андрей — тем более. Ему кормушку в виде отца терять совершенно не выгодно.

И шантажировать её Аракчеев не сможет, соответственно. Она его — да, а он её — нет.

Глупости это всё. Совершенно не о чем волноваться.

Успокоив себя подобным образом, Ксюша завершила свой рабочий день и поспешила на выход. Спустилась вниз, миновала турникеты, вышла на улицу, бодро зашагала к метро... и чуть не грохнулась, услышав позади знакомый до боли голос.

— Ксюш!

Ускорила шаг.

— Да стой ты! — Андрей оказался рядом почти моментально. — Я же специально тут тебя жду, другого времени мне не найти, ты всё с батей и с батей.

— Отвяжись! — рявкнула Ксюша, демонстративно отворачиваясь.

— Я отвяжусь, давай только поговорим. Просто поговорим!

— Нет.

— Ксюш!

— Нет!!!

В следующую секунду случилось сразу несколько вещей. Во-первых, Ксюша дошла до входа в метро, а соответственно, и до стены. Во-вторых, Андрей схватил её за руку, развернул лицом к себе, а потом рывком оттеснил к стене и, зажав свободной ладонью рот девушки, горячо зашептал:

— Я извиниться хочу, понимаешь? Извиниться! Выслушай меня, пожалуйста!

Ксюша сузила глаза и изо всех сил укусила Андрея за пальцы.

— Эй! — он поморщился и отнял руку от её рта. — Кусачая...

— Если ты сейчас же меня не отпустишь, я закричу.

— Не глупи, — Аракчеев натянуто улыбнулся. — Я просто хочу поговорить, по-хорошему поговорить. Ну пожалуйста, Ксюш.

— Я не желаю с тобой разговаривать.

Он явно разозлился.

— Да не разговаривай! Я с тобой сам могу поговорить, а ты просто послушай!

— Я и слушать тебя не желаю! Пусти сейчас же!

И тут Андрей, к полнейшему Ксюшиному удивлению, опустился перед ней на колени. Молитвенно сложил руки и горячо зашептал:

— Прости меня, умоляю. Я знаю, что дурак и полный идиот, но мне тогда было восемнадцать! Я сглупил и поступил бесчестно. Ксюш, я очень жалею!

— Жалеешь, значит? — она усмехнулась. — И чего же ты жалеешь? Может, денег своего отца? Ведь он, если узнает, наверняка денежный вентиль перекроет, и всё, капец котёнку.

Андрей заиграл желваками.

— Нет. Мне жаль, что я тогда так поступил. И если хочешь, я отцу сам всё расскажу. Чтобы ты убедилась...

— Сдурел? Не вздумай!

— Ну должен же я доказать тебе, что действительно жалею о случившемся, и деньги здесь ни при чём!

— Не надо мне ничего доказывать. Прекращай этот балаган и отпусти меня.

— Ксюш! — Андрей схватил девушку за руки, и она брезгливо их отдёргнула. — Ну что мне сделать, чтобы ты меня простила?!

— Встать с коле? и забыть про моё существование на веки вечные — достаточно?

Он вздохнул, но с колен всё же поднялся, однако в сторону не отошёл — вновь заговорил.

— Дай мне шанс исправить свою ошибку. Ксюш, пожалуйста. Ты ведь всегда была доброй девочкой...

— Ты не видел меня восемь лет, — сказала она насмешливо. — Откуда ты знаешь, что я осталась этой самой доброй девочкой? Ты на славу постарался, чтобы я из доброй девочки превратилась в злую ведьму.

Андрей криво усмехнулся.

— Я знаю. Ксюш, честное слово, я очень жалею. И я изменился за эти восемь лет, я уже не такой debil, как раньше.

Нет, он, видимо, не отвянет.

— Чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты меня простила.

— Прощаю. А теперь отойди, мне домой надо.

— Какое же это прощение! — воскликнул Андрей. — Ты просто так сказала, чтобы я от тебя отстал.

— Догадливый.

— А я хочу, чтобы ты на самом деле простила. Хочу искупить свою вину.

— Каким же образом? — съязвила Ксюша. — Может, ты опять хочешь меня трахнуть и снять это всё на камеру, а потом друзьям показать? Или вообще в интернет загрузить?

— Что ты такое говоришь?! — возмутился Аракчеев. — Я хочу, чтобы ты это забыла. И подружиться с тобой хочу! Вот и всё.

Всё, нафиг! Достал.

— А я не хочу! — рывкнула Ксюша, резко толкая Андрея в грудь. — Учитывай мои желания, если хочешь, как ты говоришь, искупить свою вину! Мне всё это совершенно не нужно, оставь меня в покое!

Он явно собирался сказать ещё что-то, но Ксюша не дала — толкнула ещё раз и со всех ног бросилась в метро.

Искупить он хочет. Эгоист хренов!? чего хочет она, даже и не подумал, безразлично ему.

Каким был, таким и остался!

Андрей с трудом удержался, чтобы не кинуться за Ксюшкой. Но всё же не кинулся — понимал, что этого делать не следует.

Первый ход сделан, теперь надо потихоньку и осторожно добиваться её доверия. Только как — чёрт его знает. Хоть бы батя куда-нибудь свинтил, было бы проще.

Теперь Андрей хотел Ксюшку еще сильнее. Прикоснувшись к ней, он ощутил такую невероятную эйфорию и душевный подъём, что едва не плюнул на всё и не поцеловал её в поджатые от гнева губы.

Как же она его пьянила! С самого первого дня — как наркотик. Андрей не понимал, что с ним — с чего он вдруг начал бредить обычной девчонкой, которая, к тому же, одевалась в бесформенные балахоны?

Но бредил. Обожал смотреть в её чёрные глаза — не глаза, а настоящие очи! — видеть в них доверие и трепет, а еще — толику восхищения. Обожал целовать сладкие неопытные губы, послушно открывавшиеся навстречу его движениям. Сжимать полные ягодицы, ощущая, как вздрагивает она под его руками. Ласкать мягкую и невероятно нежную грудь...

Чёрт, ну за каким хреном он об этом думает? Даже член встал, стоило вспомнить...

Особенно тот день — за пару дней до выигранного спора. Андрей тогда потащил Ксюшку в парк, свернул с одной из дорожек в кусты и зацеловал до потери сознания. Не выдержал, задрал ей футболку, спустил простенький бежевый лифчик и принялся покусывать манящие его тёмно-розовые, как две вишенки, соски.

Ксюшка извивалась, прижатая к какому-то дереву, и он на самом деле тогда чуть не взял её. И лучше бы взял! Вот так — в парке, под деревом, захваченный врасплох порывом собственной страсти к этой простушке. И никому бы не сказал об этом. Проиграл бы спор — и плевать.

Что бы было тогда?

Нет. Как так — проиграть спор? Он не мог проиграть! Он никогда не проигрывает.

Но всё же... интересно, что бы было тогда. Может, удалось бы отделаться от этого наваждения, которое преследовало его все восемь лет? Натрахался бы с Ксюшкой хорошенько и забыл её, как страшный сон.

А получилось, что не забыл. И с тех пор Андрею особенно нравились женщины, чем-то похожие на Ксюшку. Но всё равно — они то пахли не так, то смотрели, то обнимали

слишком смело, совсем не как она — нежно, нерешительно, невесомо.

Словно Ксюшка была не человеком, а ядом, который попал в кровь Андрея, и теперь медленно отравляет его. Бред!

Он так злился на неё тогда за это наваждение. За трепет в душе, за дрожание рук, когда они ласкали её тело. Так злился... И в тот день, раздев Ксюшку, Андрей развернул её спиной к себе, повалил на постель, прижав ладонью к кровати, чтобы не рыпалась, плюнул на ладонь, помочил собственной слюной пока ещё сухой вход в тело Ксюшки — и так засадил ей с размаха, что она вскрикнула от боли и заплакала.

Разве так может быть? Одновременно любить и ненавидеть. Презирать себя и наслаждаться процессом. Испытывать безграничную нежность и мучить до кровавых всполохов в глазах.

Наверное, не может. Но было ведь. И Андрей, сотрясаясь от страсти и наслаждения, ненавидел самого себя за то, что делал. Но не останавливался.

Не остановился и на следующий день, когда решил поведать однокурсникам о своём подвиге. Смеялся вместе с ними, испытывая к себе такое отвращение, что его тошнило.

Потом Ксюшка уехала, а Андрей, с грехом пополам сдав сессию, напился до зелёных чертиков и полной отключки. Не просыхал две недели, заливая в себя всё возможное и невозможное, в том числе марихуану и «витаминки»* в диких количествах. Сумасшедшие были денёчки...

(*«Витаминки» — экстази, наркотик.)

А если бы он отступил? Если бы не стал...

Да о чём он вообще думает?! Как это — не стал?! Спор — дело чести!

Точно, дело чести. Тогда какого хрена он ни разу за эти восемь лет не порадовался этому выигранному спору? Только злился.

А сейчас Андрей злился ещё больше. На себя — за то, что не может избавиться от наваждения. На отца — за то, что трахает Ксюшку. И на саму Ксюшку... за то, что она вообще существует на свете.

Нужно было успокоиться, и Ксюша позвонила бабушке сразу, как добралась до дома и поужинала с Инной Васильевной.

— Здравствуй, внученька, — бабушкин голос звенел от радости, и Ксюша сразу расслабилась. Улыбнулась и легла на кровать, подложив одну руку под голову. — Как ты, моя лапонька?

— Хорошо, баб Дусь, — ответила Ксюша почти искренне. — И даже очень хорошо. Наверное, ты будешь рада узнать, что я кое-кого встретила. Ты же всё беспокоилась, что я ни с кем не встречаюсь. Вот, теперь у меня есть... мужчина.

— Ох! — выдохнула бабушка. — Ксюшенька, это же замечательно!? я боялась, что ты... Ты же вся в отца! Как будто он тебя родил, не Оля. И я очень боялась, что ты влюбишься в какого-нибудь дурака и будешь всю жизнь страдать.

— Как папа? — усмехнулась Ксюша. — Что же ты, баб Дусь, маму дурочкой-то называешь.

— А она что, умная была? Эх, ладно. Теперь-то уж...

— Я как раз спросить хотела, — Ксюша закусила губу: спрашивать почему-то было немного страшно. — Может, ты мне сумеешь объяснить, как папа так... жил с мамой.

Неужели не нашлось никакой другой женщины, которая его оценила? Он ведь мог уйти.

— Ох, Ксюшка... — бабушка вздохнула. — Да куда бы он ушёл от тебя?

— От меня?

— От тебя. Как увидел в первый раз, в одеяльце завёрнутую, с красной мордашкой, спящую сном младенца — так и пропал. Любил тебя до безумия, трясся над тобой, хотя я поначалу боялась — не примет. Всё же не его кровь. Ох, даже говорить такое стыдно сейчас... Родной тебя считал, не мог оставить. В тебе счастье его было, вся его радость.

У Ксюши защипало в глазах, а грудь сдавило так, что сделать вдох никак не получалось.

— Он подрался за тебя один раз даже.

— Подрался? — она всё же смогла выдохнуть.

— Да. Мужик какой-то у него на работе сказал — мол, что ты, Игорь, пригрел на своей груди змею с чужим змеёнышем. Он, кажется, даже договорить не успел — Игорь ему вмазал так, что зубы посыпались. Еле оттащили.

Ксюша улыбнулась сквозь слёзы. Да, как же это похоже на папу. Он был готов защищать её от всего на свете. До последней капли крови.

— Оля даже ревновала, — засмеялась баба Дуся. — Бурчала — как так можно, любить ребёнка больше, чем жену. Один раз сказала — она же тебе не родная, так Игорь с ней неделю не общался, на кухне спал, на матрасике. Больше потом не заикалась.

— Ревновала? — повторила Ксюша медленно. — Но... мама ведь его не любила.

— Я тоже так думала. Пока Игорь не умер и Оля с ума от горя не сошла. Вот тогда и поняла — любила она его. Почему не признавалась, зачем делала вид, что равнодушна — не знаю. Трусила, наверное.

— Трусила?!

— Да, Ксюш, думаю, трусила. Твой-то папашка... который по крови... он ведь за Олей моей так ухаживал-обхаживал, ну просто загляденье. А как она сдалась и под него легла — интерес весь потерял. Вот Оля и боялась, что и Игорь так же. Пока она ему одолжение делает, она вроде как на коне, а если признается, что любит — окажется не у дел.

— Ерунда, — вырвалось у Ксюши. — Папа бы никогда...

— Да я знаю. И Оля в глубине души это осознавала, но страх... Он был сильнее.

— Жаль, что папа...

— Нет, Ксюш, он понимал это.

— Понимал? Он... говорил тебе?

— Нет, что ты. Стал бы Игорь со мной о таком откровенничать...

— Тогда откуда?

— Мне так кажется, Ксюш. Наверное, я могу ошибаться... Но вряд ли. Твой папа никогда не был дураком, а мама... не особенно хорошо скрывала свои истинные чувства. Жаль, что прямо не говорила, он был бы рад услышать.

— Да. Очень.

— Но что мы всё о них, да о них... Расскажи лучше про своего мужчину. Господи, неужели у моей Ксюшеньки наконец ухажёр появился! С ума сойти!

Ксюша улыбнулась, смахивая слёзы с глаз. Бабушка права — хватит думать о родителях. Но совсем не думать не получалось.

— А его тоже зовут Игорь.

— Да? Ну, что ж... Будем надеяться, это имя второй раз принесёт тебе удачу. А где он работает и сколько ему лет?

Вот это уже было немного больно.

— Он продюсер, бабушка.

— Богатый, что ли? — она сразу забеспокоилась.

— Ну... обеспеченный.

— Ох. Балует тебя, надеюсь? Тебя надо баловать.

Ксюша засмеялась.

— Балует, даже чересчур.

— Чересчур баловать невозможно.

— Ещё как возможно, баб Дусь!

— Ну-ну. Значит, Игорь, и продюсер. И сколько лет?

Врать бабушке Ксюша не могла.

— Много, баб Дусь. В два раза больше, чем мне.

— Ох... — она вздохнула, помолчала немного и добавила: — Ксюшенька, ты... уверена?

В нём? Что больно не делает?

— Ну ба, уверенной ни в ком нельзя быть на все сто процентов. Пока он ни разу не делал мне больно.

— Хорошо, — бабушка, кажется, успокоилась. — Но если вдруг что — приезжай ко мне. Я соскучилась...

— И я. Но теперь только в конце октября получится, раньше не дадут мне отпуск.

— Ну в конце октября так в конце октября, что ж поделать. Главное — приезжай.

— Обязательно приеду, ба.

Ксюше не хватало Игоря этим вечером, хотя он действительно позвонил, как и обещал.

Но ей уже было мало его голоса...

Так она и сказала.

— Мне мало твоего голоса.

— Да? — он засмеялся. — А что же еще тебе нужно?

— Ты весь. Такая я жадина.

— Я тоже жадина, Ксения. Я люблю твой голос, но ты права — мне мало. Скажи... ты можешь завтра уйти с работы на пару часов пораньше?

Ксюша ответила, что постарается. Она надеялась, что Виктор отпустит её, она ведь очень редко отпрашивается...

— Что ты задумал?

— Увидишь.

И тут Ксюша решила спросить то, что давно хотела спросить.

— А почему ты никогда не дарил мне мягкие игрушки?

— Эм. А ты хочешь?

— Нет, наоборот. Я не люблю их. Просто... ты как будто бы знал.

— Я не знал. Я тоже их не люблю, вот в чём дело.

— А ты почему?

— Они для детей до десяти лет хороши, а взрослым и красивым девушкам надо дарить что-нибудь другое. А ты, Ксения? Из-за своего первого мужчины не любишь мягкие игрушки?

— Да, — ответила она кратко.

— Понятно. А что еще не любишь?

— Ну вот мягкие игрушки, особенно плюшевых мишек. Розы. Пирожные «картошка»...

И один мужской одекolon в голубой такой корбочке, не помню как называется. Ты им не пользуешься.

— Хорошо, что не пользуюсь...

А когда Ксюша, наговорившись с Игорем, положила трубку, она обнаружила на своём телефоне смс-сообщение от незнакомого номера.

«Я очи знал, — о, эти очи! Как я любил их, — знает бог! От их волшебной, страстной ночи я душу оторвать не мог. В непостижимом этом взоре, жизнь обнажающем до дна, такое слышалось горе, такая страсти глубина!»

Артист. Если Игорь — манипулятор, то Андрей — артист. Неужели он считает, что Ксюшу впечатлит подобная пошлятина?

«Я гада знаю, — о, этот гад! Как ненавижу — знает бог! Меня обманывать ты рад, и в этом ты убог», — быстро набрала Ксюша и поморщилась, когда пришёл банальный и предсказуемый ответ:

«Прости меня!!!»

«Иди в задницу», — ответила она, выключила звук на телефоне и легла спать.

Пусть сам с собой переписывается, сволочь.

— Алло.

— Привет, бать!

— Андрей... только побыстрее, ладно? Полтретьего ночи. Я с ног валюсь.

— Да я просто хотел узнать... Ты говорил, вы завтра в театр с Ксюшей идёте. Короче, я подумал... Можно нам с Настей тоже пойти?

Игорь усмехнулся.

— По двум билетам?

— Ну почему по двум, я еще два купил... Ты не против? Просто хочу пообщаться со всеми вами, влиться, так сказать, в семью.

Ну конечно. Влиться в семью, пообщаться... Ксению ты хочешь до дрожи в члене. И как сблизиться, не знаешь. Глупый ход.

И надо бы, конечно, предупредить Андрея, чтобы не вмешивался. Но сил нет совершенно. Завтра.

— Ладно, Андрей. Я не против. А теперь я, с твоего позволения, пойду спать.

— Да, бать, конечно, — сын явно обрадовался. Наивный. — Спокойной ночи!

— Спокойной.

Игорь положил трубку, вздохнул и покачал головой.

Эх, Андрей. Может, по возрасту ты Ксении и больше подходишь, но по мозгам — точно нет. С ней ведь так нельзя.

«Хотя с ней теперь никак нельзя, — подумал Игорь, улыбнувшись. — Она моя».

Но пусть дети сходят в театр, просветятся культурно. Это полезно, в конце концов. Меньше глупостей будет в голове.

Только утром Ксюша вспомнила, что сегодня корпоратив. Поморщилась — с учётом грядущего корпоратива Виктор мог и заартачиться, не захотеть отпускать её пораньше — а потом поморщилась еще сильнее, обнаружив на телефоне очередную балладу от Андрея.

«И вот оно — возмездье — настаёт.
«Предатель!» — дождь тебя наотмашь бьёт.
«Предатель!» — ветки хлещут по лицу.
«Предатель!» — эхо слышится в лесу.
Ты мечешься, ты мучишься, грустишь.
Ты сам себе всё это не простишь.
И только та прозрачная рука
простит, хотя обида и тяжка,
и только то усталое плечо
простит сейчас, да и простит ещё,
и только те печальные глаза
простят всё то, чего прощать нельзя...»* (*стихотворение Евгения Евтушенко)

Ксюша фыркнула и не удержалась от ответа.

«Вот именно — нельзя!»

Он опять что-то ответил, но она не стала читать — поспешила на работу.

А на работе... никто не работал, как всегда бывало в дни корпоративов. И Ксюша сразу подскочила к Виктору — заметила, что у начальника хорошее настроение.

Услышав просьбу уйти на два часа пораньше, Виктор фыркнул, но кивнул.

— Свидание? — и прищурился так хитренько. А заметив, что Ксюша поджала губы, рассмеялся. — Да ладно тебе. Я же вижу — светишься.

— Фосфора на завтрак поела. Спасибо за разрешение.

— Не за что.

В четыре часа Ксюша поспешила вниз, в холл первого этажа. Все остальные в это время готовились заканчивать свой рабочий день и грузиться в заказанные автобусы, чтобы ехать в ресторан. Ксюша попрощалась с коллегами, пожелала хорошо провести время и убежала к Игорю.

Он ждал её внизу, сидя на одном из диванов и уткнувшись в телефон, на котором был открыт какой-то документ. Почувствовав приближение Ксюши, улыбнулся, сунул телефон в карман, встал с дивана и заключил девушку в объятия.

Ксюша уткнулась носом в грудь Игоря и глубоко вздохнула.

— Я так рада тебя видеть.

И плевать ей было, что вокруг люди. Пусть смотрят. Пусть считают кем угодно, хоть шлюхой, хоть жадной до денег стервой. Главное — что Игорь знает правду. И она тоже.

— И я тебя, моя невероятная девочка, — он медленн^о провёл ладонью по Ксюшиной спине, — очень рад. Сейчас кое-куда ходим быстренько, потом поужинаем, и в театр.

— И куда же это мы ходим? — поинтересовалась Ксюша и подняла голову, чтобы посмотреть на хитрое лицо Игоря. — Опять ты что-то придумал.

— Придумал, — он потянул её к выходу, на ходу рассуждая: — Туфли мы с тобой забыли к платью купить, вот что я придумал. После того, что... случилось в примерочной, мы оба резко поглупели.

Ксюша засмеялась.

— Неудивительно. Я думала, вообще имя своё забуду.

— Но не забыла же. Значит, плохо я старался.

— Игорь!

— Что?

— Ничего. Радуюсь, что в обувных магазинах нет примерочных.

Мужчина фыркнул и посмотрел на Ксюшу с иронией.

— Действительно. А мне вот жаль, что их там нет...

Она уже почти научилась не обращать внимания на цены. Почти. Обратила всё-таки, поморщилась, вздохнула, но ничего не сказала. Туфли к платью действительно были нужны, не в кроссовках же идти? Молодец Игорь, что вспомнил. А вот у Ксюши эти туфли совсем из головы вылетели...

И в ресторане она просто заказала себе то, что захотела съесть, толком не посмотрев на цену. Чуть улыбнулась, заметив довольное лицо Игоря, и внезапно почувствовала себя счастливой.

— Я нашла лекарство, — сказала Ксюша. Игорь вопросительно поглядел на неё, и она пояснила: — Лекарство от своего комплекса по поводу твоих денег. Точнее, не так... Я приняла это лекарство. Ты мне его принёс, и я приняла.

— Что же я принёс?

— Ты тогда сказал, что я могу захотеть тебя порадовать. И я действительно хочу тебя радовать, и не желаю огорчать своим... упрямством.

Игорь удовлетворённо кивнул и взял Ксюшу за руку.

— Я тоже не желаю огорчать тебя, девочка. Поэтому если что-то будет чересчур — говори мне. Ладно?

— Да, хорошо.

Но «чересчур» пока ничего не было. До тех пор, пока Ксюша и Игорь не вернулись к нему в квартиру, чтобы она могла переодеться и переобуться, и Настя не сказала:

— А Андрей когда придёт?

Ксюша аж покачнулась. Игорь придержал её за локоть и ответил:

— Мы с ним возле театра встречаемся. Да, Ксения, совсем забыл... с нами сегодня Настя с Андреем поедут культурно просвещаться.

— Я поняла, — пробормотала Ксюша, испытывая почти непреодолимое желание развернуться и, как сказала бы Инна Васильевна, удристать. Сдержалась и добавила: — Что ж, вместе веселее.

Игорь кивнул, глядя на девушку как-то странно.

— Пойдём переодеваться.

Чтобы отвлечься от жутковатых мыслей, Ксюша спросила, уже заходя в комнату:

— А нас Борис повезёт? Или ты сам за рулём будешь?

— Я, — сказал Игорь, доставая из шкафа платье. — У Бориса дела сегодня вечером, да и я не планировал его брать изначально на наше с тобой свидание. Андрей и Настя стали неожиданным дополнением. И ты, как я понял, этому дополнению не рада.

— Ну почему? — Ксюша через силу улыбнулась. — Просто я тоже не ожидала.

Игорь не стал больше ничего спрашивать, только протянул ей платье и уселся на постель, не отрывая от Ксюши взгляда.

— Отвернёшься, может? — она засмеялась, берясь руками за края футболки. — М-м-м?

Игорь покачал головой, и Ксюша, фыркнув, стянула футболку и кинула её прямоком в него. Он улыбался, но глаза у него были дикие, страстные.

— Уже жаль, что нужно идти в театр? — поинтересовалась Ксюша, начиная

растёгивать джинсы.

— Немного, — протянул Игорь.

— Ах, немного...

Стриптизёрша из неё, конечно, так себе, но и этого хватило, чтобы он не выдержал — усадил её на колени и впился в губы со всей страстью мужчины, который хочет женщину.

— Тебе так скоро тоже придётся переодеваться... — прошептала Ксюша, поглаживая напряжённые плечи и руки Игоря. Он только хмыкнул, растёгивая ей бюстгальтер. — Эй! Я не планировала его снимать!

— Зато я планировал...

Горячие губы захватили напряжённый сосок, потянули его, и Ксюша охнула. Что же он делает, им ведь выходить через полчаса...

Но Игорю, видимо, казалось, что полчаса — это очень много. Он аккуратно сдвинул тонкую ткань трусиков в сторону и начал ласкать нежную плоть под ними. Тербил, сжимал и оглаживал, входил внутрь пальцем, одновременно с этим целуя и покусывая грудь Ксюши, и ей не понадобилось много времени, чтобы погрузиться в собственный экстаз — с таким-то напором...

— А как же ты? — простонала девушка, когда Игорь вынул из неё пальцы, поправил бельё и легонько шлёпнул по ягодице.

— А я... — он усмехнулся, сверкая возбуждёнными глазами. — Я всё получу вечером. Да, Ксения?

— Ага, — вновь простонала она, потому что Игорь, лизнув один из сосков, чуть подул на него. — Перестань... Я сейчас совсем разум потеряю!

— Я рад, — сказал Игорь, потянувшись к её губам. Поцеловал и продолжил: — Рад, что тебе нравится, Ксения. Не знаю, кем был твой первый мужчина... Но я помню, как ты говорила, что мы с ним несравнимы. И надеюсь, так будет всегда.

— Не сомневайся, — улыбнулась она, вставая с колен Игоря.

Но это было ещё не всё. И Ксюша, надев на себя тонкие колготки и платье, а потом переобувшись в купленные недавно красные туфельки, застыла, ощутив лёгкое прикосновение к шее. Опустила голову... и охнула, поняв, что именно делает Игорь.

О? застёгивал на её шею очень красивое ожерелье. Тонкое и кажущееся простым, но элегантное — плетение напоминало цветы с красными сердцевинками, вокруг которых переливались и блестели капельки влажной росы.

— Боже... — Ксюша схватилась за ожерелье, как только Игорь застегнул его, и резко обернулась к мужчине лицом. — Ты... я...

— Просто скажи «спасибо», девочка, — улыбнулся Игорь, погладив её по щеке. — Больше ничего не надо. Тебе идёт.

Она никак не могла найти слов. С одной стороны, возмущение — это же, наверное, безумно дорого! — а с другой — бесконечное восхищение красотой подарка.

— Спасибо, — выдохнула всё же в итоге, легко поцеловав Игоря в губы. — Спасибо тебе.

— Ещё серьги есть, — он хитро прищурился. — Также потрясающие. Но у тебя же ушки не проколоты, поэтому... пусть полежат до лучших времён. Да?

Ксюша не выдержала и захихикала.

— Хитрец. Манипулятор. Режиссёр.

— Я продюсер вообще-то.

— И это тоже! Ловко ты... значит, мне теперь надо уши проколоть?

— Как хочешь, — пожал плечами этот манипулятор. — Не хочешь — пусть серьги валяются. Потом Настя экспроприрует, так что не пропадут в любом случае.

— Ладно. Проколю. Только... не в ближайшее время, ладно? Мне необходимо смириться с этой мыслью.

— Мирись, девочка. — Игорь провёл ладонью по линии ожерелья на её шее. — А я пока придумаю, чем ещё тебя порадовать.

— Мне бы твою фантазию. Чем мне порадовать тебя?

Он так усмехнулся, что Ксюша сразу поняла, о чём он думает.

— Хорошо, — она улыбнулась и провокационно облизнула губы. — Сегодня вечером.

— Буду ждать, — засмеялся Игорь.

Последнее время Настя была какой-то хмурой, и Ксюша, пока они ехали в театр, изо всех сил старалась её расшевелить. Девочка улыбалась, даже что-то отвечала, но глаза всё равно оставались грустными и словно виноватыми.

Впрочем, с Ксюшей Настя общалась непринуждённо, а вот между ней и Игорем появилась натянутость. Такая натянутость обычно бывает, когда ребёнок что-нибудь натворил, и знает об этом. И родитель знает, что ребёнок знает. Но оба по какой-то причине молчат.

Ну что ж, Настя непоседа — она действительно вполне могла что-то натворить, хоть и не со зла. Игорь совершенно правильно считает — ответственности ей пока не хватает.

Интересно, а сама Ксюша какой была в тринадцать лет? Она уже с трудом могла вспомнить. Надо будет спросить у бабушки.

Разодетый в безукоризненно выглаженный тёмно-синий костюм Андрей ждал их возле входа в театр, и Ксюшу слегка затошнило. Удивительно, до какой степени иногда может доходить неприязнь к конкретному человеку... А ведь в институте она от счастья растекалась, стоило только ему рядом оказаться или просто улыбнуться. Дура.

Теперь же Ксюша старалась держаться подальше от Андрея, постоянно вставая с другой стороны от Игоря и цепляясь за его локоть, всем видом показывая — я с этим мужчиной. Только с ним.

Андрей, правда, пока вёл себя хорошо, даже безукоризненно. Обращался к Ксюше исключительно «Ксения» и на «вы», рассказывал смешные истории, и она пару раз негромко хихикнула — не удержалась. Но почти сразу пожалела об этом — Андрей поглядел на неё с таким дурным счастьем во взгляде, что Игорь не заметить его просто не мог.

А потом они вчетвером прошли в зал, и Ксюша вздохнула с облегчением — билеты у Андрея были на другие места, подальше. Как пояснил девушке Игорь, это из-за того, что он позже их покупал. Андрей был явно огорчен этим фактом, а вот Ксюша обрадовалась. Чем дальше от неё — тем лучше!

— Тебе не нравится мой сын, — сказал Игорь ей на ухо, как только они уселись и стали ждать начала спектакля. — Интересно, почему.

— Почему не нравится? — натянуто улыбнулась Ксюша. — Парень как парень. Я просто ко всем отношусь настороженно. Это только ты сумел прорваться сквозь мою броню.

— Я старался, — усмехнулся Игорь, погладив девушку по коленке. — Но всё-таки тут что-то большее, Ксения. Он тебе кого-то напоминает?

Она на секунду замешкалась, но всё же кивнула.

— Твоего... первого?

— Да. Немного.

Врать нехорошо, но не могла она правду сказать!

— Знаешь, — произнёс Игорь медленно, — Андрей, конечно, шалопай и зачастую поступает бессовестно, но не мерзавец. Хотя я могу ошибаться, конечно, я отец всё-таки.

«Можешь», — подумала Ксюша с грустью, а вслух произнесла:

— Я понимаю. Это произвольно получается, но я буду стараться бороться с собой.

— Не надо. Я даже рад, что он тебе не нравится, — улыбнулся Игорь, и Ксюша удивилась.

— Рад?

— Конечно. Прости, девочка. Я не хочу, чтобы ты от меня ушла. Вокруг столько молодых людей, которым я явно проигрываю в плане возраста.

Она возмущённо запыхтела и уже собиралась ответить, но тут погасили свет, Игорь сказал «тс-с-с!», и Ксюша замолчала.

Ладно уж. Она ему в а?тракте уши надерёт. Или дома.

— Ну как успехи? — спросила Настя уныло, когда они сели на свои места. — Смотрю, Ксюша тобой не впечатлена.

— Угу, — хмыкнул Андрей. — От бати взгляда не отрывает, удивительно. Кто бы мог подумать...

— Слушай... ну и, может, не надо? Оставь ты Ксюшку в покое.

— Да ладно? Ты уже хочешь мачеху?

— Не хочу.

— Тогда в чём проблема?

Настя вздохнула.

— Папа счастлив. Доволен. И мне стыдно.

— Да ну, перестань. Ты же ничего не сделала, подумаешь, позвонила мне. Телефон еще дала Ксюшкин, но это так, мелочи.

Сестрица не ответила, только поджала губы. Андрей усмехнулся — глупая она пока всё-таки. Заварила кашу — теперь расхлёбывай. А Настя всё на попятную норовит свернуть. Можно подумать, он ей даст!

Спектакль Андрей толком и не смотрел. Сидел, пялился на Ксюшкин затылок и вспоминал.

Удивительно, как много хранит в себе человеческая память, особенно если её неосторожно затронуть. Он ведь нормально жил без этой женщины, и вспоминал только иногда, в основном когда кувыркался с какой-нибудь тёлкой в постели.

Сколько девок у него уже было? Самых разных девок. Много. Некоторых Андрей даже вспомнить толком не мог. А вот Ксюшку — мог.

Если бы она только забыла обо всём, простила его. Ох, он бы расстарался. Всё бы для неё сделал. Всё, что бы ни попросила...

Но она ведь не простит. И не попросит.

Кончился первый акт, свет включили — начался антракт. Андрей увидел, что отец встаёт со своего места, улыбаясь, говорит что-то Ксюшке, а потом уходит. В туалет пошёл? Какая удача.

Он тоже встал, но Настя не дала уйти — схватила за руку.

— Не надо!

Андрей обернулся, выдернул свою ладонь из Настиных пальцев и покачал головой.

— Может, и не надо. Но не могу я иначе. Ты не видишь, что ли, Настёна? Я её люблю.

— Любишь? — выдохнула сестра, хлопая глазами.

— Люблю, — подтвердил Андрей, отвернулся и быстро зашагал вдоль рядов.

Когда он подошёл, Ксюшка дёрнулась, но ничего сделать не успела — Андрей плюхнулся рядом и, широко улыбнувшись, спросил:

— Как тебе спектакль?

— Чей? — огрызнулась она, отодвигаясь как можно дальше от него. — Твой так себе. А тот, что на сцене — отлично.

— Не злись, — Андрей поднял руки. — Я с миром. Хочу пригласить тебя кое-куда.

— Нет.

— Что — нет?

— Всё. Всё, что ты мне предложишь — нет!

Он фыркнул.

— Давно я не общался с такой несговорчивой особой.

— Не надо со мной общаться. Тем более, сейчас Игорь придёт.

— Игорь... Забавно. А тебя действительно совсем не смущает тот факт, что ты ему в дочери годишься?

Ксюшка не ответила, только мрачно сверкнула глазами.

— Или тебя это возбуждает? Не замечал в тебе раньше столь извращённых наклонностей. Молодые члены уже не устраивают, подавай постарше? Может, ещё и побольше? Не один, а два или три.

Андрей и сам осознал — он несёт бред, да еще и оскорбительный бред. Но... остановиться не мог, так его бесила вся эта ситуация.

Хотелось, чтобы всё было как раньше. Чтобы Ксюшка смотрела только на него, улыбалась только ему. А она спит с его отцом!!!

— Ещё одно слово, — сказала вдруг Ксюшка тихим, но каким-то очень страшным голосом, — и я достану из своей сумки баллончик со слезоточивым газом и брызну тебе в лицо.

— Не посмеешь.

— Уверен?

Она запустила руку в сумку, и Андрей нахмурился.

— Ладно тебе. Извини, погорячился. Но и ты меня пойми — мне тоже нелегко видеть тебя у бати в любовницах. Плюс я пытаюсь понять, как заслужить прощение...

— Считаю до трёх, — Ксюшка будто не слышала. — Раз...

— Ну перестань!

— Два...

— Ксюш! — Андрей попытался перехватить её руку, но тут у них над головой раздался обманчиво спокойный голос:

— Что здесь происходит?

Андрей в этот момент посмотрел на Ксюшку — и поразился тому, насколько вдруг посветлело лицо девушки, когда она услышала голос его отца. Секундой ранее Ксюшка хмурилась и выглядела разъярённой, теперь же она была настроена вполне благодушно.

Как батя её приручил?!

— Ничего особенного, — сказала Ксюшка бесстрастно и даже улыбнулась вполне мило. — Андрей пытался скрасить моё одиночество, но у него это плохо получилось.

— Да уж, — Андрей хмыкнул, освобождая место отцу. — Неважнецки получилось. Извини, батя. Пошёл я... к Насте.

— Иди, — кивнул батя, глядя на сына с мрачным предупреждением. Но длилось это всего пару секунд — потом он отвернулся, и Андрей не поверил своим глазам — лицо отца разгладилось, на губах появилась ласковая улыбка. Как и у Ксюшки минуту назад!

Что же это получается? Не только он её приручил, но и она — его?

Или это так... умиление дедушки перед наивной юностью?

Да ну, нет. Во-первых, батя до дедушки пока как до Китая, он во многом и Андрею фору даст, несмотря на свой полтинник. А во-вторых, Ксюшка не наивная юность.

Теперь уже не наивная...

Интересно... Как они ведут себя в постели? Посмотреть бы.

Впрочем, почему бы и нет? Это легко устроить...

— Он к тебе не приставал? — спросил Игорь, сжав в своей руке ладонь Ксюши. Гладил и перебирал пальцы, массировал запястье, и девушка чуть не застонала от удовольствия.

Но тем не менее соврала.

— Нет. Всё хорошо. Просто спросил, как мне спектакль.

— И как он тебе? — поинтересовался Игорь, поднося к губам её ладонь. Поцеловал все пальцы по очереди, потом перевернул и прижался губами к запястью.

— Нравится, — выдохнула Ксюша, вздрагивая не только от ощущений на запястье, но и от жаркого взгляда Игоря, который он не отрывал от её лица. Взгляда настолько жаркого, что Ксюша под ним просто плавилась. — Перестань... Мы в театре всё-таки...

Игорь чуть усмехнулся, подаваясь вперёд, и прошептал Ксюше на ухо:

— Ты невероятно чувствена, моя девочка. Я всего лишь поцеловал тебе руку, а ты... уже мокренькая, правда?

Она вспыхнула, но решила играть на равных.

— Да, — ответила с придыханием, легко касаясь губами щеки Игоря, — хочешь проверить?

Ладонь мужчины на её коленке чуть сжалась.

— Подожду до дома, — проговорил он низко, чувственно, и вдруг лизнул мочку уха Ксюши, отчего она вновь вздрогнула, охнула и схватилась за пиджак Игоря, словно боялась упасть. — Нас ожидает интересный вечер, правда, девочка?

— Правда, — она улыбнулась, почти касаясь его губ своими, но отстранилась — внезапно ощутила на себе взгляд Андрея. И взгляд этот был тяжёлым, злым, он будто бы кислотой плеснул Ксюше на кожу. Ей даже показалось, что она начала пузыриться.

Но в этот момент выключили свет, и девушка вздохнула с облегчением. Есть шанс, что Игорь всё-таки не заметил её нервозности и пристального внимания собственного сына, наполненного какой-то шальной ревностью.

Станный. Зачем она ему? Сейчас-то Андрей на неё не спорил. Если только хочет отца обскакать... Увести у него любовницу, а потом с наслаждением вытереть о Ксюшу ноги. Да, скорее всего, так и есть. Это ведь даже забавно — посоревноваться с собственным отцом. Доказать ему, что ты круче.

Но хрен он что докажет!

— А ты её... правда любишь? — выдохнула Настя, когда Андрей вернулся и сел в соседнее кресло.

— Правда, — он кивнул.

Любовь... Андрей всегда считал, что это очень эфемерное понятие. Любить можно и ковёр на полу, и собственноручно выловленную рыбу, и хороший мобильный телефон.

Любить — значит, хотеть объект этой любви для себя, и не для кого больше.

Ксюшку Андрей хотел. Безумно. Аж в паху болело.

— А когда ты успел? — удивилась Настя. — Ты же её пару дней знаешь...

— Не пару. Я Ксюшку знаю давно. — Он усмехнулся. — Так получилось, что мы встречались... восемь лет назад.

— Встречались?..

— Угу. Как парень и девушка.

Настя задумчиво закусила губу.

— А почему расстались?

Что бы такое соврать... поубедительнее?..

— Потому что дурак я был. Не понимал, насколько люблю. Обидел её, а она вот... не простила.

— А сейчас, думаешь, простит? — протянула Настя, и Андрей с трудом удержался от смеха.

— Да вряд ли. Но я буду стараться загладить свою вину. В конце концов, восемь лет прошло... Мы повзрослели, изменились.

Сестра молчала, и Андрей, покосившись на неё, осторожно спросил:

— Поможешь мне?

Взгляд Насти уверенным совсем не был, но она тем не менее кивнула.

— Хорошо. Помогу...

Когда спектакль закончился и Ксения с Настей отлучились в туалет, Игорь обратился к сыну.

— Хочу предупредить тебя, Андрей. — Голос его звучал спокойно, но всё равно немного угрожающе. — Не лезь к моей женщине.

Сын поморщился.

— Да не лезу я, с чего ты взял?

— Я не слепой, — Игорь усмехнулся. — Да и Ксения напрягается, я это чувствую. Не надо, Андрей. Найди себе другую игрушку.

— А в эту будешь играть ты? — огрызнулся сын. Но Игорь даже не разозлился — разве может большой и мудрый пёс сердиться на маленького и глупенького щенка?

— Именно. И я очень надеюсь, что ты не помешаешь мне в неё играть. Не стоит, Андрей. Я не шучу.

— Я понял, — пробурчал сын, отводя глаза. — Не нужна мне твоя Ксения, не волнуйся. У меня своих девок полно.

— Правильный подход, — кивнул Игорь. Впрочем, он не особенно поверил словам

Андрея.

Запретный плод, как известно, сладок. И Ксения была очень сладким плодом для его сына... Потрясающе сладким и красивым плодом, ради которого можно и рискнуть. Пусть даже он лишится возможности просить у отца деньги — Ксения того стоит. По крайней мере Игорь так думал. И непременно рискнул бы, будь он на месте Андрея.

Вот только Игорь не был на месте сына, поэтому прекрасно понимал — Ксения относится к тем типам женщин, которых невозможно завоевать. Их нужно брать по-другому. И в молодости у него на подобные вещи не хватило бы терпения.

Зато теперь хватило.

— Мы вернулись! — воскликнула выскочившая невеста откуда Настя, прижавшись к боку Игоря. Он обернулся — Ксения стояла сзади, буквально в двух шагах от них с Андреем, и улыбалась. Но только ему одному.

И Игоря вдруг кольнуло, да с такой силой, что он даже зубы сжал.

Моя. Никому не отдам. Ни за что. Даже если захочет уйти. Не позволю.

А Ксения продолжала улыбаться, даже не подозревая о том, что её заклеямили. И это собственническое чувство было настолько острым, диким и первобытным, что Игорь едва удержал себя от желания шагнуть вперёд и поцеловать свою женщину. И не только поцеловать...

— Поедем, — сказал он глухо, слегка усмехнувшись. — Пора домой.

Хорошо, что Андрей был?а собственной машине, и сразу после спектакля отчалил. Ксюша моментально расслабилась, а потом вообще задремала, уставшая после тяжёлого рабочего дня и длинного театрального представления. Но пришлось просыпаться и, широко зевая на пару с Настей, идти домой.

Домой... Она уже почти научилась называть квартиру Игоря домом, надо же.

Настя сразу побежала в одну из ванных комнат — «маленькую», она девочке нравилась больше, чем «большая», — а Игорь милостиво пропустил Ксюшу вперёд, во вторую ванную, ту самую «большую».

Девушка провела там минут двадцать — принимала душ, мыла голову, чистила зубы, переодевалась в ночное бельё. Оно у Ксюши по-прежнему было скромным — обычная ночная рубашка на бретельках и без кружавчиков — и она вдруг пожалела, что не купила ничего суперсексуального. Может, пора исправляться?..

Надела халат, вышла из ванной и направилась в комнату Игоря. По пути столкнулась с Настей в розовой пижаме — девочка пожелала им спокойной ночи и поскакала дальше. А Ксюша вдруг начала нервничать. Интересно, не слышала ли Настя, как она кричит? Игорь старается зажимать ей рот, но...

Неловко. Каждый раз Ксюша мысленно твердила себе: не надо орать. И каждый раз, ощущая Игоря внутри себя, не могла удержаться от криков. Странно и удивительно — если она сдерживалась, было приятно, но оргазм не наступал. А стоило заорать... Внутри как будто что-то лопалось — и Ксюшу накрывало, да так мощно, что в глазах словно звёзды мерцать начинали.

Но потом было стыдно за эти дикие крики. Хотя Игорю нравилось... И этот его шёпот «Какая громкая девочка... Очень громкая... И моя...» — от него у Ксюши между ног всё плавилось и горело.

Раньше она даже не подозревала, что настолько чувственна.

— Теперь я пойду умываться, — сказал Игорь, как только Ксюша вошла в комнату. — А ты ложись, не жди меня. Я вижу, что ты устала.

— Я дождусь, — прошептала Ксюша, но он, кажется, не услышал.

Игорь думал, что Ксения уже спит. Аккуратно открыл дверь, вошёл в полутёмную комнату, закрыл дверь и направился к кровати.

Горела только одна настольная лампа, отбрасывая разноцветные блики на прекрасные волосы Ксении, на её белую руку, что лежала поверх одеяла. И ему неожиданно захотелось поцеловать эту руку...

Но он не успел ничего сделать. Игорь только подошёл к девушке, как она вдруг села на постели и, легко улыбнувшись, потянулась к его трусам.

Это было так удивительно, что Игорь застыл, не в силах говорить. Да и не стоило ничего говорить — только нарушать странное, завораживающее ощущение чего-то волшебного, особенного... настоящего.

Ксения подняла глаза и посмотрела на Игоря. При неярком свете настольной лампы глаза девушки казались не просто чёрными — бесконечными, как Вселенная, и ласковые огоньки в них напоминали Игорю россыпь звёзд на ночном небе.

Ксения медленно открыла рот и, не отрывая взгляда от лица Игоря, прикоснулась губами к его плоти. Легко, почти целомудренно, но он не смог сдержать стона. Глаза девушки сверкнули, а в следующую секунду она открыла рот ещё шире и почти насадилась на Игоря. Задвигала горячим и влажным языком, заработала губами... быстрее, еще быстрее, за щеку, и глубже, доставая до горла...

Игорь чувствовал всё — и её маленький смелый язычок, и зубы, которыми Ксения едва его касалась, и мягкость щёк — и в какой-то момент ему показалось, что он сейчас сойдёт с ума.

— Девочка... — прошептал он едва слышно, обхватывая руками голову Ксении, и задвигался сам, врываясь в глубину её рта. И вновь застонал, когда она послушно раскрылась, принимая его и делая всё так, как ему хотелось.

Игорь почти дошёл до края. Почти. Застыл на самой глубине, сдерживая желание получить собственное удовольствие здесь и сейчас, погладил ладонями покрасневшие щеки Ксении... и вышел из её сладкого ротика.

Он хотел, чтобы ей тоже было хорошо.

Игорь уложил Ксению на край постели животом вниз, задрал ночнушку и дотронулся пальцами между ног девушки. Там уже всё было готово принять его, и Игорь не стал медлить — погрузился во влажную глубину женского тела. Ксения резко, гортанно вскрикнула, утыкаясь лицом в одеяло, чтобы было не так слышно. Стеснительная девочка...

Игорь сходил с ума, двигаясь в ней. То медленно, растягивая удовольствие — заодно и крики Ксении становились более протяжными — то быстро и дико, вызывая у неё громкие и полубезумные крики-стоны, чуть приглушённые искусанным до мокрых пятен одеялом. И наслаждался, сминая белые мягкие ягодицы, оглаживая влажную спину, перебирая пальцами волосы, завораживающие Игоря с первого дня.

И когда он почувствовал, что вновь почти достиг вершины, то взял Ксению за волосы, заставив выпустить изо рта одеяло, приподнял и резко вошёл в её тело. И еще раз. И ещё.

Ксения забила в его руках, крича и одновременно плача от удовольствия, и от этих полных чувственности всхлипов у Игоря окончательно снесло башню. Он долго, очень долго содрогался внутри неё, и сам хрипел и постанывал, продолжая при этом требовательно ласкать Ксению, и так это было хорошо... Просто невероятно хорошо.

— Спасибо тебе, — прошептал он ей на ухо. — Ты удивительная.

Она всхлипнула.

— Мне кажется, я весь дом перебудила...

— Здесь очень хорошая звукоизоляция, девочка. Никто ничего не слышал. Даже Настя.

Ксения возмущённо дёрнулась.

— Что же ты раньше не сказал!

— Прости, — шепнул Игорь, улыбаясь и поглаживая спину девушки. — Мне нравилось зажимать тебе рот ладонью. А сейчас ты так трогательно кусала одеяло...

Она по-прежнему обиженно сопела, ничего не отвечая.

— Прости, — повторил Игорь, целуя шею Ксении. — Я искуплю свою вину, честное слово. Но завтра. А сейчас — спать.

— Завтра мы к Стасе с Сашкой в гости идём.

— Я помню. Будет интересно посмотреть на твоих друзей.

— Поверь мне, — она засмеялась, — им на тебя посмотреть будет гораздо интереснее.

Фото- и видеокамерами Андрей начал увлекаться еще в институте. Фотография всегда давалась ему лучше, чем писанина. А вот Ксюшка могла написать что угодно — хоть статью, хоть рассказ, хоть поэму в стихах. Она действительно была лучшей на курсе, и за это её многие не любили. Слишком многие.

Сам Андрей относился к Ксюшке безразлично — до того дня, когда он впервые взял её за руку в кинотеатре. Ну точно же ведьма... Иначе как это всё объяснить?!

Его увлечение фотографией тогда только начиналось, и Андрей частенько фотографировал Ксюшку. Везде — на учёбе, на прогулках, в кафе. Она сперва смущалась, но потом втянулась, перестала возражать. И, привыкнув к постоянному наличию камеры у Андрея, даже не обратила внимания на то, что одна из таких камер стоит в спальне, куда он её привёл. Ну стоит и стоит. Ксюшка и не подумала, что она работает.

А Андрей потом ещё и фотографий из видео нарезал...

Правда, кое-чего он не смог сделать. Специально снял видео так, чтобы Ксюшку было видно только спереди, не сзади. В общем, на порнуху это не тянуло, но его друзьям хватило, чтобы поржать.

С тех пор Андрей сильно усовершенствовался в съёмке фото и видео, к тому же, он прекрасно понимал — с отцом подобная схема «тупо оставить на столе видеокамеру» не работает. Батя ему потом эту камеру в задницу засунет или заставит сожрать. Здесь надо быть умнее и хитрее.

Ничего, справится. Не в первый раз. Да и скрытка у него с собой есть...

Утром Ксюша призналась самой себе, что страшно волнуется перед встречей с друзьями.

Нет, она знала, что они оба никогда в жизни её не осудят. И если Сашка ещё может

сказать что-нибудь в стиле «Ты уверена, что оно тебе надо?», то Стася — никогда.

Но Ксюша всё равно волновалась. В конце концов, она впервые приводит к друзьям человека, которого называет своим мужчиной. Привычка не сформирована. Опыта нет. И как не волноваться?

— Трясёшься, словно заячий хвост, — засмеялся Игорь, останавливая машину возле дома, где теперь жили Сашка со Стасей. — Не надо, Ксения. Всё будет хорошо.

Он привлёк её к себе, поцеловал, и сразу стало чуть легче.

— Я такая глупая, — усмехнулась Ксюша, утыкаясь лбом в его плечо. — Просто ужас.

— Не припомню, чтобы ты хоть раз говорила глупости или вела себя глупо. Не придумывай, девочка. Пойдём.

Ксюша вышла из машины, разгладила несуществующие складки на юбке того самого красного платья, в котором она была накануне в театре, подхватила под руку кажущегося абсолютно расслабленным Игоря и поспешила к подъезду.

Когда они поднимались на лифте, Игорь еще раз попросил Ксюшу не волноваться, вновь поцеловал, сжал её прохладную ладонь и ободряюще улыбнулся.

— А ты сам совсем не волнуешься? — спросила она с интересом, вглядываясь в его спокойные глаза за стёклами очков.

— Совсем, девочка, — кивнул Игорь. — Не вижу причин. Я буду рад, если твои друзья примут меня, но переживу, если не примут. Я даже, — он усмехнулся, — пойму их. Они ведь желают тебе счастья.

— Желают, — подтвердила Ксюша. — Именно поэтому они тебя примут.

— Я буду рад, если так случится, — повторил Игорь. — Приехали, Ксения.

Звонок в дверь, и почти сразу — топот ног и громкий хохот. Как же замечательно, что у Стаси с Сашкой всё хорошо!

Дверь распахнулась, и перед Игорем с Ксюшей возникли две весёлые физиономии, которые сразу же удивлённо вытянулись.

— Привет, — Ксюша улыбнулась, но получилось натянуто. — Рада вас видеть. Знакомьтесь, это Игорь. Игорь, это Стася и Саша, мои лучшие друзья.

— Очень приятно, — отозвался Игорь совершенно спокойно, но тем не менее тепло, кивнул Стасе и протянул руку её мужу. — Много хорошего слышал про вас обоих.

— А мы про вас ничего еще не слышали... — протянул Сашка, подавая руку, и получил существенный тычок в бок от Стаси. — Ой. Извините.

— Не страшно, — хмыкнул Игорь. — Сейчас услышите.

И пока мужчины жали друг другу руки, Стася с Ксюшей обменялись взглядами.

«Прости, что не сказала».

«Ничего. Зато показала».

И мягкая понимающая улыбка, от которой у неё сразу стало легко на душе.

Оставив Игоря в гостиной вместе с Сашкой, девушки пошли на кухню. Вроде как «за едой», а на самом деле — посекретничать.

— А знаешь, что? — сказала Стася, как только они вошли на кухню, и положила ладони на Ксюшины плечи. — Ты светишься. Я рада!

— Спасибо, — искренне поблагодарила подругу Ксюша. — Я так боялась... наверное, зря.

— Зря. Но я тебя понимаю. И это твоё «всё слишком» теперь понимаю тоже. Ему... сколько лет?

— Пятьдесят один.

— Ага... И богатый, да?

— Обеспеченный. Но...

— Да я знаю, что тебе это пофиг, — махнула рукой Стася. — Просто... тебе, наверное, было сложно?

— Было, но не поэтому. Помнишь... давно-давно я рассказывала про Андрея?

Стася поморщилась.

— Ну помню. При чём тут этот гад?

— Игорь — его отец.

Подруга охнула и чуть побледнела.

— Вот это да...

— Но я не знала об этом, конечно, — Ксюша вздохнула. — Недавно выяснилось.

— А Игорь...

— Я не говорила ему. Вообще ничего не рассказывала.

Стася покачала головой.

— Рискуешь...

— Наверное. Но я просто не могу ему сказать, понимаешь? Я...

— Ты его любишь, — Стася улыбнулась и обняла Ксюшу. — Я так рада, честное слово! Может, всё-таки сработает мой букетик.

— Вряд ли, — Ксюша тоже обняла подругу. — Игорь хорошо ко мне относится, но я для него просто приятное развлечение. Он свою жену умершую очень любил, а я... Сама понимаешь. Так что...

— Нет. Я верю, что всё будет хорошо.

— Ладно, — засмеялась Ксюша. А Стася вдруг, выпустив её из объятий и посмотрев ей в глаза, добавила совершенно серьёзно:

— Я знаю, что ты не веришь. Поэтому я буду верить за тебя. Ты заслуживаешь счастья, Ксюш!

— Спасибо, Стась...

Игорю было смешно. Молодой человек по имени Сашка явно растерялся, когда ушли Стася с Ксенией, и теперь хорохорился, пытаясь, с одной стороны, развлечь гостя, а с другой — осторожно расспросить его о планах на Ксению.

Для Игоря это всё было как на ладони. Но парень ему понравился — неплохое чувство юмора, искренняя улыбка и неподдельная тревога за подругу в глазах.

Да, его девочка умеет выбирать себе друзей.

— Не волнуйтесь, Александр, — хмыкнул Игорь после очередной попытки собеседника вывести его на чистую воду. — Я ценю Ксению и очень дорожу ей. Это всё, что вам нужно знать.

Сашка внимательно посмотрел на Игоря, кивнул и сказал:

— Я надеюсь, вы её не обидите. И я... — Он улыбнулся. — Честно, я понимаю, что она в вас нашла.

— И что же? — протянул Игорь с интересом.

— Ксюшка всегда была сильнее всех. Всех мужчин, которые пытались за ней ухаживать, я имею в виду. Я всегда думал — ей нужен кто-то равный или даже сильнее. Вы, пожалуй,

сильнее.

— Спасибо за комплимент, — усмехнулся Игорь.

В какой-то момент неловкость исчезла полностью, и Ксюша даже точно помнила, в какой — после первых пол-литра пива, которые лично для неё и для Стаси стали последними, а вот Сашка выпил ещё бутылку. Игорь не пил вообще — за рулём ведь — но это не помешало ему перейти со всеми на «ты», совершенно расслабиться и даже найти общие темы для разговора.

Друзья рассказывали о своей поездке в Прагу, Сашка постоянно подкалывал Стасю, и она очень мило и искренне сначала смущалась, а затем возмущалась. Игорь смеялся и, кажется, был доволен этой встречей.

Ксюша тоже была довольна. Приняли и не осудили, как будто так и надо. Хотя... наверное, так и надо. Разве она осудила бы Стасю, будь подруга на её месте? Конечно, нет.

И уходили они с Игорем от её друзей счастливые и благодушные, досидев в гостях примерно до десяти часов вечера. Ксюша забрала свою одежду, оставленную у Стаси ещё в день свадьбы — правда, Игорь отнял у неё пакет, заявив, что женщине неприлично таскать «тяжести», — и под громкий хохот четы Лебедевых, пришедших в восторг от этой фразочки, они с Игорем побежали вниз под лестнице. Проигнорировав лифт, как он и любил.

Но, спустившись вниз и выйдя на улицу, Ксюша застыла от неожиданности, заметив у подъезда злого, как чёрт, Виталика. Заморгала — может, ей кажется? — но он не исчезал.

— Ты чего здесь делаешь? — вырвалось у Ксюши удивлённое. Краем глаза она заметила, как Игорь поставил пакет с её одеждой на асфальт.

Виталик презрительно хмыкнул, играя желваками. Смерил взглядом сначала Ксюшу, а потом посмотрел на Игоря, да с такой ненавистью, что девушка даже испугалась.

— А я Сашке позвонил, — начал Виталик, и Ксюша сразу поняла: он пьян. Не в дым, но существенно. — Он вчера говорил, что ты сегодня придёшь. Хотел спросить, как ему твой хахаль. Роман! Был же — Роман! Бл**, ты чё, мужиков как прокладки меняешь?! Может, тогда и мне местечко найдётся, а?!

Ксюша от возмущения на него чуть с кулаками не кинулась, но не успела — вперёд вышел Игорь.

— Ты сейчас же извинишься и сгинешь отсюда, — сказал он спокойным, но очень пугающим голосом. — Понял?

— Не понял, — передразнил его Витали?. — Ты вообще... старый козёл...

Ксюша охнула, осознав: разговоры закончились. Причём результат лично для неё был вполне ожидаем, а вот для Виталика явно нет.

Он точно не рассчитывал обнаружить себя нагнутым и прижатым мордой к бордюру. Заорал от боли и попытался высвободиться из захвата Игоря, но у него ничего не получилось.

— Извинись, я сказал.

А вот теперь голос был по-настоящему страшным.

— Ты охренел?! — Виталик, кажется, до сих пор не догонял.

— Охренел здесь только ты. И скажи спасибо, что ты пьян, иначе был бы уже с разбитой физиономией. Извинись!

— Да пошёл ты!..

Ксюша вновь охнула, когда Игорь, чуть приподняв Виталику голову, опустил её обратно на бордюр. Сильно так опустил... Кажется, нос сломал ему...

— Игорь, не надо! — взмолилась она. — Он просто дурак!

— Я понял. Но этот дурак должен извиниться перед тобой, тогда я его отпущу. Старого козла я, так уж и быть, прощу ему. Слышишь, гнида? Извиняйся.

— Ладно, ладно! — пробурчал Виталик как-то в нос. Видимо, и правда сломан. — Извини, Ксюш. Я был не прав.

— Ничего страшного, — выпалила Ксюша и умоляюще посмотрела на Игоря. — Отпустишь?

— Отпущу, — он усмехнулся, но вместо того, чтобы отпустить свою пьяную жертву, потянул парня за волосы, запрокинув ему голову, да так, что Виталик завыл. — Но сначала ты, щенок, мне пообещаешь, что впредь не подойдёшь к Ксении ближе, чем на километр. Нарушишь слово — я тебя из-под земли достану и сделаю так, что родная мать не узнает. Понял?

— Понял! — Виталик уже почти хныкал. — Понял-понял! Обещаю! Клянусь!

— Прекрасно, — процедил Игорь и, оттолкнув от себя парня, брезгливо отряхнул руки. Подхватил с асфальта пакет с одеждой и повернулся к Ксюше. — Пойдём, Ксения.

Она сочувственно поглядела на корчившегося Виталика, который буквально рухнул на ближайшую скамейку, покачала головой и пошла за Игорем.

Этот щенок Игоря изрядно взбесил. Ну надо же! Такое хорошее настроение было, и на тебе сюрприз.

Кто же так за девушкой ухаживает? Неудивительно, что Ксения от него шарахается.

— Пристегнись. Сейчас поедем.

Он постарался сказать это совершенно спокойно, но в голосе всё равно чувствовалось раздражение.

— Не злись, — Ксения дотронулась до его ладони, придвигаясь чуть ближе. Заодно коснулась грудью руки, и мужчина вспыхнул. — Виталик... он просто...

— Я не хочу говорить о нём. Я хочу тебя.

Ксения пискнула, когда Игорь перетащил её к себе на колени и усадил верхом. Но протестовать даже не пыталась — послушно раскрыла губы, позволяя ему сплестись с ней языками, призывно повела бёдрами и застонала, когда ладонь Игоря скользнула под юбку платья, коснулась края трусиков и отодвинула в сторону тонкую ткань.

Чуть влажная, горячая кожа. Маленький пульсирующий от желания бугорок, нежные лепестки лона, мягкие и бархатные. Он не смог бы удержаться, даже если бы очень хотел... А он не хотел.

Второй рукой Игорь потянулся к молнии на собственных брюках, но Ксения остановила его.

— Подожди... Я сама...

Игорь застыл, ожидая, пока она справится с молнией и трусами, а затем, обхватив его плоть ладонью, направит в своё тело.

Резкий выдох, стон — и Ксения начала двигаться, вцепившись в плечи Игоря с такой страстью, словно мечтала проткнуть их.

— Девочка...

Он гладил её грудь, сжимал соски, торчащие даже сквозь ткань, ласкал лицо, особенно щёки, но потом всё же положил ладони на бёдра, сильнее прижал Ксению к себе — и задвигался сам, пронзая её тело.

Она не кричала, только всхлипывала и стонала, когда Игорь заходил особенно глубоко. А еще кусала его за рубашку, оставляя на ней влажные следы.

— Поцелуй меня, — прохрипел он, не прекращая двигаться, и когда Ксения, задрожав от удовольствия, прижалась к его губам, понял, что больше не может сдерживаться.

Оргазм был настолько мощным, что Игорь едва не потерял сознание. Тело всё расслабилось, мозги поплыли...

Но он тем не менее вспомнил.

— Прости, девочка. Кажется, я слишком рано. Ты ведь не дошла до края?

— Немного, — призналась Ксения, вздохнув. — Но всё равно было приятно. Не каждый же раз...

— Каждый, — возразил Игорь, поглаживая её бёдра. — Со мной должен быть каждый раз. Но ничего, я дома исправлюсь. Ты у меня сегодня еще кончишь.

Она хихикнула.

— Может, не надо? Я только что осознала, что мы вообще-то в машине. Совсем из головы вылетело...

— У меня тоже. Зато я больше не злюсь на этого... как его там...

— Виталика. Правильно, не злись. Он не стоит твоей злости. Он просто дурак. А Сашка... — Ксения мстительно прищурилась. — Он еще получит у меня за болтливый язык! Знал же, что я у этого дурня большой мозоль. Нафига про тебя сказал!

— Я думаю, Сашка рассчитывал на обратный эффект. Что Виталик узнает про твоего, как он сам выразился, хахаля, и выкинет тебя из головы.

— Угу, — пробурчала Ксения. — Надеюсь, хотя бы теперь выкинет...

— Теперь точно выкинет. А если нет... я ему эту голову оторву к чертям собачьим.

Девушка взглянула на Игоря с опаской.

— Ты так не говори, ладно? А то у тебя это так получается, что я... верю.

— Не волнуйся. В тюрьме сидеть все оставшиеся годы жизни мне совсем не хочется. Поэтому отрывать я, конечно, никому ничего не буду. Но настучать могу, и сильно. Ты видела.

— Видела, — кивнула Ксюша, с нежностью погладив Игоря по груди.

Установить камеру оказалось легко.

Утром в субботу Андрей позвонил Насте и выяснил, что Ксюшка с батеи собираются в гости. Когда они отчалили, а сестра приехала домой после своих танцев, он нанёс ей визит, выслушал кучу подростковой бредятины, а потом, пока Настя бегала в туалет, зашёл в спальню отца.

Карниз — одно из лучших мест для прикрепления скрытой камеры, это Андрей усвоил давно. Обзор оттуда отличный, вероятность обнаружения практически нулевая. Часто ли люди изучают собственный карниз? Да практически никогда.

Камера у него была со звуковым датчиком, поэтому снимать она начнёт только тогда, когда рядом кто-нибудь заговорит. И зарядки хватит на шесть часов непрерывной съёмки.

дно удручает. В темноте она снимать будет плохо, режим ночной съёмки у неё так

себе. Но может, батя любит заниматься сексом при свете? Андрей, честно говоря, про его вкусы в этом плане ничего не знал и надеялся на удачу.

Вернувшись домой, парень включил ноутбук и приготовился к интересному зрелищу. Но время шло, а камера ничего не передавала. Он даже почти уснул, не выдержав ожидания, а камера всё молчала...

Картинка появилась только в двенадцать ночи. Сначала — смеющиеся Ксюшка и отец, затем она отправилась в ванную, а батя расправил постель. Минут через десять Ксюшка вернулась, и Андрей фыркнул — ну надо же, какая простенькая ночнушка! Неужели батя не мог купить своей любовнице что-нибудь посексуальнее?

Но этих двоих, кажется, ничего не смущало. Отец чмокнул Ксюшку в щёку, хлопнул по попе и тоже пошёл в ванную. Сама же девушка уселась на постель в позе лотоса и уставилась прямо в камеру.

Нет, конечно, она смотрела не в камеру, а в окно, но Андрей тем не менее занервничал. Он хорошо знал этот Ксюшкин взгляд — тёмный, как озёрная вода ночью, и будто бы проникающий под кожу. Острый и пронизательный. Только восемь лет назад такой взгляд на её лице был редкостью, теперь же он Ксюшку не покидал. Андрею порой казалось, что она при помощи этого взгляда может выпотрошить, как патологоанатом труп.

Вот и сейчас она словно смотрела прямо на него. Андрей почти слышал её негромкий голос в своей голове: «Выключи... выключи камеру... выключи...»

Но он не выключил.

А потом пришёл батя. В одних трусах. Андрей восхищённо присвистнул: давненько он не видел отца без одежды... Да, знатно батя в спортзале заморачивается — целых восемь кубиков на прессе, офигеть! — но ему по возрасту положено. Иначе хрен девку молодую подцепишь...

Но развить эту мысль Андрей толком не успел. На экране началось такое, что он забыл про всё на свете. И просто прилип к монитору, вцепившись всеми пальцами в подлокотники кресла, облизывая губы и чувствуя, как в штанах становится до невыносимости тесно.

Чёрт... Это же круче порнухи...

— Я оставлю свет? — спросил Игорь, заходя в спальню. — Ты не возражаешь, девочка?

Ксюша обернулась и неуверенно закусил губу.

— Если ты хочешь...

— Хочу. Я хочу тебя видеть.

— Что ты задумал? — пробормотала она, пока мужчина с лицом, полным предвкушения, шёл к кровати.

— Ничего, что могло бы тебе не понравиться, — сказал Игорь, улыбаясь настолько порочно, что Ксюша непроизвольно сглотнула. Остановился возле постели и продолжил: — Иди ко мне, Ксения.

— В смысле встать?..

— Нет. Подползи поближе.

Она послушно подползла — и охнула, когда Игорь опрокинул её на кровать, задрал рубашку до самой шеи и начал осыпать поцелуями грудь, одновременно с этим раздвигая Ксюше ноги. А потом опустился вниз и прижался губами к ноющему от нетерпения узелку.

Ксюша всхлипнула — ощущения были невероятные. Резкие и острые, удивительные,

они заставляли её дрожать и выгибаться, обхватывая голову Игоря ладонями.

— Нравится? — прошептал он, и горячее дыхание коснулось её влажной плоти.

Ксюша в ответ простонала что-то невнятное, и Игорь, усмехнувшись, вернулся к своему занятию. Лизал и посасывал маленький и очень чувствительный бугорок наслаждения, спускался языком ко входу в тело Ксюши, вонзался и туда, вызывая у девушки жалобные гортанные всхлипы.

Потом к языку и губам присоединились пальцы — требовательные и иногда даже жёсткие, они растягивали, мяли и теребили её так, что Ксюша ощущала себя сгорающим в пламени мотыльком.

И да, Игорь добился своего — оргазм её всё же настиг. И пока она кричала от удовольствия, он прошептал, стягивая трусы:

— Не могу... Хочу тебя... — и ворвался в её тело. Слезы брызнули из глаз от внезапности и резкости движений, Ксюша застонала, а Игорь уже задирает ей ноги, прижимая их к её груди и заходя на полную глубину. Настолько полную, что Ксюше было даже немного больно, и в то же время безумно приятно.

— Девочка... Моя... — продолжал шептать Игорь, двигаясь в ней, не сбавляя темпа, и с каждым его движением Ксюша всхлипывала. Глубоко... Как же глубоко! — Невероятная девочка...

От второго оргазма, который по мощности был ещё круче первого, она чуть сознание не потеряла. В глазах потемнело, по щекам слёзы полились, из горла вырвался то ли крик, то ли стон...

Игорь последовал за Ксюшей спустя пару секунд. Упал на неё и, простонав: «Моя» — задрожал от наслаждения.

— Два-два, — улыбнулась девушка сквозь слёзы, когда дыхание Игоря начало выравниваться. Он усмехнулся, чуть приподнимаясь и помогая Ксюше выпрямить ноги.

— Это прекрасно. Я рад, девочка.

— Я тоже, — ответила она, глядя в его сытые довольные глаза.

Вот это... ну, ваще...

Бл**, даже мысли в кучку собрать не получается...

И в штанах мокро. Угораздило же кончить...

Офигеть. Не, вот это у отца дубина!?! ж завидно. И как он Ксюшку... Андрей даже подумал — у неё из всех дырок дым пойдёт. А как она орала! И главное — почему-то сразу понятно было, что это не от боли.

А отец-то... Интересно, у него член не болит после подобных скоростей? Всё-таки возраст. Удовлетворять молоденьких сучек-то нелегко...

Андрей поморщился, вставая с кресла и вырубая ноут. Всё, интересности закончились, а смотреть, как эта парочка милуется и о чём-то щебечет, ему не хотелось.

Как эту идиллию разрушить? Как заставить Ксюшку посмотреть не на отца, а на себя? Как сделать так, чтобы она перестала интересоваться батю?

«Так же, как и раньше», — подумал Андрей и усмехнулся.

А почему бы и нет? В конце концов, пряник с Ксюшкой точно не сработает, она с его рук никаких пряников жрать не будет. А вот кнут...

Нужно только, чтобы батя свинтил. Впрочем, зная его рабочий график, ждать наверняка

понадобится недолго.

— А расскажи мне про своих... женщин, — вдруг выпалила Ксюша, когда первая эйфория после испытанного удовольствия прошла.

— Зачем? — зевнул Игорь. — Может, лучше спать, девочка? Поздно уже.

Она вздохнула.

— Ладно. Потом тогда.

Несколько секунд он молчал, словно раздумывая, но затем всё же заговорил.

— Хорошо, Ксения. Я понимаю, тебе интересно. Но давай договоримся: я рассказываю тебе о своих женщинах, а ты мне — о своём... — Он запнулся. — Мужчине.

Ксюша поморщилась. Для неё это была слишком высокая цена за в общем-то бесполезные знания.

— Согласись, это справедливо, — продолжал между тем Игорь. — Ты узнаёшь обо мне, я — о тебе. Ну, что скажешь? Решись или... — Он хмыкнул. — Струсишь?

Она бы охотнее струсила, но побоялась, что столь ярое нежелание рассказывать о давно минувшем может вызвать у Игоря ненужные подозрения. Лучше рассказать... то, что можно рассказать.

— Договорились, — выдохнула Ксюша, чувствуя себя овечкой на заклании.

— О как, — а вот Игорь, кажется, развеселился. — Ну ладно. Итак... Мою первую женщину — хотя она тогда женщиной не была — звали Олей. Это была моя одноклассница, и мы с ней вместе начали познавать радости плотской любви, когда учились в последнем классе. После выпускного мирно расстались, и на первом курсе института... учился я в авиационном, кстати... так вот, на первом курсе у меня появилась девушка по имени Даша, с которой мы встречались почти год. Дальше...

— А почему расстались?

— Знаешь... а я не помню. Это было настолько давно... Кажется, мы просто потеряли друг к другу интерес. Следом за Дашей у меня была Надя, и довольно продолжительно, года три или четыре встречались. Затем я где-то с год ходил бобылем — с Надей расставались тяжело — и вот после неё встретил Марину.

— Это твоя первая жена?

— Да, она самая. Влюбился в неё по самые гланды, если не сказать больше. Но чем там всё закончилось, я тебе рассказывал. И до того, как я встретил Веронику, у меня были четыре любовницы. Кто-то совсем недолго, кто-то, наоборот, приличное количество времени. Если очень хочешь, я тебе расскажу про них, но честное слово, оно того не стоит.

Ксюша чуть слышно вздохнула.

— А я отличаюсь от... этих твоих любовниц?

Игорь засмеялся, но очень хорошо и совсем не обидно.

— Конечно, отличаешься, Ксения.

— А... чем?

— Всем, девочка, — руки, лежавшие на её талии, чуть сжались, а затем опустились, погладив ягодицы. — Начнём с того, что всех их гораздо больше интересовал мой статус, нежели я сам. А закончим тем, что никто из них не собирался заводить от меня детей. Да и я тоже не желал никаких детей от своих любовниц.

Глупо, наверное, но Ксюше стало приятно, что Игорь относится к ней иначе. Да, не любит, но и не равняет с остальными своими... девками.

— А после Вероники?..

— После Вероники, — сказал Игорь мягко, — мне было очень плохо. Слишком плохо для того, чтобы думать о чём-либо, кроме работы и воспитания дочери.

— Но кто-то всё же был.

— Да. Ты правильно посчитала. Только вот... — Он чуть слышно вздохнул. — Я не помню, как её звали. Прости, девочка, но это была не слишком достойная связь. Одноразовая. Там, правда, рассчитывали на большее, пришлось объяснять, что зря. Собственно, это всё, Ксения. Твоя очередь.

Она закусила губу, прижимаясь к Игорю теснее. Как же не хотелось рассказывать...

Этой историей она делилась только один раз в жизни — со Стасей, и то не сразу, а лишь спустя три или четыре года тесной дружбы. И не потому, что хотела поделиться, а просто потому что не желала обижать подругу недоверием.

— Это было на первом курсе института. — Ксюша не стала уточнять, какого именно института. — Тот парень поспорил на меня с друзьями. Я об этом не знала.

— Поспорил на что? — спросил Игорь напряжённым голосом.

— На деньги. На кону были пятьдесят тысяч. Он... три месяца за мной ухаживал, и красиво очень. А через три месяца затащил-таки в постель и...

— Три месяца? — протянул Игорь. — Ты не оговорила, девочка? Не три недели?

— Нет. Три месяца. А после... в общем, он показал фотографии и видео... с моим участием... своим друзьям. В качестве доказательства. И назвал, — Ксюша невесело усмехнулась, — овцой и жирным бревном. Я тогда попухлее была килограмм на двадцать. А ещё сказал, что его друзьям очень понравились мои фотографии, и я, если захочу, могу продолжить трясти своими телесами с кем-нибудь из них.

Сначала Ксюша не понимала, что за странный звук она слышит. И только потом, когда Игорь сильнее стиснул её в объятиях и крепко поцеловал, осознала — это же он зубами так скрипел от злости.

— Забудь об этом, Ксения, — прошептал Игорь, подминая девушку под себя и ласково проводя руками вдоль её тела. — Навсегда забудь. Я никому не дам тебя в обиду. Никому и никогда. Обещаю.

Она задохнулась, и не только от этих слов, произнесённых жарким шёпотом, но и от невыносимо сладкого поцелуя, последовавшего за ними. Даже голова закружилась... и, наверное, мозги потекли. Иначе как объяснить то, что Ксюша вдруг выдохнула прямо Игорю в губы:

— Люблю тебя.

Он на секунду застыл, держа её в объятиях. Затем одна тёплая ладонь поползла вверх — скользнула по бёдрам, животу, мягко поласкала грудь... и требовательно, почти до боли, сжала ноющий сосок.

— Повтори.

Ксюша вцепилась в простыни обеими руками, застонала от остроты прикосновений Игоря, не понимая, чего он от неё хочет. Зато он понимал хорошо...

— Повтори, девочка. — Пальцы сильнее сжали сосок, и Ксюша всхлипнула, ощущая, как из глаз брызнули слёзы.

— Я... — она содрогнулась от пронзившего тело удовольствия. — Люблю... тебя...

И показалось, что Игорь обезумел. Никогда раньше он не ласкал её с такой страстью, словно совершенно не контролируя себя, никогда не брал третий раз за сутки... А теперь

вновь вошёл в неё, стремительно и резко, и задвигался на полной скорости.

Ноги девушки дрожали, и даже кончики пальцев вздрагивали от каждого движения. Игорь он входил в неё настолько глубоко, что Ксюша едва не теряла сознание одновременно от удовольствия и небольшой боли, которая будто бы была платой за это удовольствие...

Ксюша не помнила, кричала она или нет. Зато Игорь стонал, ни на секунду не прекращая движений, и ни на секунду не отрывал требовательного и жаркого взгляда от лица Ксюши. Он словно пытался прибить её к этой кровати, к этому месту, к себе.

— Девочка... — прошептал Игорь, наконец останавливаясь и долго, мучительно долго вздрагивая внутри её тела. — Моя...

Ксюшу затопило жаром, но она тем не менее смогла простонать ему в губы:

— А ты... мой?

— Да, — ответил Игорь спустя пару мгновений. — Конечно, твой, Ксения.

Она улыбнулась.

Плевать, что не любит. Как Стася верит за неё в то, что всё будет хорошо, так и Ксюша станет любить за них двоих.

В конце концов, это совсем не сложно.

— Алло! Привет, братан. Слушай... Есть у тебя в столице надёжные ребята, у которых можно «витамишки» надыбать?

— Ну, есть. Тебе сколько надо?

— Да так... парочку.

— Угу. Пиши телефончик...

Утром в воскресенье Игорь выяснил, что во вторник ему придётся уехать, и Ксюша расстроилась.

— Не переживай, я вернусь уже в пятницу, — пообещал он, сидя рядом на постели и поглаживая девушку по коленке. — И все выходные проведу с тобой. Да и до вторника ещё есть время... и у меня на тебя планы.

Он улыбался с таким предвкушением, что Ксюша сразу поняла — задумал какую-то диверсию. Но спросить, в чём дело, не успела — позвонила Стася.

— Привет! — голос подружки был весёлым, и Ксюша вздохнула с облегчением: кажется, Стася не сердилась за избиение друга детства своего мужа. — А Сашка недавно с Виталиком говорил, и знаешь, что... Передай Игорю большое спасибо!

Ксюша молчала несколько секунд, а затем переспросила:

— Чего?

— Спасибо передай. У меня давно уже кулаки чесались вмазать этому... как бы помягче сказать... придурку. Так что Игорь мою мечту исполнил.

— Да? — Ксюша фыркнула, расплываясь в улыбке. — Хорошо, передам. А Сашка что говорит?

— Мы с ним солидарны. Может, хоть после этого случая у Виталика мозги на место встанут... По крайней мере эффект, кажется, есть. Вот только я не поняла... что за Роман?

— Да это охранник Игоря. Меня домой отвозил, ухажёром представился, чтобы Виталика отвадить.

— А-а-а, ну мы с Сашкой так и подумали. Вот Виталья дебилоид. Это Игорь его еще пожалел... Нос у него вроде расквашен, но не сломан. И самолюбие задето. Тоже мне, непобедимый супермен...

— А я думала, вы с Лебедевым рассердитесь, что Игорь...

— Вот ещё! Если Виталик опять полезет, Сашка к твоему будущему мужу присоединится.

— Стася! — Ксюша покосилась на Игоря. Но тот стоял возле окна — он отошёл туда чуть ранее, чтобы не мешать ей разговаривать, — и явно ничего не слышал.

— Что? — подруга хихикнула. — Я программирую мироздание. В конце концов, он же за тебя дрался! Теперь, как честный человек, должен жениться.

Ксюша улыбнулась: сердиться на Стасю совершенно не получалось. Хотя от словосочетания «будущий муж» у неё слегка заныло сердце.

— Ты какая-то грустная, — сказал Игорь, когда Ксюша наконец положила трубку, и подошёл к девушке. — Что там такое? Этот... как его?.. заявление хочет в полицию написать?

— Нет, — она покачала головой. — Что ты. Виталик, конечно, идиот, но не настолько. И вообще я уже про него забыла. Я расстроилась только из-за того, что ты опять уезжаешь.

— Я вернусь, Ксения, — улыбнулся Игорь, погладив девушку по щеке.

— Как Карлсон? — засмеялась она, прижимаясь к его ладони.

— Почти. Пропеллера у меня нет, так что полечу на самолёте. Но вернусь обязательно... и привезу тебе какой-нибудь подарок.

— Опять? — притворно изумилась Ксюша, и восторженно взвизгнула, когда Игорь повалил её обратно на постель и поцеловал — жадно, до сбившегося дыхания и бешено колотящегося сердца.

Игорь чувствовал себя пьяным. С того самого момента, как Ксения произнесла «люблю тебя», он действительно будто бы опьянел.

Наверное, потому что понимал — это правда. Его невероятная девочка просто не умела лгать. И как же это пьянило! Прекрасное юное существо... и вдруг признаётся в любви ему, не юному и не слишком-то прекрасному. Нет, Игорь вовсе не считал себя мерзавцем, но всё же на его душе было довольно много грехов, прощать которые так уж легко не стоило. А Ксении, казалось, совершенно плевать на эти грехи. Она была готова любить Игоря вместе с ними.

За что ему досталась такая замечательная девушка? Чем он её заслужил? Ничем.

И это чувство... ни к кому из своих женщин Игорь не ощущал ничего подобного. Это было похоже на жадность. Хотелось трогать, целовать, владеть. И он никак не мог насытиться.

Да?е с Вероникой было совсем не так. Может, дело в возрасте? Или в удивительном характере Ксении? В её открытости и честности? Или во всём сразу?..

— Мы сейчас кое-куда пойдём, — сказал Игорь, на секунду отрываясь от сладких губ своей девочки. — И отказов не принимается.

— А завтрак?.. — протянула она обеспокоенно.

— Сначала завтрак, — кивнул Игорь, засмеявшись.

А когда Ксения убежала умываться, телефон зазвонил уже у него.

— Алло, бать!

— Слушаю тебя, Андрей.

— У меня есть идея, бать. Я, скорее всего, уеду в понедельник, а так толком и не пообщались. Предлагаю сегодня семейный ужин в ресторане. Ты, я, Настя и Ксения. За мой счёт! Готов раскошелиться.

Игорь поднял брови. «Раскошелиться» и его сын — практически два несовместимых между собой понятия. Что это с Андреем приключилось?

Но отказывать Игорю не хотелось. Пока существовала хотя бы призрачная надежда наладить отношения между Ксенией и сыном, следовало ей воспользоваться. Игорь не желал, чтобы она и Андрей враждовали, и если от него он ощущал интерес к Ксении, как к женщине — что было естественно, учитывая её возраст и красоту, а также характер Андрея, — то сама Ксения относилась к его сыну, мягко говоря, настороженно. Даже враждебно. Впрочем, и это не удивительно... После такого-то предательства со стороны человека, которого она любила.

— Хорошо, Андрей. Я не против. Но я очень надеюсь, ты помнишь, о чём я предупреждал тебя в театре.

— Помню, конечно, — хмыкнул сын. — И вообще мне ещё жить не надоело.

Игорь удовлетворённо улыбнулся.

Через пару минут, договорившись о месте и времени встречи, он положил трубку.

И вот... вроде бы всё нормально. Но тогда почему у него дурное предчувствие?..

За завтраком Игорь сказал, что вечером состоится ужин в ресторане, на котором будет присутствовать Андрей, и Ксюша не удержалась от недовольной гримасы.

— Ну-ну, девочка, — засмеялся Игорь, погладив её по спине. — Это ведь просто ужин. А мне хотелось бы, чтобы ты нормально общалась не только с Настей, но и с Андреем.

Настя, в этот момент поглощающая пышный омлет с сыром, приготовленный Люсей, хмыкнула. И от этого хмыканья Ксюше почему-то стало не по себе.

— Я постараюсь, — ответила она, почти неслышно вздыхая.

Она действительно постарается, только не «нормально общаться», а «не убить»...

— Куда ты меня тащишь? — смеялась Ксюша, едва поспевая за Игорем. Сразу после завтрака он повёл её в торговый центр. — Опять что-то покупать?

— Почти, — он улыбнулся. — Сейчас увидишь.

Спустя минуту Ксюша застонала.

— Не-е-ет...

— Да, — кивнул Игорь. — Ну, девочка, не отказывай мне. Мне очень хочется увидеть серьги в твоих прелестных ушках.

Ксюша вздохнула, глядя на надпись «Салон тату и пирсинга». Вот же авантюрист...

— Ты можешь дарить мне браслеты, кулоны и броши.

— Могу. Но я хочу и серьги. Тем более, ты же помнишь, что в комплекте к ожерелью были серьги...

Она застонала.

— Игорь...

— Прости, девочка. — Он взял Ксюшу за руку и легко поцеловал ладонь. — Я искуплю свою вину.

— Чем? — она засмеялась. — Очередным подарком?

— Как ты догадалась? — лукаво улыбнулся Игорь. И как ему откажешь?

Вот она и не смогла отказать. И пошла за ним в салон, и проколола уши, сама на себя удивляясь. Конечно, полноценные серьги Ксюша сможет надеть еще не скоро, но... всё же Игорь добился своего. Впрочем, как и всегда.

— Ты вечером будешь в том же платье? — спросил он тихо, как только они вышли из тату-салона. Ксюша не удержалась от улыбки.

— Ну да, конечно, как я могла забыть! Надевать одно и то же платье третий раз подряд... не комильфо.

— Точно, — хмыкнул Игорь, погладив её по щеке. А потом аккуратно взял под локоток и развернул лицом к одной из витрин. — Смотри. Нравится?

На манекене, что стоял прямо перед Ксюшей, красовалось удивительное платье цвета малахита. С длинной юбкой до самого пола и длинными же рукавами из полупрозрачной ткани, небольшим декольте и широким поясом на талии.

— Нравится, — вздохнула девушка. — У тебя вообще хороший вкус.

— Зайдём, примеришь? — предложил Игорь, глядя на Ксюшу с хитринкой в глазах. Она ответила ему не менее хитрым взглядом.

— С одним условием.

— Так-так? — он усмехнулся. — И с каким же?

— Хочу выбрать тебе галстук, — протянула Ксюша мстительно, прекрасно помня о том, что Игорь, как и её отец, терпеть не может «удавки». — И ты пойдёшь в нём на сегодняшний ужин.

Он рассмеялся, но, к её удивлению, кивнул.

— Хорошо. Согласен.

— Да?

— Конечно. Что такое галстук по сравнению с возможностью увидеть тебя в красивом платье, моя девочка?

Ксюша недовольно запыхтела.

— Надо было придумать что-нибудь помучительнее.

— В следующий раз обязательно придумаешь, — улыбнулся Игорь, подталкивая её по направлению ко входу в магазин.

Прежде чем приводить в исполнение свой план, нужно было дождаться не только когда батя свинтит, но и показать ему, насколько Андрей дружелюбно относится к Ксюшке. Хотя батя, конечно, всё равно лишит сына регулярного финансирования, но Андрей был к этому готов. В конце концов, батя когда-нибудь и так это сделает, зато сейчас можно получить Ксюшку...

У Андрея даже член шевелился, когда он представлял, как эта черноглазая сучка будет лежать под ним, раздвинув ноги. Интересно, с ним Ксюшка так же будет вопить, как с батей? Или погромче? У? он постарается, чтобы погромче.

А когда Андрей увидел, как она входит в ресторан... Рядом, конечно, ещё маячили Настя и батя, но он поначалу на них даже внимания не обратил — настолько Ксюшка была хороша. С усилием отвёл взгляд, дабы не палиться, но и после этого она стояла у него перед глазами — с копной кудрявых волос, трогательной белой шейей, высокой грудью и дивно

блестящими чёрными глазами. И это платье...

— Ты прям хозяйка Медной горы, — вырвалось у Андрея, как только Ксюшка подошла к столику. — Может, при тебе и малахитовая шкатулка есть?

В её взгляде мелькнуло презрение, и Андрей разозлился. Сейчас-то он что не так сказал?!

— Шкатулки нет, — ответил вместо Ксюшки отец, взяв её под руку. — Но Ксения прекрасна и без шкатулок.

— Согласен, — пробормотал Андрей. Хотел отодвинуть Ксюшке стул, но батя справился первым, поэтому пришлось ухаживать за Настей. Да и вообще сели они все так, что Ксюшка оказалась не рядом с Андреем, а напротив. С одной стороны, плохо, а с другой... Так он мог видеть её лучше всего.

А вот она на него почти не смотрела. Улыбалась бате и Насте, а если взгляд случайно падал на Андрея, Ксюшка словно замирала, замораживалась.

Да... Тут действительно могут помочь только «витаминки».

Весь вечер Ксюша просидела как на иголках.

Было невыносимо сложно сдерживаться, сидя напротив Андрея и делая вид, что он ей безразличен. Отвечать на его вопросы, иногда даже улыбаться, и ни в коем случае не огрызаться. Игорь был готов к её холодности, но совершенно не нужно давать ему повод усомниться в том, что Андрей с Ксюшей не знакомы.

И она старалась. Не ради себя — ради Игоря. И если было уж совсем невыносимо, то попросту опускала глаза, смотрела на шикарную белую скатерть с перламутровыми узорами и мысленно считала до десяти.

Говорят, от ненависти до любви один шаг. Какая же это глупость! Разве можно полюбить человека, который неприятен тебе всем сердцем и душой? Человека, которого ты презираешь? Нет, ни за что. Скорее небо упадёт на землю.

И кусок в горло Ксюше толком не лез. Она, конечно, заказала себе и салат, и второе, и даже десерт, и каким-то шестым чувством ощущала — всё очень вкусно, — но ей сейчас было не до вкуса. Дожить бы до конца вечера...

Во время десерта Игорь, извинившись и улыбнувшись Ксюше, вышел в туалет, и сразу после того как он скрылся за ближайшим поворотом, со своего места вскочила и Настя.

— Я тоже пойду! — заявила она, сверкнув глазами на Андрея, и убежала. Ксюша тоже предпочла бы убежать, но... она никогда не была трусихой.

Поэтому подняла голову и посмотрела Андрею в глаза.

Он улыбался знакомой Ксюше еще по институту самоуверенной улыбкой, и девушка поморщилась от желания погасить эту улыбку при помощи кулака, а заодно и выбить парочку зубов.

— Я уже просил прощения, — сказал Андрей тихо, чуть наклоняясь, чтобы быть поближе к Ксюше, — поэтому не буду больше. Знаю — не простишь. Я только хотел узнать... почему ты не рассказала отцу?

— А должна была? — усмехнулась Ксюша с презрением.

— Ну... — он прищурился. — Это хороший способ поссорить нас с батей.

— Я не такая мразь, как ты. И не собираюсь никого ни с кем ссорить. Ты всё сделаешь сам.

— Что? — кажется, он не понял. Идиот. Был и остался.

— Ты всё сделаешь сам, — повторила Ксюша. — Рано или поздно, но накосячишь так, что Игорь поймёт, какой ты человек, и без моей помощи.

— И какой же я человек? — протянул Андрей с ехидцей.

— Гнилой, — ответила Ксюша честно. — Насквозь. И не пытайся уверить меня, что ты изменился. Я вижу, что нет. И весь сегодняшний спектакль ты затеял только с одной целью — показать Игорю, какой ты хороший. Возможно, с ним это и сработает. Но не со мной.

— С тобой вообще нельзя по-хорошему, Ксюшка, — хмыкнул Андрей, но продолжать тему не стал — по залу уже шагал его отец, а нарываться на скандал он, понятное дело, не хотел. Да и Ксюше это было не нужно, поэтому она просто отвела взгляд и улыбнулась подошедшему Игорю.

Как же она его бесила.

Андрей, значит, гнилой. Ну а Ксюшка прям святая! Трахается с его батей, а строит из себя... Сучка.

Ничего-ничего, она у него еще в ногах повалится.

— Мне нужна будет твоя помощь в среду, после того как отец уедет, — сказал Андрей Насте по телефону, когда вечер закончился и он вернулся на снятую квартиру.

— Помощь? — сестра насторожилась. — Какая помощь? Ты?е сам уезжаешь.

— Нет, — он усмехнулся. — Я буду тут. И ты поможешь мне устроить встречу с Ксюшкой.

— Каким образом? — вздохнула Настя.

— Узнаешь. Это несложно. Тебе всего-то понадобится один раз соврать... А врать ты хорошо умеешь. Правда, сестрёнка?

Она запыхтела в трубку, и Андрей, засмеявшись, добавил:

— Да ладно, не дуйся. Я же любя! И вообще я сам такой. Оба мы с тобой в батю, Настёна! Ну что, поможешь?

— Куда я денусь... — пробормотала она.

Ксения под ним долго и чувственно вздрагивала от испытанного оргазма, и Игорь с удовольствием провёл ладонью по её полной груди, трогательно белеющей даже в полумраке комнаты. Только соски выделялись более тёмными пятнышками — возбуждённо торчащие, они притягивали к себе взгляд Игоря.

— Тебе хорошо, девочка? — спросил он тихо, сжав один из них, и улыбнулся, когда Ксения чуть выгнулась и застонала. — Да... тебе хорошо...

Игорь наклонился и поцеловал её. Губы были сладкими и послушно раскрывались, повинуюсь его движениям. Ему всегда это страшно нравилось — то, что Ксения подчинялась, отдавала себя, и не стремилась ни к равенству, ни к превосходству. Она признавала Игоря главным со всей очевидностью и искренностью. И в этой слабости была её сила и власть над ним.

Игорь спустился ниже, скользнул губами по шее, переключился на грудь. Поласкал языком то один сосок, то другой, и усмехнулся, когда Ксения захныкала и требовательно повела бёдрами. Он широко раздвинул её ноги и резко устремился внутрь желанного тела.

И в этот же момент у Игоря окончательно созрело одно решение. Настолько неожиданное, и в то же время очевидное, что он даже остановился, взглядываясь в лицо Ксении.

— Что ты?.. — прошептала она, сильнее прижимая его к себе ногами. — Странно смотришь...

Он не ответил, только улыбнулся — и вновь задвигался.

Рано. Надо обдумать всё как следует. И кое-что купить...

Я не верю, что люди меняются. В книгах и фильмах — возможно, но в жизни — нет. Если человек мерзавец, то он будет им всегда. И ничто его не исправит — ни время, ни жизненные уроки, ничего.

Возможно, бывают исключения из правил. Но Андрей — явно не тот случай. Хотя он очень старается соорудить хорошую мину при плохой игре.

Во вторник с самого утра Игорь уехал до пятницы. Правда, при этом он смотрел на меня как-то очень таинственно и предвкушающе. Опять что-то задумал! Но я уже давно не удивляюсь и даже жду с нетерпением. Сюрпризы, подарки, авантюры — часть его личности. И я люблю Игоря вместе с этой частью.

После того как Игорь уехал, Ксюша вновь переселилась в квартиру Инны Васильевны. Та ничего не спрашивала, улыбнулась только, когда блудная постоялица вернулась, и предложила солянки с сосисками.

От солянки у Ксюши потом болел живот, но на сердце и душе было хорошо. Андрей вроде бы наконец смылся обратно в Санкт-Петербург, и больше её не потревожит, а до возвращения Игоря осталось подождать не так уж и долго, всего лишь три дня.

Вечером во вторник принесли шикарный букет из алых альстромерий, и глядя, как Ксюша, улыбаясь и прижимая их к себе, стоит посреди кухни, Инна Васильевна хмыкнула и сказала:

— Совсем ты, девка, пропала.

Точно. Она совсем-совсем пропала. И окончательно смирилась с этим своим пропавшим положением.

В девять часов Ксюша позвонила бабушке и, заверив её, что всё хорошо, приняла душ и легла спать. Только дождалась от Игоря короткого, но очень тёплого смс-сообщения о том, что он приземлился.

Ксюша уснула, и снился ей очень хороший сон, в котором она гуляла по летнему парку, утопающему в зелени и ярком солнце, с коляской. А в коляске лежал кто-то, укрытый розовым одеяльцем, и Ксюша всё пыталась вспомнить, как зовут этого маленького человечка... но не могла. И заглянуть в лицо, и сдвинуть в сторону одеяльце — тоже.

И добрый, ласковый сон внезапно превратился в кошмар, в котором солнце не грело, а жгло, и ребёнок в коляске... то ли его там не было, то ли он был мёртвый...

Ксюше было страшно. Так страшно, что она бросила всё и побежала прочь — до свиста ветра в ушах, в котором ей слышался издевательский хохот Андрея.

— С добрым утром, Настёна. Встала уже?

— Угу. А ты чего так рано? Ты же сова.

— Готовлюсь. — Он усмехнулся. — Значит, так. Нам с тобой нужно обеспечить пустоту в вашей квартире с... четырёх дня примерно до восьми вечера. Мне необходимо поговорить с Ксюшкой так, чтобы она не могла убежать, ну и нам никто не помешал, да и бате не донёс. А то он меня потом взгреет, сама понимаешь.

— Понимаю... Но что я могу сделать? Со мной сегодня до обеда Борис, а после обеда — Люся, она и ночевать останется.

— А охранник ваш где будет?

— Роман с папой уехал. Папа сказал — надо для солидности. Для переговоров каких-то...

— Ясно. И во сколько у тебя «смена караула»?

— Примерно в три...

— Хорошо. Я приду в половине четвёртого и отпущу твою Люсю. Она же тебя с братом оставит? Скажем, что решили пойти... в зоопарк, например. Как думаешь, прокатит?

— Ну... она всё равно папе позвонит и отпросится. Люся не уйдёт, пока он не скажет, что можно.

— Ага... — Андрей на секунду задумался. — Впрочем, ну и ничего. Скажем бате, что я задержался на пару дней в Москве и уеду завтра, а не в понедельник, как планировал, и последний вечер хочу провести с сестрой. Не страшно.

— Андрей... — в голосе Насти звучало отчаяние.

— Да не трусь! Ну что ты, в самом деле. Таких не берут в космонавты! Рискнём?

Сестра вздохнула... и сдалась.

— Ладно...

Утром Ксюша специально встала пораньше, чтобы успеть не только умыться, одеться и позавтракать, но и поговорить по телефону с Игорем. И, развалившись на постели, с удовольствием слушала его ласковый голос. Благодаря ему совсем исчезло ощущение гадостности, поселившееся в её теле после того жуткого сна.

А ближе к вечеру, часов в пять, позвонила Настя.

— Ксюш, — голос девочки дрожал и рвался, словно она плакала, — я опять застряла в лифте. Я хотела купить булочку с корицей, а Люся и Борис на сегодня отпросились...

— Ты сейчас в лифте? — Ксюша уже начала приподниматься со своего рабочего места, намереваясь бежать вызволять ребёнка, когда Настя всхлипнула и ответила:

— Нет. Я дома. Мне просто плохо. Приходи, а?

— А Роман-то где? — почти рявкнула Ксюша, и коллеги удивлённо на неё покосились. — Он же должен быть с тобой!

— Так он с папой уехал! Ты не знала? Улетел с папой... Приходи, Ксюш!

Девушка беззвучно чертыхнулась, пообещала в ближайшее время прийти и поспешила к Виктору на поклон.

Тот немного ехидно ухмылялся, глядя в монитор, и у Ксюши даже кулаки зачесались.

— Мне нужно уйти. Очень, — выдохнула она нервно. — Можно?

— Можно, — протянул Виктор, поднимая глаза, и вдруг растерял всю свою ехидность. Заметил, как она переживает? — Что-то случилось, Ксюш? Помощь не нужна?

— Нет, — девушка помотала головой. — Я сама справлюсь. Так, непредвиденные обстоятельства.

— Ну звони, если что, — кивнул начальник, и Ксюша, поблагодарив его, быстро собрала вещи и вышла из редакции.

К квартире Игоря она подходила минут через десять, по пути прикупив парочку булочек с корицей в кафе в холле первого этажа, и ободряюще улыбнулась открывшей дверь Насте.

Девочка почему-то была розоватой, словно от смущения. Впрочем, возможно, так казалось просто из-за розовой футболки и покрашенных в розовый цвет ногтей на руках.

— Привет, — Ксюша сочувственно погладила Настю по плечу, — ты как? Лучше?

— Да, — ответил ребёнок, покраснев сильнее. — Ой. А что это?

— Булочки, — Ксюша улыбнулась, — те самые, с корицей. Давай чай попьём?

— Да! — почти подпрыгнула Настя, но тут же вновь смутилась. — Только давай в гостиной, а не на кухне? У меня еще есть малиновое мороженое, папа купил перед отъездом, чтобы мне скучно не было. Будешь?

Отказаться от малинового мороженого Ксюша никогда в жизни бы не смогла. Она обожала всё малиновое. Любовь к этой ягоде не смог вытравить из неё даже Андрей, который, зная об этой её слабости, вечно покупал Ксюше малиновые пирожные в кафешке возле института.

— Буду, — кивнула она, проходя в прихожую.

Ксюша не знала — да и не могла знать — что Игорь запретил Насте есть мороженое на целых два месяца. Он не рассказывал, не желая расстраивать девушку, а самой Насте было стыдно распространяться на подобную тему.

Поэтому она не знала, что это мороженое Игорь купить просто не мог.

А если бы знала... всё могло бы быть по-другому.

Андрей с детства уяснил — чем добрее и честнее человек, тем его проще обманывать.

Обмануть Ксюшку было просто. Как тогда, так и сейчас. Разве могла она подумать, что Настя врёт насчёт лифта? Отличная идея, которая пришла ему в голову случайно, и у которой оказалось гораздо больше смысла, чем он изначально предполагал. Ведь именно так Ксюшка с Настей и познакомилась.

А мороженое... Что ж, Андрей отлично помнил, как сильно эта черноглазая сучка всегда обожала малину, и не думал, что её привычки изменились. Но на всякий случай купил ещё шоколадных и малиновых пирожных. Вдруг у неё горло болит? Или малину за эти годы разлюбила?

Не болело. И не разлюбила. Согласилась. Это подтвердила Настя, зайдя на кухню. Сестрица явно нервничала, но остановиться уже не могла. Как остановиться, когда летишь вперёд на полной скорости?

Да и не нужно останавливаться. Так Андрею всегда говорил отчим. «Если принял решение — иди до конца. Останавливаются только трусы».

Отчим... Он никогда не любил Андрея, как родного сына. Воспитывал, заботился, но не любил. Впрочем, он вообще никого не любил, кроме себя, и к людям относился исключительно как к вещам. Они с бате́й в этом плане были похожи, только у бати были исключения из правил для родных и близких, а вот у отчима — нет. Если человек был ему полезен, он его ценил, но в обратном случае относился, как к временной помехе.

Они с матерью на самом деле нашли друг друга — та была точно такой же. Ценила деньги и удобства, которые предоставлял ей муж, а взамен оказывала ему сексуальные

услуги. Умело вела хозяйство и закрывала глаза на любовниц.

Отчим объяснил Андрею, что жена должна быть именно такой, ещё когда тот был подростком. Удобная, красивая, не особенно умная, но умеющая держать лицо в обществе, чтобы было не стыдно. «Жена должна быть как костюм, — говорил он. — Сидеть идеально, нигде?е жать и легко стираться».

Так уж получилось, что отчим не мог иметь детей из-за одной болезни, перенесённой в детстве. И скорее всего, он именно поэтому всё же уделял Андрею внимание — понимал, что однажды тот станет наследником его строительной фирмы. И досадовал, что у пасынка нет управленческого таланта. «Запомни, — наставлял он Андрея, — если ты не можешь управлять сам, ты должен научиться находить правильных людей для этого. Правильные люди — залог успеха в любом деле».

Да уж, у отчима это всегда хорошо получалось. Интересно даже, как. Наверное, потому что он сам был «правильным». А вот Андрей, увы, правильным не был...

Иногда ему хотелось, чтобы отчим хотя бы раз в жизни показал, что любит пасынка, но это было невозможно. Даже мать порой проявляла чувства — редко, но проявляла. И батя тоже. А отчим — нет.

У Ксюшки, в отличие от Андрея, были хорошие, любящие родители. Он ей даже немного завидовал...

— Где мороженое? — спросила Настя шёпотом, заходя на кухню. — Ты обещал мне мороженое!

— Обещал. — Андрей очнулся и вскочил со стула. — Сейчас будет.

Он подошёл к холодильнику и достал из морозилки две давно подготовленные креманки — розовую и белую. Риска никакого — Настя точно будет есть из розовой, а Ксюшка терпеть не может розовый цвет — но Андрей всё же сказал:

— Держи. Твоя порция — в розовой креманке. Там побольше.

Настя чуть повеселела, забрала у него мороженое и поскакала в комнату.

Дурочка.

От этого мороженого Ксюша едва сознание не потеряла — настолько вкусным оно было. И с ягодами... просто пальчики оближешь.

Даже Настя повеселела. Уплетала за обе щёки свою порцию, которая явно была больше, чем у Ксюши, и увлечённо рассказывала про подружку Лизу и её ухажёра, про танцы и про то, как она мечтает прыгнуть с парашютом, но папа не разрешает.

Ксюша смеялась, ощущая, как постепенно повышается настроение. Давно она не чувствовала себя так хорошо, и окружающий мир словно стал ярче, начал переливаться яркими красками и пульсировать, будто живой. Одновременно с этим кожу начало покалывать, а во рту появилась сухость, как в пустыне.

И в этот момент у Насти зазвонил телефон. Она погрустнела, сбросила звонок и, вздохнув, сказала:

— Я отойду, перезвонить надо. Ладно? Ты... тут будешь?

— Ага, — кивнула девушка беспечно. — Иди, конечно.

Настя ушла, и Ксюша почти сразу начала постукивать ногой по полу от нетерпения. Хотелось куда-то идти — нет, даже бежать. И чего она тут сидит? Вот, точно! Надо положить себе еще мороженого. Оно же такое вкусное!

Ксюша аж подпрыгнула от нетерпения и, захватив пустую креманку, поспешила на кухню. Немного поплутала в коридорах, хихикая над собственной глупостью, а иногда просто хихикая, без всякой причины. Вошла на кухню, направилась к холодильнику, и только протянула к нему руку, как свет погас. А так как окон на кухне не было, сразу стало темно, будто в склепе.

Ксюша от неожиданности выронила креманку, но та не разбилась, просто покатила по полу. Вновь похихикав, девушка поняла — она совершенно не помнит, как здесь включается свет, и ей стало еще смешнее. Она расхохоталась, делая шаг назад... и наткнулась на кого-то, кто стоял позади.

Горячие ладони легли на бёдра, и Ксюша игриво повела ими, заставив неведомого кого-то сжать пальцы и чуть сдвинуть руки, лаская теперь уже ягодицы. Неужели Игорь? Вернулся?! Напугать её решил? Так ей совсем не страшно!

Ксюша опять хихикнула, обернулась — и тут её подхватили ладонями под попой и усадили на столешницу. И почти сразу начали стягивать джинсы — резко, даже грубо, с нетерпением.

— Ну что ты, — прошептала она, помогая, — я тоже соскучилась!

Следующие минут пятнадцать были заполнены удивительной эйфорией, колоссальным подъёмом — и Ксюша почти воспарила над землёй, испытав очень сильный, какой-то первобытный оргазм. Стонала и кричала, откинувшись назад и упираясь руками в столешницу, разводя ноги как можно шире и позволяя своему мужчине вколачиваться в её тело, и поминутно смеясь от счастья и странного необъяснимого веселья...

А ему всё было мало. Он двигался и двигался, доводя Ксюшу ещё до одной грани... и ещё до одной...

После четвёртого оргазма она не выдержала — гортанно вскрикнув, потеряла сознание, проваливаясь в спасительную черноту, которая почему-то пульсировала и переливалась, словно тёмная вода.

Когда Ксюшка отключилась, Андрей даже зарычал. Да что же это! Столько времени ждал, и никак не может кончить!

Ну хоть с камерами он сделал правильно. Прикупил парочку крутых, с режимом ночной съёмки, и спрятал на кухне, в гостиной и в батиной спальне. Специально для этого пришёл пораньше — чтобы успеть всё развесить после ухода Люси. Кухарка сдалась быстро, даже обрадовалась, что намечается свободный вечерок, но всё-таки позвонила работодателю. Батя немного удивился, узнав, что сын никуда не уехал, но возражать не стал и Люсю отпустил. Воистину Андрею сегодня сопутствует удача.

Он ведь не знал, как Ксюшка поведёт себя после экстази. Он-то в курсе: всех торкает по-разному, и боялся, что она вообще запрётся в ванной и будет сидеть там и ржать, глядя в потолок. И такое видали...

Но ему повезло, и Ксюшка, нахихикавшись, сама пришла на кухню. Лучший из вариантов. Только свет нужно было выключить — таблетки таблетками, но если она поймёт, что с ней не батя, отреагировать может непредсказуемо. Лучше не рисковать.

Вот и сейчас, раздев Ксюшку догола и положив на постель в комнате отца, Андрей перевернул её на живот, перед этим задёрнув шторы и выключив свет. Настольную лампу только оставил, чтобы самому хоть что-то видеть. А в остальном ночная съёмка сделает своё

дело и так. Он ведь не порнушку снимает... документальный фильм, млять.

Но какая же она сладкая сучка...

Очнулась Ксюша уже в их с Игорем спальне. Она поняла это не только по очертаниям комнаты в полумраке, но и по знакомому ощущению ткани белья под пальцами.

Голая, она лежала на животе, а Игорь двигался в ней сзади. Ксюша простонала что-то и раздвинула ноги чуть шире, впуская его глубже. Он тоже застонал, и как-то странно — таких звуков она от него раньше не слышала... Неужели так соскучился? Стало смешно, и Ксюша опять хихикнула. Игорь шлёпнул её ладонью по попе, и Ксюша хихикнула еще раз.

— Забавный ты, — шепнула она, растекаясь по простыне — внезапно пришли ощущения, и они вновь, как тогда, на кухне, оказались невероятными по силе. Ксюша часто-часто задышала, открывая рот и выгибаясь от наслаждения, хотела перевернуться, но он не дал, сильнее прижав её обеими ладонями к кровати.

Она не осознавала, сколько длился этот секс-марафон, но ей показалось — бесконечно. Наконец Игорь громко застонал, а потом вышел из неё и зачем-то кончил ей на спину. Зачем? У Ксюши от растерянности даже эйфория схлынула, она вновь попыталась перевернуться — но Игорь уже упал на неё сверху, прямо так, ничего не вытерев. Это было настолько на него не похоже... да и тело... тело тоже было не его!!!

Ксюшу затопило ледяной паникой, и она забилась, пытаясь выбраться из-под тяжёлого и совершенно чужого по ощущениям мужчины. Но он не давал. Неприятно дышал ей в ухо, прижимая её к постели, и было невозможно сдвинуться с места. Если только...

Ксюша резко дёрнула головой назад и чуть поморщилась от пронзившей затылок боли — она явно хорошенько приложилась им об нос мужчины. Он вскрикнул, чуть приподнимаясь, и Ксюша наконец-то смогла откатиться в сторону.

— Ты?!

Впрочем, чему она удивляется? Кто же еще это мог быть...

— Я, я, — процедил Андрей, вытирая кровь из-под носа. — А ты батю ждала? Нету бати. Только я. Но тебе же понравилось? А, Ксюш? Сколько раз кончила, помнишь?

— Сволочь! — прошипела она, бросаясь вперёд и пытаясь выцарапать ему глаза ногтями. Но не преуспела — Андрей её быстро скрутил и кинул обратно на кровать, ложась сверху и так зафиксировав Ксюше руки, чтобы она не могла ими двигать.

— Успокойся ты! Давай поговорим!

— Мразь!

Она плюнула ему в лицо. Правда, с трудом собрала необходимую для этого слюну — во рту до сих пор было слишком сухо. Андрей поморщился, обтёрся плечом и, усмехнувшись, продолжил:

— А ты не рыпайся, Ксюшка. А то я чего похуже придумаю... Мне терять уже нечего.

Но сигнал «стоп» у неё сейчас отсутствовал, и Ксюша не прекращала сопротивляться. Извивалась и пыталась брыкаться, дёргала головой, однако Андрей, наученный горьким опытом прошлого раза, избегал второго удара по носу.

Но в конце концов ему это надоело, и он, на секунду выпустив Ксюшкины руки, дал ей увесистую пощёчину. И пока девушка морщилась от боли, вновь прижал её к кровати и сказал холодно и чётко:

— Прекрати, если не хочешь, чтобы я трахнул тебя в задницу. Я давно об этом мечтаю, а

ты сейчас напрашиваешься!

Сознание у Ксюши было каким-то затуманенным, но угроза Андрея до неё всё же дошла. И она в эту угрозу поверила. Теперь, после того, что о? сделал, ему действительно было нечего терять.

— Зачем? — выдохнула Ксюша, замерев под ним. Не выдержала — дёрнулась, когда Андрей провёл ладонью по её груди. Резко затошнило. — Я не понимаю, зачем тебе это.

— Всё просто, детка.

Кошмар. Почему «девочка» Игоря ей нравилась, а «детка» Андрея спровоцировала рвотный позыв? Ксюша сглотнула, как ей показалось, собственный желудок, и с трудом удержала внимание на том, что говорила эта мразь.

— Я снял классное видео про то, как мы с тобой сейчас трахались. Хочешь, покажу батю?

Ксюша заледенела.

— Ты свихнулся?!

— Нет, — хмыкнул Андрей. — Ты можешь выбрать, детка. Либо я показываю это интересное видео про нас с тобой, либо... ты пишешь отцу не менее интересную записочку.

— Какую ещё записочку?!

— Что ты его использовала, чтобы отомстить мне, а теперь он тебе надоел и ты его бросаешь. И общаться с ним ты больше не будешь. А если нарушишь слово... это видео увидит не только батя, но и весь интернет.

Андрей торжествующе улыбался, пока Ксюша шокированно смотрела на его довольное лицо.

— Ты не ответил, — наконец выдавила она из себя, — зачем тебе это?

— Ах, да. Забыл, — он усмехнулся. — Есть ещё одно условие. Ты уедешь со мной в Питер и будешь моей любовницей до тех пор, пока не надоешь мне.

Ксюша не выдержала и рассмеялась. Весело было настолько, что она даже начала икать.

— Ну ты и прид-дурок...

— Не нарывайся, детка. Слова про задницу всё ещё в силе.

— Да пош-щёл ты... — хихикнула она, изо всех сил отталкивая Андрея от себя. Он уже расслабился и выпустил её из захвата, поэтому у неё это получилось. Ксюша вскочила с постели и, чуть покачнувшись от внезапного головокружения, процедила: — Я не буду писать никаких записочек. И в Питер с тобой тоже не поеду. Дерьмо ты вонючее! Показывай это видео кому хочешь, хоть президенту. Мне плевать!

Андрей встал с кровати и шагнул к ней, пытаясь схватить её за руки. И на Ксюшу вдруг накатило...

Ненависть. Обжигающая, выжигающая все мысли и чувства, абсолютная и бесконечная.

Она бы его убила, если бы было, чем. А так только, захрипев, бросилась вперёд, впиваясь ногтями в кожу на лице. Всеми ногтями...

Андрей завопил и оттолкнул Ксюшу от себя. Она упала на пол прямо в кучу собственной одежды и, внезапно осознав, что не одета, начала её натягивать, пока Андрей, матерясь, вытирал с лица новую кровь.

Мощно она его расцарапала...

— Сучка... — он опять попытался подойти, но Ксюша агрессивно огрызнулась:

— Только посмей приблизиться! Я тебе яйца оторву!

Андрей застыл, а она уже натягивала на себя футболку. Лифчик засунула в карман — не

до него было.

Никогда в жизни Ксюша так быстро не одевалась.

— Подумай ещё, когда в себя придёшь. Ты сейчас под экстази, соображаешь плохо. Если батя посмотрит это видео, он тебя потом по стенке размажет, Ксюшка. А так только меня денег лишит, ну и, может, в морду даст пару раз. Зачем тебе проблемы?

Из этого монолога она уловила только одно слово. Его же и переспросила:

— Экстази?

— Угу.

Андрей молчал, но Ксюша всё поняла и так.

— Придурок. Знаешь... я никогда не верила в ад. Но теперь я надеюсь, что он существует, и ты будешь в нём гореть.

Она развернулась и вышла из комнаты на слегка дрожащих ногах. В голове было пусто и гулко, лишь пульс стучал в висках.

Подумать ещё... О чём? Везде тупики. Но самое главное, чего Ксюша не хотела делать — врать Игорю, строча эту глупую записку, как предложил Андрей.

Пусть он лучше всё увидит... и возненавидит её за случившееся. В любом случае — вряд ли он будет ненавидеть Ксюшу сильнее, чем она сейчас ненавидела саму себя.

Тьфу ты. Зла не хватает.

Андрей предполагал такой сценарий развития событий, но всё же надеялся на Ксюшкино благоразумие. Наверное, зря. В конце концов, экстази она с этим мороженым выжрала прилично. Может, всё-таки передумает до пятницы? Глупая сучка. Но до чего же классная. Понятно, почему бате настолько крышу снесло. Она так плотно обхватывала его член... А у бати-то размерчик побольше, ему наверняка ещё приятнее и теснее.

Ладно, хватит рассуждать. Надо одеваться, смотреть, что с лицом, снимать камеры и идти доставать Настю из её комнаты. Андрей просил сестру не выходить, пока он будет «разговаривать» с Ксюшкой, и она послушно сидела у себя. Молодчина. Впрочем, у неё была неплохая мотивация в виде обещанных Андреем десяти тысяч рублей. Желание иметь собственные деньги на карманные расходы перевесило Настино фамильное любопытство. И Андрей её понимал. Ему самому в этом возрасте страшно не нравилось просить деньги у отчима или бати. Зато теперь было пофиг. Деньги — они и есть деньги, и какая разница, чьи?

Зеркало в ванной отразило нехило так исцарапанную морду. Словно дикая кошка на него набросилась... Кошка Ксюшка. Да уж.

Нет, он её всё же уговорит. Смонтирует хорошенькое видео, покажет его Ксюшке, она впечатлится и согласится на вариант с запиской.

Надо только подождать... часов двенадцать как минимум. Пусть отойдёт, включит мозги, и тогда сама поймёт — лучше так, чем если батя узнает, что она трахалась с Андреем.

Так она по крайней мере точно останется жива.

Ксюша не помнила, как доехала до дома. Но заходить не стала — незачем тревожить Инну Васильевну. Уселась во дворе, забравшись на одну из скамеек с ногами — так и сидела, почти не двигаясь и ни о чём не думая.

Чем больше проходило времени, тем сильнее на Ксюшу накатывала слабость. Из головы словно мозги вынули, заменив их каким-то желе. А еще ей было дико жарко, хотя на улице жарко совсем не было, и Ксюша чувствовала, что сильно потеет — пот стекал по лбу и спине, чертя на коже мокрые и солёные дорожки.

Словно её тело оплакивало то, что с ней произошло.

Но противнее всего было между ног. От мыслей о том, что там недавно побывал член Андрея, у Ксюши внутри всё саднило. И тошнило очень сильно.

Она просидела так — на скамейке, сжавшись почти в позу эмбриона — до самой темноты. И когда на небе начали проявляться первые звёзды, а в воздухе запахло осенью, приняла окончательное решение.

Наверное, ей действительно здесь не место. Странно, что она раньше этого не понимала. Ведь этот город отталкивал её с самого начала.

А там, в Чебоксарах, остались мама и папа. И от острого желания увидеть их — их обоих — Ксюша чуть не расплакалась.

Она могла увидеть только кресты на могилах. И поговорить только с ними. Но... пусть так. Может, ей станет легче? Хотя бы немного.

— А где Ксюшка? — спросила Настя с удивлением, когда Андрей постучался к ней в комнату, чтобы попрощаться. — И почему ты такой... расцарапанный? Не получилось у тебя ничего, да?

— Пока да, — он усмехнулся, кивая, — но, как говорится, ещё не вечер. Ты, Настёна, не волнуйся, не будет у тебя мачехи.

— Да я... — она запнулась, но всё же продолжила: — Не так чтобы уж очень сильно не хочу теперь... Ксюшка хорошая. И папа такой счастливый... А мама знаешь, что говорила перед смертью? Что я не должна сердиться, если у папы появится другая женщина. Мужчине нужна женщина, почти как ребёнку мама.

— Интересное сравнение, — сказал Андрей насмешливо. — Ребёнок — это, значит, батя. А Ксюшка — мама. Забавно, забавно.

— Ты иногда бываешь очень противным, — поморщилась Настя. — И вредным.

— Ты тоже, сестрёнка. Поверь мне, ты тоже.

Вернувшись к себе, Андрей сразу занялся видео. Он вытащил все камеры из батиной квартиры, чтобы ни следа преступления не осталось, и теперь просматривал отснятое. Часть видеоряда нужно было вырезать, оставить только самые откровенные сцены. Сцены, в которых Ксюшка так явно наслаждалась процессом, закатывая глаза и постанывая, что Андрей возбуждался просто моментально.

Да уж... знатно получилось. Она точно будет в шоке и наверняка согласится на всё, лишь бы батя это не увидел.

По крайней мере Андрей на её месте сделал бы именно так.

Через несколько часов, когда на улице почти полностью стемнело, Ксюша почувствовала, насколько она затекла. Сидела ведь, не шевелясь. И пусть наркотик давал иллюзию того, что всё нормально, постепенно эта иллюзия рассасывалась.

А еще очень хотелось пить, и Ксюша, медленно поднявшись со скамейки и зашипев от острой боли в ногах, направилась к подъезду, поминутно спотыкаясь о саму себя. Она не знала, сколько сейчас времени, но предполагала, что Инна Васильевна наверняка уже спит. И не ошиблась.

Что ж, это к лучшему. До утра, возможно, ей станет лучше, и она покажется своей хозяйке уже не в таком жалком виде.

Ксюша язвительно усмехнулась и прошла на кухню, где налила себе воды и выпила её, держа чашку жадно дрожащими руками. Но легче не стало — пить захотелось ещё больше. Однако пить больше Ксюша не стала — побоялась. Про экстази она толком ничего не знала, но не сомневалась — вряд ли то, что требует сейчас её организм, хоть как-то будет ему полезно.

Наркотики. Она вновь усмехнулась и с гулким стуком поставила чашку обратно на стол. Это вполне в духе Андрея, а она наивная дура, что ничего не заподозрила.

Впрочем, плевать на Андрея. Куда неприятнее был тот факт, что в этом дерьме участвовала Настя. Зачем? Бог её знает. Наплёл что-нибудь сестре, а она развесила уши и решила помочь. Сложно ли обмануть подростка?

Впрочем, плевать теперь и на Настю тоже.

Ксюша зашла в свою комнату и огляделась. В принципе, если очень постараться, все вещи можно уместить в один чемодан. Книги, конечно, придётся оставить... Но ничего, Инна Васильевна не зверь, позволит потом забрать их. Главное — сделать всё как можно быстрее.

Она включила ноутбук и загрузила сайт для покупки билетов на поезд. Заказала себе билет до Чебоксар на боковое место в плацкарте и, оплатив покупку онлайн, сохранила электронный билет на флешке. Утром распечатает в ближайшем центре, где оказывают подобные услуги.

Достала из сумки телефон и чуть не расплакалась, увидев на экране смс-сообщение от Игоря.

«Доброй ночи, моя девочка. Сегодня не будет времени позвонить. Жди звонка завтра вечером».

Ждать звонка...

«Ты сам не захочешь мне звонить, когда всё увидишь».

Подцепив заднюю крышку ногтем, Ксюша вынула из телефона сим-карту и, вздохнув, сломала её пополам. Положила осколки на край стола и, всхлипнув, закрыла лицо руками.

Больше всего на свете ей сейчас хотелось не собираться в Чебоксары, и не заказывать билеты на поезд, и не выбрасывать симки.

Ей хотелось уснуть и не проснуться. Хотя... нет. Вот бы уснуть и проснуться в своей старой кровати — там, в доме возле великой русской реки, — и увидеть родные лица родителей.

И пусть ей вновь будет шестнадцать... Навсегда.

Весь вечер у Насти было ощущение чего-то неправильного, и она никак не могла понять, в чём дело. Убеждала себя, что всё делает как надо — в конце концов, Андрей ведь Ксюшу любит! Разве плохо, что он пытается её добиться? — но почему-то не убеждалось.

Настя давно не была дома одна, и теперь ходила по квартире, ощущая острое чувство вины. За ложь перед Ксюшкой, и перед отцом, и даже перед Люсей. Как ни крути, а лжи слишком много, и чем больше проходит времени — тем её больше.

Нет. Хватит помогать Андрею. Что бы он ни говорил. Хватит. Если даже сегодня Ксюша ушла, перед этим расцарапав брату лицо — это ведь однозначное «нет». А когда человек не понимает слова «нет», это уже какой-то терроризм получается.

?рейсон, которого Настя забирала с собой в комнату, теперь сидел на кухне возле Ксюшиной креманки из-под мороженого — она валялась на полу дном кверху — и с интересом принюхивался к ней. Потом чихнул и отошёл.

Настя подняла креманку, поставила её в посудомойку и вытерла с пола несколько капелек от мороженого. Андрей накануне сказал, что принесёт сестре мороженого и ничего не скажет отцу, и за это Насте теперь тоже было стыдно. А еще брат объяснил: мороженое Ксюшу немного расслабит, она ведь его любит. Особенно малиновое.

Ну да, расслабило. Насте показалось, что даже чересчур — глаза у Ксюшки как-то подозрительно заблестели, и смеялась она слишком громко, истерично. Она никогда так не смеялась. И ничего удивительного, что Ксюшка Андрею физиономию расцарапала...

Настя просидела в своей комнате в общей сложности около двух часов, и всё это время она дико хотела выйти и посмотреть, как продвигается диалог между братом и Ксюшей. Было любопытно. Но раз она обещала... И дело было не только в предложенных Андреем десяти тысячах, нет. Просто Настя и так чересчур много врала. Пора заканчивать...

Телефон в кармане зазвонил, и девочка, достав его, виновато покосилась на высвеченный номер. Папа.

— Алло.

— Как вы там, котёнок? У меня очень мало времени, но я решил позвонить. — Отец говорил быстро, неподалёку слышалась иностранная речь. — Андрей тебя не обижает?

— Нет, пап, — она вздохнула. — Всё хорошо.

Хотела добавить: «Уже скоро домой пойдём», но запнулась. Хватит врать!!!

— Ну отлично. Поужинать не забудь. И утром отпишись обязательно, как проснёшься, или позвони.

— Да, пап.

— Всё, милая. Я побежал.

Настя положила трубку и растерянно огляделась.

И всё-таки — человек должен чувствовать, когда он прав. А если ты этого не чувствуешь — значит, ты не прав.

Надо перед Ксюшей извиниться... За то, что устроила ей очередную неожиданную встречу с братом.

Но позвонить девушке Настя так и не решилась.

К утру видео было готово. Андрей кропотливо стёр все места, вызывающие сомнения в искренности происходящего, оставил только самый сок. Эх, если бы точно так же можно было стереть царапины на физиономии... Но ничего. Он Ксюшке эти царапины еще

припомнит...

Названивать ей Андрей начал примерно с одиннадцати утра. И с недоумением обнаружил, что телефон у Ксюшки недоступен. Странно.

Смс-сообщения тоже не доходили. Андрей забеспокоился. Завтра приезжает батя! И ему надо поговорить с Ксюшкой до встречи с ним. Чтобы понять, какой вариант она выберет.

Но телефон так красноречиво молчал, что Андрей уже начинал понимать, какой.

К утру сумка была собрана, и Ксюша, бледноватая, но решительная, вышла из своей комнаты, чтобы поговорить с Инной Васильевной.

Хозяйка квартиры стояла посреди кухни, зевая и потягиваясь. Улыбнулась, заметив Ксюшу, и вдруг замерла.

— Ксюнь? Что с тобой?

— Ничего, — ответила девушка ровно. — Инна Васильевна... я сегодня возвращаюсь в свой родной город. Оставлю вам деньги за этот и следующий месяц за неудобства. Простите.

Инна Васильевна нахмурилась, подошла ближе и положила ладонь Ксюше на лоб.

— Что случилось, девочка? Ты не заболела?

От этого «девочка» стало так больно, что она чуть не упала на пол.

— Нет, Инна Васильевна, — еле выдавила из себя. — Всё нормально. Я просто решила уехать. Не волнуйтесь.

— Ясно, — грустно улыбнулась женщина, опуская руку. — Растерзал тебя всё-таки твой волчище...

— Нет. Игорь тут ни при чём.

Кажется, Инна Васильевна не поверила. Вздохнула только горестно, погладила Ксюшу по плечу и спросила очень тихо, почти неслышно:

— А как же работа, Ксюнь?

— Уволюсь. Сейчас пойду туда. Заявление напишу.

— Так две недели же...

— Плевать. У меня поезд вечером.

Хозяйка квартиры вновь вздохнула.

— Эх, Ксюня... Понимаешь, какая штука... Мне уже давно не нужно сдавать квартиру, кредит-то я выплатила... Так что я никому твою комнату не отдам, и если ты захочешь вернуться — возвращайся. Я тебя с радостью приму. Ты же мне... как дочка, Ксюнь.

В глазах защипало.

— Спасибо, Инна Васильевна...

В метро ей резко стало хуже. Впрочем, это неудивительно — бессонная ночь, отсутствие завтрака, а про наркоту и говорить нечего.

Какое-то время Ксюша сидела на скамейке возле выхода и, дрожа от озноба, дышала. Господи, как же плохо... Но надо, надо дойти до работы, объяснить всё Виктору. Хотя Ксюше приходила в голову мысль ничего и никому не объяснять. Но нельзя. Начальник-то не виноват, и смываться с работы, не поставив его в известность — низко и подло.

Вот только на момент, когда Ксюша входила в редакцию, у неё уже почти не оставалось ни на что сил. Хотелось просто лечь на пол и умереть.

Но как она могла позволить себе умирать? Баба Дуся этого не переживёт. У неё ведь

одна Ксюша осталась на свете.

— Ксюш? — вопросительно протянул Виктор, как только она тяжело опустилась на своё место. — Ты что-то опозда...

Начальник не договорил — в этот момент он как раз посмотрел на Ксюшу, и тут же посуровел, подобрался весь. И закончил фразу совсем иначе:

— Пойдём-ка в переговорную. Пообщаемся.

— Пять минут, — выдохнула она, вытаскивая листок чистой бумаги из принтера. Потом взяла ручку и начала писать заявление об уходе.

Галя Елецкая рядом смешно крикнула, но ничего не сказала. И правильно — сначала должен узнать Виктор, а потом уж остальные.

Минуты через две Ксюша закончила писать заявление, взяла его в руку и встала со стула. Чуть покачнулась — пришлось схватиться за стол, чтобы не упасть, — выдохнула и двинулась дальше. Посмотрела на Виктора — тот уже вставал с места и, кивнув ей, пошёл по направлению к переговорной.

Перед глазами мелькали чёрные точки, и Ксюша мечтала только о том, чтобы всё это поскорее закончилось. Чуть меньше десяти часов до поезда... надо держаться. Надо.

— Что с тобой такое? — спросил Виктор сразу, как дверь переговорной закрылась, и зачем-то сжал Ксюшины плечи. — На тебе лица нет. Ксюш, в чём дело?

— Никаких дел, — ответила она слабым и каким-то не своим голосом. — Вот. Возьми. — И протянула ему заявление.

Виктор взял его, посмотрел, как на дохлую мышь, и почти брезгливо отбросил в сторону, на стол.

— Что за хрень? Ксюша! Посмотри на меня! — процедил он зло.

— Зачем? — она подняла голову. — Просто подпиши и пусти дальше. И ещё... У меня сегодня последний рабочий день. Вечером поезд.

— Зашибись. — Кажется, Виктор оторопел. — А про две недели ты что-нибудь слышала? Даже если я подпишу, ты обязана...

— Я не могу. Просто не могу, извини. — Ксюша отвела глаза, ощущая, как щиплет веки и горько становится во рту. — Если нужно, я позвоню парочке своих однокурсниц, спрошу, хочет ли кто-нибудь из них работать у нас... вас. Но сама не смогу.

Виктор молчал, только по скулам ходили желваки. Но в конце концов он рявкнул:

— А ну-ка, сядь!

Ксюша опустилась на стул почти с облегчением, и слегка поморщилась, когда Виктор навис над ней, упираясь одной рукой в столешницу, а другой приподнимая Ксюшин подбородок, чтобы она смотрела на него. И кажется, ему в тот момент было совершенно плевать на прозрачные «аквариумные» стены.

— Объясни, что происходит. Зачем тебе увольняться так резко? Почему нельзя подождать... ну, хотя бы неделю? Что за спешка?

— Я ничего не буду объяснять, — сказала Ксюша устало. — Не хочешь подписывать — так уйду.

Виктор потемнел лицом.

— Что он тебе сделал? Ты ведь из-за него. Не вижу другой причины.

— Тебя это не касается.

— Ну конечно, — он усмехнулся. — Моя лучшая сотрудница убегает с работы со скоростью света — и меня это не касается. Отлично.

Ксюша пожала плечами.

— Так ты будешь подписывать или нет?

Виктор словно не слышал.

— Ты в родной город поедешь? К бабушке?

Она даже слегка удивилась. Надо же, начальство помнит, что у неё есть бабушка.

— Да.

— Ладно. — Виктор выпрямился и сложил руки на груди, глядя на Ксюшу с неудовольствием. — Давай сделаем так. Ты перепишешь заявление.

Она открыла рот, чтобы возразить, но он не дал.

— Молчи пока, слушай. Перепишешь, возьмёшь отпуск на все оставшиеся у тебя дни. Если будет мало — напишешь за свой счёт еще пару недель. Если вдруг и этого будет мало — договоримся. Может, внештатно поработаешь какое-то время.

— Я не вернусь в Москву.

Виктор чуть поморщился.

— Давай без дальнего планирования, ладно? Не вернусь, не вернусь. Моя однокурсница всю жизнь мечтала выйти замуж за американца, говорила — ни за что не вернусь в Россию, всё достало. В результате через год примчалась с вытаращенными глазами — не может жить там, и всё тут. Так что не зарекайся, Ксюш.

Она промолчала. Зарекайся-не зарекайся, а факт остаётся фактом — она сюда не вернётся.

Но им с бабушкой понадобятся деньги. А зная начальника, можно предположить — без них она не останется. Работой он Ксюшу завалит.

— Ладно. Я сделаю, как ты говоришь. Напишу отпуск... а там посмотрим.

— Вот и прекрасно, — Виктор слегка расслабился. — Умница. А теперь пошли работать. Раз ты сегодня уезжаешь, надо кучу всего закончить.

Ксюша кивнула и быстро встала со стула, сразу поплатившись за свою беспечность резким сжатием висков и головокружением. Начала оседать на пол, но Виктор подхватил её и прижал к себе.

— Что же с тобой такое... — пробормотал он, задумчиво погладив Ксюшу одной рукой по волосам. — Ты не беременна?

— Нет, — ответила девушка, попытавшись отстраниться. Но попытки были слишком слабыми, чтобы Виктор даже внимание на них обратил.

— Тогда что? Не пойму, из-за чего можно так резко захотеть вернуться в Тьмутаракань...

— Не в Тьмутаракань, а в Чебоксары. И я уже говорила. Это тебя не касается.

Начальство наконец заметило, что Ксюша хочет освободиться, и отпустило её.

— Я понял, — усмехнулся Виктор, но далеко всё равно не отошёл — наверное, побоялся, что Ксюша опять попытается грохнуться. — Пошли.

Она кивнула и медленно двинулась в сторону редакции, но почти сразу Виктор осторожно взял девушку под локоть и повёл совсем в другом направлении.

— Не туда пошли.

— А куда? — спросила она с недоумением и сглотнула — во рту снова была Сахара.

— В столовую. Тебе поесть надо. А потом уже работать. Часом больше, часом меньше...

— Я тебя не узнаю, — удивлённо заметила Ксюша, и с ещё большим удивлением уставилась на горькую улыбку, появившуюся на губах Виктора.

— Ты меня вообще не знаешь, Ксюш.

Наверное, так и есть. Впрочем, чего толку рассуждать?

В любом случае теперь она его уже и не узнает.

Ближе к обеду Андрей начал паниковать. Ему не слишком хотелось показывать бате это видео, оно предназначалось Ксюшке. Но раз она не хочет по-хорошему...

Только необходимо подложить что-то мягкое, иначе отец его на месте придушит. И врать поубедительнее. А чтобы поубедительнее врать, надо хорошенько всё продумать.

А потом, когда страсти поутихнут, Андрей Ксюшку найдёт. Никуда она от него не денется. Главное, чтобы бате перестала быть нужна.

Впрочем... Андрей щёлкнул мышкой, остановив на мониторе один из самых пикантных моментов, когда Ксюшка выгибалась под ним. Какая же потрясная у неё грудь...

Но сейчас не об этом. А о том, что вряд ли хоть одному мужику на этой планете может понравиться, когда его бабу трахает кто-то другой. И вряд ли после подобного батя захочет видеть Ксюшку, не говоря уже о том, чтобы её иметь. Он вообще тот ещё собственник.

— Алло, Настя.

— Чего тебе? — голос сестры звучал на редкость угрюмо и недовольно. Совесть, что ли, мучает? Или так, подростковые проблемы?

— Во сколько завтра батя приезжает?

— Утром. Часов в десять будет.

— Отлично. И я тоже буду... часам к десяти.

— Лучше вечером приезжай. Папа хоть отоспится.

Андрей хмыкнул. Нет уж. Отец ему точно пару раз по морде заедет, и чем меньше у него будет сил — тем лучше. Без зубов остаться совсем не хочется.

— Посмотрим, Настёна. Посмотрим...

После позднего завтрака в столовой Ксюше стало немного легче. Виктор пошёл с ней, но глупых вопросов больше не задавал, рассказывал про своих дочек — одной было пять, а другой три, — и Ксюша слабо улыбалась, с трудом удерживая внимание. Теперь, после еды, появилась другая крайность — её начало клонить в сон. Но спать было нельзя, и Ксюша украдкой щипала себя за руки, чтобы не вырубиться прямо во время разговора.

Потом было тяжелее. В столовой, где стоял шум и гам, при Викторе, который отвлекал Ксюшу разговорами, бороться со сном еще было можно. А вот когда они вернулись в редакцию... Ксюша постоянно ловила себя на попытке упасть лбом в клавиатуру. И возвращалась в реальность только колоссальным усилием воли.

Коллеги проводили Ксюшу во внеплановый отпуск — про увольнение, конечно, никто не сказал, даже Галя промолчала, хоть и хмыкнула, — и Виктор отпустил её домой почти сразу после полудня. Наверное, понял, что толку с такой сонной сотрудницы не больше, чем с козла молока.

Дошёл с Ксюшей до выхода из редакции и сказал очень тихо, прикоснувшись к плечу девушки:

— Звони, если нужна будет помощь. Любая. Ладно?

— Ладно, — согласилась Ксюша легко.

Они оба знали, что она не позвонит. Но при этом Ксюша, кажется, начинала понимать своего начальника. Он просто не мог не предложить.

Дома она оставила трогательную и нежную записку Инне Васильевне, захватила собранный еще ночью чемодан — не хотела медлить, решила подождать поезда на вокзале, — вызвала такси и спустилась вниз. Огляделась испуганно, но во дворе никого не было. Оно и понятно — Андрей не знает, где она живёт.

А Игорь чуть позже будет названивать и недоумевать, почему она недоступна. И волноваться.

Подумав о нём, Ксюша зажмурилась и задышала чуть чаще. Было просто невыносимо стыдно... Стыдно за всё: за то, что перепутала Андрея с Игорем, за то, что испытала несколько оргазмов, занимаясь сексом с человеком, которого ненавидела. И за то, что не могла смотреть Игорю в глаза после случившегося.

И убегала, как последний трус.

Интуиция у Игоря всегда была хорошая. И он почувствовал — что-то случилось — ещё накануне. А уж когда на следующий день вечером Ксения оказалась недоступна для звонков, окончательно уверился в том, что так оно и есть.

Игорь продолжал звонить, набирал номер каждый час, но телефон по-прежнему равнодушно заявлял «абонент не отвечает или временно недоступен».

Через два часа Игорь не выдержал и позвонил дочери.

— Настя. — Он пытался смягчить голос, но толком не получилось. — Что произошло вчера вечером?

Дочь молчала.

— В смысле? — спросила осторожно, с опаской.

— В прямом, Настя. Ксения не отвечает на звонки. Телефон недоступен. Ты видела её вчера?

Она замялась, и по этой недолгой заминке Игорь сразу понял: видела.

— Где ты её видела, Настя?

— Ну... Она приходила к нам... в гости.

— Так. При Андрее?

— Ну... да.

— Кто её позвал?

Молчание.

— Кто её позвал, Настя?

— Я, — чуть слышно вздохнула дочь.

— Зачем?

— Ну... просто... в гости. Скучно было.

Игорь побарабанил пальцами по столу. Опять Настя за своё. Видимо, решила свести Ксению с Андреем, а может, он и сам попросил пригласить их обоих одновременно. Только вот для чего?

— Я очень зол, Настя, — сказал Игорь тихо. — Очень зол. Понимаешь?

— Да, пап...

— Мы с тобой поговорим об этом подробнее, когда я вернусь. А пока скажи — когда и где ты видела Ксению в последний раз? Что она делала, как выглядела?

Вздых.

— В нашей гостиной. Сидела, ела мороженое... Довольной выглядела. Весёлой.

— Мороженое. Ясно.

— Пап...

— Настя. Потом о тебе и твоих проступках. Сейчас меня интересует, почему Ксения не отвечает на звонки. Что было после? Ты видела её в гостиной, она ела мороженое. Куда ты ушла из гостиной?

— К себе...

— Оставила Ксению с Андреем?

— Ну... да.

— А дальше?

— Не знаю. Часа через полтора-два он постучался и сказал, что уходит. А Ксюши уже не было. И у них там... ну... не заладилось.

Игорь так разозлился, что чуть не раздавил телефон, сжав его в руке.

— Прекрасно. Андрей ушёл и оставил тебя одну до утра. Настя! Ты знаешь, что я ни разу в жизни тебя и пальцем не тронул. Но теперь я понял, что был не прав. Я выдеру тебя, как сидорову козу, когда вернусь.

— Папа! — дочь панически всхлипнула и что-то залопотала, но Игорь прервал этот поток резким:

— Хватит! Сегодня сидишь дома. Борис с тобой?

— Да...

— Дай ему трубку.

С полминуты телефон молчал, а затем послышался тихий голос Бориса:

— Да, Игорь Андреевич.

— Настя сегодня на домашнем аресте. И предупреди Люсю: никакого сладкого. И на завтрак пусть сварит ей овсянку.

— Так Настя ведь её не любит...

— Ничего, пусть ест. И вот ещё что, Борис. Если я узнаю, что вы с Люсей хоть в чём-то меня ослушались — вывели Настю из дома, или дали конфетку, или вместо овсянки у неё на завтрак была яичница с беконом, — вылетите оба. А я узнаю, Борис. Ты понял меня?

— Понял, Игорь Андреевич, — ответил Борис дрогнувшим голосом.

А через пару секунд, послушав гудки — шеф бросил трубку, даже не простившись, — покачал головой и негромко сказал шмыгающей носом Насте:

— Вот это ты его взбесила, Настё?а...

Ксюша неплохо выпалась на скамейке в зале ожидания на Казанском вокзале. Даже несмотря на то, что судорожно сжимала свой небольшой чемодан и сумку и поминутно просыпалась, проверяя, всё ли на месте. У неё, конечно, ни денег с собой особенно не было, ни ценностей — но жулики ведь об этом не знают?

Поколебавшись немного, в салоне связи разорилась на новую сим-карту и, вставив её в подаренный Игорем телефон, набрала смс-сообщение Стасе.

«Я сегодня внепланово уезжаю в Чебоксары к бабушке. Наверное, надолго».

Она не стала писать — навсегда, чтобы не пугать подругу. Стася и так всё поймёт.

Она ведь знает, что Ксюше не везёт в личной жизни.

Искать Ксению на работе смысла уже не было — рабочий день закончился. Её домашнего телефона у Игоря не имелось, зато имелся номер Стаси. Она сама дала его, когда они с Ксенией были у них в гостях. И Игорь, зная, что в жизни может пригодиться всё, даже самое ненужное, добросовестно сохранил этот номер в памяти своего смартфона.

И вот — пригодилось. К сожалению.

— Алло, Стася? Это Игорь Венчур. Помнишь меня?

— Конечно! — голос был весёлый, радушный, и в другой раз Игорь бы даже улыбнулся. — Помню!

— Это замечательно. Стася, я не могу найти Ксению, она не отвечает на звонки. Помоги мне, пожалуйста.

— Ох. — Голос сразу перестал быть весёлым. — Вы поссорились?

— Нет. Я понятия не имею, что случилось, но телефон недоступен.

— Может, просто разрядился?

— Надеюсь, что так. Ты знаешь её домашний?

— Да, — протянула она неуверенно. — Вроде был. Подожди, я поищу, и тебе перезвоню. Хорошо?

— Спасибо, Стася.

Не прошло и пяти минут после отправки смс-сообщения, как телефон зазвонил.

Это была, конечно, Стаська.

— Ксюш, — в её голосе отчётливо слышалось беспокойство, — что случилось? Зачем тебе в Чебоксары?

— Бабушку навестить. Не волнуйся.

— «Не волнуйся», — передразнила её Стася. — А Игорь почему не в курсе? Чтобы волновался?

— Игорь?..

— Да! Он тебя ищет чуть ли не с собаками. Спрашивал у меня твой домашний телефон, вот, ищу. Но я так понимаю, смысла уже нет? Ты не дома?

— Я на вокзале. Стась... не давай ему ничего. Не надо.

— Он тебя обидел?

— Нет. Он самый лучший. Просто... Нет, я не могу рассказать. Не сейчас.

— Ладно. Как сможешь, так расскажешь. Что мне ему говорить-то?

— Ничего. Что домашнего нет и что ты не знаешь, где я.

— Ну сегодня, может, и прокатит. А дальше? Игорь ведь всё равно тебя найдёт.

Ксюша слабо улыбнулась и качнула головой.

— Он не будет искать, Стась. С завтрашнего дня... уже не будет. Так что тебе только сегодня надо продержаться. Извини, что доставляю проблемы...

— Да какие это проблемы, — возмутилась Стася. — С ума сошла. Проблемы. Уши бы надрала, если бы рядом была! Ксюшка! Ты только не пропадай, пожалуйста. Это твой новый номер?

— Да. На старый можно не звонить. Я симку разломала.

Стася задумчиво помолчала.

— Ксюш... Может, мне приехать?

— Не надо. У меня поезд через двадцать минут. Сейчас пойду загружаться.

— Напиши, как доедешь.

— Хорошо.

— Обнимаю тебя!

— И я тебя, Стась.

— Алло.

— Игорь, это Стася. В общем... — Она тяжело вздохнула. — Мне запретили рассказывать, но я расскажу. Я думаю, Ксюша поступает неправильно. Ты должен знать.

— Знать о чём?

Ручка, которую Игорь в этот момент держал в ладони, страдальчески затрещала, так сильно он её сжал.

— Ксюша написала мне смс с нового номера. Я перезвонила и узнала, что она на вокзале, собирается уезжать в Чебоксары. Она оттуда, ты в курсе?

— Да.

— Ксюша не сказала, что случилось. Но голос у неё... похоронный марш, а не голос. Я тебе сейчас дам её телефон... Только ты не звони пока, ладно? Психанёт ещё. У неё поезд через двадцать минут, он вроде часов четырнадцать идёт. Позвони лучше завтра утром, когда она уже в Чебоксарах будет. Может... — Стася запнулась. — Может, ей там легче станет.

— Если бы я знал, что случилось... — пробормотал Игорь и вновь сжал ручку до треска. — Я ничего не понимаю, Стася. Она совсем ничего не сказала?

— Нет. Только то, что ты её не обижал. И что ты самый лучший.

— Но кто-то ведь её обидел.

— Скорее всего. И мне кажется, я знаю, кто.

Мерное покачивание вагона, стук колёс.

Ну, вот и всё. Должно быть легче, ты ведь едешь домой. Только почему-то не легче. Совсем. Ни капельки.

Потерпи еще немного, потерпи. Завтра будет легче. Или послезавтра. Или через три дня. Ну хоть когда-нибудь будет легче!

Игорь... ищет, беспокоится. А потом увидит видео Андрея — и начнёт презирать Ксюшу. И неважно, что именно наврёт Андрей — там наверняка прекрасно видно, как она наслаждается происходящим. Этого вполне достаточно...

Горько, как же горько.

Ксюша начала задыхаться, и чтобы отдышаться, вышла в тамбур, прихватив с собой сумку. Чемодан её убран, да и нечего там воровать, одна одежда-обувь. А вот сумку оставлять — безумие.

Встала возле двери, прислонилась лбом к прохладному стеклу. Плевать, что грязное. Она грязнее этого стекла.

На улице хлестал дождь, и ветер был такой силы, что деревья гнулись к земле, словно умоляли его стихнуть. Тёмное, хмурое небо, потоки воды, завывание ветра... Всё это настолько отражало душевное состояние Ксюши, что она даже усмехнулась.

А потом стала тихонько, еле слышно, чтобы никого не потревожить, напевать одну давно заученную песню.

— Летят воздушные шары, и самый светлый в вышине — твоя душа.

Он отрывается легко, а мы стоим и смотрим в небо, не дыша.

И слава Богу, дождь пошёл, и сквозь завесу ты моих не видишь слёз.

Ты выше радуги уже. Сияют лица горожан: воскрес[?]ристос!*

(*«Всего лишь смерть» — песня группы «Белая гвардия».)

И под конец она уже плакала.

Просто не могла иначе.

Утром, когда поезд прибыл в Чебоксары, Ксюша не поехала к бабушке. Сначала ей нужно было в другое место, и она, оставив чемодан в камере хранения, направилась к родителям. На кладбище.

Погода была хорошая — здесь никакого дождя ночью явно не было, — в небе сияло солнце, и воздух казался чистым, прозрачным, невесомым. Но этот невесомый воздух с трудом входил в её лёгкие, словно там что-то застряло, почти как кость в горле, и теперь никак не может оттуда выйти. Мешает.

Да еще и слёзы, которых набегало всё больше и больше, пока она ехала, а потом шла к кладбищу, где были восемь лет назад похоронены её родители.

Но она не забыла к ним дорогу. И никогда не забудет.

Место было ухоженным, трава подстриженной — значит, бабушка заходила совсем недавно. А вот она, Ксюша, приезжает очень редко... и каждый раз задыхается здесь. Но сейчас она задыхалась не из-за кладбища и осознания того, что папа с мамой лежат там, в земле, тогда как она ходит по ней. Совсем не из-за этого...

Сначала Ксюша опустилась на колени, а затем, не выдержав, полностью легла на траву, вцепилась в неё всеми пальцами, чуть ли не выдирая с корнем, и закрыла глаза, прижимаясь к могиле родителей. Словно хотела к ним.

Впрочем, она действительно хотела. Но не могла.

Ксюша ничего не говорила, просто поглаживала землю, ощущая, как трава щекочет ладонь, и вспоминала. И думала.

Странно, но впервые за последние годы она совсем не чувствовала злости и обиды на маму. Эти чувства будто вырвало из Ксюшиной души, выбросило, как что-то ненужное. И вместо них там теперь было нечто другое... Похожее на то чувство, что она испытывала в глубоком детстве, любя родителей абсолютно и непререкаемо.

И тихая нежность лилась теперь из Ксюши, будто бы впитываясь в землю. Нежность к ним обоим, не только к отцу. За то, что были. За то, что любили. И за то, что остались в её душе даже несмотря на свою смерть.

Она не заметила, как задремала. Но сон этот был недолгим. Прямо над Ксюшиной головой вдруг раздалось:

«Вставай, Юшенька».

Она поморщилась. Зачем вставать? Здесь так хорошо...

«Вставай. Ты должна жить, Юша!»

Отец говорил горячо и отчаянно, словно боялся за неё.

«Вставай, моя девочка!»

Услышав это «моя девочка», Ксюша задрожала... и проснулась.

И почти сразу охнула, ощутив, насколько замёрзла. Она была как ледышка. И скорее

всего, такая же синяя...

Встала, растёрла тело руками. Улыбнулась и, сделав шаг вперёд, легко погладила ладонью оба простеньких родительских креста.

— Люблю вас, — прошептала Ксюша. Вздохнула и, развернувшись, поспешила по направлению к выходу с?ладбища.

И кажется, теперь она могла дышать.

Ночью он почти не спал, и теперь возвращался в Москву с головой, похожей на чугунную. Всё прекрасно в работе — и полнейший хаос в личной жизни.

Впрочем, благодаря Стасе этот хаос удалось несколько упорядочить. Вот только разве от этого легче? Нет, конечно. Просто бразильский сериал какой-то.

Бедная его девочка. Бедная Ксения. Как же она выдержала? Какую колоссальную силу воли, духа и мужество надо иметь, чтобы не сломаться. Не убежать. Держать лицо.

И быть с ним вопреки всему.

Зачем? Почему? Впрочем, Игорь знал ответ на этот вопрос. Он слишком часто читал его в её глазах, чтобы не знать.

— Игорь Андреевич, — тихо позвал Роман, и Игорь медленно открыл воспалённые, уставшие глаза. — Мы уже почти на месте. Будут особые указания?

Игорь посмотрел на охранника и едва уловимо усмехнулся. И он когда-то из-за него беспокоился! Если бы он только знал...

— Будут. Пока останешься со мной. А там посмотрим...

Игорь думал — Андрея придётся вызванивать, вытаскивать из дома, принуждать к разговору. Но он ошибся. В очередной раз.

Сын пришёл примерно через полчаса после его приезда, как раз когда Игорь вышел из душа и уже собирался звонить отпрыску. Второй отпрыск, Настя, вёл себя тише воды и ниже травы, и Игорь решил отложить разговор с дочерью на попозже. Там-то всё по?ятно, в отличие от ситуации с Ксенией. Поэтому Игорь ограничился кивком головы и просьбой пока его не беспокоить. Настя явно расстроилась — она, привыкшая к тому, что отец сразу после приезда крепко её обнимает, конечно, заметила разницу в поведении. Но не плакала и не канючила, только носом шмыгнула. Кажется, Настя чуть ли не впервые в жизни решила учесть не свои желания, а то, чего хотел он сам. А именно — передышку. Хотя бы ненадолго.

Но кто же её даст?

Андрей, явившийся «в гости» к отцу, вид имел довольный — даже самодовольный — но явно нервничал. Игорь замечал это по чуть большей, чем обычно, бледности лица, напряжённой улыбке, дрожащим пальцам рук. И ему это всё страшно не нравилось.

— Разговор есть, батя, — сказал Андрей серьёзно. — Приватный.

— Приватный, значит. — Игорь дёрнул уголком рта. — Хорошо. Кухня тебя устроит? Я чай хочу попить. И поесть бы неплохо.

— Устроит.

На кухне тихонько беседовали Настя, Роман и Борис, и их пришлось немилосердно выгнать, раз сын настаивал на приватном разговоре. И как только они вышли, а Игорь, прикрыв дверь и включив чайник, полез в холодильник за оставленной Люсей едой, Андрей сел на барный стульчик и заговорил.

— Батя, это насчёт Ксении. Понимаешь, я не просто так сюда приехал. Когда Настя мне

похвасталась твоей новой девушкой и показала фотографию, я Ксюшу сразу узнал. Я учился вместе с ней на первом курсе института.

Он хотел поесть? Наивный. Он не сможет есть.

Игорь захлопнул холодильник и направился к бару.

— Так. Чего замолчал? Дальше давай.

— В общем... я её тогда обидел, бать. Молодой был, глупый, восемнадцать лет, мозгов ни хрена не было.

«Да у тебя их и сейчас нет».

Игорь открыл коньяк и плеснул себе немного в бокал. Выпил и глубоко вздохнул, ощущая, как в голове чуть проясняется.

А Андрей поглядывал на отца настороженно, будто боялся, что тот сейчас на него с кулаками бросится. Или бутылкой в голову кинет.

— Пospорил я на неё, короче. Ну, как в фильмах. Что соблазню. А когда соблазнил, Ксюшка забрала свои документы из института, и больше я её не видел.

Замечательная версия. Практически кастрированная, обрезанная цензурой. И вроде ни слова неправды — а всё равно ложь.

Игорь налил себе еще коньяка, выпил одним махом и поморщился. Лимончика бы, да не хочется за ним идти.

Андрей молчал, и Игорь, плеснув в бокал третью порцию, усмехнулся.

— И?

— В общем, когда я увидел Ксюшку... подумал, что она решила отомстить. Понимаешь, я же ей про тебя рассказывал! И фотку показывал. Поэтому я и приехал. Она меня сразу узнала, но стала всё отрицать — мол, ты что, какая месть, да мне это не надо, и так далее. Но я не поверил.

Кажется, коньяк горчит. Или ему просто настолько противно всё это слушать, что даже коньяк горчит?!

— Пытался вывести Ксюшку на чистую воду, но она хитрая и умная, бать. Однако вчера мне это удалось. Когда мы были тут с ней и Настей...

— Вместо зоопарка, — усмехнулся Игорь.

— Да, — Андрей нервно дёрнулся. — Извини, бать. Но это ради твоего же блага, понимаешь!

Ну да. Конечно.

— Так вот. Я попросил Настю нас оставить, чтобы поговорить с Ксюшей откровенно, и... кажется, мы слегка увлеклись откровенностью...

Игорь похолодел.

— Блин, не могу я это тебе рассказывать. Я лучше покажу. Я тут камеру прицепил, чтобы, если Ксюшка расколется, не быть голословным... Вот, смотри...

Андрей вынул из кармана свой смартфон, ткнул на нём что-то и протянул отцу.

Несколько секунд Игорь вообще не понимал, что происходит, а потом разобрал. Кухонный стол, стонущая Ксения, в явном экстазе раздвигающая ноги, а между ними — трахающий её Андрей. Судя по качеству съёмки, производилась она то ли в темноте, то ли близко к ней.

И впервые в жизни Игорь понял, что такое — хотеть не просто ударить человека, а убить. Уничтожить. Чтобы он больше не топтал своими ногами эту землю.

Сжал челюсти, вздохнул глубоко, справляясь с яростью, затолкал её вглубь себя. Не

сейчас. Ещё не сейчас. И не здесь.

Прокрутил видео немного вперёд — и место действия с кухни изменилось на его собственную спальню, и света прибавилось, и?риков со стенами — тоже. Но кроме криков со стенами Игорь, приблизив картинку, заметил ещё лихорадочно блестящие глаза, и судорожные движения, и полубезумную улыбку на губах, которую можно было бы принять за улыбку удовольствия.

Хороший аргумент. Почти железобетонный.

— Ясно, — процедил он, поднимая глаза на Андрея. Сын смотрел обеспокоенно — ну ни дать ни взять божий агнец. Положил смартфон на столешницу — ту самую столешницу, на которой накануне сидела Ксения, — и продолжил: — Пойдём. Надо кое-что уточнить.

— Куда? — Андрей удивился.

— Сейчас узнаешь.

Игорь изо всех постарался, чтобы в голосе не звучала угроза. И получилось у него это с трудом. Но всё-таки получилось.

В гостиной за длинным столом возле окна, где они когда-то играли в «Билет на поезд», сидели Настя, Борис и Роман. Увидев отца и брата, Настя вскочила со своего места и как-то странно заломила руки.

— Борис, отведи Настю в её комнату, и не выходите пока оба. Роман, ты останешься с нами.

Андрей ошутимо напрягся, почуяв неладное. Идиотом он не был, поэтому понял — что-то не так.

Когда дочь и шофёр ушли, Игорь, внимательно посмотрев на сына, продолжил:

— Я понял тебя, Андрей. Ты хотел доказать, что Ксения со мной только ради мести, и ты это доказал. И заодно хорошо по**ался, да?

Краем глаза Игорь заметил, как у Романа слегка приоткрылся рот от удивления.

— Бать...

— Подожди, я?е закончил. Мне вот что интересно: а если мне безразлично, из-за мести Ксения со мной или нет? Меня всё устраивает. С какой стати я должен что-то менять?

Андрей впервые за их диалог не удержал лицо, явно разозлившись.

— Да она тебя использовала!? вчера трахалась со мной! Видел, как ей нравилось?! Ксюшка — просто шлюха, ей плевать на тебя, на меня, на всех! Она получила, что хотела — мечь! И смылась! Она ведь не отвечает тебе на звонки, да, бать?

— Не отвечает, — подтвердил Игорь.

— Вот видишь! Она знала, что я тебе расскажу про наш с ней секс, и поспешила удрать, пока ты её на мыло не пустил!

Стоящий рядом с Андреем Роман странно кашлянул и сжал кулаки. Очевидно, у него, как и у Игоря, они тоже резко зачесались.

— На мыло, значит. Скажи-ка мне, если Ксения — шлюха, то какого... ты с ней был без презерватива? Жить надоело?

— Да ладно, — буркнул Андрей. — Она чистая. Сам же знаешь.

— З?аю. А ты?

— Что? — не понял сын.

— Ты-то чистый? С твоим количеством девок всё может быть.

— Да ты что, бать! Нет у меня ничего! Что же я, совсем дурак?!

Он ещё и возмущается.

— Что ты ей дал?

Андрей нахмурился, но глаза его подозрительно забегали.

— В смысле?..

— Я не желаю повторять дважды. И если ты сейчас же не ответишь, я приму меры. Что ты ей дал?

— Я не понимаю...

Игорь всегда держал своё слово. И, подойдя ближе к сыну, резко ударил его кулаком в челюсть.

Андрей вскрикнул и согнулся, схватившись руками за зазвеневшую голову.

— Следующий удар будет больнее. Что ты ей дал? — повторил Игорь спокойным и очень холодным голосом.

Но отпрыск, простонав что-то невнятное, вдруг бросился вперёд, явно намереваясь дать сдачи. Игорь скрутил бы его и сам, но не понадобилось — Роман прекрасно умел выполнять свою работу, и секундой спустя Андрей, шипя, уже находился в его стальном захвате, с заломленными назад руками.

— Извините, что вмешался, Игорь Андреевич, — пробасил охранник. — Я правильно сделал?

— Правильно. — Игорь шагнул вперёд и усмехнулся. Теперь, когда он стоял к сыну так близко, то замечал и ещё кое-что очень интересное — небольшие царапины на лице, явно оставленные ногтями. Они были очень хорошо и густо замазаны, почти не разглядеть, если не знать точно. Только вот у Игоря взгляд на такие вещи был намётан. Людей в гриме он повидал более чем достаточно, и всегда мог определить, что находится под ним — помятое после пьянки лицо, синяк под глазом, ссадина на щеке, герпес над губой. — Какой ты красавец. Расцарапала тебя моя девочка, и правильно сделала. И в четвёртый раз я повторяю, Андрей — что ты ей дал?

— Да ничего я ей не давал! — взревел этот упрямец, за что и поплатился мощным ударом по носу. Полилась кровь, пачкая одежду и Андрея, и Романа, попала охраннику на руки, но тот даже не поморщился.

— Ты думаешь, я — наивная девочка-первокурсница? — спросил Игорь с насмешкой. — Или что я не видел людей под кайфом? На твоей записи Ксения под наркотой, и я хочу знать, что ты ей дал.

Андрей упрямо молчал, и Игорь нарочито медленно замахнулся.

— Да МДМА! — заорал сын, дёрнувшись, но Роман держал крепко. — Экстази!

— Скажи спасибо, что не «винт»*, — сказал Игорь тихо. — Если бы у тебя хватило на это мозгов, я бы сделал всё, чтобы тебя посадить.

(*«Винт» — распространённое название тяжёлого наркотика, оказывающего огромное разрушительное воздействие на организм человека и вызывающего привыкание после первого же применения.)

— А сейчас не сделаешь? — вновь дёрнулся Андрей, и зашипел, потому что Роман вдруг вмазал ему кулаком по печени. Игорь поднял брови.

— Извините, Игорь Андреевич, — процедил охранник. — Не выдержал. Больше не повторится.

— Надеюсь. Нет, я не буду тебя сажать, Андрей. Твой отчим всё равно сделает всё возможное и невозможное, чтобы тебя отмазать, а я не желаю, чтобы в СМИ трепали имя моей будущей жены.

— Что?! Батя, ты совсем?!

— Это тебя не касается. Теперь про видео. На твоём смартфоне копия, это понятно. Мне нужен оригинал. И если есть еще копии — их надо стереть. Говори, где всё.

— А если не скажу? — съязвил Андрей и тут же взвыл, получив кулаком в правый глаз.

— Не паясничай. И раз ты до сих пор не осознал серьёзность ситуации, я объясню. Если ты ещё когда-нибудь приблизишься к Ксении, я тебя по стенке размажу. Если это видео где-нибудь и когда-нибудь всплывёт — неважно, как и где, — я сделаю так, что ты больше никогда не сможешь поднять видеокамеру. Ты понял меня?

— Бать... — поморщился Андрей. — Ну что ты из-за какой-то шлю...

Договорить он не успел, получив во второй глаз.

— Ты понял? — переспросил Игорь абсолютно спокойным, но от этого еще более жутким голосом.

— Понял, — пробормотал Андрей.

— Прекрасно. Я надеюсь, что ты действительно понял. Потому что если нет, я вобью тебе это понимание силой и выбью из тебя всю дурь. А так как кроме дури в твоей голове больше ни х** нет, то и получится... овощ. Ты точно понял, Андрей?

— Точно! — огрызнулся сын.

— Тогда вернёмся к видео. Смартфон — раз. Где ещё копии? И где оригинал?

— Всё на облаке. Можно подключиться с телефона... и стереть. Больше нигде, клянусь.

— Хорошо. Так... а телефон мы оставили на кухне. Роман, принеси, пожалуйста.

Охранник явно и ощутимо напрягся.

— Игорь Андреевич... Может, лучше вы сами? Я опасаясь вас с этим придурком одного оставлять. Мало ли, что ему в голову взбредёт...

Игорь чуть не засмеялся. Впрочем, зная сына... Тот действительно способен на подлость. И это прекрасно показала ситуация с Ксенией.

Бедная его девочка.

— Ладно. Тогда оставлю вас на минуту. И надеюсь, — Игорь коротко и остро глянул на охранника, — что ты его за это время не придушишь, Роман. И когда я вернусь, он будет жив и в сознании.

— Не волнуйтесь, Игорь Андреевич. — Парень сжал зубы. — Я буду его беречь. Вы же еще с ним не закончили.

— Это ты верно сказал. Я с ним еще не закончил.

Когда Игорь Андреевич вышел из гости?ой, Роман, чуть усилив захват, отчего Андрей зашипел, тихо сказал парню в макушку — ниже просто не доставал:

— Если бы ты не был его сыном, я бы тебя сегодня же прибил.

— А что, — хмыкнул Андрей, — ты тоже мечтаешь трахнуть эту сучку? Оно того стоит, знаешь. За её п**ду можно и... Ай, бл**! Ты чего, сдурел?!

— А ты не ругайся. Язычок-то никогда не поздно укоротить. Весело тебе будет жить — без язычка, как ты думаешь?

Андрей поморщился.

— И где батя тебя взял вообще?

— Где взял, там больше нет. Опер я. Бывший. Но сам знаешь, бывших оперов не бывает.

— Точно, — пробормотал Андрей, про себя подумав: вот уж не повезло так не повезло.

Мало ему бати, как с цепи сорвавшегося из-за Ксюшки, так еще и этот... бывший опер.

И если батя точно не перейдёт грань, то охранник вполне может. А раз он бывший опер, то знает, как правильно заметать следы.

Вернувшись в гостиную со смартфоном сына, Игорь удовлетворённо кивнул Роману, который за эти пару минут умудрился всё же не убить Андрея. Подошёл ближе и приказал:

— Отпусти.

Охранник сверкнул недовольными глазами, но выпустил свою жертву из захвата, даже отошёл на шаг назад.

— Телефон я тебе назад не отдам, уж извини, — сказал Игорь сыну. — На всякий случай. И сейчас ты при мне сотрёшь все данные оттуда. Все, Андрей. Я прекрасно понимаю, что это видео — не единственное, что у тебя есть.

— Всё на облаке, я же говорил, — буркнул Андрей. Взял протянутый Игорем смартфон и под внимательным взглядом отца нашёл нужную папку и удалил все до единого файлы. Поднял голову, посмотрел вопросительно, и Игорь почти ласково добавил:

— Из корзины тоже вычищай.

Вычистил. Но это, как оказалось, было ещё не всё.

— Теперь о носителях. У тебя дома остались какие-нибудь накопители с этой информацией?

Наверное, у Андрея мелькнула мысль соврать. Не могла не мелькнуть. Но врать он тем не менее не стал. Видимо, включился инстинкт самосохранения.

— Остались. Я...

— Роман, — перебил сына Игорь, — съездишь с Андреем, заберёшь. Ну и посмотри, может, что-нибудь ещё забрать. На твоё усмотрение.

— Батя...

— Заткнись, — грубо одёрнул его Игорь. — Что Роман попросит, то ему и отдашь. А если не захочешь отдавать, он сам возьмёт. И последнее.

Услышав это «и последнее», Андрей слегка сжался. И правильно сделал — Игорь, шагнув вперёд, ударил его коленом в пах.

— Сам знаешь, за что, — произнёс он устало. — И не смей мне больше звонить. Для тебя отныне закрыт не только мой кошелёк, но и двери. Всё. Уводи, Роман.

Охранник понятливо кивнул, схватил Андрея за шиворот и поволок прочь из гостиной.

А Игорь, вздохнув, тяжело опустился в одно из кресел и устало потёр лицо руками. Как хотелось поспать хотя бы несколько часов! Усталость была уже просто свинцовой, она словно тянула его на дно. Но нужно сделать еще кое-что.

И начать следует с Насти.

Только теперь он понял, что это такое, когда страшно до уссачки. Когда батя отдал его угрюмому и здоровенному Роману, Андрей подумал: «Вот и смерть моя пришла». И возможно, не ошибся.

Охранник заботливо усадил своего пассажира на переднее сиденье, попросил пристегнуться и заметил, что если Андрей попытается хоть что-то сделать, то потеря зубов будет самой безобидной из всех его будущих потерь.

— Понял, — протянул парень сквозь эти самые зубы, — не дурак.

— Неужели? — хмыкнул Роман, вырвав со стоянки. Кажется, это была не бабина, а его собственная машина. — А мне вот так не кажется. Лезть к Игорю Андреевичу — это очень глупый поступок. Не будь ты его сыном, уже лежал бы под каким-нибудь кустиком, обработанный так, что потом всю оставшуюся жизнь мочил бы штаны.

— Всё настолько сурово? — усмехнулся Андрей и чуть не зашипел: скула, по которой отец его ударил, сильно болела.

— А ты думал, нет? Я же говорю — дурак. Не лезь к нему больше. Если, конечно, жить хочешь.

Андрей не ответил, но про себя подумал, что жить он, пожалуй, хочет. Жаль, конечно, что с Ксюшкой всё так получилось. Но с другой стороны, живой она бы ему не далась. Теперь он это понял.

— А куда мы едем? — Андрей вдруг словно очнулся, огляделся. Место было какое-то глухое и совсем не знакомое, напоминающее промзону.

— Куда надо, туда и едем. Уже скоро, — отрезал Роман и замолчал.

Андрей заёрзал в кресле. Не убить ли его охранник собирается?

Автомобиль действительно остановился совсем скоро, и Рома? открыв дверь, кивнул на улицу:

— Вылезай.

Спрашивать «а если не вылезу?» было явно бесполезно — если не вылезет сам, он его заставит. Так что Андрей всё-таки выбрался из салона и огляделся.

Действительно, промзона. Старый заброшенный завод, что ли? Большое пространство, заасфальтированное, но асфальт уже весь в трещинах и ямах, из которых пучками торчала трава. И со всех сторон — здания, некоторые пониже, другие повыше, но все с частично выбитыми стёклами.

— Здесь нас никто не побеспокоит, — усмехнулся Роман, тоже вылезая из машины. — А мне, знаешь ли, хочется размяться.

— Размяться? — переспросил Андрей, моментально холодея: дрался он всегда не очень.

— Ну да, — усмешка стала шире. — Не дрейфь, не убью. Просто, понимаешь... Слабость у меня к таким, как ты.

— В смысле?!

Охранник, чего, гей?!

Роман расхохотался, явно поняв, о чём он подумал.

— Не в том смысле. Насильников я не люблю. Очень не люблю.

— Я не насильник, — возразил Андрей, и стоящий в нескольких шагах от него мужчина оскалился.

— Ну конечно.

Больше Роман ничего не стал говорить — просто бросился вперёд и сразу же атаковал, ударив кулаком в многострадальное за сегодня лицо, а ногой заехав Андрею по печени.

И дальнейшие минут пять напоминали избиение младенцев. Он слабо сопротивлялся, но толку от этого сопротивления не было. А Роман бил всё резче и сильнее, и в какой-то момент Андрею показалось, что на нём уже живого места не осталось, настолько всё болело.

В конце концов он рухнул на землю, пытаясь отдышаться и глотая кровь, которой уже набрался полный рот, и завыл от новой боли — охранник поднял его за волосы и, встряхнув, заключил:

— Слабак. Иная баба дерётся лучше, чем ты. И не разомнёшься с тобой... Ладно, поехали.

— В больницу? — прохрипел Андрей, пытаясь разлепить оба подбитых глаза.

— Ага. Щаз, — усмехнулся Роман, запихивая парня обратно в машину. — По тебе морг плачет, а не больница. Но сидеть из-за такой мрази я не хочу. Так что живи. Хотя вряд ли твоя жизнь будет долгой.

Настя не представляла, о чём отец говорит с братом, и очень хотела послушать, но послушаться и на этот раз она бы не посмела. Поэтому сидела в своей комнате и играла с Борисом в «доббль».

Папа зашёл к Насте в комнату где-то через час, отпустил шофёра, и когда тот скрылся за дверью, начал говорить медленно и тихо, не спуская с Насти тяжёлого и не слишком приятного взгляда:

— Я хочу рассказать тебе, что произошло вчера. Иначе ты никогда не поймёшь, к чему может привести подобное поведение, Настя. Слушай и запоминай. Такое не должно повториться, и не только потому что я не хочу зла для Ксении. Это разрушает тебя саму.

Благодаря твоей помощи вчера Андрей, дав Ксении дозу наркотиков — я предполагаю, что с мороженым, о котором ты упоминала, но я не уточнял, — так вот, благодаря этому он вчера изнасиловал Ксению. Но не только. Он снял это на камеру и, явившись к нам сегодня, показал видео мне, утверждая, что со стороны Ксении это была всего лишь месть.

Игорь замолчал, сурово глядя на Настю, а она, открыв рот и вытаращив глаза, слушала отца... и не могла поверить.

— Пап... — проговорила растерянно и тихо. — Наркотики? Ты шутишь?

— Если бы, — ответил он устало. — К сожалению, нет.

— Андрей изнасиловал Ксюшу? — прошептала Настя, прижимая ладони к губам. — И снял... он это снял? Чтобы показать тебе?

Она повторяла всё сказанное отцом специально, чтобы лучше дошло. И ужасалась. И не могла поверить.

Андрей... наркотики, камеры, изнасилование. И всё это — в их квартире, и с Настиной помощью!!

— Я не хотела, — всхлипнула она, и из глаз брызнули слёзы. — Пап, клянусь!!! Он сказал, что любит её и им надо поговорить. Я не знала!! Честное слово, пап!!

— Не знала, — он горько усмехнулся. — Но я ведь предупреждал тебя. И просил, чтобы ты не лезла, Настя. Ты послушалась. Да, ты не знала. Но разве это оправдание?

Она растерянно молчала.

— И еще одно, дочь. Подумай об этом. Как думаешь... ты смогла бы жить, если бы Ксения покончила с собой?

Насте показалось, что в мире вдруг разом наступила зима. Воздух похолодел, и в лёгких тоже стало пусто и очень, очень холодно. И в глазах как будто снежинки закружились...

— Нет... — прошептала она, вскакивая с кровати и на ослабевших ногах кидаясь к отцу. — Нет!! Папа!! — она сорвалась на крик и заколотила по его груди сжатыми кулаками. — Папа, пожалуйста!!! СКАЖИ, ЧТО ЭТО НЕ ПРАВДА!!!!

Он молчал, и Настя разрыдалась, уткнулась носом в его рубашку, завывала, как раненый зверь.

— Нет, нет... — она уже не кричала, а шептала. — Пожалуйста... Папа...

Он вздохнул, поднял её голову за подбородо? — и Настя застыла. Почти такое же лицо у него было, когда умерла мама. Тёмное, словно почерневшее. Страшное.

— Папа...

Неужели это всё — из-за неё?!

— Успокойся, — сказал он глухим и будто бы мёртвым голосом. — Ксения жива. Однако она могла бы умереть, Настя. То, что она избрала иной путь — не наша с тобой заслуга, а только её. И подумай, как бы ты жила, если бы вчера её не стало. После того, что ты сделала.

В глазах как иголками кололо.

— Папа...

— Я пойду, — он отстранился от Насти и качнул головой. — Мне нужно отдохнуть хотя бы немного. Да и, по правде говоря, я совсем не хочу тебя сейчас видеть.

И пока она, бессильно хлопая ртом и жалко, совершенно по-детски всхлипывая, пыталась осознать слова своего отца, он развернулся и ушёл, неслышно прикрыв дверь.

Обыскивал этот бывший опер профессионально. Спокойно, без спешки, но тем не менее быстро и точно осмотрел всю квартиру Андрея, и изъял не только сами видеорекамеры — все до единой! — но и найденные диски, и флешки, и планшет, и ноутбук.

Андрей, конечно, молчал, не возмущался. У него слишком болел весь организм, да ещё и пара зубов во рту шатались. Глаза вообще открывались с трудом, и дыхание было затруднённым, с хрипами — то ли нос сломан, то ли просто кровь затекла в пазухи и теперь не даёт дышать нормально.

В конце концов Роман, в последний раз оглядевшись, удовлетворённо кивнул, подхватил с пола пакет со всем изъятым и сказал развалившемуся в кресле Андрею:

— Всё. Вставай давай, проводишь меня.

— Сам дорогу не найдёшь? — прохрипел парень, с трудом поднимаясь на ноги.

— Нет. Заблужусь, — усмехнулся охранник, и тут же пошёл к выходу в правильном направлении. — Пошли, инвалидный. Закроешь за мной.

Уже у порога Роман вновь обернулся, смерил Андрея презрительным взглядом и произнёс:

— Ещё кое-что. В ближайшее время купишь билет и смоешься отсюда. И если когда-нибудь вновь приедешь... Запомни — тебе отрежут самое дорогое. Что у тебя самое дорогое, знаешь?

Андрей реально сдрейфил. Охранник? его отца не был похож на человека, который может угрожать впустую.

— Но я периодически по работе...

— Никакой работы в Москве. Если явишься — останешься без яиц. Разъезжай по другим городам, а в столицу не суйся. Понял? Или мне тебя ещё раз ударить?

— Понял, — поспешно сказал Андрей, но Роман, усмехнувшись, всё-таки заехал ему кулаком по почкам.

— На всякий случай. — И вышел, не попрощавшись.

А Андрей, морщась, осел на пол, чувствуя, как по ногам потекло. Не выдержал всё-таки мочевого пузыря...

Какое-то время он, отдуваясь после удара, сидел на полу, в собственной луже. Мыслей не было никаких. Потом одна появилась.

Покурить бы... Но травки нет, кончилась, а обычные сигареты Андрей у себя не держал. Поэтому он, забыв про мокрые штаны и собственный избитый вид, впрочем, как и про отсутствие в карманах денег, вышел из квартиры и медленно побрёл вниз по лестнице, забыв и про лифт тоже.

Ноги заплетались, голова кружилась. И вдруг в этой самой голове пронеслась чёткая мысль, сказанная каким-то чужим голосом:

«Мразь ты, Андрейка. И если ты сейчас помрёшь, никто о тебе даже не заплачет».

От этой мысли он запнулся и начал падать. Попытался схватиться за поручень, но руки были влажные то ли от пота, то ли от собственной крови.

И полетел вниз с лестницы, считая ступени.

Раз, два, три, четыре, пять... И темнота.

— Настёна? Ты чего плачешь?

Она и не заметила, как Борис вернулся в комнату, так сосредоточилась на себе и своём отчаянии. Кажется, она так не плакала даже после смерти мамы. Хотя... тогда она просто не могла плакать. Глаза были сухие, а мысли в голове застыли, заморозились.

Сейчас же слёзы лились сами, и мыслей было столько, что в висках стучало.

— Да так, — Настя села на кровати и посмотрела на шофёра. — Я просто очень виновата.

— Перед отцом? — уточнил Борис, садясь рядом и сочувственно глядя на неё.

— Да. Но перед Ксюшей больше...

Настя всхлипнула, и мужчина осторожно погладил её по ладони, которой она судорожно вцепилась в коленку.

— Если тебя это утешит, я тоже виноват.

— Ты? — девочка удивлённо посмотрела на него. — При чём тут ты?

— Ну... дело ведь в Андрее, так? Он что-то нехорошее натворил, раз твой папа так бесится.

— Ага... — она вновь всхлипнула, и слёзы полились из глаз. — Очень нехорошее...

— Ясно, — Борис тяжело вздохнул. — Не надо было мне говорить тебе свои домыслы про Ксюшу. Ты всполошилась, позвонила ему, он приехал, наворотил дел... Дурак я.

Настя помотала головой.

— Позвонила... Если бы я только позвонила! Папа меня за звонок уже наказал. А сейчас... не наказал никак... но лучше бы наказал. Борис, лучше бы он меня выпорол, как обещал!!!

Шофёр сжал ладонь девочки.

— Ну-ну, Настёна. Не казись. Попроси прощения и у папы, и у Ксюши.

— Прощения... — пробормотала Настя, наклоняя голову. — Разве такое можно простить?

— А это уже не тебе решать, — возразил Борис жёстко. — А папе твоему и Ксюше. И... Настёна. Слушайся его. Игорь Андреевич тебе только добра желает. Хватит уже авантюричить.

Девочка грустно усмехнулась и потёрла глаза.

— Да... хватит. Борис, мне действительно хватит. На всю жизнь...

Игорь не дошёл до своей комнаты. Остановился в гостиной возле окна, глядя на Москву с высоты птичьего полёта. Несмотря на то, что ещё не было и полудня, видно оказалось так себе, потому что собирался дождь и на улице потемнело. Тёмное, хмурое небо, и ветер там наверняка нешуточный...

Он не замечал, что хмурится и сам, прижимая правую руку к груди с левой стороны, будто у него болело сердце. Он не думал сейчас о себе, только о своей девочке, которая в эту секунду была где-то там, за множество километров отсюда, совсем одна.

Вдалеке сверкнула молния, и одновременно с этим у него в кармане зазвонил мобильный телефон.

— Да, Стася?

Замечательная у Ксении подруга всё-таки. Подобная дружба — редкость.

— Привет, Игорь. Только что Ксюша звонила, сообщила, что добралась до Чебоксар. У неё всё нормально, она сейчас как раз едет к бабушке. Голос немножко пободрее, чем вчера. Пободрее. У него отлегло от сердца.

— Спасибо, Стася.

— Не за что. — Она чуть помолчала, а потом спросила, вздохнув: — Что ты собираешься делать дальше?

Ответ был очевидным.

— Ехать за ней.

На этот раз молчание было заполнено неловкостью.

— Ты... Игорь, ты...

Стасины интонации немного напомнили ему Ксению, и Игорь улыбнулся уголками губ.

— Ты хочешь спросить, зачем? Я кое-что купил ей, когда был в Америке. И теперь хочу это подарить. Но от того, простит ли меня Ксения, зависит, примет ли она этот подарок.

— Простит? Но Ксюша говорила, что ты её не обижал.

— Андрей — мой сын, — сказал Игорь тяжело. — И я за него в ответе. Мне есть, за что просить прощения, Стася.

— Я поняла, — прошептала девушка в трубку. — Тебе нужна моя помощь? Хоть в чём-то?

— Ты знаешь чебоксарский домашний адрес Ксении?

— Нет, — произнесла Стася с сожалением. — Прости. Понятия не имею. Но может, у тебя получится найти его по имени её бабушки? У неё смешное имя. Дульсиня Липова.

— Да. Получится. Спасибо.

— Не за что, — повторила она еще раз. — Звони, если что. В любое время.

— Хорошо.

Разговор со Стасей заставил Игоря очнуться. И он, как только положил трубку, начал заказывать в интернете билет на самолёт до Чебоксар на сегодняшний вечер.

Он уже почти всё оформил, осталось совсем немного, когда за спиной раздался тихий и дрожащий Настин голос:

— Папа...

Игорь оторвался от экрана телефона и обернулся, краем глаза успев заметить, что на улице наконец-то пошёл дождь. По стеклу полились потоки воды, рисуя на нём причудливые

узоры, смывая грязь.

Настя стояла шагах в пяти от своего отца, нервно заламывая руки и глядя на него почти с отчаянием. Она была очень бледна, и Игорь, нахмурившись, подошёл к ней вплотную, положил ладонь на лоб.

— Ты не заболела, котёнок? — спросил он обеспокоенно, но лоб был нормальной температуры, только глаза блестели как-то лихорадочно.

Настя всхлипнула и подняла одну из своих дрожащих ладошек, дотронулась до его груди... и вдруг сказала нечто удивительное.

— Папа. Папа, пожалуйста. Тебе нужно поесть и поспать, папа. Ты... такой уставший...

Игорь на несколько секунд даже растерялся. Он думал, Настя опять устроит истерику, станет просить прощения, оправдываться.

— Хочешь, я сделаю тебе чай? И там лапша вкусная... И пюре Люся приготовила... Давай, я разогрею? Будешь?

Игорь подумал бы, что Настя подлизывается, если бы не знал — его дочь в принципе не умела подлизываться.

— Буду. Иди, разогревай, я чуть попозже подойду. Мне нужно билет оплатить.

— Билет?

— Да. Ксения уехала в Чебоксары. Я поеду за ней.

Настины глаза чуть расширились.

— Папа... папа, пожалуйста... Возьми меня с собой, папа!

Игорь поднял брови.

— С собой? Зачем, Настя? Тем более, начало учебного года уже совсем скоро. А я не знаю, сколько времени займёт эта поездка.

— Я догоню потом. Обещаю!

— Настя... ты мне слишком часто что-то обещаешь и не выполняешь своих обещаний.

Дочь шмыгнула носом, и Игорь вдруг заметил, что она плачет. Совершенно беззвучно.

Именно так когда-то плакала Вероника от боли. Беззвучно, чтобы никого не тревожить, и улыбалась виновато, как только он замечал.

— Ну что ты, котёнок? — спросил Игорь, ощущая, что его сердце дрогнуло. — Перестань плакать. Я же вернусь.

— Дело не в этом... — прошептала Настя, отводя взгляд, а потом вдруг резко вскинула голову и посмотрела на своего отца — прямо, открыто. И теперь она уже напоминала ему не Веронику, а Ксению. — Пап, я должна попросить у неё прощения. Должна, пап!

— А если она не простит?

Игорь даже чуть поморщился: жестоко. Но как иначе? Он ведь много раз просил Настю.

И только теперь она, кажется, начала что-то понимать. Но не слишком ли высока цена за это понимание?

— Я... — дочь запнулась, всхлипнула. — Это неважно, пап. Я должна попросить прощения. Пусть... пусть не простит... Я должна попросить! Прощения надо просить не для того, чтобы тебя прощали!

— А для чего, Настя?

Она на секунду задумалась.

— Я не знаю. Просто... если жалеешь — надо просить прощения. Но не для того, чтобы прощали. А чтобы... чтобы человек, которого ты обидел, знал, что ты жалеешь. Я хочу, чтобы Ксюша знала! Пап... папа, пожалуйста!

Какое-то время Игорь смотрел на дочь, пытаясь запомнить её такой. Она наконец-то начала взрослеть. Имеет ли он право отталкивать её сейчас? Возможно, Настя сможет еще чему-то научиться в этой поездке.

А учебный год... Да хрен с ним. Потом наверстает упущенное.

— Хорошо, Настя. Я возьму тебя с собой. Тебя и Романа.

— Спасибо! — выдохнула она с облегчением. — Спасибо, пап. Пап... честное слово, я никогда больше так не буду. Никогда-никогда!

— Так — это как? — усмехнулся Игорь, не особенно доверяя этому обещанию. Слышал уже...

— Так — это подло, — твёрдо ответила Настя, и губы её чуть дрогнули. — Так — это нарушать своё слово. Я не буду больше, пап! Не веришь?

— Посмотрим, — сказал он мягко, подталкивая её к кухне. — Иди. Ты мне чай обещала. И... что-то там ещё. А я пока билеты закажу.

Она кивнула, в последний раз обожгла его отчаянно блестящей зеленью глаз, развернулась и пошла по направлению к кухне. При этом голова Насти была чуть наклонена, как всегда бывает с теми, кто чувствует свою вину.

Вернувшись в квартиру своего работодателя, Роман в дверях столкнулся с Борисом.

— Шеф отпустил, — пояснил охраннику шофёр, кивая. — До вечера. А ты чего такой помятый?

— Да так, — усмехнулся парень. — Восстанавливал справедливость.

— Дело благородное. На кухню иди, там они.

Роман действительно застал Игоря Андреевича и Настю на кухне. Они сидели за барной стойкой и пили чай. Настя была подозрительно бледна и тиха, а Игорь Андреевич мрачен и серьёзен. И выглядел он очень плохо. Примерно так же он выглядел, когда умерла Вероника Максимовна.

— Забрал? — спросил Игорь Андреевич охранника. На секунду остановил взгляд и на пятнах крови, которых не было, когда Роман уезжал, и на сбитых костяшках пальцев. Но ничего не сказал — понимал, конечно, когда отправлял его с Андреем, что он не сможет удержаться.

— Забрал. В прихожей пакет оставил. Что с этим делать?

— Потом, — чуть поморщился Игорь Андреевич и потёр грудь с левой стороны. — Настя... сходи-ка, принеси мне корвалол из аптечки.

Глаза девочки испуганно расширились, и она, немедленно вскочив, убежала с кухни.

— Садись, — кивнул охраннику на стул Игорь Андреевич. — Разговор есть.

Он дождался, пока Роман сядет, и продолжил:

— Я думаю, ты многое понял из моего... диалога с сыном. Но я Андрею сказал не всё. Ксения после случившегося уехала в свой родной город. В Чебоксары.

Роман был этим не удивлён. Странно, что она вообще жива осталась. Могла и в петлю полезть.

— Я собираюсь поехать за ней. Я хотел один, но... Настя попросила взять её с собой. Значит, мне нужен и ты. Охранник и по совместительству нянька, — Игорь Андреевич хмыкнул. — Билеты я уже заказал, сколько продлится эта поездка, не знаю. Надеюсь, я никаких твоих планов не нарушил?

— Нет, — пожал плечами Роман. — Вы же знаете, у меня только мать. Я ей скажу, что у меня... командировка.

— Отлично. Бориса с Люсей я предупредил, они присмотрят за Грейсоном. Б***, — Игорь Андреевич вновь потёр грудь слева, — приеду, продам эту квартиру к чёртовой матери.

Охранник обеспокоенно проследил за его движением и спросил:

— Может, вам врача всё-таки? С сердцем шутить не стоит.

— Ерунда. На нервной почве покалывает.

В этот момент на кухню зашла Настя с корвалолом в руках, и через минуту Игорь Андреевич уже сосредоточенно отсчитывал капли. Выпил одним махом, как коньяк, поморщился, запил чистой водой.

— Гадость. Значит, так. Я сейчас уйду спать, разбудите меня, если вдруг сам не проснусь... через четыре часа. За это время соберите чемоданы. Настя, ничего лишнего не бери. Если что забудешь — там купим. А к тебе, Роман, у меня будет еще одно задание. Найди, пожалуйста, чебоксарский адрес женщины по имени Дульсинея Липова. Это бабушка Ксюши.

Охранник кивнул, покосившись на Настю. Раньше она бы обязательно захихикала над этим чудным именем, а сейчас молчала, глядя на своего отца с беспокойством. И лицо её казалось Роману совсем взрослым.

— Не волнуйтесь, Игорь Андреевич. Всё сделаю.

Говорят, дома и стены помогают. До стен Ксюша еще не добралась — пока ехала к бабушке на троллейбусе, оглядываясь по сторонам и замечая, что изменилось вокруг, а что осталось прежним.

Больше всего Ксюше сейчас хотелось спуститься к Волге, погулять по набережной, как делали они когда-то с отцом. Но сначала всё-таки — к бабушке.

Маленькая пятиэтажка без лифта, и вперёд, на третий этаж вверх по лестнице, таща за собой волоком чемодан. Тёмно-коричневая дверь без всякой обивки, светло-зелёный звонок, на котором до сих пор, если присмотреться, видны следы от нарисованного Ксюшей тысячу лет назад смайлика.

Она позвонила в этот звонок и вздохнула с облегчением, когда за дверью раздалось характерное бабушкино пошаркивание. А потом дверь распахнулась, и баба Дуся шагнула за порог.

— Ксюша? Внушенька!

Совершенно седая и маленькая бабушка, пахнувшая так знакомо — чуть ромашкой, немного валерьянкой, и самую капельку — карамельками. Господи, как же хорошо!

Баба Дуся что-то причитала внучке в плечо, а Ксюша улыбалась и просто дышала, обнимая её.

— Заходи, заходи, моя хорошая. Ох, что же это творится-то... А исхудала-то, исхудала! Одни косточки торчат!

— Ну прям так уж и одни, — засмеялась Ксюша, отстраняясь. — Бабуль... Как насчёт покушать?

— Конечно, лапонька, конечно! — засуетилась баба Дуся. — У меня и пирожочек есть... С малиной... Будешь?

К горлу подступила тошнота, и Ксюша, резко выдохнув, отвела взгляд.

— Не надо. Лучше просто... яичницу.

Бабушка посмотрела на внучку с грустью и покачала головой.

— Случилось что-то... Ладно, пойдём, расскажешь.

Конечно, ничего Ксюша ей не расскажет. У бабушки уже был один инсульт, зачем же доводить до второго? Внучка живая, здоровая, здесь. Это главное.

В итоге баба Дуся решила пожарить сырники?ов и, усадив Ксюшу на кухне, принялась кашеварить. Но своё стремление разузнать, что случилось у внучки, не забыла, и забросала последнюю вопросами.

Ксюша, не слишком выспавшаяся ночью в поезде, отбивалась слабо, и если бы не две бабушкины кошки, на которых она постоянно переключала её внимание, пришлось бы просить пощады. Однако вопросы о том, как поживают беленькая Снежка и рыженькая Клёпа, бабу Дусю очень хорошо отвлекали.

— Обидел тебя всё-таки чем-то твой Игорьь, — вздохнула бабушка, поставив перед Ксюшей тарелку с сырниками. С горкой навалила... Вот и отлично. Она съест, растолстеет, и мужчины больше не будут к ней клеиться.

Всё равно никто, кроме Игоря, Ксюше не нужен.

— Не обижал. — Она взяла банку со сметаной и бухнула поверх сырников пару ложек. — Дело не в нём, а во мне, баб Дусь. Я совершила... не очень хороший поступок. И трусливо сбежала, пока он ничего не успел узнать. А как узнает — видеть меня не захочет.

— Сбежала? — растерянно переспросила бабушка. — И не поговорила с ним даже?

— Не поговорила. Но там и не о чем разговаривать, ба. И так всё понятно. Да ты не волнуйся, я справлюсь. И вообще я больше от тебя не уеду.

— Не уедешь?..

— Точно. Я решила остаться здесь. В конце концов, хватит уже отрываться от корней. Пока у меня отпуск, а там посмотрим. Может, внештатно буду работать. Я с собой ноутбук привезла. А может, и здесь работу найду... Поживём-увидим.

— Ох, Ксюшка... — покачала головой баба Дуся. — Не знаю я, конечно, что там у тебя случилось, да и не расскажешь ты мне. Но всё-таки не дело это — уезжать, не объяснившись, не поговорив. Может, тот твой... не очень хороший поступок... можно всё-таки простить. А вот твой побег и недоверие... Не знаю...

— Нельзя, ба, — сказала Ксюша спокойно и сделала глоток чаю. — Нельзя такое простить. Забыть можно, простить — нет.

— Ладно. Тебе виднее...

После завтрака Ксюша пошла в свою старую комнату. Она здесь выросла, и бабушка хранила всё в таком виде, как было при внучке. Вот и теперь Ксюша с наслаждением растянулась на родном диване и, скинув тапочки, оглядывалась по сторонам.

Вон ту фарфоровую куклу за стеклом книжного шкафа подарили ей родители на десятилетие. Она назвала её Луизой, а коротко — просто Лю. Разговаривала с ней, ставила на стол рядом с собой, когда делала уроки, и очень любила. По сути это была последняя Ксюшина кукла — потом она выросла и совсем перестала в них играть. Только иногда рассказывала Лю какую-нибудь очередную свою фантазию.

А вон там, на дверном косяке — тонкая линия, оставленная Ксюшиным папой при помощи маркера. И надпись над этой линией — Юшка, 12 лет. С тех пор она не слишком-то выросла...

А вот горшок с декабристом на подоконнике. Папа притащил его с одной из своих работ — цветок чах там, потому что его периодически забывали поливать. А у них расцвёл уже через неделю... И до сих пор стабильно цветёт. Как будто в благодарность за спасение.

... Ксюша ещё долго лежала и вспоминала то одно, то другое. А потом уснула.

И сон её был тихим и спокойным, и снилась ей небольшая лесная полянка, на которую они с папой когда-то давно ходили делать шашлыки. Вдвоём.

И папа, дую на ладони, чистил Ксюше обжигаяще горячую, совершенно чёрную от золы картошку, а она, хихикая, сыпала на неё соль, и ела, обжигая пальцы.

Проснулась Ксюша часа через три от совершенно дикого голода. Баба Дуся чем-то гремела на кухне, и девушка, встав с дивана, поспешила к ней.

— Борщ будешь? — понятно спросила бабушка, улыбаясь и потянувшись за половником.

— Буду, — кивнула Ксюша, сядя за стол. Давненько она так сильно есть не хотела... Нужно обязательно сходить к наркологу, проконсультироваться. Может, ей теперь что-то пить надо, какое-нибудь лекарство, чтобы наркоманкой не стать? Хотя это вряд ли, но вдруг?

А ещё к гинекологу обязательно. Мразь эта без презерватива была...

Затошнило, и Ксюша хватанула со стола чашку с чистой водой. Выпила почти залпом, даже закашлялась.

— Я после обеда пройду. Ладно, ба? — спросила она, поставив чашку обратно на стол. — Хочу на реку сходить.

— Сходи, конечно, лапонька. Вода — она успокаивает. Умиротворение приносит. Сходи. И в церковь тоже можно...

— Зайду, бабуль.

Бабушкин борщ... Что может быть лучше? Правильно — ничего. И Ксюша ела, жмурясь от удовольствия и замечая, как расцветает баба Дуся. Она всегда обожала кормить внучку.

После обеда Ксюша, как и собиралась, отправилась гулять по городу. Прошла по набережной, полюбовалась на большой четырёхпалубный теплоход, который как раз отплывал от Речного вокзала, сходила на городской пляж.

Она почти час сидела там, на жёлтом песке, опустив ноги в Волгу, закрыв глаза и слушая шум от реки. Ветер, дувший Ксюше в лицо, сушил её слезы и ласково гладил щёки. Он был ещё тёплый, хотя уже немного пах осенью.

Как ты там, Игорь? Видел ли уже эту видеозапись? Злишься ли, проклинаешь? А может быть...

Нет, не может быть.

Ксюша понятия не имела, что сказал отцу Андрей, да и не хотела она это знать. Какая разница? Ей нужно учиться жить без Игоря.

Она неосознанно положила ладонь на живот и вздохнула. Если бы не эти наркотики... Ксюша бы мечтала оказаться беременной. Хранить в себе частичку своего мужчины. Воспитывать его продолжение.

Но теперь она мечтала о другом — наоборот, оказаться с пустым чревом. И не мучить себя мыслями о том, что будет с ребёнком, которого так ударили в самом начале его жизни.

Перед тем, как отправиться в церковь, а оттуда — в поликлинику, она долго стояла и смотрела на монумент «Мать-Покровительница». Ксюша помнила, как его открывали — ей было тогда лет десять, не больше. И спросила у отца:

— А что это значит? Почему она стоит, раскинув руки?

— Потому что она — мать, — ответил папа, улыбаясь Ксюше. — Мать всегда готова принять своего ребёнка, что бы он ни совершил. И обнять его. А вместе с ним — и целый мир.

Целый мир...

Ксюша вздохнула, отворачиваясь.

Стоит ли этот самый мир того, чтобы его обнимали? Ведь в нём столько гадости. Столько неправильного, больного, несправедливого. Стоит ли?

— Тебе виднее, — прошептала она, глядя в небо, и достала из сумки свою старую косынку.

В то время как Ксюша шла к церкви, Игорь был в аэропорту вместе с Романом и Настей. Отвёз их Борис и, выслушав наставления работодателя по поводу квартиры и ухода за Грейсоном, поехал назад.

Несмотря на то, что Игорю удалось немного поспать перед отъездом, чувствовал он себя совершенно ужасно. Поэтому в самолёте тоже собирался подремать.

Все рабочие дела пришлось оставить на коллег — исполнительного и креативного продюсеров. И Павел, и Михаил страшно удивились, что Игорь куда-то неожиданно уезжает, да ещё и не знает, на какой срок. На него это было совсем не похоже — сорваться с места, бросив всё, и не понимая, когда можно будет вернуться к делам. Но ждать Игорь не мог.

Он боялся. Страшно боялся за Ксению. Не каждый человек выдержит то, что с ней случилось. Она пока выдерживала, но... надолго ли?

Ведь она наверняка ничего никому не расскажет, особенно бабушке. А раз Ксения так неожиданно сорвалась в свой родной город, значит, действительно чувствует себя виноватой. Значит, думает, что Игорь ей не поверит. И это не удивительно. Она никогда не доверяла ему до конца.

Нет, он не винил Ксению за недоверие. Получив такой удар от жизни в юности, сложно начать вновь верить в людей. Да и разве могла она представить, что Игорь примет сторону не сына, а её — девушки, которую знает так недолго?

Конечно, это всё понятно. Но почему-то всё равно больно. Больно и неприятно, когда от тебя не ждут ничего хорошего.

Но неприятнее всего не это, а совсем другое.

В самом начале, когда Игорь только начинал свою игру, он думал о том, что рано или поздно Ксения потеряет свою чистоту, испачкается, и какая разница, об кого? Но теперь он чувствовал эту разницу.

Не нужно было её трогать. Пусть бы жила в своём мире, нетронутая им, искренняя девочка, и не знала, что именно Игорь — отец человека, который её предал, унизил и растоптал. Пусть бы жила и не знала, что это такое — когда к тебе прикасается безжалостный мир, где деньги и собственные желания важнее всего остального.

Но Игорю тогда было плевать на возможные последствия. Испачкается, изменится — и ладно. Он же не собирался убивать Ксению. Он просто хотел её, как хотят очень красивую и интересную вещь. Хотел увидеть в своей постели — и увидел. Хотел подчинить себе — и подчинил. И испытывал невероятную по силе эйфорию, владея этой женщиной. Потому что игра была очень интересной... и он выиграл.

Глупец. Любой выигрыш таит в себе привкус тлена, и Игорь, ослеплённый собственными желаниями, его поначалу не почувствовал. А почувствовав, попытался что-то исправить... но было уже поздно. Ксения, принявшая правила этой игры и понимающая, что она — всего лишь временное явление в жизни Игоря, не рассказала ему про сына.

Потому что она никогда не играла. Она жила.

И любила Игоря всей своей огромной душой.

— Игорь Андреевич...

О? обернулся и посмотрел на охранника большими, уставшими глазами.

— Вот, возьмите. Адрес, который вы просили узнать.

На бумажке красивым округлым почерком Романа было выведено: «Дульсинея Липова». И её адрес в Чебоксарах.

— Спасибо, — кивнул Игорь, пряча заветную бумажку в карман пиджака. — Пойдём. Посадка началась.

А вечером, сразу после ужина, принесли альстромерии. Белые, нежные и очень свежие.

И Ксюшу затопило непониманием.

Неужели это Андрей?! Нет, не может быть. Во-первых, её чебоксарского адреса он не знает, да и про альстромерии наверняка забыл, хотя она говорила ему восемь лет назад. Но он и тогда забывал, и дарил ей всё время розы. А теперь-то уж...

Значит, Игорь. Но... откуда у него адрес?!

Стася. Точно — Стася. Наверняка она помогла, больше некому. Но... зачем ему это?

Что он хочет этим сказать?!

Может, Андрей не показал видео?! Нет, должен был показать. Не мог не показать. Ещё и поглумился...

— Красивые, — улыбнулась баба Дуся, поглаживая лепестки. — Ты любишь такие.

— Да.

Ксюша нервно пересыпала в жестяную банку чай по бабушкиной просьбе, но так как руки дрожали, чайинки сыпались мимо, разлетались по столу.

— От кого только? — спросила баба Дуся осторожно, косясь на внучку. — Ты же тут первый день...

— Не знаю!

Ксюша с диким грохотом поставила банку на столешницу и, задрожав, вдруг расплакалась.

— Ох...

Бабушка подошла к ней, обняла, молча и сочувственно погладила по спине. А она всё плакала, навзрыд, как какой-то подросток, и с позорными подвываниями...

И сама не понимала, почему.

Поняла потом, уже вернувшись к себе в комнату. Поставила альстромерии на письменный стол, постояла возле них, задумчиво перебирая пальцами листья и лепестки.

?блечение. Она плакала от облегчения...

— Пап... А что ты собираешься делать? — спросила Настя робко, когда они прилетели, доехали до гостиницы и заселились в «люкс». В номере было целых три комнаты, терраса и роскошная ванная. Но Игоря сейчас больше всего на свете интересовала кровать.

— Спать, Настя, — ответил он, сдёргивая покрывало. — Я буду спать здесь, ты — во второй спальне, а Роман — в гостиной. Я сейчас же лягу, а вы сходите поужинать.

— Я не про это. — Дочь замялась, но продолжила: — Что ты собираешься делать... с Ксюшей?

— Настя, — Игорь взглянул на неё с усталой укоризной, — опять ты за своё? Я сам разберусь.

— Пап, я знаю. Я знаю, что сам! Я просто переживаю... Я не буду вмешиваться, честно!

Настя действительно выглядела очень обеспокоенной, поэтому он всё же ответил:

— Пока ничего. Ксюше нужно время, чтобы подумать хорошенько. И пока я просто буду ей что-нибудь посылать каждый день. А через пару дней... мы поговорим.

Дочь кивнула.

— Понятно. А... что-нибудь посылать... это что?

— Пока не придумал.

— А... давай, я помогу? Придумать помогу. Что посылать.

Сначала Игорь хотел отказаться, а потом подумал: почему бы и нет? Пусть поможет.

— Хорошо, Настя. Но сейчас — спать. Я ужасно устал.

— Спи, — она, явно обрадовавшись, метнулась за порог. — Конечно, спи! Отдыхай! — И почти сразу за дверью раздался её громкий крик: — Рома-а-ан. Пойдём поужинаем?!

Да уж. Какой она всё-таки еще ребёнок...

Человек — удивительное существо. Пять минут назад Ксюше казалось, что эти цветы — попытка примирения со стороны Игоря, а теперь...

Какое примирение? Наивно даже думать о таком. Он просто прощается с ней. Конечно, прощается. Послал ей цветы, чтобы она понимала — он не обижается. Красивый жест от обеспеченного мужчины. Ведь Игорю эти цветы ничего не стоят, но он знает — ей будет приятно.

А она тут распустила нюни, развесила сопли. Дура безмозглая. Ничего удивительного, что Андрей тебя вокруг пальца обвёл! Мороженое... малиновое... А ты и рада лопать.

Ксюша всхлипнула и отвернулась от цветов.

— Последнее «прости», да? — прошептала она, пытаясь не заплакать. В конце концов, сколько можно рыдать! — Красивое... и последнее.

На этот раз слёзы потекли сами, наплевав на то, что Ксюша изо всех сил им сопротивлялась. И потом она ещё долго лежала и плакала в подушку, пока не провалилась в тяжёлый, но очень крепкий сон.

Проснулась Ксюша рано утром в не очень хорошем настроении. Выглянула из комнаты — бабушка еще спала, чуть похрапывая, и Ксюша на цыпочках прошла в кухню, чтобы сделать завтрак. В конце концов, вчера её весь день кормили, теперь она может и сама покормиться, заодно и бабу Дусю угостит.

Пусть будет омлет на пару. С сыром и укропчиком. Ксюша знала — бабушка любит.

Достала из холодильника яйца и молоко, взяла миску и нож. И только занесла нож над первым яйцом, как в дверь позвонили.

Яйцо полетело на пол и разбилось, рядом звонко ударился о плитку нож. Вот блин! Кого это принесло с утра пораньше?!

Ксюша поспешила к двери, и было у неё при этом стойкое ощущение дежавю. Нет-нет, не может быть... Скорее всего, кто-то ошибся адресом...

На пороге стоял молодой парень в чёрной футболке и синих джинсах и меланхолично жевал жвачку.

— Вы Ксения? — спросил он, оглядывая её с ног до головы.

— Да. А вы кто?

— Курьерская доставка. Распишитесь, получите.

Парень поднял с пола среднего размера коробку, сунул Ксюше под нос ручку и бумажку. Она шокированно подмахнула там, где стояла галочка, он кивнул, отдал ей коробку, развернулся и побежал вниз по лестнице.

С минуту Ксюша стояла на пороге и слушала затихающие шаги. И только когда они затихли окончательно, опомнилась, сделала шаг назад, захлопнула дверь и поспешила на кухню.

— Ксюш, кто это был? — крикнула из своей комнаты бабушка. Голос у неё был еще сонный.

— Курьер. Принёс что-то. Спи, не волнуйся.

— Да надо уже вставать...

На кухне Клёпа и Снежка сосредоточенно вылизывали разбитое яйцо. Ксюша шикнула на них, поставила коробку на стол и потянулась за тряпкой. Сначала — пол, потом уже таинственные посылки.

Вытерев всё хорошенько, Ксюша взяла нож и аккуратно вскрыла коробку. И удивлённо уставилась на её содержимое.

Там был попкорн.

Что это за шуточки?!

Она неуверенно протянула руку, взяла одну штучку и закинула себе в рот. Солёный. Вкусный.

Задумчиво жуя, Ксюша вновь запустила руку в попкорн, но теперь уже поглубже. Мало ли, вдруг там еще что-то есть? И действительно — есть. Что-то пластиковое, холодное...

Секунду спустя на свет божий показалась небольшая игрушка — Человек-паук, грозно смотрящий на оторопевшую Ксюшу своими сетчатыми глазами.

Вот это номер...

— Ксюш... Ты чего хохочешь с утра пораньше? — удивлённо спросила баба Дуся, заходя на кухню и косясь на внучку, которая сидела прямо на полу и, прижимая к себе какую-то игрушку, заходила в истерическом смехе.

— Н-ниии-че-гооо, ба, — выдохнула Ксюша, усилием воли гася истерику. — Это... так. Я омлет хочу сделать. Ты не против?

— Не против, — кивнула баба Дуся. — А что это за коробка с пенопластом?

Девушка не выдержала и вновь засмеялась.

— Бабуль... Это попкорн. Его в кинотеатрах продают.

— Ага. Понятно.

Баба Дуся ещё раз заглянула в коробку и вышла, отчётливо и очень недовольно бормоча:

— Попкорн... Станный способ ухаживать за девушкой...

Станный? Совсем нет.

Самый лучший...

— Алло, Стась. Привет.

— Привет. Ну, как ты там?

— Ничего. Скажи... ты говорила что-нибудь Игорю?

На том конце провода несколько секунд молчали.

— Прости, Ксюш. Он тебя очень искал.

— Искал...

— Да, очень. И по твоим словам я поняла, что это не он тебя обидел, а Андрей. Разве нет?

— Да.

— Ну вот. А ты его... кинула. Разве это дело?

— Это было моё решение.

— Хреновое решение! — огрызнулась Стася, но тут же смягчилась. — Извини. Но я думаю, что вам лучше поговорить, а не прятаться друг от друга.

— Это я прячусь, — усмехнулась Ксюша. — Игорь никогда в жизни не стал бы прятаться. Он не такой.

— И правильно. Что он, младенец? Он мужчина.

— Да. Я просто... боюсь.

— Чего?!

— Не знаю. Я вообще та ещё трусиха.

— Неправда! Ты самая смелая из всех, кого я знаю. Всё будет хорошо!

Ксюша вздохнула.

— Ладно. Значит, у Игоря есть мой телефон?

— Угу.

— И адрес?

— Вот это не знаю. Я сказала только, как зовут твою бабушку.

— Ясно. Думаю, Игорю этого хватило...

— А он уже приходил, что ли?

— Нет, цветы прислал. И еще кое-что...

— О-о-о, — протянула Стася, а Ксюша, нервно прижав ладонь к губам, тихо спросила:

— Скажи... он сердится?

— Сердится?.. Вроде бы нет. Он расстроенный и уставший. Но я не заметила, чтобы он сердился.

— Ладно... Спасибо, Стась.

— Да не за что. Надеюсь, вы помиритесь!

Ксюша закусил губу.

Мирятся, когда ссорятся. А они разве ссорились? Просто она ему врала. А потом изменила. Пусть не по своей воле, но изменила же...

— Я тоже... надеюсь.

— Ты молодец, Настя. Хорошо придумала. Хвалю.

Дочь расцвела.

— Спасибо! Я просто решила — подарки должны напоминать Ксюше о хорошем. И о таком хорошем, которое связано с нами!

— Да, котёнок. Это правильно.

— А... — Настя запнулась и добавила нерешительно: — А давай вечером еще кое-что

пошлём? У меня такая идея есть!

— Какая?

— Слушай! Помнишь сыр с плесенью? Ксюша говорила, что любит. Так вот...

Вчера в церкви я очень хотела спросить у Тебя, за что. Но не стала. Просто помолилась о будущем, каким бы оно ни было.

Не о своём будущем — о будущем тех, кого я люблю. Чтобы бабушка была здорова. Чтобы Игорь был счастлив. Чтобы Настя выросла хорошим человеком, не стала похожей на своего брата. Чтобы у Стаси с Сашкой совсем скоро появились дети.

Теперь, когда я вернулась сюда, домой, сходила на могилу к родителям и увидела бабушку, мне стало так стыдно за то, что два дня назад я хотела умереть. Оставить всё и всех, лишь бы ничего не чувствовать. Но я, конечно, никогда бы не решилась на самоубийство.

Папа говорил — как бы ни было нам трудно и сложно, мы должны терпеливо сносить все трудности и не роптать. Ведь Ты не посылаешь нам испытаний, которые мы не способны преодолеть.

— Не сдавайся, Юшка, — так сказал мне папа, когда я собиралась уезжать на учёбу в Москву. — Что бы ни случилось — не сдавайся.

После его смерти я повторяла это, как мантру.

Не сдавайся, Юшка. Что бы ни случилось — не сдавайся...

Сразу после завтрака Ксюша убежала в поликлинику — на приём к гинекологу, где сдала все возможные анализы на всяческие инфекции. Потопталась у кабинета нарколога, но всё же решила не записываться — никакой тяги к запретному она в себе не чувствовала, а вспоминать ещё раз случившееся, пусть даже на приеме у врача, не было никакого желания.

Бабушка встретила Ксюшу взглядом, полным любопытства.

— Тебе опять что-то принесли. На кух?е коробка стоит.

?й самой было очень интересно, что там внутри — и она понеслась на кухню, теряя тапочки.

А внутри был здоровенный кусок сыра с голубой плесенью, и почему-то без упаковки. И совсем не вонючий...

Ксюша наклонилась над коробкой, изучая этот странный сыр. Почему он не пахнет? Выдохся, что ли? Но чем ниже она наклонялась, тем сильнее чувствовала совсем другой запах... сладкий, сливочный.

Взяла нож, отрезала кусок и убедилась в своей догадке — это был не сыр, а торт. Правда, сырный торт, то есть, чизкейк.

— Сначала борщ, — строго сказала бабушка, но улыбнулась, глядя на то, как её внучка смеётся, прижимая к губам сладко пахнущие пальцы.

Торт был страшно вкусный, и они с бабой Дусей съели почти весь. Потом Ксюша собиралась почитать, но долго не могла сосредоточиться на взятой книге. Девушке хотелось достать телефон и написать Игорю. Хоть что-нибудь. Просто «привет», например.

Но она боялась. Боялась, что это всё — совсем не то, что она думает. Шутка. Или месть. Или... ну да, прощание. Пусть странное и какое-то затянувшееся, но прощание.

Тем более что сам Игорь ничего ей не писал. Ни разу в подарках не было записок. И

Ксюша не очень понимала, почему он молчит...

Игорь был рад, что взял с собой Настю. Хоть развеется, не всё же только в Москве сидеть, да по заграницам кататься. Кроме того, сейчас они общались очень много, даже больше, чем раньше, и Игорь использовал это время, чтобы помочь Насте выбраться из кризиса. Дочь бодрилась, но он видел, насколько ей плохо. Правда, это его не огорчало, а радовало. О неправильных поступках нужно жалеть. Помнить о них и стараться избегать в будущем.

Вот Андрей, видимо, не жалел о том, что сделал восемь лет назад с Ксенией. А сейчас уж подавно...

Игорь знал точно — никогда ему не избавиться от этого чувства вины по отношению к сыну. Может, если бы он уделял Андрею больше внимания в детстве, тот не стал бы таким гнидой? Теперь уже не узнаешь. В любом случае — отец всегда в ответе за поступки сына, сколько бы ему ни было лет.

Веселее всего из них троих было Роману. Игорь попросил охранника аккуратно следить за Ксенией, и тот безропотно выполнял распоряжение, докладывая, куда она ходит и что делает. Пусть Ксения потом за это на Игоря посердится, но он не мог позволить ей быть совсем одной. Слишком боялся. И слишком она была ему дорога.

Так что, пока Роман был на боевом задании, Игорь с Настей планировали дальнейшую «осаду», гуляли по городу и ходили на пляж. Охранник всё время докладывал, где в этот момент находится Ксения, поэтому столкнуться с ней они не боялись.

Зато нужно было столкнуться кое с кем другим, и приобрести в лице этого человека надёжного союзника...

Бабушка Ксении отправилась в магазин вечером того же дня, когда Игорь прислал торт в виде куска сыра с плесенью. И как только Роман отзвонился и сообщил о том, что она вышла из дома, сорвался с места.

Момент был самый подходящий.

Он успел перехватить её уже у самого подъезда, возвращающуюся обратно к себе с пакетом в руках. Маленькая и совершенно седая женщина с очень добрыми глазами посмотрела на Игоря с искренним недоумением, когда он вдруг перегородил ей путь и поздоровался.

— Добрый вечер. Мне нужно с вами поговорить.

К её чести, она сразу всё поняла.

— Вы Игорь, да?

— Да.

Бабушка Ксении усмехнулась, разглядывая его с ног до головы.

— А вы ничего. Симпатичный.

— Благодарю, — засмеялся Игорь. — Вы тоже. Как мне вас называть?

— Баба Дуся я. Ну или Дульсинея Ивановна, если так больше нравится.

— Хорошо, — он кивнул, — Дульсинея Ивановна. Давайте ваш пакет, и пойдёмте, посидим тут неподалёку, пообщаемся. Я не отниму у вас много времени...

Баба Дуся вернулась из магазина странно задумчивой. И весь вечер периодически подходила и обнимала Ксюшу, гладила её по спине и волосам, шептала «бедненькая моя».

Ксюше, конечно, было приятно, но совершенно непонятно — с чего вдруг? Словно бабушка что-то узнала. Но это ведь невозможно.

А на следующий день, проснувшись утром, Ксюша обнаружила на своём письменном столе, рядом с альстромериями, плетёную корзинку с цветами. Синие ирисы, белые ромашки и хризантемы, розовые герберы и ещё куча каких-то неизвестных Ксюше цветов.

А возле корзинки нашлось еще кое-что. Маленькая коробка с клюквой в сахаре. И Ксюша хихикнула, закидывая в рот один беленький шарик — вспомнила, как они с Игорем пили клюквенный морс в ресторане, а потом она сама варила ему такой у них дома.

Спросонья Ксюша не сразу поняла, что не так. И только слопав треть коробки на радостях, вдруг словно очнулась, и тут же побежала в комнату к бабушке. Но её там уже не было — баба Дуся, бодрая и весёлая, готовила завтрак на кухне.

— О! — воскликнула она, лукаво улыбнувшись. — Доброе утро, внученька. Мне через полчаса в поликлинику, вот я и поднялась. Кашку манную будешь?

— Ба, — отмахнулась девушка, — скажи, откуда на моём столе цветы и клюква в сахаре?

— Откуда же я знаю, лапонька? — ответила баба Дуся вопросом на вопрос. — Может, ветром надуло...

— Ба!

— Что? Садись, сейчас кушать будем.

— Ба! — Ксюша села на стул и молитвенно сложила ладошки. — Скажи: Игорь в городе? Я думала, он просто доставку заказывает...

— С чего ты взяла? — весело спросила бабушка, доставая банку с манкой из шкафа.

— Ну а кто еще мог поставить букет и клюкву на мой стол, кроме тебя? Никто. Но чтобы ты взялась помогать Игорю, он должен был с тобой поговорить. Я права?

— Может быть, может быть... — протянула баба Дуся, наливая молоко в кастрюлю.

А Ксюша напряжённо думала. Если учесть странное бабушкино поведение вчера вечером, можно предположить, что именно тогда и произошла их с Игорем встреча.

— Что он рассказал тебе, ба? — Ксюша нервно поёрзала на стуле. — Пожалуйста, скажи!

Баба Дуся вздохнула, помешивая молоко. Покосилась на внучку неуверенно, но всё же ответила:

— Да ничего конкретного, лапонька. Но я и так поняла, что случилось нечто плохое. Знаю, ты у меня девочка сильная, вся в папу своего. И всё равно жалко мне тебя...

— Не надо, ба, — сказала Ксюша твёрдо. — Не жалей и не волнуйся. Всё нормально.

— Да уж я вижу, — грустно усмехнулась баба Дуся. — Но ничего. Умный он у тебя, хитрый даже, и знает, что ему нужно. Ни слова лишнего, ни жеста.

— Да, — девушка опустила глаза, улыбаясь и вспоминая Игоря, — он такой.

Бабушка засмеялась.

— Такой-такой. Эх, влюблённая... Но больше я тебе ничего не скажу. Обещала.

— Я не понимаю... — Ксюша закусила губу. — Почему он не приходит говорить со мной? Молчит, только подарки посылает...

— А сама-то? — фыркнула баба Дуся. — Умчалась, не поговорив. Вот и он примчался и не разговаривает.

Внучка горестно вздохнула, и бабушка, смилостивившись, добавила:

— Не переживай. Я не думаю, что это надолго.

После завтрака Ксюша отправилась на прогулку и сразу же начала оглядываться по сторонам в поисках Игоря. Глупо, наверное, не будет же он ходить за ней по пятам?

Но в один прекрасный момент ей показалось, что она видит Романа. Правда, человек, похожий на него, свернул и скрылся за соседним домом почти сразу, как она стала его рассматривать, и понять, Роман это или не Роман, Ксюша так и не смогла. Может, она выдаёт желаемое за действительное?

Ксюша уже почти дошла до городского пляжа — она решила искупаться, погода стояла замечательная — когда к ней вдруг подскочила незнакомая девочка лет десяти.

— Здравствуйте! — И широкая улыбка во всё лицо.

— Привет, — кивнула Ксюша, тоже улыбаясь. Руки девочка держала за спиной, как будто там что-то было, и очень скоро она узнала, что именно — маленький букет из васильков, перевязанных жёлтой ленточкой.

— Это вам! — сказала девочка, протягивая Ксюше букет. Подмигнула и побежала дальше по своим делам.

А Ксюша еще какое-то время стояла посреди улицы и, глупо улыбаясь, поглаживала васильки. И сердце у неё колотилось, как бешеное...

Когда же Игорь скажет ей хотя бы слово?.. Может, он ждёт её звонка или смс-сообщения? Нет, у неё не получится.

Слишком страшно...

Возвращаясь с пляжа, Ксюша вновь заметила Романа, и на этот раз она была уверена: это именно Роман, и никто иной. Но она поспешно отвернулась, старательно глядя в другую сторону.

В конце концов, охранник всего лишь выполняет свою работу. И вряд ли станет с ней разговаривать, да и не в курсе он наверняка про планы Игоря. В общем, лучше сделать вид, что она ничего не заметила. Хочется им играть в шпионов — пусть играют.

А дома Ксюшу уже ждал маленький пакет, в котором она нашла абонемент на посещение бани и... халат с ромашками.

Хорошо, что баба Дуся в это время была в ванной и не видела, как внучка, хихикая, крутится перед зеркалом в этом халате, прижимает руки к груди и улыбается так, словно ей подарили не простенький хлопковый халат, а по меньшей мере колье с бриллиантами.

— Игорь Андреевич, Ксения меня сегодня заметила.

Это было первым, что сказал Роман после возвращения со своего «боевого задания». И улыбнулся мягко.

— Так-так? — заинтересовался Игорь. — И что же она сделала?

— Она сделала вид, что я не я, и лошадь не моя. Отвернулась, то есть.

— Понятно, — засмеялся Игорь. — Решила играть по моим правилам. Умница.

— Пап, — вмешалась Настя, — а почему халат с ромашками? Про баню я поняла, помню, как у Ксюши отключали горячую воду. Но халат? С ним-то что связано? Ты же пол-утра искал в магазинах эти ромашки!

И уставилась на отца с любопытством во взгляде. Впрочем, любопытство в глазах было не только у Насти, но и у Романа тоже.

— Хозяйку квартиры, в которой живёт Ксения, зовут Инна Васильевна. И она носит

похожий халат.

— И всё-о-о-о? — протянула Настя. Лицо её разочарованно вытянулось.

Всё? Конечно, нет. Игорь прекрасно помнил, как чуть не поцеловал Ксению тогда, на лестничной площадке, но помешал вот этот самый халат с ромашками. И она наверняка тоже помнит... и улыбнётся.

Он хотел, чтобы Ксения улыбнулась.

— Всё. Но это немало, поверь мне, котёнок...

Утром принесли клюквенную настойку, и баба Дуся возмутилась.

— Споить тебя решил, охальник! — воскликнула она и нарочито грозно поиграла бровями.

— Наверное, — засмеялась Ксюша и замерла: к бутылке оказался привязан кусочек картона с дырочкой, и на нём рукой Игоря было написано: «После бани».

И смайлик.

Сердце тоже замерло, когда она это увидела. А потом резко застучало, и стук этот отдавался в ушах словно эхом, пульсировал в висках, бился в груди...

Не молчит. Он больше не молчит!

Ксюша аж подпрыгнула.

— Тихо-тихо, — засмеялась баба Дуся, поглаживая внучку по дрожащей спине. — Не волнуйся ты так.

— Он не молчит, ба, — прошептала она, показывая бабушке надпись.

— Ах, вот в чём дело. Ну так, что же? Помолчали — и будет.

Ксюша зажмурилась и прижала ладони к пылающим щекам.

Все эти дни она пыталась не думать о случившемся, и почти получалось. Тем более что подарки Игоря отвлекали от грустных мыслей, и Ксюша старалась думать о нём, а мысли об Андрее гнала прочь.

Но они всё равно настигали её, особенно перед сном, когда она ложилась в свою старую кровать и выключала свет. И перед глазами стояла его ухмыляющаяся физиономия...

И теперь, когда Игорь вновь заговорил с ней, Ксюша не только обрадовалась, но и испугалась.

Как она будет смотреть ему в глаза? Если он видел запись, то должен знать, что она ему изменила. И испытала несколько оргазмов с Андреем. А это самое противное...

Но если Игорь не смотрел? Вдруг Андрей ничего не показал отцу, побоялся? Ксюша даже не знала, какой вариант лучше — чтобы Игорь видел, или нет? Во втором случае она не представляла, как себя вести и что рассказывать. Впрочем... в первом тоже.

Просить прощения? Оправдываться, валить всё на экстази? Увы, Ксюша не была уверена в том, что наркотики повлияли именно на оргазм. Затуманили сознание, заставили её перепутать Андрея с Игорем — да, но оргазм?.. Нет, она испытала его сама, и от этого чувствовала себя ужасно грязной как снаружи, так и внутри.

А может, ничего не говорить? Делать вид, будто ничего не было? Нет, она не сможет. Как это — не было? Было...

И когда Ксюша вспоминала, как она лежала, а Андрей двигался сзади, её начинало тошнить. Она старалась не думать, дышала чаще, зажимала ладонями глаза или раздирала в кровь руки, но это почти не помогало.

Глупые, глупые люди, считающие, что у человека нет души.
Если нет, тогда что у неё болит с такой невероятной силой?!

Лучший друг любого современного подростка — это, конечно, интернет.

И Настя потратила кучу времени, читая разнообразные статьи о том, как правильно просить прощения. Известные авторы этих статей давали кучу советов, большинство из которых казались Насте нежизнеспособными, учили жизни и наставляли на путь истинный.

Только вот все эти наставления... Какие-то общие слова, умные фразы, поток сознания. Словесный понос, как выразился бы папа.

А у неё была конкретная ситуация. И Насте хотелось извиниться так, чтобы Ксюша её простила. Не только словами, но и каким-то делом...

По крайней мере в статьях советовали именно так — не ограничиваться словами, не забывать про дела.

И она всю голову себе сломала, придумывая, что бы совершить.

Пока наконец не придумала...

После бани Ксюша возвращалась обновлённая. Тревожные мысли под воздействием пара и веника её почти покинули, и теперь думалось вяло и лениво.

Давно она столько времени не бездельничала. Зайти, что ли, на рабочую почту?..

Ну уж нет! Отпуск есть отпуск.

В квартире было тихо — бабуш?а куда-то ушла. И Ксюша, зевнув и потянувшись, сразу прошла в свою комнату. Сейчас она что-нибудь почитает, а потом ляжет подремать. Имеет право!

Но пришлось отложить эти планы, потому что в её комнате, на письменном столе, рядом с двумя букетами, лежала довольно-таки большая си?я коробка, крепко перевязанная широкой жёлтой лентой.

Эх, бабушка... Пошалила и ушла.

Интересно, что там?

Ксюша осторожно дёрнула за ленту, отбросила её в сторону и открыла коробку. И сразу ахнула, потому что изнутри полетели бабочки... много бабочек... самых разных — синих, жёлтых, зелёных, белых, разноцветных... Они кружили вокруг Ксюши, чуть касаясь её крыльями, и она плакала и смеялась от восторга.

Сколько же их здесь?!

Она протянула руку, и ей на ладонь села самая большая из бабочек, очень похожая на умершую Скай. Как Игорь тогда говорил? Она называется «морфо»...

Бабочка с любопытством изучала Ксюшину ладонь, поводя усиками и перебирая лапками. Любопытная малышка... И смелая — не побоялась сесть, потрогать, поизучать. Никто больше не решился, только она. Остальные летали рядом, только чуть щекотали Ксюшу лёгкими прикосновениями крыльев и усиков. Наверное, думали, что она — большой цветок...

... А потом Ксюша почувствовала движение воздуха позади себя. И тихий, почти не слышимый вздох. Знакомый вздох...

Она даже не успела испугаться — тёплые ладони легли на плечи, и Ксюша обернулась,

одновременно с этим подаваясь вперёд и раскрывая губы, позволяя Игорю жадно припасть к ним, и покоряясь ему, как и всегда.

Господи... это действительно он. Его руки, его плечи, его спина. И ощущение чуть колющейся щеки, прижимающейся к её собственной, и мягкие волосы, и запах. Господи... как она соскучилась.

Вокруг стояла полная тишина, Ксюша только слышала, как тикают часы. А еще в груди у неё билось сердце, и ей иногда казалось, что оно бьётся даже громче, чем тикают часы... Так было хорошо. Так прекрасно и радостно. И так страшно.

Игорь запустил ладонь Ксюше в волосы, запрокидывая девушке голову и вглядываясь в её взволнованное лицо. Сам он казался спокойным, только глаза сверкали. Сверкали дико и как-то жадно.

Он молчал, лаская её затылок одной рукой, а второй прикасаясь к чуть припухшим после поцелуя губам.

— Скажи что-нибудь, — шепнула Ксюша, решившись. — Иначе я подумаю, что это сон.

Игорь улыбнулся, и во взгляде его промелькнула нежность.

— Я соскучился.

Ладонь, которой он трогал Ксюшины губы, опустилась на грудь, мягко и властно обхватила один из холмиков.

— Ты видела не весь подарок, — продолжил Игорь хрипло, большим пальцем трогая напрягшийся сосок. — Только половину.

— Половину? — прошептала Ксюша растерянно, вспыхивая от желания и страшно стесняясь этого чувства. Как она может?.. Несколько дней назад была с Андреем, а теперь мечтает, чтобы Игорь взял её сейчас и здесь. Немедленно.

А вдруг он её отвергнет?..

— Да, Ксения. Половину. И ты можешь выбрать... — Ладонь ещё опустилась и теперь уже тянула вверх футболку девушки. — Мы смотрим эту вторую половину сейчас... или потом.

Игорь залез рукой под футболку, лаская обнажённый Ксюшин живот.

— Потом...

О? усмехнулся... и её вновь, как и в их первый раз, словно стихией подхватило.

Одежда летела в разные стороны, снятая дрожащими и нетерпеливыми руками. Ксюша даже не осознавала, что и в каком порядке снимается, только ощутила, когда наконец их с Игорем перестало что-то разделять.

И бабочки?ружились вокруг, когда он осторожно положил Ксюшу на постель. Касались их тел своими крыльями, отлетали, а затем прилетали опять — и снова касались...

Ксюша стонала, пока Игорь целовал её. Её всю. Он начал с губ, горячих и сладких, как мёд, и спускался всё ниже и ниже — провёл кончиком языка по нежной шее, поиграл с сосками, осыпал поцелуями напрягшийся от нетерпения живот.

Но потом попытался спуститься ещё, и Ксюша зажала бёдра в молчаливом испуганном протесте.

— Не бойся, — сказал Игорь тихо. — Я хочу сделать это, девочка.

Она задрожала.

— Тебе... не противно?

— Не говори так. Никогда, Ксения.

Он мягко развёл её бёдра и опустился между ними. И после Ксюша не только не хотела,

но и не могла говорить — стонала и всхлипывала, пока он ласкал самое чувствительное место на её теле. Она горела, она плавилась, она взрывалась, она задыхалась от наслаждения — а Игорь всё не останавливался, доводя до исступления.

И когда он наконец вошёл в неё с негромким протяжным стоном, Ксюша задрожала от невероятного ощущения единения — не только тел, но и душ. И это было в тысячу раз больше, чем то, что она испытывала тогда с Андреем...

— Я люблю тебя, — прошептала Ксюша в губы Игорю, и охнула, когда он ответил:

— И я люблю тебя, моя девочка.

На секунду она растерялась, но потом эта растерянность полностью исчезла, растворилась в ощущениях. Остались лишь стоны, крики, затруднённое дыхание, горячие и жадные поцелуи, быстрые и лихорадочные движения...

И удовольствие. Оно накрыло их одновременно, и было настолько мощным, что у Ксюши потемнело в глазах.

Слишком хорошо... Может, это всё-таки сон?..

Они ещё долго лежали и молчали. Игорь лениво поглаживал тело Ксюши, заглядывал ей в глаза, скользил губами по щеке.

А потом она ощутила, как же здесь неудобно. Её старенький диван был совершенно не рассчитан на них двоих.

— У меня нога затекла, — пожаловалась Ксюша, и Игорь тут же отстранился, сел на постели.

Девушка, чуть помешкав, тоже села. Между бёдер сразу стало влажно, и Ксюша ойкнула.

Хорошо, что сегодня утром пришли результаты анализов, и всё оказалось чисто. Иначе было бы очень неприятно.

— Потекло? Сейчас, подожди, платок дам.

Игорь достал из кармана своего пиджака, валявшегося на полу у них под ногами, носовой платок, и протянул Ксюше.

— Держи.

И опять замолчал.

А Ксюша сидела, вытиралась, и боялась заговорить первой. Может, Игорь так попрощался? И вообще это «И я люблю тебя» ей почудилось. Галлюцинация на нервной почве...

Нет, это совершенно невыносимо!

— Игорь... — начала она и закашлялась. — Я... не понимаю...

— Чего ты не понимаешь? — поинтересовался он, поворачиваясь к Ксюше. И взял её за руку.

Стало чуть легче.

— Ты... не сердись на меня?

— Нет.

— Но... может, Андрей ничего?е показал? — спросила Ксюша осторожно.

— Показал. — Игорь погладил её ладонь. — Показал и сказку рассказал. Про благородного Андрея и плохую Ксюшу. Я не поверил.

— А... почему?

Он усмехнулся, чуть сжимая пальцы девушки.

— Потому что я знаю вас обоих. И Андрея, и тебя. Плюс спасибо Стасе — она рассказала вашу с ним старую историю.

Ксюша опустила глаза.

— Извини...

— Не нужно извиняться, Ксения. Такие вещи сложно рассказывать, а с учётом обстоятельств — пожалуй, невозможно.

— Да...

И всё равно ей было стыдно.

— А ещё... — Игорь вздохнул. — Андрей не учёл: я много раз видел людей, которых плющит от наркоты. Мне достаточно было одного взгляда на тебя, чтобы понять — ты в неадеквате.

— Да, — сказала Ксюша тихо, — я была как в тумане. Но весёлом таком тумане, радостном. И... приняла его за тебя. Обрадовалась даже. Подумала, сюрприз хочешь сделать...

— Не вспоминай это, девочка. Это всё не имеет значения для нас с тобой.

— Имеет, — возразила она и даже всхлипнула. — Я ведь... изменила тебе...

— А вот и неправда. Ты только что сказала — ты приняла Андрея за меня. Ты была со мной, не с ним. Где же здесь измена?

Ксюша застыла, нахмурилась. А Игорь продолжал:

— Она только в твоей голове. А если она только там, ты легко можешь от неё избавиться. И делай это прямо сейчас, потому что я не собираюсь нести подобную гадость в наше будущее. Всё, Ксения. Забудь.

И она послушалась. Теперь, рядом с Игорем, это было легко.

А потом Ксюша вдруг поняла, что именно он сказал...

— «Наше будущее»?..

— Ах, да, — Игорь улыбнулся. — Это возвращает нас к подарку. Пойдём, посмотришь, что там ещё есть.

— Ещё?.. — повторила Ксюша тупо, а он уже тянул её к коробке, оставшейся на столе, всполошив по дороге нескольких бабочек.

Поначалу она не понимала, что именно видит. Ну, тёмный бархат, которым была обита коробка, ну, какой-то маленький кружочек. Кружочек?!

— Ты выйдешь за меня, Ксения? — спросил Игорь, ласково погладив её по спине.

И Ксюша, судорожно вздохнув, потеряла сознание.

Дожидаясь папу и Ксюшу в летнем кафе неподалёку от квартиры бабы Дуси, Настя на нервной почве выпила целых три молочных коктейля.

— Ты же лопнешь, деточка, — посетовала собственно баба Дуся, и Настя помотала головой.

— Не-не. Ещё много влезет.

Бабушка и Роман переглянулись.

— Другое поколение, — усмехнулся охранник. — Классики не знает.

— Чего? — вытаращилась девочка.

— Я тебе потом покажу, — пообещал Роман. — Сейчас не до того. Вон они идут.

Настя резко обернулась, и недопитый третий молочный коктейль растёкся по столику. Баба Дуся и охранник тут же вытащили салфетки и стали вытирать сладкую жидкость, а Настя тем временем вскочила со стула и застыла соляным столпом, вглядываясь в Ксюшино

лицо.

Девушка была бледновата, но в целом выглядела нормально. И растерянно улыбалась, смотря то на свою бабушку, то на Романа, то на Настю.

— Привет, — выдохнула Ксюша, подходя ближе, — авантюристы.

Роман улыбнулся, баба Дуся хихикнула, а Настя покраснела и опустила глаза.

— Ладно, — сказал Игорь, выпуская девушку из объятий, — предлагаю пару минут прогуляться неподалёку, пока Настя с Ксюшей будут беседовать.

Охранник кивнул, выходя из-за стола, и осторожно взял бабу Дусю под руку. Ксюша с благодарностью на него посмотрела и опустилась на один из стульев.

Настя села рядом и, дождавшись, пока остальные отойдут подальше — впрочем, они всё равно оставались в поле зрения, — тихо сказала:

— Знаешь, я после случившегося читала много статей про то, как правильно просить прощения...

Ксюша не удержалась от улыбки, но спрятала её, чуть наклонив голову.

— И там было написано, что нужны не только слова, но и дела. И я всё думала — ну что бы сделать? А потом поняла: ничего не надо делать. Я слишком много делала, слишком много вмешивалась. Я больше не буду. Прости меня, Ксюш. Я понимаю, что натворила. Правда, понимаю. Веришь?

— Верю, — ответила Ксюша, протянула руку и сжала ладонь девочки. — Не терзайся. Я не сержусь.

Настя всхлипнула... и расплакалась от облегчения.

Секундой спустя она почувствовала, что Ксюша, наклонившись, осторожно обнимает её. Настя погладила руки девушки, и, наткнувшись на кольцо, вмиг перестала плакать.

— Ты согласилась, да?

— Да. Ты против?

— Нет, — помотала головой Настя и добавила горячо: — Честное слово, не против!

— Это хорошо. Я очень люблю твоего папу.

— Он тебя тоже любит. Мне иногда кажется, даже больше...

— Больше, чем кого?

— Чем маму...

— Настя. — Ксюша заглянула девочке в глаза. — Нет таких весов, на которых можно было бы измерить любовь. Не думай так. Это плохие мысли, и они ведут к плохим делам. Если у нас с Игорем когда-нибудь будет ребёнок... он тоже будет его любить, но ты всё равно останешься его дочерью. Этого не изменить. Понимаешь?

Настя неуверенно кивнула.

— Кажется, да.

— Ты поймёшь, — сказала Ксюша тихо и улыбнулась. — Знаешь, я всю жизнь думала, что больше люблю папу, а не маму. И недавно поняла: нет никакого «больше» и «меньше». Есть только «да» или «нет».

Настя смотрела на неё круглыми глазами, и Ксюша, вздохнув, махнула рукой Игорю. Он стоял неподалёку и всё это время, пока они с его дочерью разговаривали, не отрывал от них напряжённого взгляда.

— А я тоже хочу молочный коктейль, — произнесла Ксюша весело, когда Игорь и все остальные приблизились к столику. — Причём даже малиновый.

— Почему «даже»? — удивилась баба Дуся. Роман, кажется, тоже не понял —

нахмурился слегка, — Настя опустила глаза, покраснев, а Игорь ласково погладил Ксюшу по ладони, на секунду задержавшись на кольце.

Тонкий золотой ободок с маленьким бриллиантом. Простое, не вычурное, но очень красивое. Как и сама Ксюша.

— Да так, — вздохнула она, улыбнувшись Игорю, и сжала его руку.

Какая я глупая, папа.

Помнишь, я сомневалась, не зная, что ты сказал бы об Игоре? Глупая, глупая твоя Юшка!

Ведь я люблю его. А ты всегда, всегда считал, что нет ничего важнее любви и верности. Любви без корысти и лжи, любви без зависти, любви искренней и чистой, как ключевая вода.

Теперь я понимаю.

Ты сказал бы мне: «Будь счастлива, моя Юшенька».

Буду, папа.

Я не знаю, как Игорь это сделал, но он всё же уговорил бабушку переехать в Москву. Купил ей отдельную квартиру неподалёку от нашей — от новой нашей, в ту квартиру я так и не вернулась больше, — и перевёз бабу Дусю туда вместе со Снежкой и Клёпой.

Бабушка очень подружилась с Инной Васильевной, и теперь они постоянно ходят друг к другу в гости. Моя бывшая квартирная хозяйка, насмотревшись на Снежку и Клёпу, тоже завела себе кошку, которую назвала Чучей.

Мы с Игорем поженились через три месяца после возвращения, тихо, хотя и не очень скромно. А на следующий день я, проснувшись, впервые увидела свою фотографию в СМИ.

«И мир не рухнул», — смеясь, сказал Игорь, и я вынуждена была с ним согласиться.

В это же время Стася начала бухтеть на меня за то, что когда-то давно я подарила ей на свадьбу две пары пинеток — на УЗИ подруге предрекли близнецов.

«Сразу двое Лебедевых! — возмущалась она. — Да они же меня заклюют!»

Мы с Сашкой только смеялись.

Раньше я не верила, что люди меняются, но теперь, пожалуй, верю.

Настя очень изменилась за год, прошедший после нашей свадьбы с Игорем.

Она менялась постепенно, мы даже не замечали этого. Пока однажды утром я не вошла в детскую и не обнаружила её со своим сыном на руках.

«Гришка плакал, — сказала она немного смущённо. — А ты и так почти всю ночь не спала... Я его укачала. Ничего?»

«Ничего», — ответила я, и Настя сразу же расцвела.

Я знаю: чувство вины будет преследовать её всю жизнь. Так всегда бывает с хорошими людьми, что бы они о себе не думали.

Так Игорь мучается из-за Андрея, так я виню себя за то, как относилась к матери в последние месяцы её жизни. И так же будет с Настей.

Мы оставили наши лабиринты позади, но всегда будем помнить о них.

Зачем?

Чтобы больше не заблудиться.